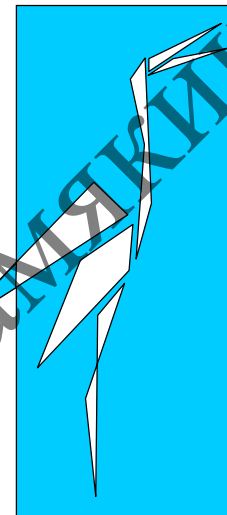

Індэкс: для індыўідуальных падпісчыкаў – 00829
для арганізацый – 008292

ВЕСНІК

Мазырскага
дзяржаўнага
педагагічнага
універсітэта
імя І. П. Шамякіна

65
лет

2009 **1**⁽²²⁾

ISBN 978-985-477-253-0

9 789854 772530

МГПУ ім. І.П.Шамякіна

Галоўны рэдактар
д. біял. н. В. В. Валетаў

Рэдакцыйная калегія:
намеснік галоўнага рэдактара, к. пед. н. І. М. Кралевіч,
адказны сакратар, к. ф.-м. н. Э. Я. Грачаннікаў,
д. пед. н. В. І. Анісімаў, д. экан. н. А. В. Бондар, д. ф.-м. н. В. І. Громак,
д. філал. н. У. І. Коваль, д. т. н. Д. Р. Лін, д. экан. н. С. У. Лукін, д. гіст. н. В. М. Ляўко,
д. ф.-м. н. Ю. У. Малінкоўскі, д. біял. н. В. І. Парфёнаў, д. псіхал. н. Л. А. Пергаменшчык,
д. пед. н. В. Ф. Русецкі, д. псіхал. н. Т. М. Савельева, д. т. н. У. С. Савенка,
д. ф.-м. н. В. Р. Собаль, д. т. н. В. В. Смірноў, д. т. н. В. Я. Старжынскі,
д. гіст. н. В. А. Фядосік, д. біял. н. Л. С. Цвірко, д. ф.-м. н. В. В. Шапялёвіч,
д. ф.-м. н. В. Р. Шапялёвіч, д. філал. н. В. В. Шур, д. ф.-м. н. Г. У. Кулак

Заснавальнік
Установа адукацыі
«Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна»

Зарэгістраваны ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь,
пасведчанне № 1508 ад 25.05.2007 г.

Адрас рэдакцыі:
247760 Рэспубліка Беларусь,
Гомельская вобласць, г. Мазыр,
вул. Студэнцкая, 28.
Тэл.: +375 (2351) 2-46-29

Падпісана ў друк 03.03.2009. Фармат 60x90 1/8. Папера Херох.
Гарнітура Times New Roman Суг. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 21.
Тыраж 120 экз. Заказ № 35.

Карэктары: А. У. Сузько, Т. М. Ліпская, М. А. Карлава, Л. М. Бажэнка, В. А. Дубадзел,
Т. М. Панамарэнка, Т. У. Баскава, Н. Г. Навіцкая, Ю. П. Душко
Камп'ютэрная вёрстка А. Л. Шчака
Тэхнічны рэдактар А. В. Ліс

Надрукавана на тэхніцы рэдакцыйна-выдавецкага аддзела
Установы адукацыі
«Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна»
ЛІВ № 02330/0131885 ад 4 снежня 2006 г.
247760, г. Мазыр, Гомельская вобл., вул. Студэнцкая, 28, к. 114
Тэл.: +375(2351) 2-46-29

Меркаванні, выказаныя аўтарамі,
могуць не супадаць з пунктам погляду рэдакцыі

ВЕСНІК

Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта
імя І. П. Шамякіна

Навуковы часопіс
Выдаецца 4 разы на год

№ 1(22)

2009

З М Е С Т

Валетов В. В. Постоянное развитие – основа успеха (к 65-летию Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина) 3

БІЯЛОГІЯ

Валетов В. В., Третьяков Д. И., Бахарев В. А., Лебедев Н. А. Реализация УО МГПУ им. И. П. Шамякина Национальной стратегии и плана действий по сохранению и устойчивому использованию биологического разнообразия в Республике Беларусь 9

Гуменный В. С., Бахарев В. А. Фенология и особенности размножения амфибий урбанизированного ландшафта города Гродно 15

Луцолова Т. А. Иммуногенетические маркеры в селекции сельскохозяйственных животных 26

Тюлькова Е. Г. Индикационная роль водных объектов в оценке уровня загрязнения среды их обитания 31

ГІСТОРЫЯ

Барсук А. Я. Да пытання аб старажытнай спадчыне Мазыра 37

Бирюков А. В. Этапы развития «римского мифа» 43

Калачова І. І. Сям’я беларусаў у горадзе: тэндэнцыі этнакультурнага развіцця на сучасным этапе 48

Кахновіч В. А. Асаблівасці памешчыцкага землеўладання і гаспадарання на Палессі ў парэформенны перыяд Расійскай імперыі (1861–1914 гг.) 53

Козленко А. В. Римский патронат и испанское гостеприимство по данным эпиграфических источников I в. до н. э. – I в. н. э. 58

Лавринович Д. С. Участие конституционно-демократической партии в выборах Учредительного собрания в Беларуси (октябрь – ноябрь 1917 г.) 64

Савченко Н. М. Административная реформа в Италии в первой половине 90-х гг. XX в. 72

ФІЛАЛОГІЯ	
<i>Архіпова Е. В.</i> Речевої акт согласія/несогласія и средства его выражения в англійском языкe	77
<i>Зеленуго Д. В.</i> Лингвокультурологический статус темпоральных номинаций (на материале прозы В. Распутина)	82
<i>Подберезская Ю. А.</i> Концепт <i>белый</i> в языковой картине мира О. Ипатовой	86
<i>Пузан Л. В.</i> Особенности корреляции глаголов изъяснительной семантики и однокорневых имен существительных (на материале немецкого языка)	92
<i>Соболевская Н. Л.</i> Семантика речевых актов Василя и Ганны (по роману И. Мележа «Люди на болоте»)	96
<i>Шур В. В.</i> Онiмы як алюзiйны кампанент мастацкага тэксту	100

ПЕДАГОГІКА І ПСИХОЛОГІЯ	
<i>Авилкина Ж. Н.</i> К вопросу о когнитивном подходе в обучении иностранным языкам	108
<i>Анисимов В. И.</i> Взаимодополнительность науки и искусства в содержании высшего педагогического образования	114
<i>Дедковская Е. Г.</i> Авторская песня в музыкально-эстетическом воспитании учащихся	120
<i>Дронь М. И.</i> Концептуальные основы функционирования и развития образовательных систем в условиях перехода к информационному обществу	125
<i>Калач Л. А.</i> Представление о природе ребенка как элемент психологической культуры студента – будущего педагога	129
<i>Рева В. П.</i> Нелинейный диалог как принцип взаимодействия человека с музыкальным искусством	134
<i>Чечко Т. Н.</i> Синтез искусств в формировании ключевых академических компетенций студента-филолога	140
<i>Шорец В. В.</i> Формирование исследовательской культуры педагогов учреждений образования	145

ПАЛІТАЛОГІЯ	
<i>Трегуб В. А.</i> Политические ценности в политической системе постсоветской России	150

ТЭХНІЧНЫЯ НАВУКІ	
<i>Савенко В. С.</i> Электропластичность двойникующихся металлов	154

БІБЛІЯГРАФІЯ	159
---------------------------	-----

РЭЦЭНЗІЯ	161
-----------------------	-----

ХРОНІКА	164
----------------------	-----

АЎТАРЫ НУМАРА	165
----------------------------	-----

В. В. Валетов

ПОСТОЯННОЕ РАЗВИТИЕ – ОСНОВА УСПЕХА
(к 65-летию Мозырского государственного педагогического университета
имени И. П. Шамякина)

2009 год является знаменательным для Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина. Нашему учебному заведению исполняется 65 лет. К этому времени университет стал крупным образовательным, научным и культурным центром Белорусского Полесья.

В статье кратко охарактеризованы основные этапы развития и современное состояние учебного, научного и воспитательного процессов в Мозырском государственном педагогическом университете.

История Мозырского государственного педагогического университета является продолжением истории Рогачевского учительского института.

Институт был образован 23 февраля 1944 года Постановлением Совета Народных Комиссаров БССР № 50 «О возобновлении работы Рогачевского учительского института в г. Мозыре». Решение о создании учительского института в Мозыре во время войны свидетельствовало о той значительной роли, которую он призван был сыграть в решении стратегически важных образовательно-воспитательных задач в республике. Мозырский учительский институт начал свою работу 15 марта 1944 года. В его состав входили три отделения: языка и литературы, физико-математическое и историко-географическое, на которые было принято 210 человек. В структуру института входило 7 кафедр, где работали 27 преподавателей.

Большую работу по развитию института и обеспечению его успешного функционирования провели первые руководители: М. Ф. Жаврид (март–июнь 1944 г.), А. С. Никитин (август 1944 г. – сентябрь 1945 г.), А. Г. Карафан (сентябрь 1945 г. – август 1950 г.).

Первый выпуск специалистов состоялся в 1946 году. В школы Полесья были направлены 190 учителей истории, языка и литературы, физики и математики, природоведения и географии.

В 1952 году Постановлением Совета Министров № 999 от 22 июля 1952 года Мозырский учительский институт был реорганизован в Мозырский педагогический институт. Его директором, а с 1961 г. ректором стал Андрей Петрович Эльман. Он возглавлял институт 16 лет, в течение которых были заложены многие хорошие традиции вуза.

8 июля 1964 г. Решением Совета Министров БССР Мозырскому государственному педагогическому институту было присвоено имя Н. К. Крупской.

За время существования института его отделения и факультеты претерпели значительные изменения. Их открытие и реорганизация проходили с учетом потребностей региона в педагогических кадрах.

Большой вклад в развитие вуза внесли его последующие руководители: Шкурко Валентин Николаевич (октябрь 1968 г. – август 1974 г.), Дмитриев Михаил Афанасьевич (август 1974 г. – май 1983 г.), Дударенко Владимир Александрович (май 1983 г. – ноябрь 1997 г.).

Начиная с 1997 года, в соответствии с реформированием образовательной системы Республики Беларусь в вузе активно совершенствуется система подготовки педагогических кадров. В результате длительной сложной работы всего коллектива в ноябре 2001 года институт успешно прошел аттестацию и аккредитацию на статус университета и приказом Министерства образования Республики Беларусь от 19.04.2002 г. Учреждение образования «МГПИ им. Н. К. Крупской» было преобразовано в Учреждение образования «Мозырский государственный педагогический университет». В 2006 году по итогам очередной аттестации вуз подтвердил свой высокий статус соответствия учебным заведениям университетского типа. Указом Президента Республики Беларусь № 500 от 4 августа 2006 г. года университету было присвоено имя великого литературного и общественно-политического деятеля Беларуси Ивана Петровича Шамякина.

Динамика развития вуза свидетельствует о существенном повышении профессионального уровня профессорско-преподавательского состава, совершенствовании и развитии инфраструктуры, качественном изменении учебно-воспитательного и научного процессов.

В настоящее время подготовку высококвалифицированных специалистов, а также довузовскую подготовку выпускников школ и средних учебных заведений и переподготовку специалистов с высшим образованием осуществляют 10 факультетов, в состав которых входят 32 кафедры. В университете готовятся специалисты по 16 специальностям, 17 дополнительным специальностям, 7 направлениям и 3 специализациям. Специалистов высшей научной квалификации по 6 специальностям готовит аспирантура университета. В этом году в вузе работают 18 докторов наук, 127 кандидатов наук. Ученое звание профессора имеют 15 сотрудников, доцента – 115. Численность студентов на дневной и заочной формах обучения достигает 8 000 человек. Университет располагает соответствующей материальной базой: 4 учебных корпуса, 3 общежития, санаторий-профилакторий, 2 столовые, 4 буфета, 11 компьютерных классов, 5 лингафонных кабинетов, 3 спортивных зала. За последние годы создан научно-исследовательский институт региональных проблем реабилитологии и народной культуры, открыты информационно-вычислительный центр и центр русистики, сформированы 2 факультета.

Результаты распределения свидетельствуют как о востребованности молодых специалистов учреждениями образования, предприятиями и организациями региона, так и о высоком уровне их подготовки. В частности, в 2008 году при плане распределения МО РБ 434 человек распределение на работу получили 532 выпускника, обучавшихся за счет средств бюджета.

Развитие всех направлений деятельности университета осуществляется в соответствии с Программой развития на 2006–2010 годы, утвержденной Советом университета. В соответствии с ней приоритетными направлениями в совершенствовании функционирования вуза являются:

- Оптимизация структуры и объемов подготовки специалистов, что подразумевает максимальное соответствие потребностям отраслей социально-экономической сферы региона и республики.

- Совершенствование содержания и повышение качества образования в соответствии с требованиями новых образовательных стандартов, интеграции уровней образования и обеспечения непрерывной подготовки специалистов, комплексного методического обеспечения образовательного процесса, развития научно-инновационной деятельности и внедрения результатов практикоориентированных исследований в учебно-воспитательный процесс.

- Организация воспитательного процесса на основе создания целостной воспитывающей среды как обязательного компонента педагогического процесса, методическое обеспечение деятельности участников воспитательного процесса вуза, социально-психологическая и педагогическая поддержка студентов в их личностном и профессиональном становлении.

- Развитие материально-технической базы и информатизация университета, без чего сейчас невозможно осуществлять подготовку специалистов, отвечающих требованиям времени. Пути решения данной проблемы – это приведение инфраструктуры вуза в соответствие с требованиями нормативно-трудового законодательства в области охраны труда, экологии, активное внедрение информационно-коммуникационных технологий в процесс обучения, в деятельность структурных подразделений и учреждения в целом.

- Нарращивание кадрового потенциала и улучшение качественного состава преподавателей в соответствии со стратегией развития университета, обеспечение подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации через аспирантуру университета, аспирантуры и докторантуры других вузов, создание условий для закрепления в университете высококвалифицированных кадров.

- Социально-экономическая поддержка сотрудников, студентов, учащихся путем выполнения государственных минимальных стандартов, развитие системы социально-экономической защищенности и социальной поддержки сотрудников и студентов, создание гибкой системы морального и материального стимулирования сотрудников, студентов.

• Развитие международного сотрудничества с целью вхождения в международное образовательное пространство и выхода на международный рынок образовательных услуг, развитие сотрудничества с учебными заведениями, совершенствование образовательного процесса и повышение качества подготовки на основе творческого использования международного опыта.

Подводя итоги работы университета в рамках указанных направлений, можно констатировать, что к сегодняшней дате достигнут значительный прогресс:

• постоянно обновляется содержание учебного материала на базе новейших научных и методических разработок, в массовом порядке ведется разработка электронных учебников и учебных материалов, издание авторских курсов лекций;

• укрепляется кадровый потенциал университета, ведется активная подготовка специалистов высшей научной квалификации;

• внедрены в учебный процесс современные образовательные технологии: модульное обучение, дистанционное обучение, рейтинговая система оценки знаний и др.;

• расширен спектр специальностей и специализаций;

• усовершенствована материально-техническая база факультетов и кафедр;

• установлены и успешно реализуются связи вуза с ведущими учебными, научными и культурными центрами ближнего и дальнего зарубежья (Россия, Украина, Молдова, Литва, Польша, Болгария, Румыния, Германия, США, Италия и др.), в результате чего преподаватели, аспиранты и студенты вуза получили дополнительные возможности повышения научной квалификации, обмена новейшей информацией научного и образовательного характера и т. д.

Университет является крупным образовательным, научным и культурным центром региона, и его коллектив выполняет важнейшую задачу ориентации вузовской науки на решение актуальных проблем социально-экономического развития региона и республики.

В центре внимания ученых университета находятся проблемы экологической и психолого-педагогической реабилитации в постчернобыльских условиях, разработки и исследования в области техники, оптики, физики конденсированного состояния, математики, филологии, истории и культуры. Сформировались и успешно развиваются научно-педагогические школы:

• биологического разнообразия и проблем экологии (научный руководитель – д-р биол. наук, проф. В. В. Валетов);

• когерентной оптики и голографии (научный руководитель – д-р физ.-мат. наук, проф. В. В. Шепелевич);

• физики прочности и пластичности (научный руководитель – д-р техн. наук, проф. В. С. Савенко);

• проблем лингвистического и лингвометодического исследования текста (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент О. И. Ревуцкий);

• проблем белорусской ономастики и топонимики (научный руководитель – д-р филол. наук, проф. В. В. Шур);

• этнопедагогике Беларуси (научный руководитель – к. п. н., доцент В. С. Болбас).

Активно ведутся исследования в области ресурсосберегающих технологий, результаты которых внедряются на ведущих предприятиях Гомельской области и г. Мозыря. В университете выполняется 8 заданий, включенных в 5 Государственных программ научных исследований на 2006–2010 гг. («Белорусский язык и литература», «Фотоника», «Кристаллические и молекулярные структуры», «Высокоэнергетические технологии», «Ресурсы растительного и животного мира»). Студенты и магистранты вуза ежегодно выполняют гранты Министерства образования РБ, участвуют в Республиканском конкурсе студенческих научных работ, по итогам которого не менее 70% представленных работ награждаются дипломами различных категорий. В 2007 году наши студенты достойно представляли вуз в полуфинале мирового первенства по программированию. За 2008 год успешно выполнено 10 отдельных научно-исследовательских проектов и 5 хозяйственных договоров. Ежегодно возрастают объемы финансирования научных исследований.

Особое внимание администрация вуза уделяет обновлению материально-технической базы научных исследований. Только за 2008 год на оснащение научно-исследовательских лабораторий израсходовано более 250 млн. руб. (за 2007 г. – более 140 млн. руб.), что позволило обеспечить ученых вуза уникальными высокоточными измерительными комплексами (рисунок 1).

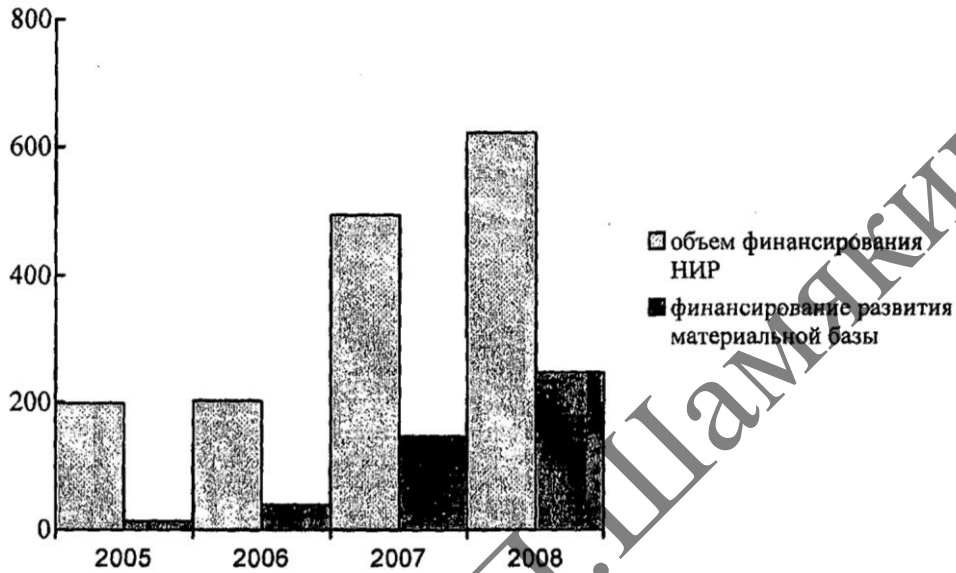

Рисунок 1 – Финансирование НИР

Результативность научно-исследовательской работы подтверждается подготовкой кадров высшей научной квалификации. За последние 3 года работниками университета защищено 9 кандидатских диссертаций. Кроме того, 25 сотрудникам присвоены ученые звания доцентов и профессоров (рисунок 2).

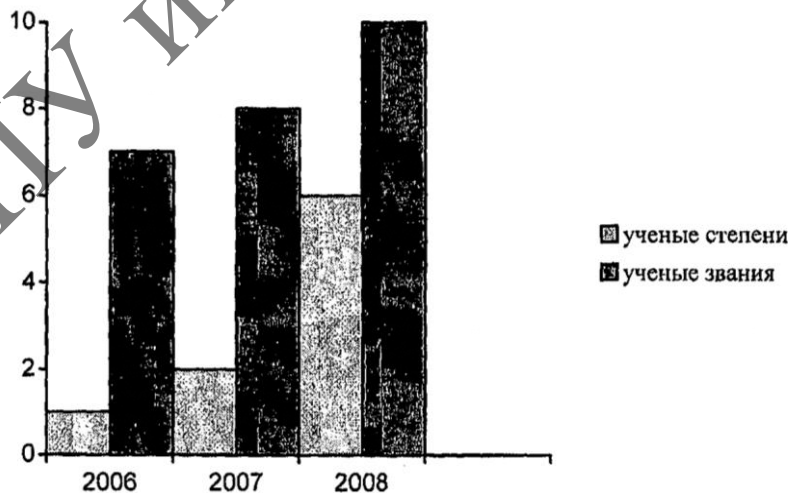

Рисунок 2 – Динамика подготовки специалистов высшей квалификации в УО МГПУ имени И. П. Шамякина

Ежегодно в университете проводится 5–8 научных мероприятий, большинство из которых имеют международный уровень. За период 2005–2008 гг. на базе вуза организовано 24 научно-практические конференции (из них 17 международных), в которых приняло участие более 2000 ученых из Республики Беларусь, ближнего и дальнего зарубежья.

В течение последних 2-х лет учреждение образования «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина» выполняло роль головной организации по выполнению НИР в рамках совместного регионального конкурса проектов «Полесье–2007», организованного Мозырским районным исполнительным комитетом, Министерством образования Республики Беларусь и Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований.

Ежегодно по результатам научно-исследовательских работ сотрудниками и студентами университета публикуется более 1000 научных и научно-методических работ, среди которых монографии, учебники и учебные пособия с грифом Министерства образования Республики Беларусь, статьи в рецензируемых журналах, статьи в сборниках научных трудов и материалах конференций (рисунок 3).

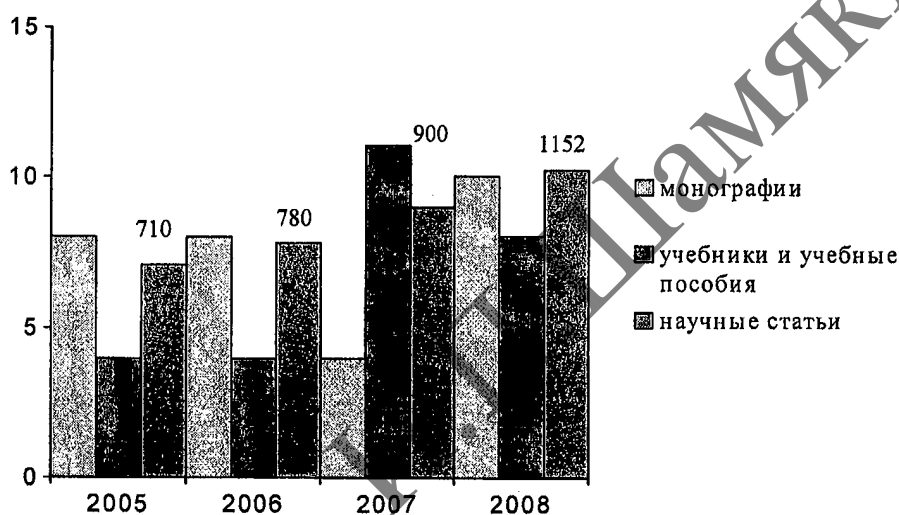

Рисунок 3 – Количество научных публикаций, подготовленных сотрудниками университета

В решении задачи качественного информационного обеспечения научного и учебно-воспитательного процессов в условиях современного информационно-образовательного пространства ключевую роль играет библиотека университета. В университете ведется целенаправленная работа, направленная на пополнение книжного фонда библиотеки, который в настоящее время превышает 400 тысяч экземпляров. Вузом осуществляется подписка на 342 комплекта периодических изданий. Внедрена автоматизированная библиотечная информационная система «Liber Media», создается электронный каталог имеющейся литературы.

Приоритетной в университете является работа по формированию гражданских и патриотических качеств личности, политической культуры студенческой молодежи. Работа с подрастающим поколением ведется в соответствии с такими Программами университета по реализации молодежной политики, как «Талантливая молодежь», «Здоровый образ жизни», «Социально-психологическая адаптация студентов», «Молодая семья», «Профилактика правонарушений», «Социально-педагогическая защита студенческой молодежи».

УО МГПУ им. И. П. Шамякина является постоянным инициатором важных общественно значимых мероприятий данной направленности, проводимых с местными органами власти и общественными организациями. В организации работы в указанном направлении первостепенную роль играют студенческие общественные объединения: профсоюзная организация, Белорусский республиканский союз молодежи.

100% студентов нашего вуза являются членами профсоюзной организации. За 2005–2008 гг. почти в 2 раза возросло участие студенческой молодежи в ОО БРСМ, к настоящему времени ряды которого насчитывают более 1100 человек. Его представители принимают самое активное участие в решении основных задач вуза.

Условиям учебы и проживания студентов уделяется самое пристальное внимание. В общежитиях университета имеются надлежащие условия, соответствующие государственным социальным стандартам. Функционирует санаторий-профилакторий, в котором оздоравливается около 1000 студентов в год. Кроме этого, студенты университета ежегодно проходят оздоровление в санаториях республики.

Университет гордится своими спортивными достижениями. В XXIX Олимпийских играх в Пекине принимало участие 7 студентов нашего вуза. Завоеваны 2 золотые и 1 бронзовая медали. На факультетах и при студенческом и спортивном клубах университета функционируют 30 групп повышения спортивного мастерства и секций по 18 видам спорта.

Несмотря на достигнутые успехи, коллектив университета четко осознает, что впереди множество нерешенных и новых задач, важнейшими из которых являются дальнейшее совершенствование и развитие организационной и материально-технической структур университета; открытие новых специальностей, востребованных в современных социально-экономических условиях развития региона и республики в целом; расширение системы непрерывного образования; концентрация научных исследований на разработке и внедрении инновационных педагогических технологий, на решении психолого-педагогических и экологических проблем преодоления последствий аварии на ЧАЭС.

Особая ответственность ложится на коллектив педагогического университета в связи с тем, что здесь готовят не просто специалистов, а педагогов, призванных формировать интеллектуальный и духовно-нравственный облик, гражданскую позицию будущих специалистов. Специфика нашего вуза дополняется еще и тем, что он расположен в центре Мозырско-Припятского Полесья, с одной стороны, одного из уникальных в культурном, этнографическом, географическом и экологическом отношении регионов нашей республики, с другой – на территории, пострадавшей в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС. Именно здесь выполняет свой профессиональный долг большинство наших выпускников последних двух десятилетий, отсюда и значительная часть наших студентов. Этим в значительной степени определяются задачи, на решение которых нацелен коллектив вуза на данном этапе его развития.

Подводя итоги, следует отметить высокий творческий потенциал коллектива нашего вуза, его гражданскую и политическую зрелость, готовность более активно двигаться по пути решения задач социально-экономического, образовательного, научного и культурного развития Полесья и достойно представлять этот уникальный уголок Беларуси.

Summary

The article is devoted to the description of the main stages of the development and modern state at Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin.

БІАЛОГІЯ

УДК 551.48(476)

*В. В. Валетов, Д. И. Третьяков, В. А. Бахарев, Н. А. Лебедев***РЕАЛИЗАЦИЯ УО МГПУ им. И. П. ШАМЯКИНА НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ И ПЛАНА ДЕЙСТВИЙ ПО СОХРАНЕНИЮ И УСТОЙЧИВОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ БИОЛОГИЧЕСКОГО РАЗНООБРАЗИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

Приведены результаты комплексных исследований ученых биологического факультета УО МГПУ им. И. П. Шамякина по реализации Национальной стратегии и плана действий по сохранению и устойчивому использованию биологического разнообразия в Республике Беларусь.

Введение

В современных условиях одной из ключевых проблем планетарного масштаба, обусловленной хозяйственной деятельностью человека, является проблема изучения и охраны биологического разнообразия [1]. Для ее эффективного решения в Беларуси разработана Национальная стратегия и план действий по сохранению и устойчивому использованию биологического разнообразия, в которой определяются приоритетные направления практических действий как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективах. Огромную роль в реализации данного документа, наряду с учреждениями НАН Беларуси, ведомственными научно-исследовательскими организациями, играют региональные университеты, в которых сосредоточен значительный интеллектуальный потенциал.

Ученые биологического факультета УО МГПУ им. И. П. Шамякина активно включились в реализацию двух основных направлений:

1) исследования прикладной науки в области сохранения и устойчивого использования биоразнообразия;

2) работа по развитию системы особо охраняемых территорий, разработка мероприятий по сохранению редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных и растений.

Первое направление предусматривает решение следующих задач:

1) исследование состояния и закономерностей динамики биоразнообразия в разных ландшафтных зонах Беларуси для обеспечения возможности прогнозирования, выявления и своевременного предупреждения негативных тенденций;

2) изучение структурно-функциональных связей естественных и трансформированных биогеоценозов, закономерностей популяционных взаимодействий с целью разработки оптимальных режимов и объемов охраны и использования ресурсов животного и растительного мира;

3) организация и проведение республиканских и региональных научных и научно-практических конференций по проблемам сохранения и устойчивого использования биоразнообразия.

Второе направление также содержит ряд задач:

1) реализация «Схемы рационального размещения особо охраняемых природных территорий Республики Беларусь» и ее оптимизация в соответствии с задачами создания Европейской экологической сети;

2) инвентаризация биологического разнообразия на особо охраняемых природных территориях, оценка их эффективности для сохранения генофонда биоты.

Практическая реализация данных направлений в университете осуществляется в рамках темы биологического факультета «Биолого-экологические исследования естественных и урбанизированных экосистем юго-восточной части Белорусского Полесья» (2006–2010 гг.), в выполнении которой участвуют все преподаватели факультета. Однако наиболее серьезных результатов удалось добиться в сотрудничестве с учеными из НАН Беларуси, при выполнении НИР «Оптимизация и рациональное использование особо охраняемых природных территорий Мозырско-Припятского Полесья» и «Оценка состояния биологического разнообразия особо охраняемых природных территорий восточного Полесья с целью его устойчивого использования и сохранения».

Результаты исследования и их обсуждение

В рамках данных тем были проведены комплексные исследования природных экосистем различных типов охраняемых объектов (ГПУ Национальный парк «Припятский», заказники «Мозырские овраги», «Букчанский», «Стрельский», «Алес»).

В результате проведенных исследований установлено, что наиболее полно ландшафтное разнообразие представлено в ГПУ Национальный парк «Припятский» [2], [3]. Заказник «Мозырские овраги» имеет уникальную форму рельефа, аналогов которому нет во всей республике. Заказник «Стрельский» является переходной формой ландшафта от оврагов к Полесской низине; заказник-клюквенник «Букчанский» представляет собой типичный ландшафт Белорусского Полесья. Сравнительный анализ флоры заказников выявил ряд специфических особенностей каждой обследованной территории.

1. В Национальном парке «Припятский» и в его ближайших окрестностях насчитывается 834 вида высших растений. Здесь произрастают следующие виды растений I категории охраны: хвощ большой – *Equisetum telmateja Ehrh.*; волчегодник боровой – *Daphne cneorum L.*; каулиния малая – *Caulinia minor (All.) Coss. Et Werm.*; молочай мохнатый – *Euphorbia villosa Waldst. et Kit. Ex Willd.* Из растений 2 группы охраны отмечены: линдерния лежачая – *Lindernia procumbens (Krock) Borb.*; осока войлочная – *Carex tomentosa L.*; хамарбия болотная – *Hammarbya paludosa (L.) O. Kuntze.*; касатик безлистный – *Iris aphylla L.*; ятрышник клопоносный – *Oorchis coriophora L.*; гвоздика армериевидная – *Dianthus armeria L.*; рододендрон желтый – *Rhododendron luteum Sweet.*; повойничек водноперечный – *Elatine hidropiper L.*; риччия желобчатая – *Riccia canaliculata Hoffm.*

2. Территория Мозырских оврагов ценна характерными особенностями растительного покрова, наличием в его составе ряда редких, исчезающих и хозяйственно ценных видов растений различного происхождения [4], [5]. Леса представлены шестью основными формациями: сосновой, березовой, дубовой, черноольховой, грабовой и кленовой. Смена лесных формаций и видового состава флоры происходит постепенно в зависимости от изменения почвенного покрова, а также увлажнения, экспозиции склонов и т. д. Наиболее богаты видами дубравы снытевые, грабник кисличный. Здесь присутствуют такие степные виды, как смолевка поникшая, клевер горный, виды неморально-борового комплекса – астрагал солодколистный, ластовень лекарственный, лапчатка белая, горошек кашубский и другие. Наиболее интересный и редкий вид в таких сообществах – ветреница лесная, включенная как реликтовый и декоративный раритет в Красную книгу Беларуси. Фрагменты широколиственных лесов и кустарниковых зарослей представлены дубом, грабом, березой повислой, ильмом и осинкой с подлеском из рябины, лещины, боярышника, шиповника, клена, липы, свидины. Видовой состав таких насаждений относительно богат – свыше 50 видов. Такое богатство флоры представляет несомненный интерес и является хорошей основой для организации и проведения экскурсий. В монографии «Состояние и тенденции развития природных экосистем государственного ландшафтного заказника «Мозырские овраги» [4] приведена разработка весенней экскурсии «Ранневесенние эфемероиды г. Мозыря».

3. Территория заказника «Стрельский» представлена формационно-типологической структурой лесов, характерной для Полесско-Приднепровского геоботанического округа [6]. Вместе с тем она имеет ряд уникальных, характерных только для рассматриваемой территории признаков, связанных, прежде всего, с дубравно-сосновым комплексом лесов Мозырской гряды. По форме доминируют одноярусные леса, но иногда в дубравах встречается второй ярус. Средний возраст лесов несколько выше, чем в среднем по Беларуси (55 лет против 45 лет).

4. Совершенно уникальна флора заказника-клюквенника «Букчанский», где были отмечены сапрофиты (петров крест чешуйчатый), эфемероиды (ветреница дубравная и лютиковая, хохлатка полая, гусиный лук и др.). Найдены 5 видов, занесенных в Красную книгу Республики Беларусь [7]: венерин башмачок настоящий, водяной орех плавающий, зубянка клубненосная, касатик сибирский, рододендрон желтый. Обнаруженная популяция рододендрона желтого насчитывает свыше полусотни экземпляров различного возраста. Не менее интересна находка ивы черничной, локалитеты которой в Гомельской области известны лишь в Калинковичском и Мозырском районах. Кроме этой группы растений на изучаемой территории был отмечен ряд видов растений и грибов, нуждающихся в профилактической охране. Территория заказника-клюквенника «Букчанский» также богата лекарственными растениями, среди которых большими запасами обладают тмин песчаный, багульник, крушина ломкая, вахта трехлистная, сабельник, зверобой, тысячелистник. Данный район характеризуется богатством диких ягодных культур, особенно значительными промышленными запасами выделяются клюква болотная и черника.

Унікален жывотны мир особо охраняемых природных территорий. В заказнике «Мозырские овраги» фауна представлена 18 видами млекопитающих, 39 видами птиц, 3 видами рептилий, 9 видами амфибий. Заказник «Стрельский», не имеющий крупных населенных пунктов, значительно богаче в видовом отношении: млекопитающих – 49 видов, птиц – 65 видов, пресмыкающихся – 5 видов, земноводных – 8 видов. На различия в составе животного мира, кроме степени урбанизации территории исследованных заказников, существенное влияние оказывают экологические условия. Так, в заказнике «Стрельский» доминирующими видами амфибий были зеленая и серая жабы – типичные виды для песчаных почв; в заказнике «Мозырские овраги» отмечены жерлянки, квакши, комплекс зеленых лягушек, более требовательных к влажности. Сходная картина отмечается по летним птицам, когда наличие животноводческих ферм привлекает специфические виды птиц (врановые, ласточки и др.).

Терриофауна заказника-клюквенника «Букчанский» характеризуется большим разнообразием наземных групп животных. Здесь зарегистрировано обитание 20 видов млекопитающих, что составляет около 25% от общего их состава на Беларуси (в исследованиях не охвачены семейства Землеройковые, Хомяковые, за исключением ондатры, Мышиные, отряд Рукокрылые, на долю которых приходится около 55% видового состава териофауны страны). Из хозяйственно ценных животных наиболее часто встречаются косуля и бобр, который заселил здесь практически все пригодные места обитания. Среди хищников наиболее распространена лисица обыкновенная. Из редких и исчезающих видов отмечены соя-полчек, орешниковая соя. Река Ствига и ее притоки являются последним местообитанием на Полесье европейской норки – вида, который в настоящее время в естественной среде многих европейских стран уже не встречается. В составе орнитофауны зарегистрировано обитание 8 видов, занесенных в Красную книгу Республики Беларусь: болотная сова, полевой лушь, черный аист, змеяд, обыкновенная пустельга, коростель, серый журавль. В южных кварталах Дзержинского лесничества многократно встречался большой подорлик. Единично были отмечены беркут и орлан-белохвост. Из ценных птиц здесь обитают кряква, рябчик, тетерев, изредка встречается глухарь. Из герпетокомплекса присутствуют все 7 видов пресмыкающихся Беларуси, в том числе виды, занесенные в Красную книгу Беларуси (болотная черепаха, медянка). Выявленная популяция болотной черепахи – одна из крупнейших. Из батрахокомплекса отмечены 10 видов, причем наибольший интерес представляет квакша, обитающая в республике лишь на Полесье.

В Национальном парке «Припятский» выявлено 3306 видов животных семи типов: кишечнополостные, плоские черви, круглые черви, кольчатые черви, членистоногие, моллюски и щупальцевые. Наиболее многочисленные из них: тип членистоногие, состоящий из 35 отрядов, предположительно 241 семейства, 3017 видов; тип круглые черви, состоящий из 4 отрядов, 24 семейств, 129 видов; тип кольчатые черви, состоящий из 3 отрядов, 7 семейств, 77 видов. На территории ГПУ «Припятский» обитает 36 видов насекомых, занесенных в Красную книгу Республики Беларусь, МСОП, Европейский Красный список и в списки Бернской конвенции. Из них 6 видов стрекоз, 2 вида клопов, 14 видов жуков, 10 видов бабочек, 4 вида перепончатокрылых. Из класса насекомые 1 вид относится к I категории охраны, 4 вида – к II, 23 вида – к III и 8 видов – к IV. Из позвоночных животных на территории парка обитает 37 костистых видов рыб или 92,5% от видового состава рыб бассейна Припяти; 11 видов земноводных (91,7% от видового состава амфибий Белорусского Полесья); 7 видов пресмыкающихся (100%); 246 видов птиц (96,1%), из них 142 вида гнездящихся (71,7%), 46 – оседлых, 44 встречаются только во время миграций, 14 – случайно залетных; 49 – млекопитающих (89,1%).

Таким образом, каждая из обследованных особо охраняемых природных территорий является специфической формой проявления многообразия биоты Полесья и каждая из них имеет ценность. Неповторимость проявления форм жизни на Полесье необходимо сохранить для потомков. Нелогично выделять более или менее ценные участки. Однако для сохранения некоторых из них необходимо принять специальные меры. Особого внимания здесь заслуживает заказник-клюквенник «Букчанский».

При изучении флоры заказника «Алес» в 2008 году выяснилось, что виды флоры адвентивной фракции в заказнике встречаются преимущественно в рудеральных и сегетальных сообществах в поселениях, по обочинам дорог, залежам, рудеральным местообитаниям. Сравнительно многочисленная группа агрофитов достаточно хорошо не только натурализовалась

в синантропных сообществах, но и внедрилась в естественные сообщества. Интродуцированные виды некоторых родов (*Lonicera*, *Platanus*, *Platycladus*, *Thuja*) представлены только в культуре без явной тенденции к расселению, это так называемые типичные колонофиты. Некоторые интродуцированные виды достаточно хорошо натурализовались в заказнике и расселяются самостоятельно: агриофит – *Vinca minor* (Aporaceae), эпекофит – *Bryonia alba*, агриофит – *Echinocystis lobata* (Cucurbitaceae), эпекофит – *Morus alba* (Moraceae) и др. Напротив, виды родов *Acorus*, *Agropyrum*, *Amaranthus*, *Atriplex*, *Avena*, *Bromus*, *Bunias*, *Cannabis*, *Coniza*, *Corispermum*, *Cyclachaena*, *Eragrostis*, *Galinsoga*, *Lepidotheca*, *Oenothera*, *Phalacrologa*, *Sambucus*, *Sisymbrium*, *Xanthium*, *Xanthoxalis* самостоятельно расселяются в синантропных и естественных сообществах.

Изучение фауны водных позвоночных животных руслу р. Припять в районе заказника выявило 13 видов рыб, относящихся к 4 семействам:

Класс Костные рыбы Osteichthyes

Отряд Карпообразные (Cypriniformes)

Семейство Карповые (Cyprinidae)

1. Белоглазка *Abramis sapa* (Pallas)
2. Жерех *Aspius aspius* (L.)
3. Карась серебряный *Carassius auratus gibelio* (Bloch)
4. Лещ *Abramis brama* (L.)
5. Плотва *Rutilus rutilus* (L.)
6. Подуст обыкновенный *Chondrostoma nasus* (L.) – занесен в Красную книгу Республики Беларусь [7]
7. Синец *Abramis ballerus* (L.)
8. Чехонь *Pelecus cultratus* (L.)
9. Язь *Leuciscus idus* (L.)

Отряд Окунеобразные (Perciformes)

Семейство Окуневые (Percidae)

10. Окунь речной *Perca fluviatilis* (L.)
11. Судак *Stizostedion lucioperca* (L.)

Отряд Сомообразные (Siluriformes)

Семейство Сомовые (Siluridae)

12. Сом европейский *Silurus glanis* (L.)

Отряд Лососеобразные (Salmoniformes)

Семейство Щуковые (Esocidae)

13. Щука *Esox lucius* (L.)

Наземные позвоночные заказника представлены 6 видами амфибий, 4 видами рептилий и 30 видами птиц:

Класс Земноводные Amphibia

Отряд Хвостатые земноводные Caudata

Семейство Саламандровые Salamandridae

14. Обыкновенный тритон *Lissotriton vulgaris* (L.)

Отряд Бесхвостые земноводные Anura

Семейство жерлянки Bombinatoridae

15. Краснобрюхая жерлянка *Bombina bombina* (L.)

Семейство Жабы Bufonidae

16. Обыкновенная жаба *Bufo bufo* (L.)

Семейство Квакши Hylidae

17. Квакша обыкновенная *Hyla arborea* (L.)

Семейство Лягушки Ranidae

18. Остромордая лягушка *Rana arvalis* (Nils.)
19. Съедобная лягушка *Rana esculenta* (L.)

Класс Рептилии Reptilia

Отряд Черепахи Testudines

Семейство Пресноводные черепахи Emydidae

20. Болотная черепаха *Emys orbicularis* (L.)

Отряд Чешуйчатые Squamata**Семейство Настоящие ящерицы Lacertidae**

21. Прыткая ящерица *Lacerta agilis* (L.)
22. Живородящая ящерица *Lacerta vivipara* (Jacq.)

Семейство Ужеобразные Colubridae

23. Обыкновенный уж *Natrix natrix* (L.)

Класс Птицы Aves**Отряд Аистообразные Ciconiiformes****Семейство Цаплевые Ardeidae**

24. Серая цапля *Ardea cinerea* (L.)

Семейство Аистообразные Ciconidae

25. Белый аист *Ciconia ciconia* (L.)

Отряд Пастушкообразные Ralliformes**Семейство Пастушковые Rallidae**

26. Коростель *Sorex sorex* (L.)

Отряд Ржанкообразные Charadriiformes**Семейство Ржанковые (Charadriidae)**

27. Веретенник большой *Limosa limosa* (L.)
28. Бекас обыкновенный *Gallinago gallinago* (L.)

Отряд Чайкообразные Lariformes**Семейство Чайковые (Laridae)**

29. Озерная чайка *Larus ridibundus* (L.)
30. Речная крачка *Sterna hirudo* (L.)

Отряд Курообразные Galiformes**Семейство Тетерева Lirurus**

31. Тетерев обыкновенный *Lirurus tetrix* (L.)

Отряд Дятлообразные Piciformes**Семейство Picidae**

32. Большой пестрый дятел *Dendrocopos major* (L.)
33. Вертишейка *Jynx torquilla* (L.)

Отряд Кукушкообразные Cuculiformes**Семейство Кукушковые Cuculiformes**

34. Кукушка обыкновенная *Cuculus canorus* (L.)

Отряд Воробьинообразные Passeriformes**Семейство Полевые жаворонки Alaudidae**

35. Полевой жаворонок *Alauda arvensis* (L.)

Семейство Ласточковые Hirundinidae

36. Ласточка городская *Delichon urbica* (L.)
37. Ласточка деревенская *Hirundo rustica* (L.)
38. Ласточка береговая *Riparia riparia* (L.)

Семейство Трясогузковые Motacillidae

39. Трясогузка белая *Motacilla alba* (L.)
40. Конек лесной *Anthus trivialis* (L.)

Семейство Вороновые Corvidae

41. Ворона серая *Corvus corone* (L.)
42. Сорока *Pica pica* (L.)

Семейство Синицевые Paridae

43. Синица большая *Parus major* (L.)

Семейство Дроздовые Turdidae

44. Черный дрозд *Turdus merula* (L.)
45. Соловей обыкновенный *Luscinia luscinia* (L.)

Семейство Славковые Sylviidae

46. Славка садовая *Sylvia borin* (Bodd.)
47. Славка серая *Sylvia communis* (Lath.)
48. Пеночка весничка *Phylloscopus trochilus* (L.)

Семейство Иволговые Oriolidae

49. Иволга обыкновенная Oriolus oriolus (L.)

Семейство Скворцовые Sturnidae

50. Скворец обыкновенный Sturnus vulgaris (L.)

Семейство Овсянковые Embirizidae

51. Овсянка обыкновенная Embiriza citrinella (L.)

Семейство Вьюрковые Fringilidae

52. Чечевица обыкновенная Carpodacus erythrinus (Pall.)

53. Зяблик Fringilla coelebs (L.)

54. Воробей полевой Passer montanus (L.)

Заключение

Результаты исследований позволили решить задачи первого направления деятельности: провести сравнение биоразнообразия ООПТ разных ландшафтных зон Беларуси для обеспечения прогнозирования, выявления и своевременного предупреждения негативных тенденций. Кроме этого, сравнение с трансформированными биогеоценозами позволит минимизировать негативные последствия хозяйственного воздействия на биоразнообразие Полесья. Для обсуждения решения последней задачи этого направления в сентябре 2007 года на базе биологического факультета университета была проведена III Международная научно-практическая конференция «Современные экологические проблемы устойчивого развития Полесского региона и сопредельных территорий: наука, образование, культура». На конференции были выработаны основные направления дальнейших комплексных исследований и пути их внедрения.

В ходе решения задач по второму направлению Национальной стратегии и плана действий по сохранению и устойчивому использованию биологического разнообразия Республики Беларусь предложены меры оптимизации границ заказника-кляквенника «Букчанский».

Таким образом учеными университета осуществляется разработка научных основ сохранения и устойчивого использования природных ресурсов на юго-востоке Белорусского Полесья.

Литература

1. Парфенов, В. И. Современные проблемы состояния биологического разнообразия животного и растительного мира Беларуси / В. И. Парфенов // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Сер. біялагічных навук. – 2007. – Спецвыпуск. – С. 53–57.
2. Матвеев, А. В. Рельеф Белоруссии / А. В. Матвеев, Б. Н. Гурский, Р. И. Левицкая. – Минск : Наука и техника, 1988. – 320 с.
3. Ландшафты Белоруссии / Г. И. Марцинкевич [и др.] ; под ред. Г. И. Марцинкевич, Н. К. Клишуновой. – Минск : Университетское, 1989. – 239 с.
4. Состояние и тенденции развития природных экосистем государственного ландшафтного заказника «Мозырские овраги» / В. В. Валетов [и др.] ; под общ. ред. В. И. Парфенова. – Мозырь : ООО ИД «Белый Ветер», 2008. – 177 с.
5. Третьяков, Д. И. Аборигенный и синантропный компоненты флоры заказника «Мозырские овраги» / Д. И. Третьяков // Европейское Полесье – хозяйственная значимость и экологические риски : материалы Междунар. семинара, Пинск, 19–21 июня 2007 г. / Нац. акад. наук Беларуси [и др.] ; редкол.: И. И. Лиштван [и др.]. – Минск, 2007. – С. 311–314.
6. Юркевич, И. Д. Растительность Белоруссии, ее картографирование, охрана и использование / И. Д. Юркевич, Д. С. Голод, В. С. Адериго. – Минск : Наука и техника, 1979. – 248 с.
7. Красная книга Республики Беларусь: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды дикорастущих растений / редкол.: Л. И. Хоружик (пред.) [и др.]. – 2-е изд. – Минск : БелЭн, 2006. – 456 с.
8. Красная книга Республики Беларусь: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды диких животных / редкол.: Г. П. Пашков (гл. ред.) [и др.]. – 2-е изд. – Минск : БелЭн, 2006. – 320 с.

Summary

The article represents the results of the complex research on realization of National strategy and plan of actions for preservation and steady employment of biological variety in the Republic of Belarus made by the scientists of the biological faculty at Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin.

Поступила в редакцию 30.12.08.

УДК 597.8:591.16

В. С. Гуменний, В. А. Бахарев

**ФЕНОЛОГИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАЗМНОЖЕНИЯ АМФИБИЙ
УРБАНИЗИРОВАННОГО ЛАНДШАФТА ГОРОДА ГРОДНО**

Рассматриваются проблемы репродукции амфибий в условиях крупного промышленного города. Подробно анализируется размножение фоновых видов – травяной лягушки и серой жабы. Вскрываются причины, негативно влияющие на воспроизводство популяции.

Введение

Роль амфибий в экосистемах естественных и антропогенных ландшафтов довольно весома. Являясь консументами II порядка, они регулируют численность представителей нижележащих звеньев трофических цепей, т. е. массовых видов фитофагов. В водных и околоводных биогеоценозах они занимают особое место: личинки, являясь фитофагами, при метаморфозе переносят биомассу из водных в наземные экосистемы [1], [2].

Как обитатели водных и наземных экосистем, они являются биоиндикаторами изменений их состояния. Реакции на это могут выражаться в изменении морфометрических показателей, окраски и рисунка кожи, структуры популяции, биотопического распределения, численности, фенологии [3], а также отражаться на ходе развития от икринки до выхода сеголеток.

Последние две характеристики очень важны тем, что в трансформированных ландшафтах, например городских, меняются микроклиматические особенности территории [4], что приводит к изменениям экологических условий существования видов. Это проявляется в сезонных характеристиках активности амфибий: выход из зимовки, длительность периода размножения, срок инкубации икры, продолжительность периода активности и т. д.

Крайне важно накопление информации об особенностях фенологии и размножения популяций амфибий в подобных ландшафтах, что способствует организации экологического мониторинга силами любителей природы и школьников.

Материал и методы. Исследования проводили на территории г. Гродно, крупного промышленного центра на западе Беларуси, в период с 1995 по 2006 год. Для сравнения с условно нетронутой территорией брались показатели, полученные в Беловежской пуще. Проводились фенологические наблюдения за популяциями всех видов амфибий, обитающих на данной территории.

В городе работа велась путем визуального наблюдения на семи стационарах, расположенных в северной части города – два, в восточной части – два и по одному в западной, южной и центральной частях города. Стационары проверялись один раз в семь дней весной и один раз в 10 дней – летом и осенью. Снимались следующие параметры: выход амфибий с зимовок (первая встреча на территории города); начало, конец и период икрометания, период инкубирования икры, сроки появления головастиков, время выхода сеголеток, последняя встреча амфибий перед зимовкой, продолжительность периода активности. Более подробно изучались особенности размножения фоновых видов: лягушки травяной (*Rana temporaria*, L., 1758), жабы обыкновенной (*Bufo bufo*, L., 1758).

Для выявления закономерностей сезонной активности амфибий снимались метеорологические показатели: температура воздуха, температура почвы, температура воды в водоемах размножения, облачность, сила и направление ветра, наличие или отсутствие осадков в день наблюдений.

Результаты исследования и их обсуждение

На территории г. Гродно начало весенней активности амфибий отмечается с марта. **Лягушка травяная** (*Rana temporaria*, L., 1758) первой появляется после зимовки. Это тесно связано с погодными условиями (таблица 1). Анализ таблицы показывает, что выход вида на территории города (урбанизированный ландшафт) зафиксирован в конце марта (с 25.03 по 31.03) при солнечной, ясной погоде, температура (t) воздуха колебалась от +14 до +15° С и t поверхности почвы (в лесу) – от +3 до +5° С. Как правило, эта температура устанавливается в третьей декаде марта.

Таблица 1 – Погодные условия и некоторые фенологические показатели биологии лягушки травяной на урбанизированной территории г. Гродно (t воздуха и t воды даны на 16.00).

Год Показатели	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Погодные условия	Ясно с середины марта	К 11.04 в городе весь снег растаял	Солнечно с середины марта	Солнечно с середины марта	Солнечная погода	Солнечная ясная погода	С начала марта наблюдается таяние снега	Ясно	Солнечно
t воздуха в момент выхода амфибий	+14,5° C	+14° C. 02.04 снег, t +5° C. 15.04 +13° C	+14° C	+14° C	+15° C	+15° C	+12° C; 10.03 похолодание до 25.03	+14,5° C, t воды +13° C	+14° C
Дата появления лягушек	31.03	11.04; второй ход 15.04	30.03	28.03	26.03	30.03	10.03 второй ход 25.03	25.03	28.03
Начало икрометания	02.04	12.04 (центр) 21.04 (север)	01.04	30.03	28.03	31.03	02.04	29.03	30.03
Конец икрометания	20.04	20.04 икра на 17 стадии * (центр).	20.04	09.04	16.04	17.04	08.04	16.04	13.04
Икрометание (сутки)	18	7 (север)	20	11	20	18	6	19	18
Появление личинок	27.04	–	22.04	20.04	22.04	–	23.04	23.04	–
Инкубирование (сутки)	25	–	22–25	22	25	–	21	25	–

Примечание – * стадии развития икры даны по П. В. Терентьеву [5].

Если же такие условия наступают раньше, то выход возможен и в начале марта. Самая ранняя встреча лягушки травяной на территории города отмечена 10.03.2001 года при характерном для этого вида температурном режиме. Но последовавшее за этим похолодание (11.03) с выпадением снега привело к тому, что амфибии снова прекратили активность. Только 25.03, по еще не стаявшему снегу начался повторный, но уже массовый выход лягушек.

Однако при февральских оттепелях активность амфибий не отмечена. Теплая, солнечная погода с t воздуха $+13^{\circ}\text{C}$ наблюдалась 05.02.2002 года, однако к выходу лягушки травяной это не привело. Только 25.03.2002 при t воздуха $+14,5^{\circ}\text{C}$ начался выход этого вида из зимовки. Можно предположить, что для весеннего выхода одинаково важную роль играют как температура воздуха, так и зависящая от нее температура почвы. Именно этот показатель, видимо, определяет момент выхода лягушек.

В феврале промерзшая почва не успела оттаять и выход амфибий не отмечался даже при оптимальной для них температуре воздуха.

При поздней весне оптимальная температура в марте не устанавливается, выход амфибий может задерживаться почти до середины апреля. В 1996 году наблюдалась поздняя весна: 01.04 еще лежал снег, который в городе к 11.04 почти весь растаял, воздух прогрелся до $+15^{\circ}\text{C}$, и именно в этот день мы зафиксировали первое появление лягушки травяной. Однако нестабильность погодных условий привела к тому, что уже 12.04 на улице снова лежал снег, а на лужах был лед. Выход прекратился, и только потепление 15.04 привело к началу массового выхода лягушек.

Таким образом, четко прослеживается зависимость интенсивности и массовости выхода от стабильности погодных условий. Если температура падает и погодные условия ухудшаются, то активность лягушки травяной прекращается и возобновляется только при восстановлении оптимальных условий. При этом можно говорить о втором ходе этого вида, который может происходить и через две недели после первого, причем температура снова устанавливается в диапазоне от $+12$ до 15°C .

Если сравнивать эти параметры города и пригорода, то, по данным О. В. Янчуревич за 2000 год [6], первые кладки икры (а таким образом и появление с зимовки травяной лягушки в пригороде) появились на несколько дней раньше, чем в городе (в пригороде – 28.03, а на западной окраине города – 30.03). По нашим наблюдениям, на северной окраине города в 2000 году первые травяные лягушки появились 30.03 и сразу же приступили к размножению (31.03 отметили первую кладку). Этот факт доказывает, что выход лягушки травяной в разных частях города происходит примерно в одни и те же сроки. В 2002 году наблюдали одинаковые сроки выхода этого вида на реке Неман в пределах города и в пригородной территории на рыбхозе у д. Коробчицы (5 км от города).

Таким образом, можно сделать предварительный вывод, что весенняя активность лягушки травяной начинается примерно в одни и те же сроки, в отдельные годы в пригороде она начинается на пару дней раньше. Последнее обстоятельство, по нашему мнению, объясняется тем, что, возможно, данный вид на зимовку уходит на пригородные территории и поэтому сначала отмечается там, а потом уже на территории города.

В г. Минске ($53^{\circ}51$ с. ш.), который находится примерно на той же широте, что и г. Гродно ($53^{\circ}40$ с. ш.), но на 272 км восточнее, по данным А. В. Хандогого и О. И. Миксюка [7], выход травяной лягушки в течение с 1996 г. по 2000 г. отмечался в конце марта – начале апреля, т. е. примерно в те же сроки, что и в г. Гродно, т. е. долгота не имеет влияния на этот показатель.

Сравнивая сроки выхода (начало сезонной активности) травяной лягушки в Беловежской пуще (16.03 – 1995–1996 гг.) и в Березинском заповеднике (05.04–14.04 – 1986–1988) (условно-естественный ландшафт) с таковыми на урбанизированных территориях (таблица 2), отметим, что в Беловежской пуще, находящейся южнее рассматриваемых городов ($52^{\circ}45$ с. ш.), период активности может начинаться на две недели раньше, тогда как в Березинском заповеднике [8], который находится севернее ($54^{\circ}38$ с. ш.), период весенней активности наступает почти на две недели позже. Это объясняется не разнотипностью ландшафтов данных территорий, а разным широтным расположением и, следовательно, разным температурным режимом.

Таблица 2 – Сравнительная характеристика фенологических показателей травяной лягушки на территориях Беловежской пушчи и г. Гродно.

Место и сроки наблюдений	Беловежская пушча 1995–1996 гг.	г. Гродно	
		1995	1995–2004
Фенологические характеристики			
Первая встреча	16.03	31.03	10.03–11.04
Первая кладка	01.04	02.04	28.03–12.04
Выход головастика	23.04	27.04	22.04–27.04
Период инкубирования	22 дня	25 дней	21–25 дней
Последняя встреча	02.11	13.10	05.11
Сезонная активность	231 день	196 дней	225 дней

Российские ученые, изучая фенологию травяной лягушки на севере ее ареала, установили, что чем выше широта местности, тем короче сезон активности и, как правило, более позднее его начало [9].

На четко выраженную географическую изменчивость фенологии выхода с зимовок и начала размножения (на юге республики весеннее пробуждение происходит раньше, чем на севере) указывал М. М. Пикулик для всей Беларуси [2]. Интересно, что изменение естественных ландшафтов в ходе урбанизации не меняет данную закономерность. Таким образом это доказывает, что разница в сроках выхода между условно-естественными ландшафтами и урбанизированной территорией г. Гродно и г. Минска вызвана не антропогенным воздействием, а природной закономерностью.

Для исследуемого региона за период с 1949 по 1975 годы в различных ландшафтах выход травяной лягушки был зафиксирован с 15 марта по 8 апреля в зависимости от погодных условий [10], т. е. данный показатель для урбанизированной территории г. Гродно не выходит за рамки общей закономерности.

Особенности размножения лягушки травяной, представленные в таблице 1, показывают, что между первым появлением лягушек и началом икрометания на территории города проходит от 1 до 4-х дней, что совпадает с диапазоном, отмеченным М. М. Пикуликом для лягушек травяных под г. Минском [10] и для Европы в целом [11]. В Беловежской пушце этот период длился до 14 дней (таблица 2). Сроки эмбрионального развития (от начала кладки до появления головастика) не зависят от широты местности [10]. Поэтому даже при разных сроках выхода с зимовки икрометание, как это видно из таблицы 2, может происходить почти в одно и то же время на территориях, расположенных на разных широтах.

В те годы, когда отмечен двойной ход лягушек, от первого появления лягушек до начала икрометания проходит от 7 до 23 дней, а от второго появления до начала икрометания – 3–7 дней.

Массовый выход с зимовки наблюдался в одних и тех же местах (береговая линия реки Неман как на левом, так и на правом берегу, мелкие речки и ручьи на северной окраине города).

На территории города лягушка травяная использует в основном каждый год одни и те же водоемы для размножения, а в них – типичные для себя места [10]. Часто большие скопления лягушек наблюдаются на отмелях, образующихся в результате весеннего паводка. Однако успешность размножения здесь минимальная, т. к. через две недели, максимум через месяц, вода входит в обычное русло и икра или головастики погибают. Например, 29.03. 2002 года на мелководьях, образовавшихся в результате разлива р. Неман, в пределах лесопарка «Пышки» отмечали скопление лягушки травяной. В центре скопления численность достигала 11 особей на метр квадратный, по периферии скопления – 4 особи на м². Конечно, в сравнении с естественными ландшафтами это значительно меньше [10], но для территории города это довольно высокая плотность. Через два дня после обнаружения (31.03) при повторном посещении оказалось, что уровень воды немного упал и на образовавшихся отмелях были видны уже подсохшие кладки икры. К середине апреля река вошла в свои берега и икра вся высохла.

Более успешно используются многочисленные небольшие пруды хозяйственного значения, которые постоянно существуют на территории города. Почти во всех таких водоемах икрометание было постоянно все 9 лет. В них, в основном, и происходит полное развитие – от икры до сеголеток. Но в прудах биологической очистки вод (очистные «Азота», городские и очистные мясокомбината)

кладки икры лягушки травяной не отмечены. Временные водоемы данный вид амфибий использует редко. Если же использует, то это довольно большие по площади лужи как с отмелями, так и имеющие достаточную глубину. Только при таком сочетании водоемы могут обеспечить полный цикл развития икринки и головастика.

На урбанизированной территории города в местах размножения тоже отмечается сохранение общей тенденции [10] преобладания самцов над самками. Причем такая же тенденция была отмечена нами и для лягушки остромордой, комплекса зеленых лягушек, жабы обыкновенной и жабы зеленой.

Длина тела самцов лягушки травяной в городских водоемах размножения – от 50,0 до 81,0 мм, а самок – от 54,0 до 81,0 мм, что несколько отличается от данных М. М. Пикулика [10] (самцы 51–79,8 мм и самки 51–67,2 мм), т. е. на изучаемой территории размножающиеся особи несколько крупнее, чем в центральных районах республики. Если же говорить о состоянии «амплексус» для самцов различных видов, то самцы лягушки травяной с самками других видов или мертвыми особями отмечались очень редко. В основном такое состояние наблюдалось у обыкновенных и зеленых жаб. Мы отмечали данное состояние, когда несколько самцов жабы обыкновенной обхватили труп жабы зеленой и пара самцов были на трупе лягушки травяной. Подобное поведение для амфибий было ранее описано этологами (О. Ю. Орлов).

Первые кладки бурых лягушек в Беларуси отмечены при t воды не ниже $9-10^{\circ}\text{C}$ [11]. Наши исследования показали, что t воды в момент икрометания на территории г. Гродно составляет от $+12$ до $+13^{\circ}\text{C}$, т. е., видимо, это оптимальная температура для начала икрометания на урбанизированных территориях.

Характерно, что в городе икрометание начинается на несколько дней раньше, чем в пригороде. Эти данные совпадают с данными по городу Минску, где икрометание в городе начинается на 2–4 дня раньше, чем в пригороде [7]. Однако О. В. Янчуревич [6] на территории города Гродно в 2000 году отметила икрометание на два дня позже, чем в пригороде, поэтому однозначный вывод делать по этому вопросу преждевременно: он требует дополнительного исследования.

Период икрометания длится от 6 до 20 дней, в среднем – 15 дней. Длительность периода зависит от температуры воды и от погоды в целом. В годы, когда отмечалось два выхода лягушек (нестабильная, холодная погода), период икрометания был очень короткий – 6–7 дней, а при теплой погоде период икрометания растягивается до 20 дней (таблица 1). К срокам окончания икрометания уже до 75% отметанной раньше икры находится на 16–17 стадии развития.

В 1996 году температура воды и воздуха в центре города была на несколько градусов выше, чем в пригороде, травяные лягушки после первого выхода оставались активны, и одиночные кладки были отложены сразу после выхода. На северной окраине города наблюдался второй ход, а икрометание началось на 9 дней позже. В период начала икрометания на северной окраине, в центре, икра уже была на 16–17 стадии.

В г. Минске период икрометания в среднем составляет 10 дней, что на 5 дней меньше, чем в г. Гродно. Таким образом, сроки и интенсивность икрометания отражают специфику погодных условий. Благоприятные условия значительно растягивают сроки, а неблагоприятные сужают сроки, тем самым усиливая внутривидовой отбор. На урбанизированной территории, как и в целом по республике [10], наблюдается разница в фенологии икрометания в отдельных водоемах.

Появление головастика травяной лягушки фиксировали в период с 20 по 27 апреля. Таким образом, период инкубирования икры (эмбриогенеза) составляет 21–25 дней. Это совпадает с общим периодом эмбриогенеза по республике [10]. В 1995 году (таблица 2), несмотря на почти одинаковые сроки начала икрометания, в Беловежской пуще головастики появились на 4 дня раньше, чем в г. Гродно, а период инкубирования в пуще был короче, чем в городе на 3 дня (таблица 2). Причина таких различий кроется в термальной константе развития [12], которая рассчитана для некоторых видов хвостатых и бесхвостых амфибий [13].

Весьма интересны данные 2001 года, когда со 02.04 по 08.04 на территории города вся икра была отметана, и в связи с относительно высокой температурой воздуха (от $+16$ до $+23^{\circ}\text{C}$) быстро прошло развитие. 08.04 икра была на последних стадиях перед вылуплением (стадия запятой, 19–20 стадии). Однако 09.04 температура воздуха резко упала до $+9^{\circ}\text{C}$, а температура воды – до $+8^{\circ}\text{C}$. С 09.04 до 20.04 температура воздуха держалась в пределах от -1°C до $+10^{\circ}\text{C}$, несколько дней шел снег, а температура воды падала и не поднималась выше $+7^{\circ}\text{C}$. В итоге с 09.04 11 дней икра лягушки травяной пролежала без видимых изменений на 19–20 стадиях

и не погибла при отрицательных температурах воздуха, т. е. уже при t воды $+5^{\circ}\text{C}$, местами $+7^{\circ}\text{C}$ икра не развивалась. Характерно, что температура внутри коллективной кладки икры всегда выше температуры воды. Лишь после 20.04. с потеплением развитие икры продолжилось.

После появления головастиков постоянно отмечается их массовая гибель из-за неблагоприятных погодных условий (усыхание водоемов размножения, заморозки), химического загрязнения воды (порой по этой причине погибают также взрослые особи, зачастую самки, полные икрой). В 1997 году также из 200 отловленных сразу после вылупления головастиков 11 (5,5%) были недоразвиты, при дальнейших наблюдениях была зафиксирована их гибель.

Сразу же после откладки икры самки покидают водоем размножения, а самцы держатся до конца икрометания и только потом уходят, хотя одиночные особи встречались в водоемах и в летние месяцы. Как правило, к концу апреля, кроме икры и головастиков лягушки травяной, взрослых особей в воде нет.

Окончательно охотничьи участки (лесные биогеоценозы) лягушка травяная занимает к концу апреля – началу мая. Молодые особи очень часто остаются у водоемов (в отдельные годы отмечали и одиночных взрослых особей), где проводят время до осени. Данный вид сохраняет активность до ноября. Самая поздняя встреча взрослых особей травяной лягушки на территории города была отмечена 13.10.1995 года (в этом году в Беловежской пуше последняя встреча была 2 ноября). Сеголеток на территории города отмечали 05.11.2005 года в пределах лесопарка Румлёво. Как видно из таблицы 2, общий период активности травяной лягушки более продолжителен в Беловежской пуше, чем на территории г. Гродно. Скорее всего это связано с широтным расположением данных территорий.

Несомненно, что на территории г. Гродно, так же, как и по всей республике, на репродуктивную способность лягушки травяной влияют наличие подходящих для икрометания водоемов, выбор мест икрометания, успешность инкубирования и развития [10].

Выход **лягушки остромордой** (*Rana arvalis Nilsson, 1842*) зафиксирован в конце марта (28.03.1999) при схожих погодных условиях, что и у травяной лягушки. В указанный год (1999) лягушка остромордая появилась на территории города на три дня позже, чем лягушка травяная, что отвечает общим закономерностям, выявленным для территории всей Беларуси [11]. Однако надо отметить, что на территории города массовый выход и массовое икрометание этого вида нами отмечались до 2000 года. Начиная с 2000 года массовый выход и нерест этого вида амфибий на территории исследований не отмечен. Икрометание происходило на мелководьях реки Неман и мелководных, заросших тростником прудах биологической очистки городских предприятий.

Вне периода размножения одиночные особи данного вида периодически отмечались в промышленно-хозяйственной и рекреационной зонах города.

Выход **жабы обыкновенной** (*Bufo bufo L., 1758*) происходит, как видно из таблицы 3, в конце марта (25.03–30.03) или ближе к середине апреля (10.04–13.04), однако при неблагоприятных условиях выход отмечен 20.04. Для исследуемой территории жаба обыкновенная выходит на 2–14 дней позже, чем лягушка травяная. Этот период несколько больше, чем общереспубликанский [10]. Причем это также зависит от температуры. В марте встречи одиночных особей происходили при t воздуха $+14^{\circ}\text{C}$, в апреле же одиночные особи отмечались при t воздуха $+15^{\circ}\text{C}$, а массовый ход отмечался при t воздуха от $+18$ до $+20^{\circ}\text{C}$.

Таблица 3 – Выход с зимовки и начало икрометания жабы обыкновенной на территории города Гродно

Год	1995	1996	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Дата появления	11.04	20.04	28.03	13.04	10.04	30.03	–	25.03
Начало икрометания	14.04	23.04	14.04	14.04	16.04	13.04	15.04	29.04

У жабы обыкновенной весной второго хода не отмечено, однако наблюдалось, что неблагоприятные погодные условия этот вид переживает около водоема или в водоеме размножения, самцы постоянно встречались на дне водоемов, вялые и малоподвижные. Причем при относительно высокой температуре между выходом и началом икрометания проходит обычно 2–3 дня, при неблагоприятных условиях этот период может увеличиваться до 17 дней, а иногда и до 35 суток.

Период икрометания, как правило, длится 12–14 дней. При позднем выходе и более высокой температуре он сокращается до 7 дней. Что же касается инкубации икры, то, как видно из таблицы 4, эмбриональный период у жабы обыкновенной длится 31–32 дня, а при более быстрых

темпах развития в отдельные годы – 26 дней (таблица 4). Причины такой разницы уже были показаны [12], [13]. Так же, как и у лягушки травяной, у жабы обыкновенной наблюдается некоторое отличие в сроках икрометания в разных частях города. В 2001 и 2002 годах на северной окраине города, в отличие от южной и западной частей города, активность жабы серой началась на 4 дня позже.

Размеры самцов жабы обыкновенной, участвующих в размножении, варьируют в пределах 56–77 мм, а самок – 65–89 мм.

Таблица 4 – Особенности размножения жабы обыкновенной на территории города Гродно

Год	1995	2001	2002	2003
Показатели				
Погодные условия	Весь апрель солнечная погода.	Похолодание с 09.04 (температура ниже нуля, снег), с 16.04 потеплело.	Конец марта – солнечно +14,5° С. t воды +13° С; 10.04 похолодание, с 11.04 потепление.	К концу марта, начало апреля, снег растаял. t возд. +14° С. К концу апреля t возд. +20° С.
Начало икрометания	14.04	16.04	13.04	15.04
Конец икрометания	26.04	23.04	27.04–30.04	29–30.04
Период икрометания	12 дней	7 дней	14 дней	14 дней
Появление головастиков	15.05	12.05	15.05	16.05
Инкубирование	31 сутки	26 суток	32 суток	31 сутки
Выход сеголеток	–	9.06	12.06	11.06–13.06
Период развития личинок	–	26 суток	28 суток	26 суток

Наблюдаются случаи «amplexus» жабы обыкновенной с жабой зеленой. В 2001 году мы зафиксировали два таких случая, причем в одной паре участвовал самец жабы обыкновенной и самка жабы зеленой, во второй наоборот – самка обыкновенной жабы с самцом зеленой жабы. В 2002 году мы наблюдали четыре таких случая: три – самец обыкновенной жабы с самкой зеленой жабы и один – самка обыкновенной жабы с самцом зеленой жабы.

Икра гибнет из-за неблагоприятных погодных условий, например из-за малого количества осадков весной. Чаще всего именно это и приводит к массовой гибели икры на всей территории города. К гибели икры приводят и антропогенные воздействия. Однако, в отличие от погодных условий, они вызывают гибель икры только на подвергшихся воздействию водоемах, т. е. их действие более локально.

В 1995 году теплая солнечная погода в апреле и засушливые первые дни мая привели к тому, что уровень воды в постоянных водоемах (место массового нереста) упал.

На водоемах около крупного химического производства «Азот» из-за этого вся икра погибла (на высохшем участке сохранилась жестяная банка, а в ней немного икры, из которой в середине мая вывелись головастики). Тогда как в 1998 году в один из этих водоемов (отстойник) был выброшен химических веществ, головастики и икра погибли, но на других водоемах, где не было подобного загрязнения, ни икра, ни головастики не пострадали.

Головастики из икры, по нашим наблюдениям, выходили в течение 4-х суток – с 12.05 по 16.05. С момента появления головастиков до выхода сеголеток проходит 26–28 суток. Выход сеголеток отмечен 09.06–13.06. Причем в центре города это происходит на пару дней раньше. Таким образом, весь период – от откладки икры до появления сеголеток – у жабы серой в черте города Гродно составляет 54–60 дней, причем при более позднем появлении с зимовки все процессы проходят быстрее, а сам период развития сокращается на 5–6 дней.

Взрослые особи вне периода размножения в водоемах не отмечены, кроме одиночного случая (в середине мая 2001 года одиночный самец встречен во временном водоеме).

На примере 2002 года удалось проследить их поведение после периода размножения. Жаба обыкновенная в водоемах размножения уже в первых числах мая встречаться перестала. В мае отмечали взрослых и молодых особей этого вида в период максимальной активности (сумерки) на проселочных дорогах, в смешанных экотонах (березово-сосновых лесах). В июне они уходят на типичные для этого вида охотничьи территории (лесопарки, заросли деревьев и кустарников, на земли предприятий, часто они располагаются у воды, в пределах железных дорог). В июне и июле здесь же вместе с половозрелыми особями встречаются и молодые, а в августе в лесопарковых зонах и в сельхозугодьях отмечаются сеголетки. Причем расстояние от возможных нерестовых водоемов составляет 2,0–2,5 километра. Интересно, что сеголетки жабы обыкновенной перемещаются ближе к окраине города, а, если позволяет лесопарковая зона, могут углубляться на территорию города, ближе к центру.

Осенью мигрирующие особи отмечены в конце сентября – начале октября. В конце сентября 2003 года молодые особи отмечены во влажном подвале и даже в коридоре областной больницы, которая располагается в пределах лесопарка «Пышки». За период исследований самая последняя осенняя встреча обыкновенной жабы на территории города была отмечена 3 октября.

Обычно третьим видом, появляющимся весной на территории города после зимовки, является **тритон обыкновенный** (*Lissotriton vulgaris* L., 1758) [14]. Его первые встречи в разные годы приходится на начало апреля (02.04) или на середину апреля (16.04). Причем в 2000 году наблюдалось отличие по срокам выхода тритона в разных частях города. У тритона обыкновенного более ранние встречи отмечены на северной окраине (02.04), а в центре города его встретили 10.04. Это может объясняться тем, что с 1995 по 2004 годы постоянные встречи тритона происходили именно на северной окраине и в центре города, поэтому можно предположить, что именно из северной окраины тритон попадает в водоемы центра.

Массовый нерест начинается примерно через четыре дня с момента появления в водоемах размножения. Нерест продолжается в апреле и в мае. В центре города в июне взрослых особей в воде уже не встречали (только личинки), на северной окраине они отмечаются в воде вплоть до 10–15.06. С середины июня тритонов обыкновенных находили в прибрежных биоценозах северной окраины города. Фенологические показатели данного вида на урбанизированной территории г. Гродно не выходят за диапазон таких показателей в других естественных и антропогенных ландшафтах в целом по республике [10].

Что касается **тритона гребенчатого** (*Triturus cristatus* Laur., 1768), то из-за малочисленности и скрытного образа жизни на территории города первые встречи с этим видом происходили уже при его массовом нересте: 1995 – 25.04; 1996 – 20.04; 1999 – 16.04; 2000 – 14.04. Если сравнивать по годам даты начала массового нереста, то можно отметить, что к концу XX века, в отличие от середины 90-х годов, икрометание начинается почти на неделю раньше. Икрометание тритона гребенчатого, так же, как и тритона обыкновенного, продолжается с апреля по конец мая. Однако в отличие от последнего он вне периода размножения и нерестовых водоемов на территории города нами не отмечен.

Жаба зеленая (*Bufo viridis* Laur., 1768) появляется на территории города (в водоемах размножения) примерно в то же время, что и тритоны (таблица 5).

Таблица 5 – Особенности размножения жабы зеленой на территории города Гродно

Год	1996	1998	1999	2000	2001
Показатели	2	3	4	5	6
Погодные условия	До 15.04 лежал снег, к 20.04 t воздуха достигла +20° С, а t воды – +12° С.	В середине апреля похолодало, но к концу месяца t воздуха достигла +22° С, а t воды – +14° С.	С 03.04 устанавливается теплая, солнечная погода, к 16.04 t воздуха достигла +20–22° С.	В апреле было тепло, солнечно (+24° С). В начале мая временные водоемы пересохли.	Наблюдалось похолодание с 09.04: температура упала ниже нуля, шел снег, с 16.04 потеплело до +20° С.

Продолжение таблицы 5

1	2	3	4	5	6
Появление в водоемах	20.04	28.04	16.04	14.04	21.04
Начало икрометания	22.04	01.05	25.04	20.04	23.04
Конец икрометания	31.05	01.06	02.06	16.05	26.05
Период икрометания	40 дней	32 дня	38 дней	26 дней	33 дня

Определяющими условиями являются t воздуха от $+20^{\circ}\text{C}$ до $+24^{\circ}\text{C}$, t воды – от $+12^{\circ}\text{C}$ до $+14^{\circ}\text{C}$. Причем в случае теплого апреля появление и начало голосовой активности самцов наблюдается в середине апреля. Если же погодные условия в начале или в середине апреля неблагоприятные, то активность жабы зеленой начинается на неделю позже, а в отдельные годы – на две. При более позднем выходе уменьшается период между началом голосовой активности самцов и началом массового икрометания. При выходе в середине апреля этот период составляет 5–8 дней, а при более позднем выходе сокращается до 1–2 дней. И первыми на территории города и в водоемах размножения появляются самцы.

Конец икрометания, как правило, приходится на конец мая – начало июня (таблица 5). Однако в 2000 году май был очень засушливым и водоемы размножения жабы зеленой к середине мая пересохли (временные) или сильно усохли (постоянные). Уже к 16.05 икрометание на территории города закончилось. Таким образом, период икрометания жабы зеленой на территории города Гродно составил 32–40 дней, а в 2000 году – 26 дней.

Головастики отмечены уже в середине мая, причем в 1995, 2000, 2001, 2002 годах зафиксирована гибель головастика во временных водоемах города при усыхании их из-за сухой погоды. А в 1995 и 2000 годах это же явление наблюдалось и в постоянных водоемах.

Надо отметить, что начиная с июня взрослые особи в водоемах не встречаются. Миграции самок на охотничьи участки отмечались постоянно в период икрометания. Самцов встречали мигрирующими от водоемов уже с 28.05. А в первых числах июня вид отмечен на охотничьих территориях (лесопарковые зоны города, окраинные леса и их экотоны).

Сеголетки зеленой жабы после выхода держатся около городской черты. В конце июля 2003 года их обнаружили в небольших норках песчаного бугра (13 особей на 10 м^2) в 1 км от нерестового водоема, расположенного на территории города. Еще через один километр в аналогичных условиях снова встречена концентрация сеголеток, но их плотность была уже в два раза выше. На большем удалении от нерестового водоема они уже не отмечены.

Вне периода размножения жабы зеленые как взрослые, так и молодые встречаются в сумерках мигрирующими из окраинных лесов по шоссейным и проселочным дорогам на открытые участки окраинных территорий города.

С 20.04–23.04 становятся активными представители **комплекса зеленых лягушек** (к. з. л.) (*Rana esculenta complex*), хотя остается открытым вопрос их выхода с зимовок. В указанные выше числа отмечается голосовая активность самцов, а не момент появления в нерестовых водоемах. Представители к. з. л. могут зимовать в водоемах или около водоемов [15], и для России сроки весеннего появления – вторая половина апреля – начало мая при температуре воды выше 8°C . Через пару дней начинаются брачные концерты. Скорее всего, между выходом из зимовки и началом брачной активности может быть промежуток времени от нескольких дней до двух недель.

Активный нерест начинается в конце апреля (25.04–28.04) и заканчивается в первых числах июня (02.06–03.06) или ближе к середине июня (11.06–12.06). Головастики отмечаются в водоемах города весь июнь и июль. В воде встречаются вплоть до конца августа. Последняя встреча на территории города – 05.11. 2002 года.

В тот же период, в который отмечается начало нерестовой активности к. з. л., начинается период размножения **жабы камышовой** (*Bufo calamita Laur., 1768*) и **квакши обыкновенной** (*Hyla arborea L., 1758*).

Жаба камышовая (*Bufo calamita* Laur., 1768) отмечена на северной окраине города. Начало голосовой активности самцов и появление в водоемах размножения приходится на 22.04–24.04. Нерестовая активность наблюдается в течение всего мая. Конец периода размножения отмечался 20.05–28.05, пик – в середине мая. Молодых особей, сеголеток и взрослых особей вне территории водоемов размножения не отмечали.

Начало активности **квакши обыкновенной** (*Hyla arborea* L., 1758) приходится на вторую половину апреля. Первые встречи мигрирующих особей к водоемам размножения отмечены 20.04–23.04; начало голосовой активности самцов – с 22.04 по 25.04, массовый нерест начался 23.04–28.04 и продолжился до 28.05 (или позднее – 02.06). Однако голосовая активность самцов (2 особи) отмечалась в водоеме размножения на западной окраине города в первых числах июля – 01.07–05.07.2000 года. Как правило, квакша обыкновенная уже с конца мая отмечается не в воде, а у воды, порой она мигрирует на относительно большие расстояния (до 2 км). Осенью (сентябрь) такие особи издаю звуки, похожие на брачные, но эти звуки характерны именно для конца августа–сентября.

В начале июня уже отмечается голосовая активность самцов в лесопарковых массивах (лесопарк «Пышки»). Сеголеток квакши встречали в августе недалеко от водоемов размножения (20 м) в высокой траве.

Многие амфибии на территории города ведут скрытный образ жизни и становятся заметны только в период размножения. К таким видам относится **жерлянка краснобрюхая** (*Bombina bombina* L., 1761). Начало голосовой активности самцов этого вида за период наблюдений колебалось в промежутках с 16.04. (2002) по 15.05 (1999). Для жерлянок характерна порционная откладка икры, и поэтому в конце июля – начале августа южнее Гродно отмечались брачные звуки самцов.

Кладки икры **чесночницы обыкновенной** (*Pelobates fuscus* Laur., 1768) отмечались в водоемах города с 10.04, а в 2001 году была отмечена свежая кладка – 01.06. Взрослых особей встречали только вне периода размножения в июле.

При дефиците водоемов размножения в г. Гродно обычно совместное использование их амфибиями разных видов. Межвидовая конкуренция устраняется путем четкого соблюдения по времени последовательности размножения и разными темпами развития икры. В водоемах города наблюдается процесс, когда в последние дни икрометания лягушки травяной в этот же водоем уже приходит жаба серая и начинает метать икру. Время окончания икрометания жабы серой совпадает с началом икрометания в этом же водоеме жабы зеленой. Отмечены случаи, когда в водоеме, где была икра лягушки травяной, чесночницы обыкновенной, жабы серой и жабы зеленой, метали икру квакша обыкновенная, жерлянка краснобрюхая и комплекс зеленых лягушек. Причем эти виды откладывают икру примерно в одни и те же сроки.

Выводы

1. Урбанизированный ландшафт г. Гродно формирует определенные микроклиматические условия, отражающиеся на биологических характеристиках видов. Это проявляется в изменениях сезонных характеристик активности амфибий: в выходе из зимовки, в длительности периода размножения, в сроках инкубации икры, в продолжительности периода активности и т. д.

2. Начало весенней (сезонной) активности определяется наступлением эффективной температуры места зимовки: для травяной лягушки это переход температуры почвы через границу +5° С; для серой жабы эта величина выше и т. д. Однако переход этой температурной границы определяется условиями микроклимата, которые контрастны в городе, что и отразилось на последовательности весеннего выхода амфибий.

3. В условиях урбанизированного ландшафта города создается постоянный дефицит водоемов, пригодных для успешной репродукции. Это вызывает иногда икрометание во временные водоемы. Икра там обычно гибнет, что значительно снижает репродуктивный потенциал популяции. В связи с этим амфибии выработали свою стратегию выживания в городских условиях, которая заключается в комплексе адаптаций:

- изменение половой структуры – преобладание в водоемах размножения самцов над самками, как это отмечено для травяной лягушки;
- хоминг – икрометание только в те водоемы, где икра успешно прошла развитие в прошлые годы;
- жесткая регламентация последовательности и сроков икрометания каждого вида;

- физиологическая адаптация икры к переживанию неблагоприятных условий, как это отмечалось для икры травяной лягушки при резком наступлении похолодания;
 - разная скорость эмбрионального и нательного развития экологически близких видов, что частично снижает межвидовую конкуренцию.
4. Парниковый эффект города отражается на всех сроках сезонного цикла амфибий: на начале весенней активности, на периоде и сроках икрометания, на сроках развития икры и времени ухода на зимовку.
5. Урбанизированный ландшафт г. Гродно характеризуется определенными жесткими параметрами, и выживают здесь лишь наиболее экологически пластичные виды амфибий. Рост города вызвал исчезновение камышовой жабы, сокращение мест нереста тритонов.

Литература

1. Гаранин, В. И. О некоторых аспектах роли амфибий и рептилий в антропогенном ландшафте / В. И. Гаранин // Вопросы герпетологии : автореф. докл. V Всесоюз. герпетол. конф., Ашхабад, сентябрь, 1981 г. / ЗИН АН СССР ; И. С. Даревский (отв. ред.). – Л., 1981. – С. 35–36.
2. Пикулик, М. М. Земноводные Белоруссии / М. М. Пикулик. – Минск : Наука и техника, 1985. – С. 153.
3. Гаранин, В. И. К состоянию герпетофауны малых охраняемых территорий / В. И. Гаранин, Р. Г. Загидулин // Вопросы герпетологии : автореф. докл. VI Всесоюз. герпетол. конф., Ташкент, сентябрь, 1985 г. / ЗИН АН СССР ; И. С. Даревский (отв. ред.). – Л., 1985. – С. 51–52.
4. Клаустнитцер, Б. Экология городской фауны / Б. Клаустнитцер ; пер. с нем. – М. : Мир, 1990. – 246 с.
5. Терентьев, П. В. Лягушка / П. В. Терентьев. – М. : Сов. наука, 1950. – 342 с.
6. Янчуревич, О. В. Особенности размножения земноводных города Гродно и окрестностей / О. В. Янчуревич // Вопросы герпетологии : материалы I съезда Герпетол. об-ва им. А. М. Никольского, Пушино-на-Оке, декабрь, 2000 г. / ЗИН РАН ; Герпетол. об-во им. А. М. Никольского ; редкол.: Н. Б. Ананьева [и др.]. – Пушино – Москва, 2001. – С. 349–351.
7. Хандогий, А. В. Состояние численности модельных видов земноводных, оцененное по числу кладок икры в водоемах Минска / А. В. Хандогий, О. И. Миксюк // Вопросы герпетологии : материалы I съезда Герпетол. об-ва им. А. М. Никольского, Пушино-на-Оке, декабрь, 2000 г. / ЗИН РАН ; Герпетол. об-во им. А. М. Никольского ; редкол.: Н. Б. Ананьева [и др.]. – Пушино – Москва, 2001. – С. 315–317.
8. Дулинец, С. А. Экология нереста и нерестилища травяной лягушки в Березинском заповеднике / С. А. Дулинец // Заповедники Белоруссии : сб. – Минск, 1991. – Вып. 14 : Исследования. – С. 134–137.
9. Окулова, Н. М. Фенология травяной лягушки (*Rana temporaria*) на севере ареала / Н. М. Окулова, А. В. Сивков // Вопросы герпетологии : материалы I съезда Герпетол. об-ва им. А. М. Никольского, Пушино-на-Оке, декабрь, 2000 г. / ЗИН РАН ; Герпетол. об-во им. А. М. Никольского ; редкол.: Н. Б. Ананьева [и др.]. – Пушино – Москва, 2001. – С. 210–213.
10. Пикулик, М. М. Земноводные Беларуси / М. М. Пикулик. – Минск : Наука и техника, 1985. – С. 76–104.
11. Земноводные Беларуси: распространение, экология и охрана / С. М. Дробенков [и др.] ; под общ. ред. С. М. Дробенкова. – Минск : Беларус. навука, 2006. – 215 с.
12. Шилов, И. А. Экология : учеб. для биол. и мед. спец. вузов / И. А. Шилов. – М. : Высш. шк., 2000. – С. 72.
13. Бахарев, В. А. Особенности температурного режима постнатального развития обыкновенного тритона (*Triturus vulgaris*), серой жабы (*Bufo bufo*) травяной лягушки (*Rana temporaria*) / В. А. Бахарев, Р. А. Плевако // Современное состояние растительного и животного мира стран Еврорегиона «Днепр», их охрана и рациональное использование : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Гомель, ноябрь, 2007 г. / УО «ГГУ им. Ф. Скорины» ; А. Н. Кусенков (отв. ред.). – Гомель, 2007. – С. 23–26.
14. Кузьмин, С. Л. Конспект фауны земноводных и пресмыкающихся России // С. Л. Кузьмин, Д. В. Семенов. – М. : Т-во научных изданий КМК, 2006. – С. 12.
15. Земноводные и пресмыкающиеся. Энциклопедия природы России / Н. Б. Ананьева [и др.]. – М. : ABF, 1998. – С. 132–145.

Summary

In this work the authors consider the problems of reproduction of amphibians in the conditions of a large industrial city. They analyze the reproduction of background species of amphibians in detail and open the reasons that influence the population reproduction negatively.

Поступила в редакцию 30.12.08.

УДК 591.151.3:636.082

Т. А. Луполова

ИММУНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ В СЕЛЕКЦИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЖИВОТНЫХ

Для определения структуры генофондов и возможности использования таких иммуногенетических маркеров, как β -Lg, Ov, k-Cn и др., были изучены породы, линии, гибриды разных видов сельскохозяйственных животных и птиц по таким показателям, как частота аллелей и генотипов, генетическое сходство популяций, генетическое равновесие, структура полиморфных систем белков крови и молока у КРС, овец, а также полиморфные системы крови и овобелков яиц кур.

Введение

С целью повышения эффективности и рентабельности сельскохозяйственного производства в настоящее время разрабатываются принципиально новые приемы искусственного отбора в селекционном процессе для создания высокопродуктивных пород сельскохозяйственных животных и птиц [1]. Для успешного решения этих задач необходимо изучение генофонда исходных пород, их генетической изменчивости и дифференциации. Количественную оценку продуктивных параметров можно получить с использованием биохимических маркеров, основанных на полиморфизме белков, которые способствуют углубленному выяснению закономерностей динамики генетической структуры сельскохозяйственных популяций [2]. В настоящее время возможности использования биохимических полиморфных маркеров в селекции продемонстрированы на значительном количестве сельскохозяйственных популяций [1–8].

В связи с этим целью работы явилось изучение генетической структуры породных и внутривидовых линий животных и птиц, а также возможность использования в селекции животноводства некоторых полиморфных систем белков в качестве иммуногенетических маркеров.

Для достижения данной цели были решены следующие задачи:

- подобран оптимальный комплекс молекулярно-генетических маркеров;
- разработаны методы горизонтального электрофореза для выбранных генов;
- установлены частоты встречаемости аллельных вариантов и выявлены корреляционные связи с продуктивными качествами животных;
- определена степень генетического сходства по данным «классических» биохимических маркеров;
- дана оценка эффективности использования генетических маркеров в селекции.

Материалы и методы исследования. Исследования проводились в Республике Молдова над породами КРС голштинская, красная степная, джерсейская, красная эстонская, черно-пестрая и симментальская. Параллельно проводились исследования и над помесью F_1 – F_4 в группах джерсейская х симментальская, красная эстонская х черно-пестрая, красная степная х черно-пестрая, красная степная х голштинская. У овец исследованию подверглись особи каракульской породы. У птиц были проанализированы полиморфные системы крови и белков яиц пород маран, орпингтон, плимутрок и кроссов ALBO-70, ROSO SL-93, ROSO SL 2000. Определение наследственно обусловленного типа белка (α_1 S₁Cn, β Cn, kCn, β Lg, Ov, Cp, Hb, Tf) проводилось методом горизонтального электрофореза [3], [4]. Применение данного метода позволяет разделить белки молока на полиморфные системы: α S₁Cn, β -Cn, k-Cn, β -Lg.

Расшифровка фореграмм проводилась согласно схеме, представленной на рисунке.

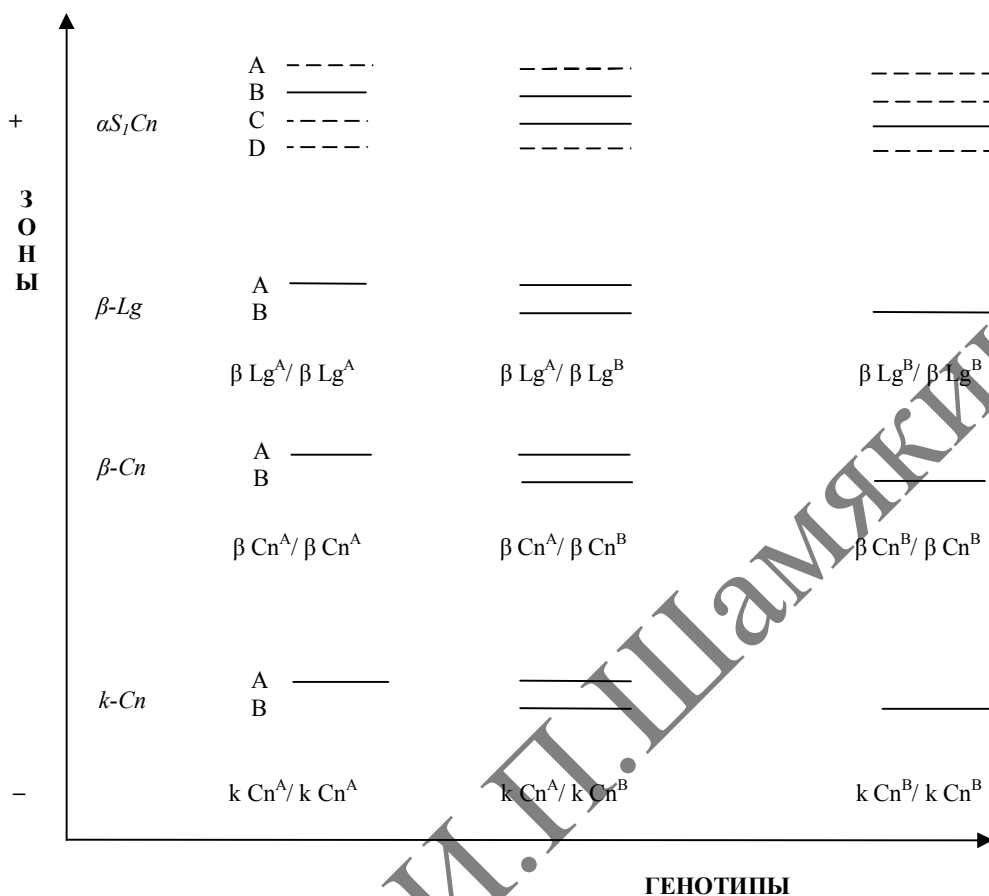

Схема – Расшифровка фореграмм белков молока

Частота аллелей была определена по формуле (Гофман – Кадошников, 1975):

$$p(A) = (2AA + AB)/2n \tag{1}$$

$$q(B) = (2BB + AB)/2n, \tag{2}$$

где $p(A)$ и $q(B)$ – частоты аллелей A и B;
 AA и BB – число особей с гомозиготным генотипом;
 AB – число особей с гетерозиготным генотипом;
 n – число особей в группах.

Вычисление генетического равновесия в изучаемых популяциях по каждому локусу проводилось согласно тесту χ^2 с использованием формулы:

$$\chi^2 = (\Phi - T)^2/T, \tag{3}$$

где Φ – фактическое количество особей в популяции с определенным генотипом;
 T – теоретически ожидаемое количество особей.

Для определения генетической дистанции между кроссами использовали формулу Маяла-Лингстрема.

Результаты исследования и их обсуждение

Среди множества генов, контролирующих молочную продуктивность и качество молока, можно выделить группу мажорных генов, вносящих наибольший вклад в формирование и функционирование данного количественного признака. К таким генам относится ген каппа-казеина. Качество молока крупного и мелкого скота, возможность его использования в сыроварении в значительной степени зависят от аллельных вариантов каппа-казеина. В наших опытах на популяциях КРС был установлен В-аллельный вариант каппа-казеина, который ассоциируется с более высоким содержанием белка в молоке и выходом сыра, а также с лучшими коагуляционными свойствами молока. Это объясняется различным уровнем гликолизирования и меньшим диаметром мицелл в молоке животных, имеющих ВВ-генотип. Сыр, сделанный из молока животных, имеющих генотип ВВ, содержит больше белка и меньше жира (24,7% и 33,18% соответственно), чем при генотипе АА (24,22 и 33,71%).

В исследованных популяциях ценные аллели каппа-казеина привносят особи голштинской и симментальской породы, которые в связи с этим представляют наибольшую ценность для селекции.

В ходе исследований были изучены особенности белковых систем в связи с ассоциацией с лейкозом и маститом, которые наносят большой экономический ущерб животноводству, особенно племенному генофонду высокопродуктивного скота.

Диагностика инфицированности крупного рогатого скота вирусом бычьего лейкоза (BLV – Bovine Leukemia Virus) до сих пор выполняется по оценке наличия у животных антител к антигенам BLV с помощью РИД-диагностики. Метод характеризуется невысокой точностью. Известно, что РИД-положительный анализ подтверждается только при патологоанатомическом анализе в 1–8% случаев.

Доказано, что чувствительность к лейкозу у скота определяют постальбумины типа ВВ и трансферрины типа АД. Из этого следует, что при селекционной работе необходимо постоянно вести контроль накопления данных аллелей в популяции, а быки-производители должны типироваться по этим генам.

Для оценки генофонда сельскохозяйственной птицы сегодня предложено использовать только 5–6 систем, в которых обнаруживается более сильный, генетически обусловленный полиморфизм. К ним относятся овоальбумины, глобулины G₃ и G₂, кональбумины, лизоцим и др.

В наших исследованиях на популяциях кур пород маран, орпингтон, локус O_v проявился плейотропный эффект, оказавший влияние на оплодотворяемость и выводимость яиц. Гомозиготные куры АА имели повышенную яйценоскость, характеризовались меньшей живой массой и массой яиц, а выводимость цыплят была ниже, чем у гетерозигот на 3–10%. Куры-носители аллеля O_v^A превосходили кур с аллелью O_v^B по живой массе и массе яиц. У гомозиготных кур O_v^{BB} цыплята были более жизнеспособные по сравнению с гетерозиготными.

При исследовании белковых систем молока овец была определена взаимосвязь локуса βLg с продуктивными качествами овец. Нами показано, что генотип β-Lg АА взаимосвязан с высокой молочной продуктивностью, особи с генотипом АВ имеют наименьшее содержание сухого вещества в молоке (18,69%), а овцы с генотипом АА продуцируют на 0,24% больше сухого вещества по сравнению с гетерозиготными особями. Что касается овец с гомозиготным генотипом ВВ, то они содержат в молоке на 0,79% больше сухого вещества, чем гетерозиготные животные.

Сравнивая процентное соотношение жира, мы установили, что наиболее жирное молоко (8,55%) можно получить от овец с генотипом ВВ, что на 0,13% больше, чем содержание жира в молоке овец генотипа АА и на 0,61% больше по сравнению с гетерозиготным генотипом АВ.

Содержание протеина, наибольший процент (4,82%) которого был обнаружен в молоке особей с генотипом АВ, на 0,16% оказался больше, чем в молоке овец с генотипом АА, и на 0,45% превысил гетерозиготный генотип.

При анализе процентного содержания казеина в молоке особей с генотипами АА, АВ, и ВВ, обнаружено, что наименьшее содержание казеина (3,45%) получено от особей с генотипом ВВ, что на 0,25% меньше содержания казеина в молоке гомозиготных особей АА (3,7%) и на 0,28% ниже гетерозиготного генотипа АВ (3,73%).

В результате популяционно-генетических исследований разных популяций нами были установлены частоты встречаемости аллелей и генотипов.

Полученные результаты в птицеводстве свидетельствуют о том, что у всех изученных кроссов в трех локусах овопротеинов было обнаружено присутствие 2-х аллелей: А и В. Частоты встречаемости аллелей различные: в некоторых локусах более высокие частоты имел аллель А – локус I (кроссы Roso SL 2000 и Roso 93) и локусы II и III – кросс Albo. В других случаях чаще встречался аллель В. Сравнивая частоты аллелей в исследуемых локусах с результатами исследований других авторов, можно сделать вывод, что существенных отклонений в частотах аллелей в наших исследованиях не было обнаружено.

Кроссы Albo-70, Roso SL 93 и Roso SL 2000 в системах гемоглобина, трансферрина и церулоплазмينا характеризовались присутствием 2-х аллелей: А и В. Частоты встречаемости аллелей различные: в системе **гемоглобина** более высокие частоты имел аллель Hb^A – 0,9000–0,9875, в системе **трансферрина** чаще встречался аллель Tf^{AB} . Преимущественность аллеля Cr^A была доказана и в локусе **церулоплазминов**.

Популяция помесей КРС F_1 характеризовалась промежуточным значением частот генов сравнительно с чистопородными популяциями. В помесных группах F_1 – F_4 частоты генов приближались к частотам генов улучшающей породы, которая внесла больший генетический компонент в формирование группы.

Результаты иммуногенетических исследований белковых систем молока овец каракульской породы показали полиморфизм **альфа-казеинов, каппа-казеинов, бета-казеинов и бета-лактоглобулинов**. В локусе **альфа-S₁-казеин** было установлено присутствие трех аллелей ($\alpha_1S_1Cn^A$, $\alpha_1S_1Cn^B$, $\alpha_1S_1Cn^C$) с более высокой частотой для типа $\alpha_1S_1Cn^B$ – 0,9355. В локусе **kCn** было обнаружено 2 аллеля с наибольшей частотой для kCn^A (0,7580) и наименьшей (0,2419) для kCn^B . В наших исследованиях было установлено в локусе **β Cn** присутствие двух аллелей: βCn^A и βCn^B с частотами 0,5968 и 0,4032 соответственно. Локус, который контролирует синтез **β Lg**, у овец, локализован во второй хромосоме, и считается, что он придает вкус молоку [5]. Нами было обнаружено 2 аллеля – βLg^A и βLg^B – с более высокой частотой для типа βLg^A – 0,6774.

Таким образом, сложившаяся структура популяции по изученным белкам представляет собой целостную динамическую систему, имеющую преимущественно гомозиготные генотипы AA (для α_1S_1Cn – BB) и находящуюся в состоянии генетического равновесия.

Имуногенетические показатели также могут быть использованы в качестве маркеров для изучения генетической структуры с целью определения общего происхождения пород. Например, генетическое сходство коров пород красная эстонская и красная степная составило $r = 0,9976$, а между джерсейской и черно-пестрой $r = 0,8907$. Что же касается кроссов Roso SL 2000 и Roso 93, которые были получены путем скрещивания линий кур породы родайланд, то они очень похожи и величина r составляет 0,9900, что доказывает их общее происхождение. Между популяциями кур кросса ROSO SL-2000 и ALBO-70 коэффициент генетического сходства составил 0,9325.

Выводы

Молекулярно-генетическое изучение промышленных популяций имеет важное теоретическое и практическое значение, поскольку результаты его могут служить основой для рассмотрения общих принципов влияния полиморфизма белков на продуктивность животных, а также для определения возможностей использования полиморфных систем различных белков в качестве маркеров в селекции. Это помогает выявить генотипы, имеющие ценность для племенной работы, что дает возможность прогнозирования уровня продуктивности животных без дополнительных затрат.

В результате исследования были получены новые данные о структуре полиморфизма молочных, яичных белков и белков крови, определена их взаимосвязь с хозяйственно-полезными признаками животных. Например, полученные данные по локусам лактопротеина (в комплексе с другими существующими методами оценки и отбора овец) могут использоваться в качестве биохимического теста (маркера) состояния генофонда породы и его функциональной значимости в конкретных экологических условиях разведения.

На основании проведенных исследований по аллельному полиморфизму вышеуказанных генов селекционерам можно рекомендовать следующие маркеры:

1. Для повышения продуктивности локальных пород скота использовать в селекции голштинскую породу, т. к. она является наиболее обильномолочной и выступает носителем ценных хозяйственных аллелей каппа-казеина.

2. Для производства белковой продукции с пониженным содержанием жира считать к-Сп генотипа ВВ экономически важным селекционным критерием для молочных пород крупного рогатого скота.

3. Для постоянного контроля накопления аллелей, определяющих лейкоз и мастит, использовать маркер-зависимые белки постальбумины и трансферрины, а всех быков-производителей типировать по этим генам.

4. Для оценки генофонда сельскохозяйственной птицы использовать в качестве маркеров белки овальбумины. Для стабилизации линии по количественным признакам продуктивности преимущество отдавать гомозиготным генотипам АА, для производства следующего поколения и повышения жизнеспособности отбирать кур с гомозиготным генотипом ОvВВ.

5. Для повышения продуктивности и жирномолочности овец каракульской породы предлагаем использовать в качестве генетического маркера locus β -Lg. Установлено, что генотип АА влияет на молочную продуктивность, а при отборе на повышение процента жира в молоке предпочтение отдавать особям с генотипом β -Lg ВВ.

6. В период селекционной работы при совершенствовании и выведении кроссов и пород целесообразно следить за сохранением оптимального генетического разнообразия с использованием биохимических молекулярно-генетических маркеров.

Аллельный полиморфизм белков в качестве маркеров основных селекционируемых признаков продуктивности животных необходим для определения результативности селекционной работы и коррекции направления селекции в процессе формообразования.

Литература

1. Мацевский, Я. Генетика и методы разведения животных : учеб. пособие / Я. Мацевский, Ю. Земба. – М. : Высш. шк., 1988. – С. 231–232.
2. Жебровский, Л. С. Использование полиморфных белковых систем в селекции : учеб. пособие / Л. С. Жебровский, В. Е. Митюшко. – Л., 1982. – С. 79–111.
3. Smithies, O. Zone electrophoresis in starch gels / O. Smithies // Biochem. J. – 1955. – Vol. 61. – P. 629.
4. Жебровский, Л. С. Изучение состава крови, молока и кормов : учеб. пособие / Л. С. Жебровский. – Л., 1974. – С. 113–118.
5. Martin, P. Polymorphisme de lactoprotéines caprines / P. Martin // J. Le Lait. – 1993. – Vol. 73, № 5/6. – P. 511–532.
6. Кушнер, Х. Генетика белкового полиморфизма у животных и птиц : учеб. пособие / Х. Кушнер, Л. Зубарева, В. Гинтовт. – М. : Колос, 1970. – С. 15.
7. Моисеева, И. Г. Изучение генов, контролирующих качественные признаки у птицы / И. Г. Моисеева // Сельское хозяйство за рубежом. – 1975. – № 7. – С. 9.
8. Sulimova, G. E. Polymorphism of kappa-casein gene in populations of Bovinae subfamily / G. E. Sulimova, Yu. N. Badagiev, I. G. Udina // Rus. J. Genetics. – 1996. – Vol. 32, № 11. – P. 1371–1377.

Summary

This work represents the results of the genofund structure and the possibility of immunogenetic markers using, such as β -Lg, O_v, κ -C_n and etc. in selection. For this reason breed, lines, hybrids of various kinds of sheep, cows and poultry were studied on the basis of such exponents as frequency of alleles and genotypes, the genetic similarity of the population, the genetic balance, the structure of polymorphic system of blood albumen and milk of cows, sheep and also polymorphic blood systems and albumen of hen's eggs.

Поступила в редакцию 30.12.08.

УДК 574.5:574.632:574.2

Е. Г. Тюлькова

ИНДИКАЦИОННАЯ РОЛЬ ВОДНЫХ ОБЪЕКТОВ В ОЦЕНКЕ УРОВНЯ ЗАГРЯЗНЕНИЯ СРЕДЫ ИХ ОБИТАНИЯ

Представлены данные по содержанию тяжелых металлов в раковинах двухстворчатых (перловицы, беззубки, шаровки) и брюхоногих (прудовики) моллюсков, в прибрежных растениях (сусак, стрелолист, частуха, рдест, роголистник, горец) из водоемов, расположенных на территории западной, южной и северной промышленных зон города Гомеля. Определены концентрации исследуемых тяжелых металлов в водоемах, расположенных в указанных промышленных зонах, испытывающих различную степень антропогенной нагрузки, и установлены особенности накопления этих элементов водными гидробионтами. В большинстве случаев выявлена умеренно высокая прямая корреляционная связь между содержанием тяжелых металлов в воде и в водных растениях водоемов города Гомеля и его окрестностей.

Введение

В условиях все большего усложнения взаимоотношений природы и общества на современном этапе актуально совершенствование системы контроля за состоянием окружающей среды в целом и водных экосистем в частности в условиях загрязнения окружающей среды тяжелыми металлами, а также поиск наиболее подходящего для конкретных условий биоиндикатора [1], [2].

Водные макрофиты как биоиндикаторы отличаются легкостью идентификации, сравнительной простотой отбора проб, произрастанием на территории водоема в течение ряда лет [3], [4].

Среди водных беспозвоночных способностью к накоплению тяжелых металлов, легкостью определения до вида, широким распространением и простотой препарирования, а следовательно, достаточными преимуществами использования в качестве биоиндикаторов характеризуются моллюски [5], [6]. В этой связи интерес представляет сравнение индикационных возможностей указанных объектов и выбор оптимального биоиндикатора в условиях загрязнения водной среды тяжелыми металлами.

Методы исследования. Определение содержания тяжелых металлов в раковинах двухстворчатых (перловицы, беззубки, шаровки) и брюхоногих (прудовики) моллюсков, водной растительности (сусак, стрелолист, частуха, рдест, роголистник, горец) в водоемах города Гомеля и его окрестностей проводилось методом атомной абсорбции. Для проведения испытаний использовались методики, которые позволили достаточно эффективно подготовить пробы для определения в них тяжелых металлов и провести исследования [7]–[9].

В прибрежных растениях и в пробах воды определяли содержание свинца, никеля, кобальта, хрома, марганца и меди как основных и наиболее опасных компонентов загрязнения окружающей среды; в раковинах моллюсков – бора, марганца, титана, меди, стронция и бария. В рамках данной статьи в обсуждении результатов были использованы концентрации марганца, меди, а также титана (как d-элемента, расположенного в одной группе d-элементов с никелем, хромом и кобальтом) и бора (как p-элемента, по химическим свойствам частично близкого к свинцу) в раковинах моллюсков. В работе был также определен коэффициент корреляции с целью установления наличия зависимости и ее степени между содержанием тяжелых металлов в воде и в исследуемом растении-индикаторе.

Место исследования. Исследуемые водоемы расположены на территории трех промышленных зон города Гомеля: Любенское (западная зона), Шапор (южная зона), Круглое, Дедно, Волоотовское, Володькино, У-образное, Крайнее, Малое – расположены на территории северной промышленной зоны города Гомеля.

Указанные промышленные зоны города Гомеля различаются общими объемами выбросов загрязняющих веществ, из которых часть веществ улавливается или обезвреживается перед выбросом в атмосферу, а часть выбрасывается без очистки [10]. Объем выбрасываемых веществ без очистки был использован в качестве основополагающего критерия с целью характеристики степени антропогенной нагрузки каждой промышленной зоны. Так, на территорию *западной промышленной зоны* приходится около 19% объема выбросов загрязняющих веществ без очистки¹. *Западная промышленная зона* является самой незагрязненной по указанному критерию. *Южная промышленная зона* характеризуется 34% общего объема выбросов по городу Гомелю и занимает промежуточное положение по уровню загрязнения; *северная промышленная зона* – 47% общего объема выбросов, что указывает на самый высокий уровень антропогенной нагрузки.

Результаты исследования и их обсуждение

Результаты определения содержания исследуемых элементов в раковинах моллюсков показали неравномерное накопление тяжелых металлов у разных видов указанных гидробионтов, что показано в таблице 1.

Таблица 1 – Содержание тяжелых металлов в раковинах моллюсков

Тяжелые металлы	Промышленные зоны		
	<i>северная</i>	<i>южная</i>	<i>западная</i>
	содержание металла, мг/100 г сухой массы		
марганец	$79,1 \pm 0,80$ $120,3 \pm 2,60$	$67,7 \pm 0,70$ $62,5 \pm 0,50$	$59,4 \pm 0,56$ –
медь	$0,8 \pm 0,02$ $0,7 \pm 0,01$	$0,9 \pm 0,01$ $5,5 \pm 0,30$	$1,0 \pm 0,01$ –
титан	$7,4 \pm 0,10$ $6,3 \pm 0,08$	$4,6 \pm 0,10$ $7,8 \pm 0,30$	$5,2 \pm 0,10$ –
бор	$1,4 \pm 0,01$ $1,6 \pm 0,01$	$1,6 \pm 0,01$ $1,8 \pm 0,02$	$1,5 \pm 0,01$ –

Примечание – В знаменателе приведены данные по содержанию тяжелых металлов в раковинах брюхоногих моллюсков.

Так, из данных таблицы 1 видно отсутствие видоспецифичной закономерности накопления исследуемых элементов раковинами моллюсков. В раковинах брюхоногих моллюсков, обитающих на территории северной промышленной зоны города Гомеля, отмечено повышенное, по сравнению с двухстворчатыми моллюсками, накопление марганца и бора ($120,3 \pm 2,60$ мг/100 г сухой массы и $1,6 \pm 0,01$ мг/100 г сухой массы соответственно); брюхоногие моллюски южной зоны характеризовались большим количеством меди, титана и бора ($5,5 \pm 0,30$ мг/100 г сухой массы, $7,8 \pm 0,30$ мг/100 г сухой массы и $1,8 \pm 0,02$ мг/100 г сухой массы соответственно).

В целом моллюски северной промышленной зоны накапливали большее количество марганца ($79,1 \pm 0,80$ мг/100 г сухой массы у двухстворчатых и $120,3 \pm 2,60$ мг/100 г сухой массы у брюхоногих моллюсков соответственно в северной промышленной зоне по сравнению с $67,7 \pm 0,70$ мг/100 г сухой массы у двухстворчатых и $62,5 \pm 0,50$ мг/100 г сухой массы у брюхоногих моллюсков соответственно в южной промышленной зоне); по остальным рассматриваемым элементам такой закономерности не наблюдалось, что не является положительным фактом для обоснования возможности использования моллюсков в качестве биоиндикаторов в рамках нашей работы.

Этот вывод подтверждается результатами расчета критерия Стьюдента, представленными в таблице 2.

¹ Здесь и далее имеются в виду выбросы загрязняющих веществ без очистки.

Таблица 2 – Критерий Стьюдента для промышленных зон города Гомеля по содержанию тяжелых металлов в раковинах моллюсков

Тяжелые металлы / промышленные зоны	Промышленные зоны	
	южная	западная
<i>марганец</i>		
северная	$\frac{10,8^*}{22,2^*}$	19,7*
южная	–	9,0*
<i>медь</i>		
северная	$\frac{5,9^*}{16,0^*}$	11,8*
южная	–	9,1*
<i>титан</i>		
северная	$\frac{20,0^*}{5,0^*}$	16,9*
южная	–	4,3*
<i>бор</i>		
северная	$\frac{18,2^*}{10,0^*}$	8,3*
южная	–	8,3*

Примечание – Здесь достоверные отличия обозначены *. В знаменателе приведены данные критерия Стьюдента по содержанию тяжелых металлов в раковинах брюхоногих моллюсков.

В таблице 2 показано, что содержание всех исследуемых тяжелых металлов в раковинах моллюсков водоемов северной промышленной зоны достоверно отличается от западной и южной промышленных зон.

Максимальный критерий Стьюдента между северной и западной промышленными зонами не был отмечен ни по одному из рассматриваемых элементов для двухстворчатых и брюхоногих моллюсков; максимальное значение критерия было отмечено между северной и южной промышленными зонами (для марганца по брюхоногим – $t = 22,2$ при $P < 0,05$; для бора по двухстворчатым моллюскам $t = 18,2$ при $P < 0,05$ и т. д.).

Результаты атомно-абсорбционного анализа показали, что накопление тяжелых металлов в прибрежных растениях водоемов, расположенных в различных промышленных зонах города Гомеля, происходит избирательно, что показано в таблице 3.

Таблица 3 – Содержание тяжелых металлов в прибрежных растениях

Тяжелые металлы	Промышленные зоны		
	северная	южная	западная
содержание тяжелых металлов, мг/100 г сухой массы			
свинец	$2,2 \pm 0,04$	$1,7 \pm 0,01$	$1,5 \pm 0,005$
никель	$5,3 \pm 0,26$	$3,3 \pm 0,09$	$1,4 \pm 0,002$
кобальт	$2,1 \pm 0,05$	$0,7 \pm 0,01$	$1,3 \pm 0,006$
хром	$2,1 \pm 0,04$	$1,7 \pm 0,06$	$1,2 \pm 0,004$
марганец	$493,6 \pm 7,77$	$400,0 \pm 6,27$	$400,0 \pm 5,20$
медь	$41,8 \pm 0,09$	$4,0 \pm 0,11$	$1,3 \pm 0,007$

Следует отметить, что среди всех рассматриваемых элементов в растительных пробах отмечен в преобладающем количестве марганец, причем эта тенденция характерна для всех промышленных зон города Гомеля.

Так, содержание марганца, например, в водной растительности на территории западной промышленной зоны составило $400,0 \pm 5,20$ мг/100 г сухой массы; в северной зоне – $493,6 \pm 7,77$ мг/100 г сухой массы.

В незначительном количестве по сравнению с марганцем в водных растениях накапливались остальные рассматриваемые элементы. Так, свинец в водных растениях на территории западной промышленной зоны концентрировался в количестве $1,5 \pm 0,005$ мг/100 г сухой массы; северной – $2,2 \pm 0,04$ мг/100 г сухой массы; никель – $1,4 \pm 0,002$ мг/100 г сухой массы и $5,3 \pm 0,26$ мг/100 г сухой массы соответственно для этих зон.

Из данных таблицы 3 видно, что все исследуемые элементы содержались в прибрежных растениях водоемов на территории северной промышленной зоны, которая является самой загрязненной выбросами промышленных предприятий в больших количествах, по сравнению с южной и западной зонами.

Повышенное количество тяжелых металлов в прибрежных растениях водоемов северной промышленной зоны города, возможно, является следствием более напряженной экологической обстановки на этой территории, требует повышения эффективности мероприятий контроля за качеством окружающей среды города и показывает более перспективные, по сравнению с раковинами моллюсков, возможности использования растительности в качестве биоиндикатора.

Такой вывод частично подтверждается также результатами расчета критерия Стьюдента (таблица 4) для промышленных зон города Гомеля по содержанию тяжелых металлов в прибрежных растениях.

Таблица 4 – Критерий Стьюдента для промышленных зон города Гомеля по содержанию тяжелых металлов в прибрежных растениях

Тяжелые металлы / промышленные зоны	Промышленные зоны	
	южная	западная
	<i>свинец</i>	
северная	12,5*	17,5*
южная	–	20,0*
	<i>никель</i>	
северная	7,1*	15,0*
южная	–	63,3*
	<i>кобальт</i>	
северная	28,8*	16,0*
южная	–	60,0*
	<i>хром</i>	
северная	5,7*	22,5*
южная	–	8,3*
	<i>марганец</i>	
северная	9,4*	9,9*
южная	–	–
	<i>медь</i>	
северная	270,0*	450,0*
южная	–	24,5*

Примечания – Здесь достоверные отличия обозначены *.

В таблице 4 показано, что содержание всех исследуемых тяжелых металлов в прибрежных растениях водоемов северной промышленной зоны достоверно отличается от западной и южной промышленных зон.

Так, для свинца $t = 17,5$ при $P < 0,05$ и $t = 12,5$ при $P < 0,05$ соответственно для указанных зон; для никеля $t = 15,0$ при $P < 0,05$ и $t = 7,1$ при $P < 0,05$; для кобальта $t = 16,0$ при $P < 0,05$ и $t = 28,8$ при $P < 0,05$ и т. д.

Достоверные отличия по содержанию тяжелых металлов в прибрежных водных растениях отмечены также между западной и южной промышленными зонами. Так, для свинца $t = 20,0$

при $P < 0,05$ соответственно для указанных зон; для никеля $t = 63,3$ при $P < 0,05$; для кобальта $t = 60,0$ при $P < 0,05$ и т. д.

Необходимо подчеркнуть, что для половины исследуемых элементов (хрома, марганца, меди) критерий Стьюдента максимален между западной и северной промышленными зонами. Эти результаты также указывают на то, что северная промышленная зона города Гомеля испытывает несколько большую антропогенную нагрузку по сравнению с другими зонами.

Результаты анализа водных проб, представленные в таблице 5, показали, что все изучаемые элементы, за исключением свинца и никеля, в преобладающем количестве определены в пробах из озер, расположенных на территории северной промышленной зоны.

Таблица 5 – Содержание тяжелых металлов в водных пробах

Тяжелые металлы	Промышленные зоны		
	северная	южная	западная
	содержание тяжелых металлов, мг/л		
свинец	$0,001 \pm 0,00008$	$0,002 \pm 0,00001$	$0,003 \pm 0,00002$
никель	$0,006 \pm 0,003$	$0,009 \pm 0,00001$	$0,0075 \pm 0,0001$
кобальт	$0,0007 \pm 0,000001$	$0,0004 \pm 0,00001$	$0,0004 \pm 0,00001$
хром	$0,0063 \pm 0,00001$	$0,0016 \pm 0,00001$	$0,0042 \pm 0,00002$
марганец	$0,2 \pm 0,0005$	$0,09 \pm 0,0003$	$0,06 \pm 0,0009$
медь	$0,06 \pm 0,001$	$0,04 \pm 0,0001$	$0,02 \pm 0,0001$

Так, содержание кобальта в воде составило в северной зоне $0,0007 \pm 0,000001$ мг/л, в южной и западной зонах – $0,0004 \pm 0,000001$ мг/л; содержание хрома – $0,0063 \pm 0,00001$ мг/л, $0,0016 \pm 0,00001$ мг/л и $0,0042 \pm 0,00002$ мг/л соответственно для указанных промышленных зон и т. д.

С целью установления наличия зависимости и ее характера между содержанием тяжелых металлов в растении-индикаторе и окружающей его внешней среде нами были определены коэффициенты корреляции, результаты расчета которых показаны в таблице 6.

Таблица 6 – Коэффициент корреляции между содержанием тяжелых металлов в воде и в прибрежных растениях

Тяжелые металлы	Промышленные зоны		
	северная	южная	западная
свинец	0,36	0,97	-0,04
никель	0,27	0,27	0,86
кобальт	0,39	-0,87	0,33
хром	0,11	-0,48	-0,90
марганец	-0,50	0,94	0,96
медь	-0,11	0,99	0,50

В таблице 6 показано, что в большинстве случаев имеет место умеренно высокая прямая корреляционная связь между содержанием тяжелых металлов в воде и в прибрежных растениях водоемов города Гомеля и его окрестностей.

Выводы

1. Отсутствует видоспецифичная закономерность накопления исследуемых элементов раковинами моллюсков с учетом степени антропогенной нагрузки района их обитания.

2. Прибрежные растения и вода водоемов северной промышленной зоны города Гомеля в больших количествах концентрировали исследуемые элементы, по сравнению с южной и западной зонами, за исключением свинца и никеля для воды, что показывает более перспективные по сравнению с раковинами моллюсков возможности использования растительности в качестве биоиндикатора.

3. Установлена умеренно высокая прямая корреляционная связь между содержанием тяжелых металлов в воде и в прибрежных растениях водоемов города Гомеля.

Літаратура

1. Никаноров, А. М. Биомониторинг металлов в пресноводных экосистемах / А. М. Никаноров, А. В. Жулидов. – Л. : Гидрометеиздат, 1991. – 311 с.
2. Мур, Дж. Тяжелые металлы в природных водах / Дж. Мур, С. Рамамурти. – М. : Мир, 1987. – 285 с.
3. Федорова, Е. В. Биоаккумуляция металлов растительностью в пределах малого аэротехногенного загрязненного водосбора / Е. В. Федорова, Г. Я. Одинцева // Экология. – 2005. – № 1. – С. 26–31.
4. Сапегин, Л. М. Состояние прибрежно-водной растительности озер города Гомеля / Л. М. Сапегин, Н. М. Дайнеко, С. С. Шейко // Проблемы геоэкологии и экологическая безопасность городских агломераций : материалы I Междунар. научно-практ. конф., Гомель, 23–25 окт. 1998 г. / Гом. гос. ун-т ; редкол. : А. Н. Кусенков (отв. ред.) [и др.]. – Гомель, 1998. – С. 103–107.
5. Макаренко, Т. В. Изучение содержания тяжелых металлов в водных экосистемах города Гомеля и его окрестностей / Т. В. Макаренко // Изв. Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2002. – № 4(13). – С. 26–35.
6. Макаренко, Т. В. Динамика накопления тяжелых металлов мягкими тканями моллюсков в водоемах города Гомеля / Т. В. Макаренко // Изв. Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2007. – № 6(45). – С. 106–112.
7. Физико-химические методы в экологии: практическое руководство для выполнения курсовых и дипломных работ студентами специальностей Н.06.01 «Экология» и Н.04.01. «Биология» / В. Г. Свириденко [и др.]. – Гомель : ГомГУ им. Ф. Скорины, 2002. – 122 с.
8. Методы исследования качества вод водоемов / А. П. Шицкова [и др.] ; под общ. ред. А. П. Шицковой. – М. : Медицина, 1990. – 350 с.
9. Сборник методик выполнения измерений, допущенных к применению в деятельности лабораторий экологического контроля предприятий и организаций Республики Беларусь / В. И. Алешка [и др.] ; под общ. ред. В. И. Алешка. – Минск : НТЦ «АПИ», 1998. – 250 с.
10. Годовой обзор состояния загрязнения атмосферного воздуха в городе Гомеле за 2007 год / М-во природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, Департамент метеорологии, Гомельский областной центр по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды; лаборатория экологического мониторинга ГУ «Гомельоблгидромета». – Гомель, 2007. – 25 с.

Summary

This work represents the facts about heavy metal content in bowls molluscs, coastal plants from the reservoirs located in the territory of western, southern and northern industrial zones of Gomel. The author has defined the Concentration of the investigated heavy metals in the reservoirs located in specified industrial zones, testing various degree of anthropogenous loading, and also established the features of accumulation of these elements by water organisms. He has revealed in most cases moderate-high direct correlate communication between the heavy metal content in water and water plants of Gomel's reservoirs and its neighbouring.

Поступила в редакцию 27.11.08.

Г І С Т О Р Ы Я

УДК 94(476.2)

А. Я. Барсук

ДА ПЫТАННЯ АБ СТАРАЖЫТНАЙ СПАДЧЫНЕ МАЗЫРА

Геапалітычнае становішча Мазыра, на скрыжаванні водных і сухапутных шляхоў, адбілася на гістарычным і культурным развіцці горада, поліканфесійнай сітуацыі, яго абліччы і пакінула ўнікальную гісторыка-культурную спадчыну, якая адлюстроўвае галоўныя вехі гісторыі Беларусі ў цэлым і паказвае рэгіянальныя рысы. Найбольш адметныя помнікі гісторыі і культуры старажытнага горада ўключаны ў Нацыянальны рэестр помнікаў гісторыі і культуры Рэспублікі Беларусь. Гэта ўмацаванае гарадзішча жалезнага веку ў Кімбараўцы, замчышча на гары Камунараў, кляштар цыстэрцыянаў на вул. Гоголя, кляштар бернардынцаў і інш.

Уводзіны

Даследаванне гісторыка-культурнай спадчыны Мазыра дае магчымасць прасачыць галоўныя вехі гісторыі Беларусі ў цэлым, пачынаючы ад старажытнасці і спыняючыся на сучаснасці, паказаць рэгіянальныя рысы. Актуальнасць тэмы абумоўлена таксама неабходнасцю асэнсавання беларускім грамадствам свайго мінулага, сучаснага і будучага, што спрыяе выхаванню патрыятызму.

Геапалітычнае становішча Мазыра, на скрыжаванні водных і сухапутных шляхоў з захаду на ўсход і з поўначы на поўдзень, адбілася на гістарычным і культурным развіцці горада, поліканфесійнай сітуацыі, яго абліччы, нацыянальным складзе насельніцтва і пакінула ўнікальную гісторыка-культурную спадчыну. Яе каштоўнасці з'яўляюцца адлюстраваннем працэса ўзаемадзеяння цывілізацыйных, геапалітычных, сацыяльна-эканамічных і этнакультурных фактараў фарміравання беларускага народа.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

Першае паселішча на тэрыторыі сучаснага Мазыра адносіцца да бронзавага веку і знаходзіцца ва ўрочышчы Кімбараўка, па вуліцы Гоголя. Раскопкі пасялення дазваляюць зрабіць вывад, што яно працягвала функцыянаваць і ў перыяд жалезнага веку, а найбольш інтэнсіўна дзейнічала ў VIII–XI стст., калі стала ўмацаваным. Гарадзішча размешчана на правым беразе Прыпяці, на высокім мысе паміж двума ярамі на вышыні 20–25 м. З заходняга боку захаваліся вал вышынёй да 4 м і роў глыбінёй да 3 м. Вал быў насыпаны ў некалькі прыёмаў з выкарыстаннем драўляных крапёжных збудаванняў. За валам было вялікае паселішча, якое з усходу ад ракі паўколам ахоплівала старажытная агароджа.

Падчас археалагічных даследаванняў былі знойдзены цікавыя рэчы: палова сярэбранага дырхема (манетны двор Ал-Мухамедыя 798–799 гг.), бронзавыя паясныя бляшкі, шыферныя і гліняныя праселкі, васьмігранная сердалікавая пацерка, бронзавая фібула, калачападобнае крэсіва, шматлікі керамічны посуд, – што пацвярджаюць актыўную ролю Мазыра ў гандлі з Кіевам і іншымі гарадамі Падняпроўя і Палесся [1, 37].

Асабліва сцю кімбаўскага гарадзішча з'яўляецца адсутнасць земляробчага матэрыялу і наяўнасць рэшткаў рамесніцкага і воінскага прызначэння. Магчыма, Кімбараўка была гарадзішчам-сховішчам, адміністрацыйным, гандлёва-рамесным і культурным цэнтрам і праіснавала да канца XI ст. Тут не знойдзена рэчаў, якія датуюцца пазней XI ст.

У XII ст. жыццё перамясцілася на сучасную гару Камунараў, дзе ўзнік умацаваны дзяцінец. Там не выяўлена знаходак, якія датуюцца раней XII ст. Назіраецца храналагічная пераемнасць рэчавага матэрыялу Кімбараўкі і пасялення на гары Камунараў: ніжняя мяжа археалагічных знаходак і культурнага пласта замчышча супадае з верхняй мяжой існавання кімбаўскага

гарадзішча. Аднак нельга ўпэўнена сказаць, што менавіта мясцовыя жыхары перасяліліся на больш зручнае месца – Спаскую гару (Замчышча). Чаму кімбараўскае гарадзішча спыніла сваё існаванне, дакладна невядома. Па адной з версій гэта было звязана з распаўсюджваннем хрысціянства.

Упершыню Мазыр узгадваецца ў 1155 г. у Іпацьеўскім летапісе, калі вялікі князь кіеўскі Юрый Даўгарукі перадаў горад свайму саюзніку, чарнігаўскаму князю Святаславу Ольгавічу.

У XII–XIII стст. Мазыр быў адным з самых значных гарадоў Тураўскага княства, якое мела асобныя адносіны з Кіевам. Гэта было абумоўлена тым, што Туравам заўсёды валодаў старэйшы сын вялікага князя кіеўскага і пасля яго смерці займаў і вялікакняжацкі «стоі». Тураўскае княства межавала з Польшчай, таму князі ў міжусобнай барацьбе за кіеўскі прастола часта звярталіся за дапамогай да «ляхаў».

Адметны стан Мазыра спачатку тлумачыўся тым, што горад знаходзіўся на гандлёвым шляху «з варагаў у грэкі». Затым ён становіцца значным стратэгічным пунктам, паштучным і гандлёва-рамесным цэнтрам Палескага рэгіёна, дзякуючы свайму размяшчэнню на скрыжаванні буйных водных (Прыпяць, Пціч) і сухапутных (Жытомір–Бабруйск, Рагачоў–Рэчыца–Пінск) шляхоў.

Першапачатковае месцазнаходжанне летапіснага Мазыра можна акрэсліць у раёне сучаснай гары Камунараў. Тут быў пабудаваны дзяцінец. Узвышаючыся над ярамі і пакатымі схіламі на 15–20 м, ён з трох бакоў быў непрыступным. З паўднёвага боку дзяцінца знаходзілася неўмацаваная частка горада – гандлёва-рамесніцкі пасад (прыблізна раён сучасных вуліц: Ленінская, Камсамольская, Калініна). Гэта было тыповае сярэдневечнае ўсходнеславянскае паселішча, аб чым сведчаць знаходкі рэшткаў паўзямлянак, гаспадарчых пабудов, рамесных вырабаў. У выніку археалагічных раскопак на гары Камунараў была сабрана вялікая калекцыя бытавога посуду, кафлі, вырабаў са шкла, косці, металу [2, 24]. У мазырскім дзяцінцы існавала камнярэзная майстэрня, што пацвярджаюць сотні кавалкаў бардовага шыферу, з якога выраблялі прасліцы і іншыя дробныя рэчы. На замчышчы знойдзены іншыя вырабы з каменя: моцна спрацаваныя тачыльныя брускі розных часоў (XIII–XVI стст.), палова жорнаў, каменнае ядро XV – першай паловы XVI ст. [3, 66]. Археалагічны матэрыял сведчыць аб актыўным гаспадарчым жыцці ў сярэдневечным Мазыры.

Горад знаходзіўся на шляху завабунікаў з поўдня і паўднёвага ўсходу і неаднаразова зведаў напады іншаземцаў.

У 1497 г. крымскія татары захапілі і разрабавалі горад, забілі Кіеўскага мітрапаліта Макарыя [4, 124]. Іх напады адбываліся ў 1508 г. і 1521 г., калі Мазыр быў спалены. А ў 1527 г. мяшчане нават былі вызвалены ад «грошавай, медовай, бабровой дані з-за татарскаго опусташення» [5, 173]. Барацьба са шматлікімі татарскімі ордамі знайшла адлюстраванне ў народнай творчасці. Вядомы рускі этнограф і краязнаўца П. М. Шпілеўскі ўзгадвае легендарных герояў народных песняў. Так, «Неустрасимый Базар не раз громил татар», і ў якасці ўзнагароды за мужнасць атрымаў ад вялікага князя Літоўскага Жыгімонта I маёнтак Іпогор. Хутка ў бітве з ворагамі мужны воін загінуў, і маёнтак перайшоў ва ўладанне «храброга воина Демяна Ленка» [6, 19].

Цярпеў Мазыр і ад маскоўскіх войскаў. Падчас вайны 1506–1508 гг. з Маскоўскім княствам, у сакавіку 1508 г. горад стаў рэзідэнцый мяцежніка Міхаіла Глінскага «частью силой, частью подачей от шляхты». Падчас новай вайны з Вялікім княствам Маскоўскім у 1535 г. Мазыр быў захоплены і разбураны рускімі войскамі.

Дакладных звестак аб часе ўзнікнення мазырскага замка няма. Аднак замак ужо існаваў на пачатку XVI ст. «Устава» Мазырскага павета 1501 г. узгадвае павіннасці гарадскога насельніцтва на падтрымку замка. Вядома, што ў 1543 г. замак меў вежу-браму з пад'ёмным мастом. Агульная працягласць умацаванняў складала 146 сажняў (прыкладна 281 м). У замку знаходзіўся склад зброі і скарбніца [7, 39].

Інвентар Мазыра 1552 г. сцвярджае, што ў гэты час разам з «варотнай» існавалі тры вежы, дзве з якіх былі семіяруснымі. Вежы злучаліся сцяной, якая складалася з 25 гародняў – драўляных трохсценных зрубаў, абмазаных знадворку гліняным раствором. Замак быў акружаны высокім валам і ровам, праз які быў перакінуты мост. Ён злучаў замак з прадзамкавай тэрыторыяй – парканам, дадатковай лініяй умацаванняў, дзе знаходзіліся падсобныя памяшканні і царква св. Мікалая. На думку вядомага беларускага гісторыка А. А. Трусава, прадзамак знаходзіўся на суседнім узвышшы, якое пазней атрымала назву Мікольскай гары (ад назвы царквы).

Перад замкам існавалі гаспадарчыя пабудовы: «дворец», стайня, бровар, псарня і інш. Гэтыя звесткі пацвярджаюць вынікі археалагічных раскопак, праведзеных каля падножжа Замкавай гары. Падчас іх на паўднёва-заходнім схіле былі выяўлены рэшткі мураванай брамы або вежы сярэдзіны XVI – пачатку XVII стст. і драўлянай замкавай пабудовы XV–XVII стст. Найбольшую цікавасць уяўляе адна з замкавых горніц, дзе знаходзілася печ, абкладзеная зялёнай паліванай, з геаметрычным арнамантам, кафляй сярэдзіны XVI ст. Верх печы быў аздоблены дэкаратыўнымі каронкамі, на адной з іх размешчана партрэтная выява жанчыны ў касцюме эпохі Рэнэсансу – т. зв. «мазырская мадонна». Знойдзена таксама кафля ў выглядзе чалавечай галавы [8, 39].

Паводле інвентара 1576 г., замак меў ужо 5 вежаў, якія аб'ядноўваліся паміж сабой сценамі з тоўстых дубовых бярвенняў вышыняй 8–10 м. Абароназдольнасць замка ўзмацнялася за кошт паркану. Працягласць гэтай знешняй лініі ўмацаванняў дасягала 169,5 сажняў (каля 339 м). Яна складалася з дамоў «с подсябьем» – з байніцамі – і гародняў. Відавочна, што тэрыторыя замка была значна пашырана і заняла абедзве часткі гары – былых Спаскай і Мікольскай.

Перад парканам са знешняга боку быў роў. Трапіць у Мазыр можна было праз тры брамы па перакінутых мастах. Па схілах узвышша вакол замку былі размешчаны дамы, майстэрні і гаспадарчыя пабудовы мяшчан [9]. Назіраецца цікавая асаблівасць: замак быў абнесены ўмацаваннямі (сцены, гародні, паркан, вежы) толькі з трох бакоў. З боку высокага і абрывістага берага Прыпяці іх не было. У XVII ст. вышыня гэтай часткі гары дасягала больш 40 м.

Некалькі тысяч знойдзеных рэчаў падчас раскопак сведчаць аб інтэнсіўным жыцці на замчышчы ў XV–XVII стст. Гэта кухонны і сталовы паліваны посуд, розныя вырабы з косці і шкла, гаспадарчыя прылады (нажы, серп, каса, цуглі), зброя, кавалкі вялікапамернай цэгля таўшчынёй да 9 см, некалькі галандскіх люлек, манеты Рэчы Паспалітай XVI–XVI стст. [2, 24].

Замак як моцнае фартыфікацыйнае збудаванне перастаў існаваць у 1649 г. падчас казацка-сялянскай вайны 1648–1651 гг. у Рэчы Паспалітай. Замак і гарадскія ўмацаванні былі спалены гетманам Янушам Радзівілам пасля перамогі над казакамі Міхненкі, што зачыніліся ў горадзе. У XVIII ст. мазырскі замак меў толькі адміністрацыйнае значэнне і складаўся з драўлянага палаца ў цэнтры і гаспадарчай зоны.

Да нашых дзён успамянам аб былой велічы мазырскага замка з'яўляецца мураваны будынак былой замкавай скарбніцы. Ён адзначаны на планах горада 1769 г., 1825 г. [10, 19], [11]. Аб ім узгадвае складзенае пасля далучэння горада да Расіі, у канцы XVIII ст., «Топографическое описание Минской губернии»: «отменных зданий никаких не имеется, за исключением одного бернардинского каменного кляштора и развалившихся двух земляных замков, называемых старым и новым, на коих в старом одна только деревянная церковь, а в новом – ветхий дом для присутственных мест и при нем каменный архив» [12, 123].

Беларусь з прычыны свайго геапалітычнага размяшчэння апынулася на мяжы двух хрысціянскіх веравызнанняў і стала месцам сутыкнення і ўзаемадзеяння цывілізацый, што абумовіла яе канфесійную своеасаблівасць.

Так, у Мазыры ў XVI–XVIII стст. назіраецца унікальнае поліканфесійнае становішча. Тут налічвалася 5 праваслаўных цэркваў і кляштар, дзейнічалі розныя манаскія ордэны: езуіты, бернардзінцы, цыстэрцыянцы, кармеліты і марыявіткі, базыльяне, існавала сінагога. Да нашых дзён дайшлі толькі мураваныя будынкі бернардзінскага і цыстэрцыянскіх кляштароў. Праваслаўныя храмы Мазыра былі драўлянымі і да нашых дзён не захаваліся.

Першыя дакладныя архіўныя звесткі аб існаванні праваслаўных храмаў у горадзе адносяцца да сярэдзіны XVI ст. Дзяржаўныя інвентары Мазыра 1552 г. і 1576 г. згадваюць 5 праваслаўных цэркваў: Спаская (Праабражэння Гасподняга); Мікольская; Міхайлаўская; Прэсвятой Багародзіцы; Пятніцкая або Св. Параскевы.

Наяўнасць такой колькасці праваслаўных храмаў у XVI ст. сведчыць аб панаванні праваслаўя на Мазыршчыне нават у той час, калі дзяржаўная палітыка Вялікага княства Літоўскага ў дачыненні да рэлігіі мела пракаталіцкі характар і новыя праваслаўныя прыходы ў Беларусі адчыняліся марудна, а іх колькасць з цягам часу скарачалася. Да пачатку XVII ст. пераважная роля праваслаўя на Мазыршчыне захоўвалася. Яшчэ ў 1615 г. мазырскі земскі пісар Фёдар Абуховіч заснаваў праваслаўны жаночы кляштар з царквою св. Параскевы [13]. Гэта адзіны помнік праваслаўнага дойлідства ў Мазыры – вядомы па свайму знешняму

выгляду. Захаваўся яе фотаздымак, зроблены ў пачатку XX ст. Будынак царквы адзначаны на плане горада 1769 г., ён знаходзіўся ў канцы горада па Кіеўскай вуліцы (прыблізна раён гасцініцы «Прыпяць») [10, 21].

Асноўнымі сродкамі ўціску былі гвалтоўныя перадачы праваслаўных царкваў уніяцкаму духавенству. У 1623 г. праваслаўная шляхта ў Літве, Падляшшы, Палессі, Валыні, Панізоўі, Беларускай Русі скардзілася Варшаўскаму сойму на тое, што «Русь грэцкага веравызнання ўсходняга абраду выключаюць з магістратаў, выганяюць з цэхаў, пазбаўляюць храмаў». Гэты зварот быў падпісаны прадстаўнікамі 40 гарадоў, у тым ліку і Мазыра. Так, да канца XVII ст. Пятніцкая царква ў Мазыры існавала як праваслаўная, а ў першай палове XVIII ст. ператваралася ва ўніяцкую пры базільянскім манастыры, які быў заснаваны на Яснай гары. У 1747 г. Мазырскі пратапоп Фёдар Савіцкі скардзіўся слудцаму архімандрыту Іосіфу Аранскаму на тое, што ў яго падпарадкаванні засталася толькі 7 царкваў з 50, астатнія ўжо захоплены уніятамі [14, 10].

З архіўных дакументаў вынікае, што ў канцы XVIII ст. праваслаўныя захавалі свае прыходы, іх у горадзе засталася 5: Спаская, Мікалаеўская, Раства-Багародзіцкая, Параскевіцкая, Міхайлаўская саборная царквы.

Аднак, па сведчанні П. М. Шпілеўскага, на час яго падарожжа ў 1858 г., пасля вялікага пажару ў 1856 г., у Мазыры было «православных церквей две – соборная, на высоком крутом кургане, к которому ведет длинная лестница с целой сотней ступеней, и приходская – Пятницкая. Обе церкви деревянные; по стилю наружной постройки и внутренних украшений, икон и куполов носят на себе отпечаток старины, если не глубокой старины» [6, 23].

Пры археалагічных раскопках у 2004 г. з удзелам студэнтаў УА «МДПУ імя І. П. Шамякіна» самай старажытнай – паўночна-заходняй часткі замчышча – быў знойдзены фундамент і царкоўны пагост з пахаваннямі. У дакументах XVII–XVIII стст., калі замак страціў абарончае значэнне, гара атрымала назву Спаскай, магчыма, з-за размешчанай на ёй царквы. На плане Мазыра 1769 г. [10, 19] на Спаскай гары адзначаны старажытныя могілкі і драўляная царква Праабражэння Гасподняга. Верагодна, Спаская царква існавала ўжо з самага пачатку засялення гарадзішча ў XII ст. Цяпер плануецца аднавіць Спаскую царкву на былым месцы.

Згодна з пісьмовымі крыніцамі, «под Замковой горой» знаходзілася царква св. Мікалая Цудатворца [10, 19], [11]. Цяпер прыблізна на тым месцы знаходзіцца Свята-Мікольская царква, размешчаная ў будынка былога Дома Абароны – помніка архітэктуры канструктывізму.

Каталіцкія храмы з’явіліся ў горадзе толькі ў першай палове XVII ст. Першымі прадстаўнікамі каталіцкіх рэлігійных арганізацый былі езуіты і бернардынцы.

У 1616 г. мазырскім старастай Бальтазарам Стравінскім быў фундаваны касцёл Ушэсця Маці Божай – фарны. У 1723–1773 гг. пры касцёле дзейнічала езуіцкая місія, якая з 1726 г. трымала школу [15]. Вядома, што езуіты давалі вельмі грунтоўную адукацыю еўрапейскага ўзроўню. Архітэктурны помнік быў знішчаны маланкай у 1934 г. Зараз, магчыма, на яго падмурках знаходзіцца будынак ваенкамата (вул. Фрунзе).

Кляштар бернардынцаў (цяпер Свята-Міхайлаўскі кафедральны сабор і рэзідэнцыя епіскапа Тураўскага і Мазырскага) – помнік архітэктуры барока – быў заснаваны 25 чэрвеня 1645 г. намеснікам Стэфанам Лозкай. Спачатку будынкі касцёла і прыбудаванага да яго з усходняга боку жыллага корпуса былі драўляныя, якія пацярпелі ад пажару ў канцы XVII ст. У 1760–1778 гг. маршалак мазырскі Казімір Аскерка «адбудаваў касцёл з гунту» ў стылі позняга барока [16, 241]. Храм быў асвечаны ў гонар Міхаіла Архангела 16 ліпеня 1775 г. Пад алтарнай часткай знаходзіцца крыпта. У ёй хавалі заможных і найбольш паважаных жыхароў Мазыра. Да нашых дзён захавалася некалькі надмагільных пліт буйнога шляхецкага роду Аскеркаў. Кляштар быў зачынены расійскімі ўладамі пасля шляхецкага паўстання ў 1832 г. Будынак касцёла быў аддадзены пад праваслаўную царкву. Ён пасля пажару ў 1839 г. быў рэканструяваны. А ў 1865 г. сабор асвяцілі ў імя архістраціга Міхаіла [17, 108].

У межах сучаснай тэрыторыі Беларусі цыстэрцыянскіх кляштароў было толькі тры: два з іх – мужчынскі і жаночы – размяшчаліся ў Мазыры, у т. з. Анельскай даліне (Кімбараўцы).

На пачатку XVIII ст. у горадзе быў створаны жаночы кляштар. Яго будынкі спачатку былі драўлянымі, а ў 1743–1745 гг. на сродкі Казіміра Сапегі (30 тыс. злотых) быў пабудаваны мураваны храм Св. Міхаіла Архангела. Манашкі былі пераведзены з Вільні, дзе да гэтага часу існаваў адзіны ў ВКЛ кляштар цыстэрцыянак. У 1750 г. прыстанак пацярпеў ад казакоў

падчас гайдамацкіх хваляванняў. Пры кляштары існавала школа для дзяўчынак, дзе выкладалі арыфметыку, музыку, гігіену, французскую і лацінскую мовы [17, 93]. У савецкі час кляштар быў сховішчам, інтэрнатам і спартыўнай базай. У 90-я гады XX ст. храм быў адноўлены і з'яўляецца дзеючым.

Мужчынскі прытулак цыстэрцыянцаў, заснаваны таксама ў пачатку XVIII ст., меў значныя зямельныя ўладанні – юрыдыку ў в. Кімбараўка (18 дымоў) і 24 валокі зямлі ворнай і пад лесам. Мужчынскі цыстэрцыянскі кляштар быў скасаваны расійскімі ўладамі пасля паўстання ў 1864 г., а касцёл пераабсталяваны пад праваслаўную Свята-Троіцкую царкву [18, 187]. У будынку кляштара ў 1895–1920 гг. працавала першае буйное прадпрыемства ў Мазыры – запалкавая фабрыка, якая вырабляла шведскія запалкі. У 1899 г. на яе аснове было створана акцыянернае таварыства «Маланка» з асноўным капіталам 300 тыс. руб. Меркаваць аб памерах былога кляштара можна па наступных лічбах: у 1910–1913 гг. фабрыка мела 3 паравыя машыны (75 конскіх сіл), у 1911 г. на прадпрыемстве працавала 625 чалавек [19]. Кляштарныя будынкi ў нязменным стане яшчэ існавалі да 1928 г. – часу стварэння мэблевай фабрыкі «Прафінтэрн». Сёння ў гэтых памяшканнях таксама працуе мэблевая фабрыка – адкрытае акцыянернае таварыства «Мазырдрэў» – і таму аб мінулай велічы мала што сведчыць.

Помнікам гісторыі горадабудаўніцтва лічыцца планіровачная структура Мазыра. Яна складалася на працягу стагоддзяў пад уплывам мноства фактараў: унікальнасці ландшафту горада; размяшчэння на воднай артэрыі; скрыжавання сухапутных шляхоў. Сучасная планіровачная структура горада склалася яшчэ ў другой палове XVI ст. У дакуменце ад 1560 г. сустракаюцца назвы гарадскіх брам: Слуцкай, Кіеўскай і Оўручскай. Яны звязваюцца з вуліцамі: Оўручскай (сучасная вуліца Калініна), у пачатку якой знаходзіцца Оўручская брама; Свідоўскай (сучасная вуліца Ленінская), дзе размяшчаўся дом Свірыдовіча, «улица ад брамы Слуцкай аж брамы Кіеўскай» (сучасная вуліца Савецкая – на набярэжнай Прыпяці) [20]. На сённяшні дзень гістарычны раён Мазыра абмежаваны: на поўначы – берагам Прыпяці; на поўдні – узгоркі ўпоперак вуліц Ленінская, 17 верасня, Фрунзе, Калініна, Інтэрнацыянальная; на усходзе – вул. Я. Купалы; на захадзе – вул. Рыжкова.

Такім чынам, Мазыр мае унікальную старажытную спадчыну, якая адлюстроўвае гістарычныя падзеі не толькі рэгіёна, але і дзяржавы ў цэлым. Найбольш адметныя помнікі гісторыі і культуры горада ўключаны ў Нацыянальны рэестр помнікаў гісторыі і культуры Рэспублікі Беларусь:

1. Стаянка – 1 эпохі неаліта (4–3 тыс. да н. э.);
2. Стаянка – 2 эпохі неаліта (4–3 тыс. да н. э.);
3. Гарадзішча IX–XI стст. – Кімбараўка, сучасная вул. Гоголя каля мэблевай фабрыкі;
4. Гарадзішча XII–XIII стст. – гара Камунараў;
5. Гістарычны цэнтр горада: будынкi і збудаванні, планіровачная структура, ландшафт і культурны пласт на тэрыторыі абмежаванай: з поўначы – набярэжная р. Прыпяць, з захаду – пл. Леніна і вул. Ленінская, з поўдня – завулкам Фрунзе, з усходу – вул. Калініна;
6. Комплекс былога кляштара цыстэрцыянцаў: касцёл і гаспадарчыя пабудовы (1743–1745 гг., 1893–1894 гг.) – вул. Гоголя, 93;
7. Комплекс былога кляштара бернардынцаў: касцёл і жылы корпус (першая палова XVIII ст.) – вул. Камсамольская, 14–16.

Вывады

Гісторыка-культурныя каштоўнасці Мазыра вызначаюць разнастайныя магчымасці для даследавання і папулярызавання гістарычных ведаў, стварэння турысцкай зоны ў адпаведнасці з дзяржаўнай палітыкай у галіне ўліку і аховы гісторыка-культурнай спадчыны і развіцця турызму, акрэсленай законамі «Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны», «Аб турызме», пастановай Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь «Аб стварэнні турысцкіх зон». Згодна з гэтымі нарматыўна-прававымі актамі, Гомельскі абласны выканаўчы камітэт зацвердзіў схему развіцця турысцкіх зон Гомельскай вобласці і стварыў Палеска-Тураўскую культурна-турысцкую зону з тэрыторыямі Мазырскага, Калінкавіцкага, Жыгкавіцкага, Нараўлянскага, Петрыкаўскага раёнаў з цэнтрам у Мазыры.

Далейшае вывучэнне гістарычнай спадчыны горада і раёна дазволіць стварыць навукова-практычную базу для развіцця турызму ў рэгіёне.

Літаратура

1. Залашка, Г. М. Кімбараўскае гарадзішча / Г. М. Залашка // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – 1983. – № 4. – С. 37–38.
2. Трусаў, А. А. Новае пра старажытны Мазыр (па матэрыялах археалагічных даследаванняў 1981–1984 гг.) / А. А. Трусаў, Н. І. Здановіч // Сярэдневяковыя старажытнасці Беларусі. – Мінск : Беларусь, 1993. – 178 с.
3. Трусов, О. А. Мозырская камнерезная мастерская XII – начала XIII вв. / О. А. Трусов // Гомельщина: археология, история, памятники / О. А. Трусов. – Гомель, 1991. – С. 66–67.
4. Полное собрание русских летописей : в 35 т. / ред. кол. Л. В. Черепнин, М. Н. Тихомиров (гл. ред.) [и др.]. – М. : Просвещение, 1980. – Т. 35 : Волынская краткая летопись / Л. В. Черепнин [и др.]. – 1980. – 489 с.
5. Живописная Россия. Отечество наше в поземельном, историческом, письменном, экономическом и бытовом значении : в 3 т. / под ред. П. П. Семенова. – Репринтное воспроизведение изд. 1882 г. – Мінск : БелЭн., 1993. – Т. 3 : Литовское и Белорусское Полесье / П. И. Семенов. – 1993. – 550 с.
6. Шпилевский, П. Мозырщина / П. Шпилевский // Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до России, издаваемый Н. Каласковым. Книга третья (съ приложеніемъ). – С.-Петербургъ, 1859. – 104 с.
7. Ткачѳв, М. Замки Беларусі / М. Ткачѳв. – Мінск : Беларусь, 2002. – 200 с.
8. Трусаў, А. А. Археалагічныя даследаванні / А. А. Трусаў // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – 1982. – № 2. – С. 39–40.
9. Інвентарнае апісанне м. Мазыр 1576 г. // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 694. – Воп. 2. – Спр. 4871. – Арк. 17–18 адв.
10. Крукоўскі, А. Я. Горад Мазыр і яго ваколiцы / А. Я. Крукоўскі // Наш край. – 1927. – № 3. – С. 17–28.
11. План г. Мозыря 1825 г. // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Фонд 1477. – Воп. 1. – Спр. 1662. – Арк. 1.
12. Егоров, Ю. Градостроительство в Белоруссии / Ю. Егоров. – М. : Гос. изд-во по строительству и архитектуре, 1954. – 282 с.
13. Актыкацыя фундашавага запісу мазырскага земскага пісара Федара Абуховіча на заснаванне праваслаўнага жаночага кляштара з царквой Св. Параскевы ад 1615 г. 2 студзеня // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 1771. – Воп. 1. – Спр. 3. – Арк. 1116–1117 адв.
14. Никитин, А. Мозырь / А. Никитин, Е. Зальцман. – Мінск : Беларусь, 1973. – 96 с.
15. Агульны візітацыйны вопіс касцёла за верасень 1867 г. // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 1771. – Воп. 1. – Спр. 3. – Арк. 2.
16. Габрусь, Т. В. Мураваньня харалы: Сакральная архітэктурa беларускага барока / Т. В. Габрусь. – Мінск : Ураджай, 2001. – 287 с.
17. Кулагін, А. Н. Каталіцкія храмы на Беларусі : энцыкл. даведнік / А. Н. Кулагін. – Мінск : БелЭн., 2000. – 216 с.
18. Кулагін, А. Н. Праваслаўныя храмы на Беларусі : энцыкл. даведнік / А. Н. Кулагін. – Мінск : БелЭн., 2001. – 328 с.
19. Памяць : гіст.-дакум. хроніка Мазыра і Мазырскага р-на / уклад. М. А. Копач, В. Р. Феранц. – Мінск : Маст. літ., 1997. – 574 с.
20. Актыкацыя рэвізіі шляхецкіх пляцаў у м. Мазыры за 25 чэрвеня 1560 ад 17.06.1715 г. / Нацыянальны гістарычны архіў у г. Мінску. – Ф. 1771. – Воп. 1. – Спр. 4. – А. 7–8 адв.

Summary

Geopolitical position of Mozyr on the cross-road of water and land ways was reflected on historical and cultural development of the town, its polyconfession situation, its look and it left unique historic-cultural heritage, which reflects the main stages of Belarusian history in the whole and shows its regional characteristics. The most significant historical and cultural monument are included in the National register of historical and cultural monuments in Belarus. They are an ancient settlement of the Iron Age in Kimberovka, a castle on Communary mountain, Cisterian monastery in Gogol street, Bernardine monastery and others.

Паступіў у рэдакцыю 12.11.08.

УДК 94(97)

*А. В. Бирюков***ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ «РИМСКОГО МИФА»**

В статье систематизированы имеющиеся в научной литературе подходы к периодизации «римского мифа» и определены основные этапы его развития, которые автор тесно увязывает с эпохами и конкретными событиями древнеримской истории. Устанавливается органическая связь между развертыванием римской экспансии в Средиземноморье и становлением «римского мифа» как такового. Рассматривается эволюция содержания «римского мифа», достижение им максимального идеологического наполнения в период Принципата. Отмечена живучесть «римского мифа» в эпоху упадка Римской империи, обозначены пути эволюции идеи универсальной империи в позднейший период.

Введение

Политическая мифология древних римлян, создавшая грандиозный образ великого и вечного Рима, уготованного богами для всемирной цивилизаторской миссии, получила в историографии условное название «римский миф». Характерный для древних римлян пафос государственности и величия родного города постепенно перерос в пафос мирового господства, когда вселенское владычество стало самоцелью. Так постепенно сформировалась идеология Рима-миротворца, Рима-объединителя цивилизованного мира и человечества. Эта идея прошла очень долгий путь развития.

Результаты исследования и их обсуждение

Политическая мифология древности как исторический феномен. По своей сути политическая мифология есть производное от национальной мифологии; она эксплуатирует образы и символы последней в политических целях [1, 208]. В современной науке сформировалось представление о политическом мифе как о некой идеальной реальности, содержанием которой является вера людей в свое общество и государство [2]. Специфика политических мифов заключается в том, что они создаются творческими личностями из среды и по заказу правящей элиты, однако при этом политические мифы всегда ориентированы на массы. Поэтому правящие элиты во все века пытались разрабатывать и насаждать мифы, добываясь с их помощью легитимации своей власти [1, 31, 169–170].

В центре политических мифов обычно помещаются события, связанные, во-первых, с обретением родины, во-вторых, с формированием и расцветом своей собственной государственности, в-третьих, с великими завоеваниями и, наконец, в-четвертых, с ужасной катастрофой, превратившей поступательное развитие данного народа. Первый из этих моментов легитимирует право данного народа на территорию, второй позволяет считаться политическим субъектом и дает право на образование своей государственности, а третий и четвертый, несмотря на их полную противоположность, представляются сильными аргументами для того, чтобы занять исключительное место в сообществе народов [3].

Феномен общественно-политической мифологии был известен практически всем древним обществам как Запада, так и Востока [2]. Что касается Европы, то в течение всего своего существования античность создавала и распространяла мифы – философские, религиозные и политические. Именно в античности миф оказался наиболее глубоко укоренен в исторической жизни, пронизывая все ее сферы. В античности же произошла и первая интерпретация мифа: он стал рассматриваться как реальное прошлое, как подлинная история [4, 646].

Римляне создали наиболее впечатляющую своей продуманностью и разработанностью политическую мифологию древности. Мифологизированность, как отмечают исследователи, вообще была свойственна римскому сознанию [5, 188]. М. Грант считал, что для римлян было характерно особое восприятие времени, чувство неразрывной связи с прошлым, исключительности и важности каждого момента истории, следствием чего служило особое внимание к важнейшим датам национальной истории [2]. Римская мифология изначально

изобиловала политическими мифами, появлению которых способствовало отсутствие достоверных сведений о давнем прошлом [6, 248]. В отличие от греческих мифов, в центре римских «стояли не боги, не космос, не человечество, а Рим, римский народ, его история, в которой неразрывно переплеталось божественное и человеческое и которая была нормативом того, что есть и должно быть. В отличие от народов, мифологизировавших историю, римляне историзировали мифологию» [7, 47]. Это предопределило имперский, экспансионистский характер «римского мифа». Вектор развития римского менталитета заключался в движении от мифа как мироощущения к мифу как государственной идеологии [5, 188].

Начальный этап развития «римского мифа». Становление «римского мифа» было связано с этапами развития самого Римского государства – вначале как маленького городка в Лаций, затем как покорителя Италии и, наконец, как центра средиземноморской империи. Ж. Дюмезиль, М. Грант, Е. М. Штаерман и другие исследователи высказали точку зрения, согласно которой формирование «римского мифа» началось во время трансформации архаичного общества в античную общину, т. е. в V–III вв. до н. э. [2]. Это было время как глубочайших перемен во внутренней жизни римской *civitas*, так и ширококомасштабных завоеваний, когда под контроль Рима попала вся Италия, а вскоре и Западное Средиземноморье. Геополитическая дилемма маленького города в центре Апеннинского полуострова казалась такой: победить соседей или быть побежденным. Именно в эту пору потребовалось «отыскать» посланные свыше знаки расположения богов к Риму и его народу, что должно было дать силы выстоять и победить. В эпоху расцвета *civitas* главной ценностью для гражданина был сам Рим, постоянно ведущий войны с соседями и, как думалось, призванный покорить враждебные народы, а долг гражданина виделся в помощи государству в осуществлении этой миссии, ради чего, начиная с Ромула, римский народ совершал бесчисленные подвиги и нес огромные жертвы [8, 56].

Одновременно грандиозные военные успехи Рима рождали уверенность в превосходстве своего государства, в избранности римского народа, что впоследствии стало пропагандироваться правящей элитой и восприниматься населением как естественный и предначертанный свыше ход вещей. Эта мысль еще более окрепла во II–I вв. до н. э. – после завершения захватов всех известных тогда культурных областей и выхода на варварскую периферию: «круг земель» объединился в один «Вечный Город», и на весь этот мир распространилось одно название – Рим [6, 241]. Культурный мир, «объединённый» Римом, стал восприниматься античным населением Средиземноморья как противостоящий миру варварскому – чуждому и враждебному.

К процессу политического мифотворчества в данный период были причастны «старшие» анналисты – Квинт Фабий Пиктор, Марк Порций Катон-старший, а также первые латинские поэты – родоначальник римского эпоса Квинт Энний и др. Они развивали идею о Риме как об избранном богами городе, самом справедливом и богобоязненном, уготованном для великой миссии [2]. Гимн мощи Рима, его совершенной военной и государственной организации встречается также во «Всеобщей истории» грека Полибия.

Завершение формирования «римского мифа». Вторая, и наиболее значительная, волна политического мифотворчества пришлась на рубеж I в. до н. э. – I в. н. э., когда происходил переход от республики к империи. Параллельно с превращением самого Рима в мировую державу, победоносными войнами утверждавшую свою власть в Средиземноморье и на его периферии, шло превращение «римского мифа» в имперскую идеологию. Именно тогда в структуру «римского мифа» были включены все главные компоненты, а его имперский характер проявился в полной мере. Вершиной мифотворчества была эпоха Августа, отмеченная появлением фундаментальных (в контексте «римского мифа») литературных произведений – «Энеиды» Вергилия, третьей книги од и «Юбилейного гимна» Горация и «Истории Рима от основания Города» Тита Ливия. В них получили отражение и высочайшее литературное обрамление все аспекты «римского мифа»: идеи вечности Рима, его особой исторической миссии, непобедимости и моральном примере для других народов, а также возвращения на землю «золотого века» в форме «римского мира» (*Pax Romana*) – всеобщего умиротворения, стабильности и изобилия¹.

¹ См. об этом подробнее: Бирюков, А. В. Поэты «Августова века»: литературно-политическая деятельность (к вопросу об оформлении концепции «римского мифа») / А. В. Бирюков // Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. – 2007. – № 1. – С. 27–39.

Провиденциальная миссия Рима в эпоху Августа казалась осуществленной, и Вергилий сформулировал свою знаменитую мысль о предназначении Рима править миром: «Смогут другие создать изваянья живые из бронзы, / Или обличье мужей повторить во мраморе лучше, / Тяжбы лучше вести и движенья неба искусней / Вычислят иль назовут восходящие звёзды, – не спору: / Римлянин! Ты научись народами править державно – / В этом искусство твоё! – налагать условия мира, / Милость покорным являть и смирять войною надменных!» [Энеида, VI, 847–853]. Пропаганда непоколебимого могущества и вечности Рима становится с этого времени основной составляющей официальной нормативной идеологии Принципата.

Эволюция «римского мифа». В дальнейший период (II–III вв.) имела место эксплуатация главных постулатов и идей «римского мифа» династией Антонинов, когда общегосударственное распространение приобрел культ Вечного Рима (Roma Aeterna). Этот культ являлся концентрированным выражением «римского мифа». С ним тесно переплетался императорский культ, который получил развитие преимущественно в провинциях. Фигуры императоров обретали сверхчеловеческие черты, что вообще характерно для политических мифов [1, 185]. Так, Август превратился в одну из центральных фигур в имперском мифе и идеал для подражания при последующих императорах. С ним связывали практическое воплощение «римского мифа» – усмирение внутренних неурядиц, разгром внешних врагов, установление всеобщего мира и возврат на землю «золотого века». Траян был олицетворением максимального территориального расширения империи. Впоследствии акцент с личной гарантии правителя за вечность «золотого века» империи переносится на его династию. Начиная с III в. н. э. в официальной жизни конкретная личность властителя отходит на задний план перед абстрактным образом императора – августейшего носителя верховной власти.

С прекращением захватнических войн Рима экспансионистский характер «римского мифа» также потерял потенциал к дальнейшему развитию. Продолжалась безудержная эксплуатация устоявшихся мифологем Roma Aeterna и «непрерывно возрастающего счастья». Монетные выпуски императоров III в. – периода глубочайшего политического кризиса империи – отличаются особым разнообразием лозунгов, связанных с пропагандой «золотого века» как составной части «римского мифа»: «Плодоносящий век», «Золотой век спасителя-императора», «Счастливейший век», «Щедрое время», «Доброе время», «Вечность», «Изобилие Августа» [2]. В 249 г., когда бедствия империи достигли апогея, император Филипп Аравитянин организовал «тысячелетние» игры, отпраздновав тысячелетие города Рима, а Галлиен через 10 лет – «столетние» игры, в надежде вернуть «золотой век».

Таким образом, в III–IV вв. римский миф, пропагандируя несуществующее мирное благополучие и сомнительную вечность империи, по-прежнему оставался государственной идеологией, однако стал приобретать черты политической утопии. Как отмечала А. А. Цуркан, «пережив вынужденную остановку, римляне в растерянности оглядываются по сторонам и в ужасе начинают отворачиваться от созданного ими монстра – Империи, все чаще уходя в заоблачные дали христианской мистики» [5, 186]. Однако лояльность «римскому мифу» продолжала господствовать в умах имперского населения, и это касалось не только правящей элиты, но и широких масс населения провинций [2].

Становление «идеи империи». Хотя римский мир распался под ударами варваров, «римский миф» в форме универсалистской идеи римской государственности продолжал жить в общественном сознании эпохи. Поздняя античность завершается концепцией вселенской Империи с единым и всемогущим центром, утверждая в социально-политическом отношении идею монизма и универсализма. Сам город Рим возвышается до высочайшего идеологического уровня, обожествляется (культ богини Ромы) и почитается вечным, т. е. находящимся вне исторического времени [9, 81]. К тому же Рим мыслился как наднациональный институт, провозглашавший унификацию народов в рамках общего единства, как некая суперструктура над культурно-идеологическими и политическими структурами отдельных государств и народов [10, 127].

«Идея Рима», или концепция универсальной внеисторической империи как единственно правильной и возможной формы организации политической жизни цивилизованных людей, пустила глубокие корни. «Последний римлянин» Флавий Кассиодор в VI в. н. э. создал иллюзию вечности Рима, когда этот мир уже пал и им правили варвары. Однако в это время главным

политическим лозунгом и остготских королей, и римского нобилитета была преемственность с Римской империей: подчеркивалось, что Рим по-прежнему остался центром мира, а готское завоевание всего лишь сменило императора на короля [11, 129]. Даже в «темные века» европейской истории (VI–X вв.), по выражению английского историка П. Ллевелина, «Рим оставался столицей империи, пропитанной греческим и римским имперским духом» [11, 27].

Истоки данного феномена лежат в сформировавшемся к этому времени тождестве «Рим – это мир». В эпоху империи Рим в глазах людей уже стал Вселенной. Начало подобным представлениям было положено еще в правление Августа, а к IV в. все провинции чувствовали себя членами единого целого – империи [12, 61, 329]. Формируется своеобразная идеологическая формула: вселенная – это Империя, а Империя – это Вселенная. Если первая часть формулы выражает представление о централизованной иерархической структуре мира (Юпитер (либо Геркулес, Аполлон, Христос) на небе – император на земле), то вторая – универсализм, всемирный охват государства: Вселенная всеобъемлюща, и Рим всеобъемлющ, за его пределами ничего не может существовать; империя имеет право владеть всей Вселенной целиком, без изъятий [13, 62, 67]. В контексте Римского государства употребляются термины *orbis*, *kosmos*, *oikoumene* [14, 15]. Не случайно взятие Рима вестготами в 410 г. и захват его вандалами в 455 г. были восприняты современниками не просто как события всемирно-исторического значения, но как знак крушения всего мира и конец истории человечества (в своих трудах это отразили прежде всего Иероним и Августин).

Одновременно в эпоху Поздней империи произошло переосмысление имперской идеи: она теснейшим образом соотносится с христианством. Связь империи и христианства ярче всего выражена в творчестве Евсевия Кесарийского. Он писал: «в одно и то же время по небесному изволению появилось два ростка, которые поднялись над землей и покрыли своей тенью весь мир, – это Рим и христианская вера, предназначенные соединить в своих недрах весь род человеческий в вечном единении... все люди соединятся в одну семью под общим скипетром» [15, 11]. Евсевий Кесарийский помещает *Imperium Romanum* на место некоего библейского универсального мира народов, Царства Божия. Это царство соединило империю и христианскую церковь в новую универсальную организацию – империю-церковь [10, 128].

Выводы

Таким образом, римский имперский миф формировался на протяжении длительного времени, главным образом с III в. до н. э. по III в. н. э. Творцом политических мифов в Риме выступала интеллектуальная элита. На протяжении шести веков совершалась интенсивная переработка одних и тех же легендарных сведений, принимавшая форму то грандиозного исторического труда (Диодор Сицилийский, Дионисий Галикарнасский, Тит Ливий, Помпей Трог, Аппиан, Дион Кассий), то эпической поэмы (Энний, Невий, Вергилий), то небольших поэтических новелл (Проперций, Овидий), то биографий древних царей и «бородатых консулов» (Плутарх), то исследований по римской религии, фольклору, праву (Катон Старший, Теренций Варрон, Цицерон) [5, 188–189].

После гибели Западной Римской империи Рим из реальной космополитической столицы средиземноморского мира превращается в идеологическую абстракцию, символ великой государственности. В средние века римская имперская традиция и сама идея Рима были восприняты как на западе, так и на востоке бывшего римского мира.

Идеи постоянства и вечности Римской империи стали основой для теории *translatio imperii* (переноса имперского достоинства) к Второму и Третьему Риму. Католическая «римская» церковь использовала имперскую идею в качестве опоры для утверждения своей всеобщности, германские императоры формально носили титул «римский», Константинополь также сохранил видимость и формы прежнего Рима [9, 88–89]. Термин «римский» в этих конструкциях присутствовал обязательно: Рим давно стал символом непреходящей славы и вселенского величия (например, византийские панегиристы делали Константинополю самый возвышенный комплимент, только используя выражение «Новый Рим» – *Nova Roma*, *Νέα Ρώμη*) [16, 77].

«Римский миф» в форме идеи империи надолго укоренился в политической культуре Европы. Однако со становлением партикулярных национальных государств эта идея

начала отмирать. А. Тойнби назвал это «невывказанный культ раздробленности государств» [14, 7]. Современные теории государства строились на отказе от универсалистских концепций «старого» и «нового» Рима. И тем не менее, лишь в 1806 г. австрийский император отказался от титула «Imperator Romanorum», а в 1815 г. папа Пий VII протестовал против решений Венского конгресса об отказе от восстановления Римской империи в качестве «законного центра политического единства» [14, 8].

Літэратура

1. Полосин, В. С. Миф. Религия. Государство / В. С. Полосин. – М. : Ладомир, 1999. – 440 с.
2. Колобов, А. В. Этапы развития «римского мифа» [Электронный ресурс] / А. В. Колобов. – Режим доступа : http://www.centant.pu.ru/centrum/ant_ru/myth.htm. – Дата доступа : 02.09.2008.
3. Шнирельман, В. А. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика [Электронный ресурс] / В. А. Шнирельман. – Режим доступа : http://knigite.abv.bg/is_ran/is_fan_2.html. – Дата доступа : 12.08.2008.
4. Кнабе, Г. С. Рим Тита Ливия – образ, миф, история / Г. С. Кнабе // Тит Ливий. История Рима от основания Города : в 3 т. – М. : Наука, 1994. – Т. III. – С. 590–655.
5. Цуркан, А. А. Имперское сознание римлян как мифологический феномен (к вопросу о специфике «римского мифа») / А. А. Цуркан // Вестник ВГУ. Сер. 1, Гуманитарные науки. – 2001. – № 2. – С. 180–193.
6. Немировский, А. И. История древнего мира: Античность : в 2 ч. / А. И. Немировский. – М. : Владос, 2000. – Ч. 1. – 448 с.
7. Штаерман, Е. М. Кризис античной культуры / Е. М. Штаерман. – М. : Наука, 1975. – 183 с.
8. Культура древнего Рима : в 2 т. / отв. ред. Е. С. Голубиова. – М. : Наука, 1985. – Т. 1. – 432 с.
9. Бреcci, П. Рим – Константинополь: континуитет или инновация? / П. Бреcci // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. – М. : ИРИ, 1997. – С. 81–92.
10. Медведев, И. П. Роль Византии в средневековом христианском мире вообще и христианизации Руси в частности / И. П. Медведев // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. – М. : ИРИ, 1997. – С. 124–134.
11. Шкаренков, П. П. Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха / П. П. Шкаренков. – М. : Изд. центр РГГУ, 2004. – 270 с.
12. Зелинский, Ф. Ф. Римская империя / Ф. Ф. Зелинский. – СПб. : Алетей, 1999. – 486 с.
13. Шаблага, И. Ю. Славься, император! Латинские панегирики от Диоклетиана до Феодосия / И. Ю. Шаблага. – М. : Изд-во МГУ, 1997. – 141 с.
14. Каталано, П. «От Рима к Третьему Риму»: итоги и перспективы изучения проблемы / П. Каталано // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. – М. : ИРИ, 1997. – С. 6–11.
15. Три Рима / сост.: Н. Н. Лисовой, Т. А. Соколова. – М. : ОЛМА-пресс, 2001. – 463 с.
16. Паван, М. Константинополь: от Рима к Москве / М. Паван // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. – М. : ИРИ, 1997. – С. 60–80.

Summary

The article deals with the history of the formation and development of so-called «Roman myth». The attempt is made to determine the main stages of its development up to the transformation of the imperial ideology into the political utopia during the Late Empire. The dependence of the formation of the «Roman myth» on the constant Roman expansion in the Mediterranean is underlined. It is also proved that the development of the «Roman myth» reached its culmination during the Principate. Particular attention has been paid to the fact that Virgil, Horace and Titus Livius as the most prominent authors of that period were included by the authorities in the process of the construction of the new imperial ideology. The reasons of the vitality of the «Roman myth» during the decay of the Empire are considered, as well as the evolution of the idea of the universal empire in the later period.

Поступила в редакцию 16.12.08.

УДК 392.3(476)

І. І. Калачова

**СЯМ'Я БЕЛАРУСАЎ У ГОРАДЗЕ:
ТЭНДЭНЦЫІ ЭТНАКУЛЬТУРНАГА РАЗВІЦЦЯ НА СУЧАСНЫМ ЭТАПЕ**

У артыкуле разглядаюцца тэндэнцыі этнакультурнага развіцця сучаснай сям'і беларусаў. Указваецца, што на сучасным этапе большасць насельніцтва Беларусі належыць да гараджан, і гэта асаблівасць уплывае на ўклад жыцця сям'і, адбываецца на яе функцыях, структуры, тыпах. Ставіцца пытанне аб стварэнні механізмаў адаптацыі сям'і да новых умоў жыцця, аб важнасці захавання традыцыйных форм культуры беларускага народа як найбольш натуральнага механізму жыццядзейнасці сям'і, паказваюцца некаторыя вынікі апытання сем'яў, праведзенага аўтарам у гарадах Беларусі ў 2007 годзе, якія пацвярджаюць гэтыя падыходы.

Уводзіны

Паўнаважнае гарманічнае функцыянаванне сям'і як значнага сацыяльнага і этнакультурнага інстытута заўсёды было ў цэнтры ўвагі. Да сучаснай сям'і ўвага асаблівая, бо менавіта яе становішча, яе дабрабыт, яе духоўнае жыццё і тыя ідэалы, на якіх выходзяць новыя пакаленні беларусаў, з'яўляюцца важнейшай праблемай пераасэнсавання традыцый і пераходу да новага ўзроўню развіцця, а значыць і дасягненняў усяго грамадства.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

У любым грамадстве сям'і надаецца вялікая роля як інстытуту, які перш за ўсё забяспечвае рэпрадукцыйную функцыю. Для таго, каб сям'я магла выканаць гэтую важнейшую задачу па захаванні жыцця і падаўжэнні яго ў новых пакаленнях, яна павінна быць стабільнай суполкай, якая мае грунтоўныя апоры ў будове жыцця, адаптаваныя да сучаснасці механізмы жыццядзейнасці.

Аktуальнымі і пакуль што невырашальнымі праблемамі сучаснай сям'і з'яўляюцца маладзетнасць, сацыяльнае сіроцтва, значная колькасць разводаў сярод маладых пар, дапушчальнасць пазітыўнай грамадскай думкі адносна вольных (незарэгістраваных) шлюбаў і інш. Адзначаюцца карэнныя перамены ў каштоўнасных арыентацыях сям'і, яе базавых структурах, тыпах. Зафіксаваны «новыя» формы сям'і і шлюбу: «грамадзянскія» шлюбы (незарэгістраваныя саюзы), шлюбы «выхаднога дня», «гаспадары» сем'і, мацярынскія сем'і, апякунскія сем'і, прыёмныя сем'і, сваяцкія сем'і і інш.

Змяненні, якія адбываюцца ў сям'і, звязваюцца з яшчэ адной праблемай – карэннай перамай месцажыхарства: з'ясковага ўкладу жыцця на гарадскі. На сённяшні дзень большасць насельніцтва Беларусі жыве ў гарадах, што складае амаль 70% ад усяй колькасці жыхароў. Дынаміку росту гарадскога насельніцтва можна прасачыць з дадзеных статыстыкі, якая паказана па гадах: 1950 г. – 21,0%; 1958–1959 гг. – 29,9%; 1970 г. – 42,7%; 1975 г. – 49,1%; 1980 г. – 55,9%; 1985 г. – 61,2%; 1990 г. – 66,1%; 1995 г. – 67,91%; 2000 г. – 69,7%; 2005 г. – 72,0%. Як бачым, колькасць жыхароў гарадоў з кожным годам няўхільна расце. Узровень гарадскога насельніцтва Беларусі амаль аналагічны з паказчыкамі ў іншых краінах: параўнаем – у ЗША ён дасягае 76,0%, а ў Японіі – 78,0% [1, 149].

Змяненні ўкладу жыцця патрабуюць вырашэння праблем адаптацыі сучаснай сям'і да новых умоў жыцця. Адаптацыя – гэта працэс прыстасавання чалавека да новага асяроддзя пад уплывам эканамічных, сацыяльных і культурных абставін [2, 6–7]. Так, мэтай кожнага чалавека, які мяняе месцажыхарства, з'яўляецца паляпшэнне жыццёвай сітуацыі, вырашэнне асаблівых праблем. Сапраўды, стэрэатыпы ў адносінах да горада *даволі ўстойлівыя*. Так, сучасны горад здольны задаволіць розныя запатрыбы чалавека, перш за ўсё, запатрыбы ў больш якаснай арганізацыі жыцця і прадстаўленні ўмоў для самасцвярджэння. У горадзе чалавек мае магчымасць выбару месца працы, узроўню адукацыі і хутчэйшага далучэння да лепшых узораў сусветнай і нацыянальнай культуры і інш.

У гарадах больш інтэнсіўна адбываюцца працэсы міксацыі, змешвання культурных традыцый прадстаўнікоў розных нацыянальнасцей: пастаянная аднаўляецца працэсаў вытворчасці, укаранення інавацыйных тэхналогій прывабліваюць прадстаўнікоў розных краін свету.

У выніку адбываецца інтэнсіфікацыя працэсаў міксацыі (змешвання) этнакультурных традыцый розных этнічных груп, у тым ліку і за кошт стварэння інтэрнацыянальных сем'яў. Усе адзначаныя *асаблівасці ўплываюць на працэс адаптацыі сям'і да гарадскіх умоў жыцця.*

Разам з пазітыўнымі тэндэнцыямі жыцця ў горадзе назіраюцца і негатыўныя – перарыванне сувязей з пакаленнямі сваякоў, аддаленне ад традыцый вясковага жыцця, павышэнне ўплыву культурных традыцый прадстаўнікоў іншых народнасных культур, паслабленне грамадскага кантролю, размыванне этнічных мадэляў паводзін і як вынік – няўменне выбіраць эфектыўныя мадэлі сацыяльных узаемадзеянняў і інш.

Этнакультурныя працэсы, якія адбываюцца ў гарадах, адбываюцца на функцыях сям'і – рэпрадукцыйнай, гаспадарча-эканамічнай, камунікацыйнай, рэкрэатыўнай, рэгулятыўнай і выхаваўчай. Яны трансфармуюцца, набываюць іншыя адметнасці, у параўнанні з традыцыйнымі сем'ямі. На пачатку XX ст. сям'я беларусаў была шматдзетнай і шматпакаленной, што сведчыла аб устойлівасці працэсаў узнаўлення, а ўжо ў канцы XX і на пач. XXI стагоддзя сярод сям'яў беларусаў пераважае маладзетная сям'я (адна- ці двухпакаленная), але яна не можа забяспечыць простае ўзнаўленне сваіх членаў. Па дадзеных статыстыкі, па перапісу 1999 г. у рэспубліцы налічвалася 89 тыс. шматдзетных сям'яў, што складала 4,9% ад усёй колькасці сем'яў (усяго налічвалася 1 млн. 806 тыс. 767 сем'яў), на сённяшні дзень іх колькасць скарацілася да 60 тыс. сем'яў, што складае 3,3% ад усёй колькасці зарэгістраваных [3, 7–8]. Відавочна, што ў структуры сям'і адбываюцца рэальныя працэсы скарачэння яе складу, што ўплывае на яе мікраклімат, унутрысямейную культуру, каштоўнасці.

На працягу XX ст. паступова мяняецца паняцце галавенства ў сям'і, якое звязваецца з праблемай статусаў і роляў жанчыны і мужчыны, сацыяльнага прызнання раўнапраўнасці жанчыны і мужчыны.

Гендэрныя пытанні ў вывучэнні этнакультурных працэсаў у сучаснай гарадской сям'і – адзін з найважнейшых аспектаў этналагічных даследаванняў. Даследаванне праблем этнічных стэрэатыпаў паводзін мужчын і жанчын, спецыфікі захавання іх рэпрадукцыйнага здароўя, грамадскага прызнання роўнасці бацькоўскіх правоў у выхаванні дзяцей, пераарыентацыі сямейных каштоўнасцей з аднадзетнай сям'і на шматдзетную – вельмі далёка не поўны пералік тых важных аспектаў, якімі займаецца гендэрная этналогія.

Адбылася трансфармацыя іншых функцый сучаснай гарадской сям'і. Пашырыліся віды працоўнай дзейнасці і занятасці членаў сям'і, узраслі патрабаванні грамадства да адукацыі, прафесійнага статуса, асабістых якасцей членаў сям'і. Калі ў традыцыйным укладзе жыцця амаль усе функцыі сям'і былі падпарадкаваны вырашэнню яе гаспадарча-эканамічных праблем, яе выжыванню, а таксама забеспячэнню пераемнасці духоўных і матэрыяльных традыцый сям'і, рода, то сёння прыярытэты іншыя. Для гарадской сям'і – гэта забеспячэнне функцыі аховы, псіхалагічнага камфорту, узаемападтрымкі і ўзаемаразумення, прадстаўленне магчымасцей для асабістага развіцця кожнага члена сям'і, забеспячэнне роўнакаштоўнасці членаў сям'і.

Сярод сямейнага насельніцтва складваюцца новыя погляды на функцыянальна-прававыя аспекты наследавання. Традыцыя перадачы ў спадчыну дзецям матэрыяльных і духоўных скарбаў з'яўляецца ў наш час выразнай часткай сямейнай культуры гараджан. Гэта спрыяе павышэнню ўзроўню прававой культуры гарадскіх сям'яў, стымулюе цікаўнасць да законаў, якія рэгулююць працэсы наследавання. Можна сказаць, што гэта асаблівасць у сучасных сямейных адносінах становіцца ўстойлівым відам функцыянальна-прававой штодзённай культуры.

Адной з важнейшых функцый з'яўляецца выхаваўчая функцыя сям'і. Мэта выхаваўчай дзейнасці сям'і вельмі значная: праз выхаванне развіваюцца нацыянальныя рысы характару, падтрымліваецца своеасаблівасць беларускага менталітэту. Даведаемся аб некаторых аспектах рэалізацыі гэтай функцыі ў сучаснай сям'і. Намі было праведзена этнасацыялагічнае апытанне 800 сем'яў беларусаў у 30 гарадах рэспублікі, у сталіцы, абласных, сярэдніх і малых гарадах. Усяго было апытана беларусаў-гараджан, якія пражываюць у Мінску, – 191 чал. (23,9%), 208 чал. (26%) беларусаў-гараджан, якія пражываюць у абласных гарадах (Брэсце, Віцебску, Гомелі, Гродна, Магілёве), 190 чал. (23,8%) беларусаў-гараджан, якія пражываюць у сярэдніх гарадах (Баранавічах, Полацку, Мазыры, Лідзе, Салігорску, Маладзечна, Бабруйску), 211 чал. (26,4%) беларусаў-гараджан, якія пражываюць у малых гарадах (Іванаве, Каменцы, Жабінцы, Докшыцах, Талочыне, Ветцы, Хойніках, Буда-Кашалёве, Вялікай Бераставіцы, Скідзелі, Беразіне, Слуцку, Жодзіне, Чэрвені, Клецку, Мсціслаўлі, Чэрыкаве) [4, л. 1145–1200]. Сярод пытанняў, якія задаваліся рэспандэнтам, было пытанне аб захаванасці і выкарыстанні традыцый народнай педагогікі ў сямейным выхаванні.

Рэспандэнтам задавалася пытанне: «Якія педагогічныя метады, прыёмы і сродкі народнай педагогікі беларусаў выкарыстоўваюцца Вамі ў сямейным выхаванні?» Былі атрыманы наступныя адказы: прывучэнне да працы па дому – 94,4%; парада, падтрымка, апека і суправаджэнне дзяцей – 94,3%; асабісты прыклад – 89,3%; навучанне рамёствам – 46,6%; навучанне праз песню, казку, гульню, паданне і г. д. – 45,3%; маральнае ўздзеянне – 38,2%; фізічнае пакаранне – 20,3%.

Па выніках апытання відаць, што перавага ў фарміраванні асобы дзіцяці надаецца выхаванню праз працу, што адпавядае асноўным пастулатам народнай педагогічнай культуры беларусаў. Аднак даволі значнае месца займаюць і пакаральныя метады выхавання, што з'яўляецца трывожнай тэндэнцыяй у сённяшняй сям'і. Для параўнання можна прывесці дадзеныя, атрыманыя намі пры апытанні бацькоў у 1992–1994 годзе ў Мінску. Выкарыстанне фізічнага пакарання як метаду выхавання было зафіксавана ў сем'ях мінчан таксама [5, 116–117].

Гэтае ж пытанне было зададзена рэспандэнтам у сем'ях розных тыпаў – малых нуклеарных, няпоўных нуклеарных і ўскладненых нуклеарных. З усёй колькасці апытаных 70,4% склалі *малыя нуклеарныя сем'і*, 13,6% *няпоўныя нуклеарныя сем'і* і 16% *ускладненыя нуклеарныя сем'і*. Да малой нуклеарнай сям'і адносяцца сем'і, у якіх жывуць муж, жонка, дзеці, да няпоўнай нуклеарнай сям'і адносяцца сем'і, у якіх жывуць маці ці бацька з дзецьмі, да ўскладненай нуклеарнай сям'і адносяцца сем'і, у якіх жывуць, акрамя бацькоў і дзяцей, блізкія сваякі. Усе традыцыі выхавання, абраныя рэспандэнтамі, намі былі падзелены на наступныя групы: *да першай групы* былі аднесены традыцыі выхавання праз уключэнне ў працоўныя віды дзейнасці, *да другой* – традыцыі выхавання, накіраваныя на карэктыроўку паводзін дзяцей; *да трэцяй* – традыцыі выхавання, накіраваныя на далучэнне да народнай культуры праз фальклор. Апытанымі ўдзельнікамі былі абраны наступныя адказы:

- прывучэнне да працы – 95,6%, навучанне рамёствам – 50,4% характэрны для няпоўных і малых нуклеарных сем'яў – *першая група традыцый выхавання*;
- парада, падтрымка, апека – 95,7%, асабісты прыклад – 92,2%, маральнае ўздзеянне – 43,5%, фізічнае пакаранне – 20,9% характэрны для няпоўных і малых нуклеарных сем'яў – *другая група традыцый выхавання*;
- навучанне праз песню, казку, гульню, паданне і г. д. – 52,9% характэрны для малой нуклеарнай сям'і – *трэцяя група традыцый выхавання*.

Як бачым, *трэцяя група* традыцый аказвае даволі значны ўплыў на дзяцей з малых сем'яў, што з'яўляецца добрай падставай для развіцця гэтага накірунку працы ў сістэме дашкольнай і школьнай адукацыі, у пазашкольнай працы, у рабоце сямейных клубаў. Як мы ўжо адзначылі вышэй, у сямейным выхаванні не абыходзіцца без фізічнага пакарання і маральнага ціску ў адносінах да дзяцей. Дадзеныя апытання ўказваюць на існаванне такіх метадаў у *няпоўных нуклеарных сем'ях*, што асабліва трывожна, таму, што дзеці могуць застацца безабароннымі, бо сям'я і так мае недахоп у выхавальніках, у прыкладзе для станоўчых узораў. Аднак выяўлена, што гуманныя метады адносін да дзяцей пераважаюць у сістэме жыццядзейнасці сучаснай сям'і і з'яўляюцца найбольш значнымі ва ўздзеянні на дзяцей.

Нормы паводзін, этыкетная культура ў выхаванні дзяцей таксама былі прадметам апытання рэспандэнтаў. На пытанне «Якія нормы этыкету з'яўляюцца характэрнымі для вашых дзяцей?» былі атрыманы наступныя адказы: паважлівыя адносіны да бацькоў – 73,7%; прытрымліванне традыцый застольнага этыкету (ўзоры паводзін за сталом, веданне этычных нормаў падтрымкі, падтрыманне традыцый сумесных абед даў усёй сям'ёй) – 45,9%; адказныя адносіны да хатніх спраў, дапамога бацькам – 41,8%; выкананне бацькоўскіх парад – 41,0%.

З прыведзеных дадзеных вынікае, што ў сямейным этыкеце захоўваюцца традыцыі паважлівых адносін да старэйшых, перш за ўсё бацькоў, выконваюцца правілы застольнага этыкету. Адносна тыпу сям'і быў зроблены наступны выбар норм этыкету: паважлівыя адносіны да бацькоў характэрны для ўскладненых нуклеарных сем'яў (80%); застольны этыкет (узоры паводзін за сталом, веданне этычных правіл вядзення бяседы, падтрыманне традыцый сумесных абед даў усёй сям'ёй); адказныя адносіны да хатніх спраў, дапамога бацькам характэрны для малых нуклеарных сем'яў (47,4%; 45,7%); выкананне бацькоўскіх парад – для няпоўных нуклеарных сем'яў: 54,6% апытаных.

Як відавочна з апытання рэспандэнтаў, у сучасных сем'ях беларусаў-гараджан шануюцца традыцыі народнай педагогікі і этыкету.

Фарміраванне сучасных пакаленняў беларусаў – цэласны працэс, які ўключае бытаванне традыцыйных сямейных абрадаў. Сямейна-бытавыя абрады як частка духоўнай спадчыны беларускага народа, у якой зафіксаваны найбольш значныя этнічныя ідэалы, і сёння суправаджае сучасную сям’ю.

Сярод важнейшых сямейных абрадаў – абрад нараджэння дзіцяці. Якія этнакультурныя змяненні назіраюцца ў бытаванні традыцыі сёння, якія рэшткі традыцыі з’яўляюцца найбольш выразнымі? У выніку апытання было высветлена наступнае: большасць апытаных бацькоў рэгістравалі народжанае дзіця ў ЗАГСах, але ж пры гэтым 74,4% хрысцілі сваіх дзяцей у храме (ці хаця б адно дзіця). Нараджэнне дзіцяці было адзначана ўрачыста ў сям’і ў 62,8% апытаных бацькоў, у 11,6% сем’яў былі выкарыстаны элементы народных традыцый у гэты святочны вечар.

Большая частка бацькоў запрашала для выканання ролі хросных бацькоў сваякоў, блізкіх ці добра знаёмых людзей. Яны кіраваліся меркаваннем, што хросныя бацькі – маральныя настаўнікі, носьбіты традыцый і звычаяў, «другія бацькі» для дзяцей (42,2%). Частка бацькоў лічыць, што хросныя бацькі не адыгрываюць значнай ролі ў жыцці дзяцей (37,8%), што хросныя бацькі патрэбныя толькі для выканання абраду хрышчэння дзіцяці (17,5%), і не далі адказу 2,4% апытаных.

Імянарэчэнне – важная частка радзіннага абраду. Амаль трэцяя частка апытаных бацькоў адказала, што імёны перадаюцца па роду ў іх сям’і. Аднак значная частка рэспандэнтаў, што склала амаль 70% ад апытаных бацькоў, не захоўвае гэту традыцыю. Вось некаторыя імёны, якія выбіраюць маладыя бацькі для сваіх дзяцей: Аляксандр, Дзмітрый, Сяргей, Вольга, Наталля, Таццяна, Ганна, Марыя і інш. Як правіла, на пытанне, чаму Вамі абрана тое ці іншае імя, інфарматыры па тэме апытання выказвалі наступныя меркаванні: «У нас не было пэўнай мэты ў выбары імя для нашага сына, імя выбраў наш старэйшы сын, ён сказаў, што хацеў бы назваць брата Дзянісам і мы пагадзіліся» (Ірына К., 34 гады); «Мы выбіралі імя для сваёй дачкі, чыталі розныя кнігі пра імёны, дазнаваліся пра іх сутнасць, прымяркоўвалі да імя па бацьку» (Іна, Андрэй, 35, 36 год); «У нас імя сыну дала бабуля – ёй падабалася імя яе мужа, які загінуў у вайну, гэта значыць, што імя нашага сына перайшло ад дзёда» (Марыя і Канстанцін, 38, 40 год) [4, л. 1145–1200].

Як бачым, сучасная сям’я захоўвае асноўныя абрадавыя элементы радзіннага абраду, такія, як хрышчэнне дзяцей у храме, захаванне Інстытута хросных бацькоў, традыцыя перадачы імён ад старэйшых да малодшых пакаленняў.

Сярод кола выхавальнікаў па сіле ўздзеяння на дзіця, яго асобу выключнае значэнне мае маці. Маці – першая выхавальніца сваіх дзяцей, настаўніца, самы дарагі і мілы чалавек. У нашым апытанні мы ставілі задачу атрымаць адказы на пытанне аб маці перш за ўсё таму, што ў апошнія часы мяняюцца адносіны да маці, вобраз жанчыны-маці атрымлівае негатыўныя фарбы. Менавіта ў апошняй трэці мінулага стагоддзя ва ўжытак трывала ўвайшлі такія паняцці, як «маці-зязюля», «маці без бацькоўскіх правоў», «маці-алкагалічка» і інш. Таму важна сёння даведацца, ці не пахіснуліся меркаванні дзяцей аб сваіх бацьках. «Як характарызуюцца вашыя адносіны да маці?» – рэспандэнтам было задана такое пытанне і вось якія вынікі былі атрыманы:

- паважлівае стаўленне да маці – 89,1%;
- падарункі (ў дні свят, дні нараджэння) – 93,9%;
- беражлівыя адносіны (клопат, апека, падтрымка, дапамога) – 89,9%;
- выказванне слоў прабачэння, пакаяння – 80,9%;
- абмеркаванне асабістых праблем з маці і атрыманне парады – 73,3%.

Рэспандэнты ўсіх тыпаў сем’яў (малых нуклеарных, няпоўных нуклеарных і ўскладзеных нуклеарных) выказалі пазітыўныя меркаванні адносна маці, матулі; пазіцыя «абмеркаванне асабістых праблем з маці і атрыманне парады» атрымала найменшую колькасць адказаў. Як бачым, узрастаючая самастойнасць і аўтаномнасць сем’яў, зніжэнне ўплыву традыцыйных маральных ідэалаў і каштоўнасцей уплывае на меркаванні дзяцей.

У цэлым, у адносінах да маці пераважае эмацыянальна-пачуццёвы тып адносін. Рэспандэнтам было задана яшчэ адно пытанне, якое мела на мэце зразумець, ці з’яўляецца жыццё бацькоў, у тым ліку і маці, мадэллю для пераймання і ўзорам для асабістага жыцця. Былі атрыманы наступныя вынікі: большасць рэспандэнтаў хацела б, каб адносіны да іх дзяцей былі падобнымі на тыя, якія яны атрымлівалі ад сваіх бацькоў, у сваіх бацькоўскіх сем’ях. Аднак 17,4% апытаных далі адмоўны адказ, што з’яўляецца падставай для роздуму.

Пераемная сувязь паміж бацькамі і дзецьмі ажыццяўляецца праз матэрыяльную падтрымку. Здаўна традыцыя матэрыяльнай падтрымкі, апекі нават над дарослымі дзецьмі з'яўлялася нормай этычных адносін паміж пакаленнямі. Ці захоўваецца гэтая традыцыя сёння? Апытаныя адказалі, што яны атрымліваюць матэрыяльную дапамогу ад бацькоў рэгулярна – 27,2%; частка апытаных – зрэдку, час ад часу – 39,5%, дапамогу ў вядзенні хатніх спраў – 23,6%, дапамогу ў доглядзе і выхаванні дзяцей – 41,8%, атрымліваюць маральныя парады – 55,8%. Як відавочна, традыцыю аказання бацькамі матэрыяльнай дапамогі сваім дзецям падтрымлівае амаль трэцяя частка апытаных рэспандэнтаў. Наколькі істотнай з'яўляецца бацькоўская дапамога, якія меркаванні выказвалі апытаныя?

«Бацькоўская дапамога хутчэй носіць сімвалічны характар, мы маглі б пражыць без яе», так лічаць 47,2% апытаных гараджан; «бацькоўская дапамога для нас мае істотны характар, мы маглі б пражыць без яе, але з вялікімі цяжкасцямі», – такі адказ далі 30,5% рэспандэнтаў, «бацькоўская дапамога для нас мае істотны характар, мы не змаглі б пражыць без яе», – прызналіся 9,5% удзельнікаў, астатнія – 12,9% не адважыліся даць адказ на пастаўленае пытанне.

Відавочна, што мадэль бацькоўска-дзіцячых адносін, на прыкладзе функцыянавання традыцыі матэрыяльнай дапамогі, з'яўляецца даволі ўстойлівай з'явай, якая, з аднаго боку, указвае на захаванасць традыцыйных элементаў у побыце, а з другога, дазваляе меркаваць аб фінансава-матэрыяльным забеспячэнні сучасных сем'яў.

Вывады

Такім чынам, змяненні ва ўкладзе жыцця сучаснай сям'і беларусаў уплываюць на этнакультурныя працэсы, якія відазмяняюцца, аднаўляюцца і ўзбагачаюцца новымі формамі культуры, што праяўляецца ў выкананні сям'ёй важнейшых функцый – выхавання будучых беларусаў і забеспячэння пераемнай сувязі паміж пакаленнямі. Сучасная сям'я беларусаў прыстасоўваецца да новых для яе ўмоў жыцця ў горадзе, адшуквае *больш эфектыўныя мадэлі сацыяльных ўзаемадзеянняў*. Нацыянальныя традыцыі, якія падтрымліваюцца сем'ямі ў штодзённым жыцці, з'яўляюцца асновай для іх гарманічнага існавання і раўнавагі. Яны з'яўляюцца асновай стварэння механізму адаптацыі сям'і да новых умоў жыцця, у якім роля традыцыйных форм культуры з'яўляецца найбольш натуральнай і неспрымусовай.

Літаратура

1. Раков, А. А. Трансформация демовоспроизводства села Беларуси в контексте урбанизации, НТР и перехода к постиндустриальному обществу / А. А. Раков // Социология. – 2007. – № 3. – С. 144–154.
2. Словарь социального педагога и социального работника / под ред. И. И. Калачёвой, Я. Л. Коломинского, А. И. Левко. – Минск: Бел. энциклопедия, 2003. – 253 с.
3. Социально-экономическое положение домашних хозяйств. 2005 / Министерство статистики и анализа Республики Беларусь. – Минск, 2005. – 134 с.
4. Этнокультурные процессы в городской семье белорусов на современном этапе: материалы опроса, 2006–2008 гг. // Архив института искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы НАН Беларуси. – Фонд 6. – Оп. 14. – Д. 142.
5. Калачова, І. І. Народныя традыцыі і звычаі выхавання: этнапедагагічная спадчына народаў Беларусі / І. І. Калачова. – Мінск: Нац. ін-т адукацыі, 1999. – 179 с.

Summary

This article depicts the problems of a modern belarusian city family, the transformation of family's basic functions is described. Also the possibilities of national belarusian culture as a mechanism of adaptation of a family to the new circumstances of city life are analyzed in this article.

Паступіў у рэдакцыю 26.12.08.

УДК 323.31(476)(043.3) + 947.6«1861/1914»

В. А. Кахновіч

АСАБЛІВАСЦІ ПАМЕШЧЫЦКАГА ЗЕМЛЕЎЛАДАННЯ І ГАСПАДАРАННЯ НА ПАЛЕССІ Ў ПАРЭФОРМЕННЫ ПЕРЫЯД РАСІЙСКОЙ ІМПЕРЫІ (1861–1914 гг.)

У дадзеным артыкуле асвятляецца стан памешчыцкага (дваранскага) землеўладання ў сувязі апошняга з узроўнем гаспадарання ў маёнтках на Палессі ў парэформенны перыяд Расійскай імперыі, 1861–1914 гг. Вылучаюцца тэрытарыяльны асаблівасці: канцэтрацыя латыфундызму і агульных прыкмет памешчыцкага гаспадарання ў рэгіёне (засяроджанне гаспадарчай актыўнасці ў буйных маёнтках) у палескіх паветах Мінскай губерні (Пінскі, Мазырскі, Рэчыцкі); аслабленне агульных палескіх прыкмет латыфундыяльнага гаспадарання ў заходнім, паўднёвым і ўсходнім накірунку. Выяўляецца адносна большая дынаміка ў рэалізацыі прадпрымальніцкай ініцыятывы «сярэдніх» латыфундый Берасцейшчыны і Вальнскага Палесся ў выніку больш спрыяльнага геаграфічнага месцазнаходжання. Таксама вылучаецца адносна стабільнасць буйнейшага землеўладання ва ўмовах агульнага падзення ролі памешчыцкага землеўладання ў краі.

Уводзіны

Сучасны вядомы расійскі гісторык-аграрнік П. І Савельеў адзначае да гэтага часу актуальнае пытанне: «Могло ли помещичье хозяйство служить базой аграрно-капиталистической эволюции, если последняя вела прежде всего к его ликвидации как типа хозяйства и даже как типа землевладения?» [1, 41]. Параўноўваючы набыткі беларускай, украінскай, расійскай і польскай гістарыяграфіі, адзначым, што менавіта для першай уласціва вылучэнне пэўных асаблівасцей гістарычнага развіцця палескага краю. Так, М. Б. Фрыдман адзначала з'яву, калі большасць памешчыкаў Мінскай губерні выступала за безземельнае вызваленне сялян, то менавіта **землеўладальнікі-дваране** неўрадлівых палескіх паведаў (Рэчыцкі і Мазырскі) рэкамендавалі вызваліць сялян з зямлёю: «Среди помещиков этих уездов, близко расположенных к рынкам сбыта, было сильно развито предпринимательство, и они были заинтересованы получить большой выкуп за малоценную землю» [2, 77, 79]. В. П. Панюціч істотнейшым чынам паглыбіў асвятленне выяўленых М. Б. Фрыдман асаблівасцей палескага аграрнага развіцця: у другой палове 1860-х гг. паверачныя камісіі забяспечылі ў Мінскай губерні рост выкупных плацяжоў (дадатковыя землі і ўмовы па дамовах з сялянамі) на 44,3%, асабліва ў палескіх паветах. У выніку – істотны рост сялянскіх надзелаў на Палессі; тое ж датычыла і дзяржаўных сялян [3, 91]. Заўважым, што для Расіі ў цэлым было ўласціва адваротнае – выкарыстанне памешчыкамі адрэзкаў як інструмента зацвярджэння эканамічнай залежнасці сялян [4].

У дадзеным артыкуле мы звяртаемся да асаблівасцей **памешчыцкага землеўладання і гаспадарання (прадпрымальніцтва)** ў найбольш дынамічную эпоху *мадэрнізацыйных пераўтварэнняў* пасля адмены прыгоннага права ў разрэзе *рэгіянальнай палескай спецыфікі*.

Акрэслім аб'ект даследавання. У межах Палесся (без заходняй ускраіны) былі вылучаны, кіруючыся прынцыпам максімальнай паўнаты геаландшафтнай і тэрытарыяльнай адпаведнасці, 18 паведаў: Бельскі, Брэсцкі, Кобрынскі, Пружанскі – Гродзенскай губерні; Пінскі, Мазырскі, Рэчыцкі – Мінскай; Гомельскі – Магілёўскай; Чарнігаўскі і Гарадніанскі – Чарнігаўскай; Радамьельскі – Кіеўскай; Жытомірскі, Оўручскі, Ноўгарад-Валынскі, Ровенскі, Луцкі, Уладзімір-Валынскі – Валынскай. У выніку таго, што аб'ект акрэслены дастаткова шырока, асвятленне многіх момантаў прадстаўлена ў самым агульным рэгіянальным кантэксте, увага засяроджана на беларускай частцы рэгіёну.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

Пазямельны перапіс 1877 г. у межах акрэсленай прасторы выяўляе 5605 землеўласнікаў-дваран, якім належала да 5 млн. дзесяцін (48% ад усёй плошчы рэгіёна) [5]. Усяго 18% плошчы памешчыцкага землеўладання на Палессі складала ворыва; асабліва сярод палескіх паведаў Мінскай губерні: Пінскі – 5,6%, Рэчыцкі – 8,2%, Мазырскі – 10,3%; набліжаліся да іх (каля 11%) Ровенскі і Оўручскі паветы; наадварот – болей 1/3 складала ворыва на заходняй (Бельскі, Брэсцкі), паўднёва-ўсходняй (Жытомірскі, Ноўгарад-Валынскі) і ўсходняй (Чарнігаўскае Палессе) ўскраіне

рэгіёну. Разам з тым, група ўладанняў да 50 дзесяцін (44% дваран-землеўладальнікаў пры 0,7% зямлі) ўтрымоўвала ворыва болей чым на 3/5 сваёй плошчы і ў гэтым дачыненні не адрознівалася ад былых памешчыцкіх сялянаў. Іншая справа, уласнікі з болей чым 500 дзесяцін зямлі (мелі ворыва толькі на 15% плошчы) і з больш чым 5 000 дзесяцін і 10 000 дзесяцін (10 і 9% адпаведна). Асаблівай была роля буйнейшых латыфундыстаў у тых жа палескіх паветах Мінскай губерні. Яшчэ ў 1954 г. выключны латыфундызм (64% зямлі) на Пінскім Палесці (колішняя тэрыторыя Пінскай вобласці) адзначаў у сваёй працы І. Л. Казлоўскі [6, 2]. Апошняя знаходзіць падабенства з Правабярэжжам і Стэпавым краем Украіны, аднак, у адрозненне ад гэтых рэгіёнаў, ворыва (а зн. і эканамічная гаспадарка) на Палесці *ахоплівала ў 2,5–3 разы меншую плошчу землеўладання*. У дадзеным дачыненні рэгіён больш падобны да Уралу і Заволжа, Цэнтральнага Нечарназем'я Расіі («нечарназемны тып» па Кавальчанка). Аднак была і свая адметнасць – адносна больш вялікі сярэдні надзел былога прыгоннага селяніна на Палесці. Адрозніваліся тыя ж паветы: Рэчыцкі – 25,4 дзесяцін, Мазырскі – 18,3, Пінскі – 17,8. Апошняя паказвае не заможнасць мясцовых сялян, а, хутчэй, агульныя неспрыяльныя геаграфічныя ўмовы для гаспадаркі ў краі.

З улікам таго, што перапіс 1877 г. фіксаваў надзельную зямлю прыгонных сялян, арыентуючыся на ўстаўныя граматы (Д. А. Тарасюк) [7, 45], суміруючы надзельную, прыватнаўласніцкую зямлю былых прыгонных і дваранскую зямлю, атрымаем прыкладную долю дваранскага землеўладання ў краі на 1861 год. Такім чынам, атрымоўваем для вылучаных паветаў 7,47 млн. дзесяцін (71,4% усяго землеўладання на Палесці) або скарачэнне на 33,2%. Апошняя ўпадабляе рэгіён да Беларусі (страта да 1/3 плошчы) і Правабярэжжа Украіны – да 40%; у той жа час на Украіне – 27%. Сітуацыя знаходзіць тлумачэнне ва ўрадавых мерах 1863 г.

Паазмельны перапіс 1905 г. для той жа тэрыторыі дае 7191 дваранскага землеўладання (ў 1877 г. улічвалі землеўласнікаў) пры 4,3 млн. дзесяцін або 37% ад агульнай зямельнай плошчы [8]. Такім чынам, адносна вага дваранскага землеўладання ў краі зменшылася болей чым на ¼; у абсалютных жа лічбах да 1877 г. скарацілася ўсяго на 13,7%, што звязана з істотным недаўлікам зямель у 1877 годзе. Сярэдні памер землеўладання складаў 743,2 дзесяцін (скараціўся на 40% да 1877 г.), але па-ранейшаму істотна пераўзыходзіў (на 65,7%) сярэдні паказчык губерній, дзе вылучаліся паветы рэгіёну. Група драбнейшых ўладанняў да 50 дзесяцін (4423), як і ў 1877 г., пераважала (61,5%), але адносна вага яе і ў дваранскім (1,4%), і агульным землеўладанні (0,5%) амаль не змянілася. Група латыфундыяльных ўладанняў (1223 ці 17%) не страціла сваіх пазіцый і захоўвала 91% дваранскага землеўладання, але адносна вага яе ў агульным землеўладанні скарацілася ўсяго на 10,1% (44% і 33,9%). У дадзеным дачыненні *ўстойліваць дваранскага землеўладання на Палесці не мае сабе падобнай сітуацыі ва ўсёй Расіі, апроч Прыбалтыкі*.

Л. П. Мінарык выявіла на прыкладзе буйнейшых латыфундзій Вальні, што перапіс 1905 г. істотна зніжаў ступень канцэнтрацыі памешчыцкай зямлі: напрыклад, не ўлічанымі засталіся маёнтак «Новая Гута» (11,8 тыс. дзесяцін) гр. Ю. А. Браніцкай, вялізны майярат кн. Р. У. Сангушка (64 тыс. дзесяцін); усяго статыстыка ўлічыла толькі 92% латыфундзій [9, 59, 70]. Адметнасцю краю быў істотны недаўлік зямлі.

Спісы землеўласнікаў вельмі нераўнамерна ў тэрытарыяльным плане рэпрэзентуюць дынаміку землевалодання. Найлепей прадстаўлена найбольш цікавая ў плане рэпрэзентацыі тыповага палескага латыфундызму Мінская губерня. Ёсць спісы 1876, 1889 і 1911 гадоў [10], [11], [12]. Яны выяўляюць карціну няўмольнага ўпадку ўсіх латыфундыяльных фамільных землеўладанняў. Так, ўладанні Горватаў у Рэчыцкім павеце скараціліся з 91,4 да 26,4 тыс. дзесяцін (на 71%); Пуслоўскіх у Пінскім павеце з 93,8 да 41,4 тыс. дзесяцін (на 56%); Скірмунтаў у Пінскім павеце з 60,3 да 10 тыс. дзесяцін (на 84%); Прыборы ў Мазырскім і Рэчыцкім паветах з 12,4 да 2 тыс. дзесяцін (на 85%); Ордаў у Пінскім павеце з 49,6 да 11,3 тыс. дзес. (на 77%); Еленскія, што ў 1876 г. мелі ў Мазырскім і Рэчыцкім паветах 26,5 тыс. дзесяцін, да 1890 г. валодалі ўжо толькі 12,2 тыс. дзесяцін (скарачэнне на 54%), а ў 1911 г. зусім зніклі са спісу буйнейшых землеўласнікаў у краі. Падобным жа чынам «знікаюць» дэ Бехлей у Рэчыцкім павеце, Замайскія і Прозары ў Мазырскім павеце, Корсакі, Алешы, Шчыты і Тукальскія-Нелюбовічы ў Пінскім павеце і многія іншыя.

Некаторыя роды гэтая з'ява закранула ў меншай меры: Аскерка ў Рэчыцкім павеце з 28,7 да 22,1 тыс. дзесяцін (на 23%), Друцкія-Любецкія ў Пінскім павеце з 38,2 да 20,8 тыс. дзесяцін (скарачэнне на 45%); Кеневічы, Радзівілы (ўсяго на 15,7%). Тая ж з'ява ў цэлым уласціва для землеўладання графа П. А. Зубава і яго нашчадкаў у Рэчыцкім, Рыбнікавых у Мазырскім павеце. З 1876 па 1890 г. не змянілася землеўладанне гр. К. К. Патоцкага ў Пінскім, гр. І. І. Тышкевіча,

гр. К. М. Хадкевіча, і нават узрасло ў І. І. Кеневіча (16,5 і 35 тыс. дзесяцін) у Мазырскім павеце. Разам з тым, у цэлым назіралася раздрабленне і скарачэнне фамільных валоданняў. Апошняя ўяўляла сабой агульную для Расіі сітуацыю. Адметнасцю, аднак, было тое, што з'ява суадносілася найперш з даўнімі акараніўшыміся ў рэгіёне дваранскімі родамі. На фоне іншых рэгіёнаў, у тым ліку і Заходняга краю Расіі (за выключэннем, хіба, Стэпавага краю Украіны і Мінскай губ. (уплываў распродаж латыфундыі кн. М. Л. Гогенлоэ), вызначальнай тэндэнцыяй з канца XIX – пачатку XX ст. для рэгіёну стала ўзрастаючае пранікненне «новых латыфундыстаў» расійскага і нямецкага паходжання: Ф. А. Агаркаў з 72,4 тыс. дзесяцін зямлі, І. Л. Маркварт з 43,3 тыс. дзесяцін, М. А. дэ Віт з 16,8 тыс. дзесяцін у Мазырскім павеце. Выключнай адметнасцю быў уздым некаторых родаў мясцовай дробнай шляхты: Калауры (1,4 і 8,1 тыс. дзесяцін), Шаламіцкія (130 дзесяцін і 9,1 тыс. дзесяцін) у Пінскім павеце. Апошнія знаходзіць *падабенства ў Прывісленскім краі*. Заўважым, што архіўныя матэрыялы, на прыкладзе Пінскага павета, у пэўнай меры ставяць спіс 1911 г. пад сумніў: у 1915 г. Скірмунты валодалі 24,4; Друцкія-Любецкія – 44,2; Пуслоўскія – 51,2; Патоцкія – 50,2 тыс. дзес. [13]. Аднак заўважаных агульных тэндэнцыяй, з улікам абставін ваеннага часу, папраўкі архіўных крыніц не адмяняюць.

К. І. Шабуня адзначае, што найбольш шырока адпрацаваная сістэма (асабліва за сенакосы) была распаўсюджана ў палескіх паветах – Пінскім, Рэчыцкім, Мазырскім; у гэтых жа паветах была пашырана іспольшчына [14, 45–46]. Менавіта для Палесся была ўласціва абвостранная барацьба за сервітуты (К. І. Шабуня, В. П. Панюціч, А. П. Жытко, А. Р. Бухавец, У. П. Крук, В. П. Цяпліцкі, Дз. І. Пойда, М. А. Рубач, Ф. Е. Лось, М. Н. Лешчанка і інш.). Развартанне сервітутаў у парэформенны час ішло вельмі маруднымі тэмпамі (117 маёнткаў на беларускім Палессі) з-за адкрытага супрацьдзеяння памешчыкаў. Апроч таго, характэрна была крайняя раскіданасць надзелаў і ўгоддзяў (звыш 1/10 сялянскіх надзелаў на Палессі складалі няўдобыцы), пераспалосіца [3, 99–100, 180]. Трэба дадаць, што, паводле В. П. Панюціча, *менавіта для рэгіёну ў найбольшай ступені была ўласціва арэнда маёнткаў і фальваркаў*. Таксама менавіта Палессе прыводзіцца як прыклад тэрыторыі з адносна хуткім тэхнічным прагрэсам у сельскай гаспадарцы: поруч з памешчыцкімі (1860-я гг.), да ¼ сялянскіх гаспадарак (1890-я гг.; заможная, кулацкая частка сялянства) выкарыстоўвалі ўдасканаленыя прылады і машыны [3, 145–148, 151].

В. М. Бусько адзначае, што ў 90-я гг. XIX ст. члены Мінскага таварыства сельскай гаспадаркі (А. Елавіцкі, Е. Кавалеўскі) наступным чынам вызначалі асноўную праблему эканамічнага развіцця панскіх гаспадарак: у той час як крэдыт даваўся пад 5,5% гадавых, даходы памешчыкаў у заходніх губернях не перавышалі 2–3%, у асноўным з-за асаблівых мясцовых умоў. Напрыклад, Палессе, дзе патрабаваўся меліяратыўны крэдыт [15, 59]. Разам з тым, Л. П. Ліпінскі адзначае адносную прадпрымальнасць памешчыкаў на Палессі: з-за недахопу рабочай сілы мясцовыя памешчыкі яшчэ ў 60-я гг. XIX ст. пачалі запрашаць немцаў з Сілезіі, у 70-я гг. XIX ст. яны пачалі запрашаць беззямельную шляхту з суседніх паветаў; болей чым 3/5 мясцовых памешчыкаў вялі гаспадарку самі; адносна інтэнсіўна прымянялі ўгнаенні; дастаткова часта сярод палескіх маёнткаў патрапляліся «азысы» развітай таварнай малочнай гаспадаркі (Галоўчыцы Горвата ў Рэчыцкім павеце, іншыя); была дастаткова развіта вінакурэнне (ў канцы XIX ст. з Палесся вывозілася ў Маскоўскі і другія рэгіёны 304 тыс пуд. спірту); ужо ў 60-я гг. XIX ст. вылучылася памешчыцкае саадаводства ў Пінскім павеце, затым у Мазырскім, Рэчыцкім і Гомельскім; вылучалася памешчыцкае травасеянне, пчалярства і рыбалоўства ў Пінскім павеце; вялікімі аб'ёмамі і інтэнсіўнасцю адрознівалася памешчыцкая распрацоўка лесу на Палессі; вылучаліся ў свой час цукровыя заводы памешчыкаў (Скірмунта, Вітгінштэйна, Паскевіча); у цэлым адметным было памешчыцкае прамысловае прадпрымальніцтва ў краі: суконны завод у Парэччы і завод свечак у Альбрэхтове Пінскага павета Скірмунтаў, Добрушская папяровая фабрыка Паскевіча [16, 48–54, 94–100, 142–155]. Супярэчнасць узнікае, аднак, бо Ліпінскі, спасылаючыся на сведчанне барона Урангеля 1870-х гг., заўважае рэгрэс у гаспадарцы палескіх памешчыкаў – вынік адсутнасці ў апошніх абаротнага капіталу і крэдыту [16, 49]. Між тым, адзначалі пэўным чынам адносна высокую прадпрымальніцкую ініцыятыву памешчыкаў на Палессі таксама В. П. Панюціч, А. П. Жытко, М. Б. Фрыдман, Х. Ю. Бейлькін, А. Л. Кіштымаў, А. І. Несцяранка. Тое ж фіксавалі сучаснікі парэформеннай эпохі. Так, І. В. Левіцкі (1877 г.) пісаў: «...хоззяства в Полесье находятся в довольно благоустроенном состоянии, (...) край этот, по моему убеждению, природою назначен для весьма широкого развития в нем фабричной и заводской деятельности» [17, 10, 25]. Менавіта апошняя, па сцверджанні Л. М. Несцярчука, пераўтварыла Парэчча Аляксандра

Скірмунта ў «адзіны буйны прамысловы цэнтр на Палессі ў XIX ст.» [18, 264]. Тое ж забяспечыла поспех гр. Ф. І. Тышкевіча, І. І. Кеневіча, Ф. А. Цярэшчанка, кн. Ф. І. Паскевіча, гр. С. А. Уварава, гр. Н. А. Бабрынскай, некаторых іншых латыфундыстаў [19]. Апошнія адрознівала рэгіён і набліжала яго да сітуацыі Прыбалтыкі і Прывісленскага краю.

Прадпрымальніцтва палескіх памешчыкаў дазваляе выявіць і ацаніць спіс землеўласнікаў пятага раздзела даведніка «Вся Россия» (Т. 2) 1900 г. [20]. Былі вылучаны буйнейшыя ў краі валоданні з болей чым 5 000 дзесяцін; дадзеныя былі зведзены па паветах. Крыніца дазваляе вылучыць 131 латыфундыю. У той жа час пазямельны перапіс 1905 г. фіксуе 177 такіх уладанняў. Вынікі адлюстроўваюць канцэнтрацыю да ½ латыфундыяльнага землеўладання менавіта ў палескіх паветах Мінскай губерні. Разам з тым, выяўляецца, што сярод вылучаных землеўладанняў толькі 56 (43%) можна аднесці да гаспадарак з высокім узроўнем прадпрымальніцкай ініцыятывы. Крытэрыі для іх вылучэння былі наступныя: наяўнасць прамысловых аб'ектаў, насенневай, племянной гаспадаркі, садаводства, лесаўзнаўлення і арганізаванай лясной гаспадаркі; пры наяўнасці вінакурэння, аднак, толькі ў тым выпадку, калі былі ў наяўнасці рэктыфікацыйныя аддзяленні або заводы. У цэлым, заўважана, гэтая група цесна карэлюе з латыфундыяльным землеўладаннем з той папраўкай, што адносна большая роля вылучаных гаспадарак пры меншай долі землеўладанняў у такіх паветах, як Кобрынскі (6,1 і 3,3%), Пружанскі (1,5 і 0,8%) і Ровенскі (4 і 10%). Без адзнак гаспадарчай актыўнасці выяўлена 44 гаспадаркі (ў тым ліку 12, пры засяроджанні 28% землеўладання ўсіх 131 маёнткаў, у Мазырскім павеце). Пераходную групу склаў 31 маёнтак (у тым ліку 10, пры 20% землеўладання, у Пінскім павеце). Паказальна, што зусім не прадстаўлена ўсходняя ўскраіна Палесся. У той жа час, напрыклад, не адлюстраваны такія буйнейшыя землеўладанні, як Гомельская Вотчына кн. Ф. І. Паскевіча (80,7 тыс. дзесяцін у 1903 г.) і «Чачэрск» гр. І. І. Чарнышова-Круглікава (не меней 70 тыс. дзесяцін у 1901 г.) у Рагачоўскім павеце, не адзначаны былі 2 немалыя шклянныя заводы Пуслоўскага ў Целяханах [20, 289, 291–292, 338].

Буйнейшым землеўласнікам у краі ў 1900 г. быў дзейсны саветнік С. Ф. Агаркаў. Ён валодаў буйнейшымі маёнткамі на Палессі – колішняй уласнасцю кн. П. Л. Вітгінштэйна і кн. М. Л. Гогенлоэ – 188,8 тыс. дзесяцін зямлі ў Мазырскім павеце (маёнткі Ленін, Грабава, Сітніца, Юрэвічы, Гарадзятчычы, Чучавічы, Дзякавічы). Апроч таго, яму належаў буйны маёнтак Гаўрыльчыцы (зараз Ганцавіцкі раён) з 11,8 тыс. дзесяцін у Слуцкім павеце і 13 тыс. дзесяцін у Таўрычаскай губерні. Такім чынам, у межах вылучанага абсягу Палесся было 88,5% зямель Агаркава. Характэрна, што ніякіх адзнак гаспадарчай ініцыятывы ў крыніцы адносна гэтай латыфундыі не зафіксавана. Падобным жа чынам характарызуецца гаспадарка другога буйнейшага палескага латыфундыста кн. К. К. Патоцкага (95,2 тыс. дзес.), гр. Ф. У. Пуслоўскага ў Пінскім; кн. А. В. Радзівіла ў Мазырскім і Пінскім паветах. Вялікай гаспадарчай актыўнасцю на фоне ўсяго рэгіёна адрозніваўся гр. С. А. Увараў – пяты землеўласнік у краі з 65,8 тыс. дзесяцін – у Ноўгарад-Валынскім павеце (Эмільчын і інш.); у меншай меры – гр. Ф. І. Тышкевіч (3-я пазіцыя ў рэгіёне) з 89 тыс. дзес. (Дельчыцы, Астражанка) ў Мазырскім павеце. Такім чынам, насуперак агульнай сітуацыі ў Расіі, калі буйнейшыя землеўласнікі з'яўляліся буйнейшымі прамыслоўцамі-дваранамі (Л. П. Мінарык, А. М. Анфімаў), для Палесся ўласціва актыўнасць менавіта мясцовых латыфундыстаў сярэдняй рукі. Тое ўпадабляе край да Прыбалтыкі і Прывісленскага краю. Разам з тым, заўважана, што ў маёнтках з меней чым 1 000 дзесяцін амаль заўжды адзнак гаспадарчай ініцыятывы ў крыніцы не фіксуецца (тое ж група ў 4–8 тыс. дзесяцін). Пры гэтым менавіта для групы валоданняў з 1–4 тыс. і з болей чым 8 тыс. дзесяцін (да 25 тыс. дзесяцін) уласціва адносна высокая ступень выяўлення гаспадарчай ініцыятывы. Напрыклад, такія вядомыя сваёй паспяховай гаспадаркай валоданні, як «Высока-Літоўскае» гр. М. К. Патоцкай (3,1 тыс. дзесяцін) у Брэсцкім павеце; М. І. Талубеева (1,2 тыс. дзесяцін) і гр. Н. А. Бабрынскай (15,3 тыс. дзесяцін) у Кобрынскім; М. М. Герарда (3,6 тыс. дзесяцін) у Гомельскім; А. А. Скірмунта (6,5 тыс. дзесяцін) у Пінскім; А. А. Аршэнеўскага (1,3 тыс. дзесяцін), нашчадкаў Ф. А. і М. А. Цярэшчанка ў Жытомірскім павеце; іншыя [19], [20].

Вывады

Падсумоўваючы, адзначым, што: першае – рэгіён адрозніваўся на фоне агульнарасійскай і нават беларускай сітуацыі *крайнім латыфундызмам*, прычым канцэнтрацыя якасці назіралася менавіта ў беларускай частцы рэгіёну (Мазырскае і Пінскае Палессе); другое – назіралася дастаткова моцная *канцэнтрацыя гаспадарчай актыўнасці памешчыкаў у краі менавіта ў латыфундыях*: яны былі засяроджаннем фактараў (сродкаў) вытворчасці ў свой час. Разам з тым, менавіта для *найбуйнейшых латыфундыў у краі* быў характэрны пасіўны характар працяўлення

гаспадарчай ініцыятывы (*перыферыйнага гаспадарчага роля Палесся*). Заўважым, што ў найбольшай ступені праяўлялася прадпрымальніцкая ініцыятыва ў «сярэдных» латыфундыях заходняй і паўднёвай ускраін рэгіёну. Трэцяе – адметнасцю краю быў адносна павольны працэс раздразнення і скарачэння памешчыцкага землеўладання ў рэгіёне. На апошняе, у цэлым, істотна ўплывала прадпрымальніцкая актыўнасць, асабліва прамысловая. У найбольшай меры, між тым, апошняе спрыяла захаванню менавіта буйнейшых латыфундый у краі.

Літаратура

1. Савельев, П. И. Пути аграрного развития России в дискуссиях российских историков / П. И. Савельев // Россия сельская. XIX – начало XX века / отв. ред. А. П. Корелин. – М. : РОССПЭН, 2004. – С. 25–53.
2. Фридман, М. Б. Отмена крепостного права в Белоруссии / М. Б. Фридман. – Минск : Изд-во Белгосуниверситета, 1958. – 202 с.
3. Панютин, В. П. Социально-экономическое развитие белорусской деревни в 1861–1900 гг. / В. П. Панютин. – Минск : Наука і тэхніка, 1990. – 375 с.
4. Долбилов, М. Д. Статистический эксперимент реформаторов: коллизии в расчетах вышних размеров крестьянских наделов при освобождении / М. Д. Долбилов // Россия сельская. XIX – начало XX века / отв. ред. А. П. Корелин. – М. : РОССПЭН, 2004. – С. 83–106.
5. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. – СПб. : Тип. Мин-ва внутр. дел, 1884. – Вып. 3 : Губернии малороссийские и юго-западные. – 218 с. ; 1882. – Вып. 5 : Губернии литовской и белорусской групп. – 208 с.
6. Козловский, И. Л. Социалистическое переустройство сельского хозяйства Пинского Полесья : автореф. ... дис. канд. экон. н. : 08.00.05 / И. Л. Козловский ; МосСХА им. К. А. Тимирязева. – М., 1953. – 14 с.
7. Тарасюк, Д. А. Поземельная собственность пореформенной России. Историко-экономическое исследование по переписи 1877–1878 гг. / Д. А. Тарасюк. – М. : Наука, 1981. – 129 с.
8. Статистика землевладения 1905 г. – СПб. : «Центральная» типолитогр. М. Я. Минкова, 1906. – Вып. 11 : Гродненская губерния. – 46 с. ; СПб. : Тип. «Народная польза», 1906. – Вып. 19 : Минская губерния. – 46 с. ; СПб. : Тип. Т-ва «Электротипография Н. Я. Стойковой», 1906. – Вып. 13 : Могилевская губерния. – 53 с. ; СПб. : Тип. С.-Петербур. акц. об-ва «Слово», 1906. – Вып. 41 : Волынская губерния. – 55 с. ; СПб. : «Центральная» типолитогр. М. Я. Минкова, 1906. – Вып. 43 : Киевская губерния. – 57 с. ; СПб. : Тип. Т-ва «Народная польза», 1906. – Вып. 47 : Черниговская губерния. – 60 с.
9. Минарик, Л. П. «Статистика землевладения 1905 года» как источник по изучению крупного помещичьего землевладения в России в начале XX века / Л. П. Минарик // Малоисследованные источники по истории СССР XIX–XX вв. (Историко-экономический анализ). – М. : Наука, 1964. – С. 56–73.
10. Список землевладельцев Минской губернии за 1876 г. – Минск : Тип. губернского правления, 1877. – 190 с.
11. Список землевладельцев Минской губернии. – Минск : Минская губернская тип., 1889. – 419 с.
12. Списки лиц, владеющих в Минской губернии имуществом и имеющих право участвовать в Земском Избирательном Собрании: Прибавление к № 46 Минских губернских новостей. – 18 июня 1911 г. – [Списки с раздельной пагинацией по уездам]. – 320 с.
13. Раскладка дзяржаўнага пазямельнага падатку, 1915 г. // Нацыянальны гістарычны архіў у г. Мінску (НГАБ). – Ф. 723. – Воп. 1. – Сп. 38. – Л. 3–21 аб.
14. Шабуня, К. И. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в Революции 1905–1907 гг. / К. И. Шабуня. – Минск : Изд-во М-ва высш., средн. спец. и проф. образования БССР, 1962. – 436 с.
15. Бусько, В. Н. Экономическая мысль Белоруссии середины XIX – начало XX в. Очерки. / В. Н. Бусько. – Минск : Наука и техника, 1990. – 144 с.
16. Липинский, Л. П. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии (Вторая половина XIX века) / Л. П. Липинский. – Минск : Наука и техника, 1971. – 256 с.
17. Левитский, И. О. Очерк хозяйственных условий Полесья и значение для них проводимой ныне канализации этого края / И. О. Левитский. – СПб. : Тип. В. Демакова, 1878. – 25 с.
18. Несцярчук, Л. М. Замкі, палацы, паркі Берасцейшчыны X–XX стагоддзяў (гісторыя, стан, перспектывы) / Л. М. Несцярчук. – Мінск : БЕЛТА, 2002. – 336 с., іл.
19. Краткие справочные сведения о некоторых русских хозяйствах. – СПб. : Типография В. Киршбаума, 1897. – Вып. 1. – 546 с.
20. Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Адрес-календарь Российской империи : в 2 т. – СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1900. – Отдел VI. – Т. 2. – С. 163–345.

Summary

This article is devoted to the state of landownership of the nobility and its level of development in 1861–1914. The special attention is paid to the territorial peculiarities and relative stability of the large-scale landownership in Polesie in the conditions of common decline of the manorial landownership.

Паступіў у рэдакцыю 03.11.08.

УДК 930.1«18–19»

А. В. Козленко

**РИМСКИЙ ПАТРОНАТ И ИСПАНСКОЕ ГОСТЕПРИИМСТВО
ПО ДАННЫМ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ**

I в. до н. э. – I в. н. э.

В статье рассматривается эволюция институтов патроната и гостеприимства в Риме I в. до н. э. – I в. н. э. В течение этого времени институт римского патроната распространяется на провинции и приобретает ранее ему несвойственные коллективные черты. С другой стороны, происходит сужение области отношений гостеприимства, которое в сознании римлян все более отождествляется с патронатом. Важнейшей из предпосылок этих изменений, по мнению автора, является завоевание Римом Средиземноморья, увеличившее возможности и престиж римского гражданства. Римляне и их гостеприимцы перестали рассматривать друг друга в качестве равноправных партнеров, что привело к постепенной эволюции института гостеприимства в патронат. Анализ современных эпиграфических находок, преимущественно испанского происхождения, позволяет ему проследить детали этого процесса.

Введение

Римляне понимали под патронатом договорную систему отношений покровительства, осуществляемого в отношении юридически свободных лиц [1, 11]. Современные исследователи выделили такие признаки патрон-клиентских отношений, как взаимность, проявляющаяся в обязанности патрона опекать лиц, находящихся под его покровительством, и в праве требовать от них предоставления услуг встречного характера; договорной тип обязательств, формально добровольных и осуществляемых гражданами, сохраняющими при этом правоспособный статус; долговременный характер обязательств, не имеющих срока исполнения и длящихся сколь угодно долго вплоть до формального упразднения [1, 11], [2, 49].

Результаты исследования и их обсуждение

С римским завоеванием Средиземноморья произошло расширение институциональных границ патроната, который начал использоваться не только в отношениях между римскими гражданами, но также и в отношениях между римскими гражданами и провинциалами, а также в отношениях между римскими гражданами и провинциальными общинами. В последнем случае покровительство патрона распространялось не на отдельных лиц, а на весь коллектив гражданской общины, причем, предусмотренный при этом характер отношений, по-видимому, не имел качественных отличий от индивидуального покровительства и, вероятно, строился по аналогии [3, 22]. Как в самом Риме, отдельные индивиды, не теряя ни свободы, ни правоспособности, могли поступать под покровительство могущественных лиц, так и в провинциях целые группы и даже гражданские общины могли находиться в составе частной клиентелы [2, 51].

Историки патроната объясняют такую эволюцию влиянием, которое этот институт испытывал со стороны другой разновидности обязательственных отношений – обычая гостеприимства [4, 339–390], [5, 54, 645], [6, 538–540], [7, 467]. Гостеприимство (*hospitium*), как и патронат, представляло собой систему покровительства, оказываемого хозяином пребывающему под его кровлей гостю. С институтом патроната этот обычай также объединяет договорной характер соглашения о гостеприимстве и взаимность оказываемых при этом услуг [4, 339–340], [7, 50–55]. При этом, в отличие от патроната, обычай гостеприимства с самого начала имел как частную (*hospitium privatum*), так и общественную (*hospitium publicum*) составляющую [4, 339–390]. В последнем случае соглашение заключалось или между двумя общинами, предоставлявшими гражданам равные права в течение времени пребывания на территории друг друга, или между общиной и чужеземцем. Последний в этом случае брал на себя функции покровительства гостей из соответствующей общины, представлял перед своими согражданами их интересы и осуществлял другие функции, сопоставимые с современной консульской службой [4, 339–390], [8, 56].

Объясняя сущность института гостеприимства, Фест отмечал принцип равенства участников этих отношений «...ведь *hostire* означает быть равным (*aequare*)» (Fest, P. 474 L). Оказывая благодеяния чужеземцу, принимающий его хозяин исходил из возможности самому когда-либо оказаться на его месте. Историческим условием, обеспечивающим соблюдение этого принципа, являлась совокупность мелких самоуправляющихся общин, из которой складывалась политическая система древнего мира. Однако, когда ей на смену пришел режим империи, этот принцип взаимной симметрии начал разрушаться [9, 2493–2494]. Римское завоевание чрезвычайно увеличило значение римского гражданства, а следовательно, возможности и престиж от обладания контактами с римскими гостеприимцами. Связи гостеприимства объединяли гражданина могущественнейшего государства, с одной стороны, и подчиненного союзника, с другой. В то время, как провинциал в ходе домашних неурядиц вынужден был время от времени прибегать к поддержке и покровительству своего римского партнера, сам он в ответ мог обеспечить ему лишь очень скромные блага. Подобное размывание оснований взаимности отношений привело к эволюции института гостеприимства и его сближению с патронатом [3, 17], [10, 128].

С другой стороны, римская концепция социальных отношений не проводила жестких границ между понятиями гостеприимства (*hospitium*) и патроната (*patrocinium*) [1, 7], [2, 54]. В основании этих институтов находились преимущественно моральные убеждения, основанные на оказываемом одной стороной другой доверии (*fides*). Однако в социальной лексике формула пребывания у кого-либо в доверии (*in fidem*) являлась смягченным выражением отношений покровительства и клиента [1, 7], [2, 54], [10, 129]. Римляне при организации социальных отношений исходили из их возвратного характера, при этом статус любого из партнеров определялся лишь его реальными возможностями [1, 11]. Важнейшим критерием отношений являлся принцип соразмерности услуг и ответных обязательств. В этом смысле дружба между индивидами различных статусов фактически соответствовала определению патроната, хотя формально таковым не считалась [2, 51]. Также и в отношениях с гостями, когда они утрачивали компонент равноправия, отношения гостеприимства перерастали в патронат [3, 18], [10, 128]. Знатные римляне терминологически разводили понятия клиентов и гостей, однако редко проводили между ними действительное различие. Цицерон перечисляет их сразу друг за другом (Cic. Cat., IV, 11; Att., I, 20, 7; Fam., V, 8, 5; Quint., I, 2, 16), а Плиний Младший использует их взаимозаменяемо, как настоящие синонимы (Plin. Ep., III, 4).

Эпиграфические источники не только дают множество примеров подобного отождествления в надписях конкретных документов, но и позволяют выделить хронологические рамки этого процесса. В нашем распоряжении имеются два достаточно полных текста муниципальных законов: *ex Ursonensis* и *lex Malacitana* (ILS 6121). Оба документа происходят из Испании и датируются приблизительно одинаково, I в. до н. э. – I в. н. э. Интересно отметить, что в то время, как *lex Ursonensis* описывает две различные процедуры для назначения патрона (ст. 97 и 130) и назначения гостя (ст. 131), тем самым проводя различие между обоими институтами как на понятийном, так и на процедурном уровне, более поздний текст *lex Malacitana* ограничивается описанием лишь одной процедуры назначения патрона (61), о гостеприимстве же хранит молчание. Комментируя это различие, Л. Арман предположил, что оно является результатом временной дистанции между обоими статутами. В 44 г. до н. э., когда был издан *lex Ursonensis*, некоторое различие между отношениями гостеприимства и патроната еще сохранялось, к моменту же публикации *lex Malacitana* в 81 г. н. э., это различие уже сошло на нет [7, 54].

Одним из главных источников по истории института патроната являются надписи на бронзовых таблицах, т. н. *tabula patronatis*. Всего к настоящему времени известно около полутора сотен подобных документов, причем из этого числа 70 экземпляров происходят с территории Испании. Основным содержанием текста, выгравированного на поверхности бронзовой таблицы, является описание почестей патрона, которые община предоставляла могущественному чужеземцу. Как правило, надпись включает дату, описание условий соглашения и другие формальные элементы. Исследователи отмечают определенную особенность терминологии и характерную грамматику текстов, а также воздействие, которое на язык надписи оказывали канцеляризм, принятые в римском делопроизводстве. Эти особенности позволяют осуществить

широкое сравнение текстов, относящихся к различным регионам и эпохам. Сравнение документов испанского происхождения позволяет обнаружить интересную особенность процесса эволюции института гостеприимства и его сближения с отношениями патроната [6, 535–538], [7, 50–55].

Процедура назначения патрона и значение таблицы патроната описаны в 97 главе *lex Ursonensis* (ILS 6121). Соответствующее постановление должно было быть принято советом декурионов. Голосование по вопросу было открытым и проводилось под присягой. Текст соответствующего постановления (*decretum decurionum*) записывался, а затем выставлялся для всеобщего ознакомления на специальной мелованной таблице [7, 296]. Из состава членов совета избирались легаты, которые должны были обратиться к предполагаемому патрону с просьбой о принятии общины в свою клиентелу и доставить ему копию декрета. После того, как патрон соглашался и давал легатам формальный ответ, в его честь изготавливались две бронзовые таблицы, одна из которых оставалась в муниципии, а другая доставлялась патрону и выставлялась в атриуме его дома [6, 545–546]. Судя по тексту поздней таблицы из Песта, между оказанием патрону официальных почестей и изготовлением бронзовой таблицы могло пройти достаточно много времени. Само вручение таблицы рассматривалось как дополнительная почесть, призванная отблагодарить патрона и поощрить его в дальнейших намерениях [7, 335].

Наиболее ранние *tabula patronatis* датируются последними десятилетиями I в. до н. э. По-видимому обычай гравировать постановление декурионов на бронзовой таблице с последующей ее передачей патрону появился незадолго до этого времени. Обращает на себя внимание общность практик использования бронзовой таблицы в рамках процедуры установления патроната, с одной стороны, и практик использования бронзового жетона, или тессеры, в рамках процедуры установления отношений гостеприимства, с другой. В последнем случае участники соглашения обменивались бронзовыми тессерами (*tessera hospitalis*), на каждой из которых было выгравировано имя другого партнера. Этот обычай давал участникам соглашения возможность самим или через потомков по предъявленной тессере со своим именем узнать друг друга по прошествии многих лет и возобновить старинное соглашение [9, 2493–2494]. Известно несколько находок тессер с именами гостеприимцев, причем по количеству их находок Испания вновь держит пальму первенства перед другими провинциями Римской империи. Особенность некоторых тессер состоит в том, что к стандартной формуле заключения гостеприимства (*hospitium fecit*) в них также присутствует формула учреждения отношений покровительства и патроната (*hospitium fecit in fidem clientelamque recepit*). Наличие этой формулы предполагает, что один тип документов оказывал на другой самое непосредственное воздействие [7, 50–55].

Терминология гостеприимства играет весьма значительную роль в текстах таблиц патроната. Термины *tessera hospitalis* (ILS 6094, 6096, 6111, 6118–6120), *tabula patronati* (ILS 6114, 6116) и *tabula aenea* (ILS 6110, 6112, 6113, 6115) используются в документах в качестве синонимов. Из 24 таблиц патроната испанского происхождения в 17 случаях, помимо предоставления патрону соответствующих почестей, община наделяет его также собственным гостеприимством. Возможные вариации данной формулы включают *hospitium iunxere* в тексте таблицы из Памплоны и *hospitium vetustum antiquom renovaverunt* в первой части текста знаменитой таблицы из Асторги (CIL II, 2958; 2633). Также и в таблицах патроната африканского происхождения в половине имеющихся в наличии текстов оказывается упомянута формула заключения гостеприимства (*hospitium facere*). С учетом различных вариаций частота ее использования вырастает до двух третей от общего числа дошедших до нашего времени документов [6, 549].

Изменения в первоначальном характере гостеприимства происходят по мере его отождествления с институтами патроната-клиентелы. В надписях на таблицах они могут быть прослежены уже на уровне терминологии. Само по себе примечательно то, что лишь шесть испанских надписей эпохи принципата упоминают *hospitium* сам по себе, без отождествления его с другими институтами. Причем пять из этого числа относятся к раннему времени и датируются эпохой до 60 г. н. э. [6, 547]. Текст всех пяти таблиц оказывается издан от имени заключающей соглашения общины, ее партнер по соглашению хотя и заявлен, но действует пассивно, поэтому его статус в рамках соглашения остается неизвестен. Несколько особняком от этой группы стоит таблица из Кастремао, датированная 132 г. Текст надписи сообщает, что в ответ на получение *hospitium* от общины келернов Г. Антоний Аквил, префект I Кельтиберской когорты, предоставил

им собственный *hospitium* (AE 1972, 282; 1973, 295). Таким образом, данное соглашение оказывается заключено в соответствии с моделью классического соглашения гостеприимства, по условиям которого договаривающиеся стороны и их обязанности оказываются равны. Таблица из Асторги (CIL II, 2633; ILS 6101) демонстрирует еще один редкий случай соглашения позднего времени, когда прием под покровительство и в клиентелу оказался взаимен для обоих партнеров. Хотя терминология надписи определена соглашениями патроната-клиентелы, симметричный характер обязанностей восходит к более ранним практикам [11, 326].

Большинство имеющихся в нашем распоряжении надписей определенно отождествляют гостеприимство с приемом под покровительство и институтами патроната-клиентелы. Зафиксированным в надписях выражением отношений зависимости является формула приятия под покровительство *in fidem*, часто дополненная сообщением об учреждении клиентелы *in clientelam recipere*. Вариантом последней формулы может являться выражение *patronum cooptare*. Комбинированное выражение *hospitium facere // in fidem clientelamque recipere* оказывается одной из наиболее распространенных формул заключения соглашения о гостеприимстве, зафиксированной в 10 текстах из имеющихся 24 экземпляров, а также широко распространенной за пределами Испании [6, 548, таблица 7]. Еще один вариант этой формулы в написании *hospitium facere patronum cooptare* засвидетельствован в двух испанских таблицах позднего периода (CIL II, 2960; ILS 6108, 6109). Исследователями отмечается, что формула *hospitium facere // in fidem clientelamque recipere* использует тексты таблиц, в которых активно действует патрон. В зависимости от авторства и характера действия в тексте надписи можно выделить две части. В первой действующим лицом является гражданский коллектив, который предоставляет гостеприимство могущественному чужеземцу (*hospitium facere*). Во второй части удостоившийся этой почести индивид в качестве ответного благодеяния принимал общину в свою клиентелу и под покровительство (*in fidem clientelamque recipere*). Диалоговый характер текста, в котором каждому из участников отведена характерная роль, соответствует нашим представлениям о том, как происходило заключение подобных соглашений в реальности [9, 2493–2494].

Тексты таблиц, найденных в различных провинциях Римской империи, демонстрируют определенное единство принципов внутренней организации текста. Первые обзорные исследования надписей на таблицах были связаны с поиском общего стандарта данного типа документа. Подведя итог этим исследованиям, Р. Канья, а затем Л. Арман пришли к выводу, что таким стандартом являлась формула *hospitium facere, patronum cooptare // hospitium facere, in fidem clientelamque recipere* [7, 336]. Дж. Николс первый подверг критике как данное положение, так и идею универсального стандарта документа в целом. Он считал, что стандартные элементы оформления можно отчетливо зафиксировать лишь для датированных началом эпохи принципата таблиц из Проконсульской Африки, в которой шесть из восьми экземпляров надписей действительно соответствуют предложенному Р. Канья и Л. Армано формату соглашения. Что же касается других находок, то простое сравнение показывает, что они не только редко соответствуют образцу данной формулы, но и вообще слабо подходят под определение стандарта. Так, из тринадцати испанских таблиц данную формулу содержало лишь две, а из оставшихся текстов можно было вычлениить еще не менее трех типов различных формул. Дж. Николс считает, что определение стандартов единообразия документа нуждается в корректировке. Формулу документа следует понимать не как единый тиражируемый образец, но как совокупность стандартизированных элементов, порядок которых в конкретной надписи мог значительно варьироваться. В зависимости от целого ряда условий одни элементы формулы могли использоваться чаще, чем другие [6, 553].

По мнению самого Дж. Николса, подобным элементом является формула кооптации патрона и ответного приема под покровительство и в клиентелу *patronum cooptare // in fidem clientelamque recipere* [6, 553]. Выведя эту формулу по результатам анализа текста тридцати таблиц различного происхождения и датировки, он совершает ошибку, в которой упрекает своих предшественников. Как только мы пытаемся использовать ее применительно к корпусу региональных таблиц, выясняется, что она с трудом подходит для их анализа. Как мы уже выяснили ранее, региональной особенностью испанских таблиц является отождествление институтов гостеприимства и патроната, наличие соглашения о гостеприимстве в составе

постановления о назначении патрона. Формула *hospitium facere // in fidem clientelamque recipere* оказывается общераспространенной среди имеющихся в нашем распоряжении документов. Столь же высокий процент соседства гостеприимства и патроната демонстрируют африканские таблицы с их формулой *hospitium facere, patronum cooptare // hospitium facere, in fidem clientelamque recipere*. Характерное отличие Испании проявляется в расчленении пары *hospitium facere* и *patronum cooptare*. Если для африканских текстов оно не характерно, то в испанских текстах встречается довольно часто. Это должно свидетельствовать в пользу предположения, что испанцы, по крайней мере, в ряде конкретных случаев действительно отождествляли формулировки для соглашений гостеприимства и патроната.

Объясняя данный феномен, испанский исследователь Х. Мангас предположил, что различие используемой при составлении документа формулы назначения гостеприимца или кооптирования патрона является результатом различия правового статуса издававших документ гражданских общин. По этому признаку исследователь выделил три категории таблиц: изданные колониями римского права, латинскими муниципиями и peregrinскими общинами. В процессе сравнения оказалось, что формула предоставления одного лишь гостеприимства *hospitium facere* использовалась общинами самого различного правового статуса, в то время как предоставление гостеприимства вместе с назначением патрона *hospitium facere, patronum cooptare* осуществлялось одними только провинциальными общинами римского или латинского права. Само постановление в последних случаях было неизменно составлено по образцу постановления декурионов, а лица, избранные чтобы сообщить патрону о кооптировании и передать ему таблицу, в документах описывались как легаты, что соответствует муниципальной практике других провинций империи. Упомянутые в текстах таблиц патроны носят римские *tria nomina* и являются или потомками эмигрантов из Италии, или давно романизированными провинциалами. С другой стороны, среди гостеприимцев peregrinских общин можно обнаружить как римских граждан, так и лиц, чей гражданский статус не может быть надежно установлен [12, 170–172].

Формула предоставления гостеприимства оказывается распространена более широко по сравнению с формулой кооптирования патрона, соответственно, правовой статус предоставляющих эту почесть общин оказывается много более разнообразен. Если общины римского или латинского гражданского права могли сочетать предоставление гостеприимства с кооптированием патрона, то peregrины должны были ограничиваться лишь формулой *hospitium facere*. Даже в тех случаях, когда партнером гражданского коллектива выступало лицо, обладавшее римским гражданством, назначенные ему почести ограничивались предоставлением гостеприимства. Подобный результат отношений демонстрирует договор о гостеприимстве из Кастромао. Его участниками являются келерны, которые соответствуют упомянутой Плинием Старшим общине из конвента Бракары на верхнем Дуэро, и Г. Антоний Аквил префект I Кельтиберской вспомогательной когорты (AE 1972, 282; 1973, 295). Не только вполне романизированное имя, но также и военная должность гостеприимца келернов говорят о нем, как о человеке, несомненно, обладавшем правами римского гражданства и высоким социальным статусом. Между тем отношения между партнерами строятся по архаическому образцу и ограничиваются лишь заключением гостеприимства. Поскольку в документе отсутствуют традиционные упоминания о *fides clientelamque*, остается неизвестным, были ли этим договором учреждены также отношения патроната-клиенты. Однако, поскольку они присутствуют в большинстве других документов аналогичного типа, скорее всего на этот вопрос следует ответить утвердительно.

Выводы

Использование в надписях на таблицах формулы *hospitium facere patronum cooptare* предполагает возможность одновременного предоставления гостеприимства и кооптирования патрона гражданскими общинами римского или латинского права. В нашем распоряжении находятся два документа из Памплонны, различие между формулировками которых соответствует изменению гражданского статуса общины [12, 172]. Первый представляет собой возобновление гостеприимства между гражданской общиной памплонцев и Л. Помпеем Приманом. Таблица датируется 57 г., и, следовательно, относится к эпохе, когда Памплонна еще не обладала правами муниципия. Соответственно данным правовым условиям текст документа использует формулу

hospitium renovavere (CIL II, 2958; ILS 6104). Другой документ датируется 185 г. и представляет собой договор об учреждении гостеприимства и патроната-клиентелы между той же общиной и неким Пб. Семпронием Таврином Даманитаном. К этому времени Памплоня уже около ста лет являлась муниципием, соответственно изменению гражданского статуса общины данный документ оказывается составлен по формуле *hospitium iunxit civem et patronum cooptavit* (CIL II, 2960; ILS 6108). К сожалению, мы ничего не знаем о том, как вслед за изменением терминологии документа изменялась практическая сторона отношений упомянутых в нем участников соглашения. Однако следует предположить, что их последствия были ничтожны, поскольку содержание этих отношений определялось в большей степени доступными каждому из них ресурсами, нежели языком формальных обязательств. В этом смысле Л. Помпей Приман хотя и считался лишь гостеприимцем памплонцев, однако де-факто играл для них роль покровителя и патрона, так же, как позже Пб. Семпроний Таврин Даманитан.

В этом случае применительно к двум таблицам из Памплоня, также, как и в других подобных ситуациях, речь идет о каком-то обычае, особенностью которого являлось устойчивое разграничение между патронатом и гостеприимством. Хотя в середине I в. до н. э. *lex Ursonensis* еще вводит терминологические и процессуальные разграничения между правилами кооптации гостеприимца и патрона, социальные процессы в провинциях Римской империи вели к постепенному стиранию границ между обоими институтами. Уже в следующем столетии римляне их фактически не различали, свидетельством чего является не только лексика современников, но и терминология текстов таблиц патроната.

Літэратура

1. Saller, P. R. *Personal Patronage under the Early Empire* / P. R. Saller. – Cambridge: University Press, 1982. – 223 p.
2. Saller, P. R. *Patronage and friendship in early imperial Rome: drawing the distinction* / P. R. Saller // *Patronage in Ancient Society* / ed. A. Wallace-Hadrill. – London: Routledge, 1989. – P. 49–62.
3. Eilers, C. *Roman Patrons of Greek Cities* / C. Eilers – Cambridge, 2002. – 340 p.
4. Mommsen, Th. *Das römische Gastrecht und die römischen Klientel* / Th. Mommsen // *Römische Forschungen*. – B., 1864. – Bd. I.
5. Mommsen, Th. *Römische Staatsrecht* / Th. Mommsen. – Leipzig, 1887. – Bd. III.
6. Nicols, J. *Tabulae patronatus: A study of the agreement between Patron and Client – Community* / J. Nicols // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* / ed. W. Haase, H. Temporini. – Berlin–New York: W. de Gruyter. – Bd. 1980, II.13. – P. 535–559.
7. Harmand, L. *Le patronat sur les collectivités publiques des origines au bas empire* / L. Harmand – Paris: Univ. de Clermont, 1957. – 543 p.
8. Badian, E. *Foreign Clientelae (264-70 B. C.)* / E. Badian. – Oxford: Clarendon Press, 1958. – 342 p.
9. Leonhard, K. *Hospitium* / K. Leonhard // *RE*. – C. 2493–2498.
10. Rich, J. *Patronage and interstate relations in the Roman Republic* / J. Rich // *Patronage in Ancient Society* / ed. A. Wallace-Hadrill. – London: Routledge, 1989. – P. 117–135.
11. Etienne, R. *La tessera hospitalis, instrument de sociabilité et de romanisation dans la Péninsule ibérique* / R. Etienne, P. Le Roux, A. Tranoy // *Sociabilité, pouvoirs et société. Actes du colloque de Rouen 24–26 novembre 1983*. – Rouen, 1987. – P. 323–326.
12. Mangas Manjarres, J. *Hospitium y patrocinium sobre colectividades publicas: terminus sininimos?* / J. Mangas Manjarres // *Dialogues d'Histoire Ancienne*. – 1983. – T. 9. – P. 165–188.

Summary

The article deals with the problem of evolution of Roman institutes of patronage and hospitality during the period of I B.C. – I A.D. While distributing to the provinces Roman patronage gets unusual collective features. On the other hand, hospitality loses its independent meaning and start to identify with patronage. In the author's opinion, after Roman conquest of the Mediterranean in II – I B.C., Romans and their guest-friends have ceased to consider each other as equal partners. This led to gradual evolution of hospitality into patronage. The precise analysis of modern epigraphic finds allows us to study the details of this process.

Поступила в редакцию 03.02.09.

УДК 94(476).084.2

*Д. С. Лаверинович***УЧАСТИЕ КОНСТИТУЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
В ВЫБОРАХ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ В БЕЛАРУСИ
(октябрь – ноябрь 1917 г.)**

Автор показывает структуру и численность кадетских организаций, раскрывает их социальную основу, состоящую, главным образом, из городской интеллигенции, чиновничества, офицеров и помещиков. В статье исследуется деятельность кадетов, заключавшаяся в издании газет, брошюр и листовок, организации митингов и собраний. Принимая активное участие в борьбе за власть, конституционные демократы большее значение придавали выборам в Учредительное собрание, пытались привлечь на свою сторону народные массы: крестьянство, сельскую интеллигенцию, солдат и других. В статье описывается противоборство местных кадетов с социалистическими партиями, особенно с эсерами и большевиками. Поражение представителей КДП на выборах автор объясняет тем, что кадеты не смогли найти взаимопонимания с крестьянами, составлявшими большинство избирателей, позицией солдат, настроенных в основном в пользу РСДРП(б), репрессивной политикой последней после прихода к власти.

Введение

Кадетская партия играла значительную роль в общественно-политической жизни России начала XX в. Активно действовали конституционные демократы и на территории Беларуси, но в отечественной историографии им уделено мало внимания. Задачей статьи является исследование участия Конституционно-демократической партии (КДП) в выборах Учредительного собрания на территории Беларуси. Территориальные границы исследования включают в себя Витебскую, Минскую и Могилевскую губернии, ограничиваются уезды и преимущественно небелорусским населением.

Результаты исследования и их обсуждение

Структура Конституционно-демократической партии в Беларуси включала в себя губернские комитеты в Минске, Витебске и Могилеве, которые координировали деятельность отделов в губернских и уездных городах, местечках и селах. В Минской губернии организации кадетов существовали в Минске, Бобруйске, Мозыре, Слуцке, Речице, Городее; в Витебской губернии – Витебске и с. Алексеево Витебского уезда, Городке, Невеле, Полоцке, Двинске и м. Прель Двинского уезда, Режице, Люцине, Креславле; в Могилевской – Могилеве, Гомеле и м. Ветка Гомельского уезда, Горках, Чаусах и д. Антоновка Чауского уезда, Рогачеве, Быхове и имении Поляково Быховского уезда, Сенно, Орше, Климовичах [1], [9]. Организационно организации конституционных демократов в Минской, Витебской и Могилевской губерниях подчинялись Петроградскому областному комитету КДП [6, 42].

Социальную основу КДП составляли представители состоятельных городских слоев: гласных земств и городских дум, служащие Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов, чиновники, юристы, врачи и другие представители «цензовой» общественности. В Гомеле среди конституционных демократов было много старообрядцев. В сельской местности опорой кадетской партии были помещики. Но, как и в годы первой российской революции, кадеты пытались привлечь в свои ряды крестьянство. Особенно активно их агитаторы из числа учителей и священников действовали в Городокском уезде: из 21 волости в 6 крестьяне склонялись в пользу КДП [1, 26]. Крестьянской была организация КДП в Голеневской волости Чауского уезда. В Невельском уезде кадетские кружки имелись в 7 волостях [1, 25]. В основном за кадетами шли хуторяне. Лидер местных конституционных демократов следующим образом характеризовал взаимоотношения с ними: «Крестьяне иногда, при вступлении в партию, ставят условием активную защиту их собственности, на что партия, разумеется, идти не может. Некоторые из членов партии вступают в союз земельных собственников и наш комитет этому не препятствует» [1, 25].

Из национальных меньшинств сильные прокадетские настроения были у евреев, особенно в Витебске, Городке. Питали конституционные демократы надежду и на латышское население Витебской губернии [1, 26]. В целом социальную базу кадетов, по словам товарища председателя Витебского комитета Н. Г. Цитовича, составляли: земельные собственники, группа «Единство», католическое население [1, 27].

Поскольку по территории Беларуси проходил Западный фронт, то ряды кадетов пополняли также военные. С 7 по 22 мая 1917 г. в Могилеве проходил офицерский съезд, в котором участвовало 298 делегатов, в основном или входивших в кадетскую партию, или ей симпатизировавших [10, 120]. На съезде было решено создать Союз офицеров, главный комитет которого возглавил член ЦК КДП подполковник Л. Н. Новосильцев. Ячейки союза образовались во многих воинских частях. При Минском городском комитете КДП летом сформировалась военная фракция. Ее руководителем был генерал-майор А. А. Месснер [11]. В октябре 1917 г. образовалась военная фракция при Могилевском отделе [2, 18]. В Городке кадетам симпатизировала группа примерно из 800 солдат, которые, однако, опасаясь «эксцессов» со стороны левой части гарнизона, формально в КДП не входили [1, 26]. По сути офицерскими были кадетские организации в Двинске и м. Прель Двинского уезда [1, 26].

Как правило, количество членов в организациях кадетской партии на территориях белорусских губерний было незначительным и исчислялось несколькими десятками человек. Хотя некоторые отделы КДП были значительным: Горецкий – 150, в д. Антоновке – до 200 человек, в Городке – около 200, в Невельском уезде – 600 человек (из них 300 проживали в сельской местности) [1, 26], [2, 17], [12, 18].

Многие кадетские организации имели собственные печатные органы. Конституционные демократы Минска издавали газету «Минская жизнь», выходившую с 22 сентября по 27 октября 1917 г. ежедневно. На платформе КДП находилась и «Бобруйская газета», редактором которой был С. Л. Гинцбург. 24 октября при Минском городском комитете партии был создан литературно-агитационный отдел [13, 53]. Местные кадеты распространяли брошюры, написанные ведущими идеологами КДП: «Республика» и «Учредительное собрание» (автор Ф. Ф. Кокошкин), «Финансы России во время войны» (А. И. Шингарев), «Простая речь о свободе и свободной жизни» (А. А. Кизиветтер), «Освобождение женщины» (А. В. Тыркова) и другие [14].

Главным печатным органом конституционных демократов в Могилевской губернии была газета «Горецкий вестник», выходившая с мая 1917 г. по январь 1918 г. 2 раза в неделю. Официально газета являлась органом Союза служащих Горецкого уездного земства, но одним из ее редакторов был С. Г. Цитович, руководитель местной кадетской организации. В октябре 1917 г. начала выходить газета «Рогачевская жизнь», издававшаяся местным кадетским комитетом [2, 18].

Издания Конституционно-демократической партии пропагандировали мирный реформистский путь преобразования общества, осуждали революционный экстремизм левых партий.

Кадеты устраивали лекции и митинги, на которых разъясняли свое отношение к государственному строю и управлению, другим политическим партиям, проекты решения аграрного, рабочего и национального вопросов.

Наибольшее значение конституционные демократы придавали выборам в Учредительное собрание, рассчитывая укрепить свои позиции в стране. 21 октября «Минская жизнь» напечатала предвыборное обращение кадетов. В нем резко критиковались революционные партии, особенно большевики и анархисты. «На словах социалистические партии обещали земной рай. На деле они развалили русскую армию, разрушили всякую власть и всякий порядок. Посеяли двоевластие, многовластие и безвластие (анархию), поощряли бездельничанье и разрушили промышленность. В результате – голод», – убеждали избирателей минские кадеты [15]. По их мнению, большевики, в случае победы на выборах, немедленно подписали бы сепаратный мирный договор с Германией. Далее, предупреждали конституционные демократы, возможна анархия, а затем реставрация монархии и реакция [16]. Только Конституционно-демократической партии могла предотвратить победу контрреволюции. «Всем гражданам свобода и защита от насилия и произвола. Крестьянам землеробам земля, всем рабочим законная защита их труда. Иностранцам и иноверцам равноправие», – агитировала «Минская жизнь» голосовать за КДП [15].

Конституционные демократы сформировали список № 6 кандидатов в члены Учредительного собрания, избравшихся по Минскому округу. В список вошло 4 представителя от ЦК (М. М. Винавер, П. И. Новгородцев, Н. Н. Щепкин, М. Л. Гольдштейн) и 18 – от местных кадетских организаций. Среди них были упомянутые выше С. С. Виноградов, С. В. Балковец, И. Ф. Старжевский, С. Л. Гинцбург, Л. Г. Шилькрет, Р. К. Яновский, В. И. Самойло. Кроме них, в список вошли: земские деятели Н. И. Гуревич, Д. К. Вошинин, В. П. Ярошевский, А. И. Фомин, помощник присяжного поверенного А. К. Петкевич, доктор философии Ж. Э. Кодис, банковский служащий С. Н. Клезович, инженер путей сообщения М. С. Парфенов, штабс-капитан А. А. Михельсон, крестьяне Л. И. Луговской, К. О. Романейко [17].

Агитировать за кадетский список в Минскую губернию приезжали П. И. Новгородцев, прочитавший лекцию «Учредительное собрание и его задача», и М. Л. Гольдштейн с лекцией на тему «Современный политический момент и евреи» [18], [19].

Большое внимание конституционные демократы уделяли организации пропаганды в войсках Западного фронта. 16 октября 1917 г. состоялось общее собрание военной фракции Минского городского комитета КДП, обсудившее способы агитации в армии и наметившее кандидатов в члены Учредительного собрания от гарнизона г. Минска [14]. Спустя два дня в помещении дворянского собрания открылся первый фронтовой кадетский съезд. Кроме делегатов, прибывших от армий Западного фронта, на съезде присутствовало много представителей КДП из городских и сельских организаций.

Съезд открыл председатель Минской военной фракции кадетов А. А. Месснер. Затем с небольшой речью выступил А. А. Михельсон, который ознакомил собрание с техникой выборов в Учредительное собрание в армиях и предложил план составления кандидатского списка [20]. От имени военной комиссии ЦК КДП участников съезда приветствовал прибывший из Петрограда товарищ председателя комиссии прапорщик Б. Д. Плетнев. В своей речи он подчеркнул надклассовый характер кадетской партии и приоритет общегосударственных интересов над интересами отдельных социальных групп [11].

В выступлении прапорщика В. В. Толли была обрисована деятельность КДП на фронте. «Существующая там фракция насчитывает немного членов, хотя в армии и есть много сочувствующих партии, как среди офицеров, так и солдат», – говорил Толли. По его мнению, кадеты могли рассчитывать на то, что все несоциалисты могли проголосовать за их список. Служащий управления начальника военных сообщений Западного фронта П. В. Авдеев охарактеризовал политическую ситуацию: «Распад государства уже совершившийся факт, Россия уже находится на дне пропасти. Надежды на спасение нет, так говорит разум, но сердце подсказывает, что найдется кто-то, кто извлечет Россию из пропасти, и сохранит целостность государства – это цели и задачи П. Н. С.» [20] *[Партии народной свободы – другое название Конституционно-демократической партии. – Д. Л.]*.

Следующие ораторы жаловались на то, что армии забрасываются большевистской литературой, литература же КДП не доходит до фронта.

После перерыва делегаты приступили к составлению кандидатского списка № 3 по избирательному округу Западного фронта. Первым в список занесли столичного кадета В. А. Маклакова. Позднее, правда, его кандидатура была снята. В окончательный вариант избирательного списка КДП по Западному фронту вошли: от Петрограда Б. Д. Плетнев, В. И. Дубков (108 сводный эвакуационный госпиталь); от Ставки – В. Ф. Дитянин (управление помощника начальника штаба Верховного главнокомандующего); от Западного фронта – А. А. Месснер, В. В. Толли, П. В. Авдеев, А. А. Михельсон, А. В. Позен (штаб Кавказского кавалерийского дивизиона), И. Ю. Клейнберг (инспектор артиллерии 3-й армии), Я. Г. Фрейлих (этапно-транспортная часть штаба 3-й армии), С. В. Геништа (управление 10-го авиационного дивизиона), М. В. Пчицкий (управление начальника военных сообщений Западного фронта), Н. А. Евдокимов (управление инспектора артиллерии 3-й армии), Р. С. Петров-Романов (управление начальника военных сообщений Западного фронта), А. Ф. Соловьев (этапно-транспортная часть штаба 3-й армии), И. Л. Черойский (управление инспектора артиллерии 3-й армии), М. И. Сухов (486 Московская дружина), Э. Х. Тумбиль (штаб 3-й армии), С. М. Жужгин (4-я рабочая бригада), К. С. Кенос (управление дежурного генерала 3-й армии), А. П. Косолап (штаб 3-й армии) [21, 12–13].

19 октября, на второй день работы съезда, председателем собрания был избран В. В. Толли. Б. Д. Плетнев приветствовал съезд от имени военной комиссии ЦК. По предложению А. А. Михельсона и В. В. Толли собрание постановило послать приветствие П. Н. Милюкову [20].

Далее собрание постановило организовать временное фронтовое бюро КДП, на которое было возложено руководство партийной агитацией в армии. Минская военная фракция взяла на себя инициативу учреждения в Минске Центрального фронтового комитета Конституционно-демократической партии. Следующий фронтовой съезд был назначен на 1 ноября 1917 г. [20].

Минская военная фракция КДП выпустила несколько обращений к офицерам и солдатам Западного фронта, в которых призывала их объединиться на кадетской платформе. В одном из воззваний утверждалось: «... раз политика не изъята правительством из рядов армии и общегражданские политические права распространены и на военнослужащих, то является необходимым объединение офицеров и солдат на платформе партии Народной Свободы, как партии внеклассовой, а потому и, безусловно, государственной и включающей в программу свою поддержку на должной высоте боевой мощи армии для решительной победы

над нашим грозным врагом» [22]. Агитируя солдат голосовать за КДП, «Минская жизнь» писала: «Кратчайший путь к миру – это показать, что Русь жива... Поэтому в Учредительном Собрании партия Народной Свободы будет требовать восстановления Ваших, солдата, священнейших прав: права на победу, права на доброе имя, права на то, чтобы тыл не забывал фронта» [23]. Вина за развал армии возлагалась на социалистов. «Кто на фронте уговаривает Вас оставлять окопы и не защищать больше русскую землю, тот миру враг: он открывает немцам дорогу на Петроград и Смоленск, и наполовину уже побежденные германские захватчики, почуяв легкую наживу, бросаются вперед, для похода-прогулки по русской земле, которая вся теперь, как добыча, брошенная псам», – так пропагандисты КДП пытались воздействовать на чувства солдат [23]. Единственным способом спасения страны кадеты считали победу своей партии на выборах. «В этот грозный час мы призываем офицеров, врачей, чиновников и солдат примкнуть к нам. Мы призываем идти с нами всех сильных духом, всех, кому счастье и благо России дороже жизни и личного благополучия», – призывала кадетская военная фракция [22].

В Витебской губернии кадетский кандидатский список был зарегистрирован окружной избирательной комиссией 12 октября 1917 г. под № 3. Из членов ЦК в него вошли: М. М. Винавер, В. А. Степанов, Э. А. Дубосарский, О. К. Нечаева. Представителями местных кадетских сил являлись: П. П. Васильев (от армии), Е. П. Сеньковский (Невель), С. Д. Бурков (с. Алексеево), А. Н. Лузгин (Витебск), И. Д. Абормошев (Витебск). По списку № 7 еврейского национального избирательного комитета выставил свою кандидатуру Г. Я. Брук [24, 48]. В окружной избирательной комиссии КДП представлял управляющий Витебским отделением Крестьянского банка А. К. Стрельников [24, 47].

Активно участвовали в подготовке к выборам конституционные демократы Могилевской губернии. «Если мы на репетициях – выборах в Думу (*городскую*. – Д. Л.) и земства – проявили некоторую халатность, то на экзамене – выборах в Учредительное собрание – мы должны обнаружить высшую политическую зрелость», – писал в «Горещком вестнике» С. Г. Цитович [25].

1–2 октября 1917 г. в Могилеве состоялся губернский съезд КДП для обсуждения вопросов, связанных с выборами в Учредительное собрание. Съезд проходил в зале уголовного отделения Могилевского окружного суда. Всего было 25 делегатов из уездов, в том числе 5 крестьян. Присутствовал и член ЦК П. П. Гронский [26]. Заседания съезда проходили под председательством Ю. Ю. Бехли.

В первый день заслушивались сообщения с мест. Очень интересны были выступления крестьян, обрисовавших крайне неблагоприятную для кадетов ситуацию в деревне. В частности, один из крестьянских делегатов рассказывал: «...крестьяне, боясь обвинения в черносотенстве и опасаясь репрессий со стороны своих же односельчан, прячут свои кадетские убеждения, что называется, “на дно души”. При этом, эта боязнь обвинений в черносотенстве заходит так далеко, что многие желавшие получить кадетскую литературу (программы, воззвания и т. п.), просили прислать им таковую не по их адресу, а по условному адресу...» [26]. Таким образом, ситуация в деревне осенью 1917 г. для кадетской партии чем-то напоминала времена выборов во II Государственную думу.

На второй день съезда, 2 октября, конституционные демократы приняли решение о создании Могилевского губернского комитета КДП и утвердили его устав. В состав комитета было избрано 10 человек с предоставлением им права кооптации еще 15 лиц [26]. Возглавил комитет Ю. Ю. Бехли. Кроме того, делегаты постановили развивать в губернии широкую агитацию посредством командировок в различные населенные пункты партийных агитаторов. Съезд завершился утверждением кандидатского списка в Учредительное собрание. В список вошло 4 члена ЦК (Ф. И. Родичев, М. М. Винавер, Н. Н. Щепкин, И. А. Кляйнман) и 18 представителей местных кадетских организаций: от Могилева – Ю. Ю. Бехли, М. С. Попов, Б. И. Пятницкий, И. И. Протасевич, К. В. Банин, Д. И. Чистяков, Л. Я. Кокошанский, Т. В. Козловский, Е. И. Голодковский (судебный следователь); от Гомеля – Г. Ф. Калошников (присяжный поверенный, старообрядец), И. Н. Смирнов, Т. Ф. Щекудов (старообрядец), Н. Г. Белов (старообрядец); от Горок – С. Г. Цитович; от Сенно – С. А. Нефедов; от Быхова – Н. В. Игнатович; от Чаус – Н. В. Юденич; от д. Антоновки Голеневской волости Чаусского уезда – Д. П. Колесников [27]. Список КДП, подписанный 143 избирателями, поступил в окружную по делам о выборах в Учредительное собрание комиссию 13 октября 1917 г. [28, 5]. Представителем списка в окружной комиссии был М. И. Блавштейн.

Включение в список представителей гомельского старообрядчества явилось результатом специального соглашения губернского комитета КДП и делегатов съезда старообрядцев, состоявшегося в Гомеле 8 октября. На съезде была принята резолюция о поддержке Временного правительства и противодействия Советам. «Единственной законной властью старообрядцы считают власть

Временного правительства, могущего издавать приказы и распоряжения, и существования в стране всякой другой власти старообрядцы признают недопустимым и вредным для блага государства и порядка», – утверждалось в резолюции. Как и кадеты, гомельские старообрядцы выступали за продолжение войны до победного конца, а все преобразования внутри страны увязывали с деятельностью Учредительного собрания [2, 17]. В резолюцию были включены и особенные требования старообрядцев, не расходившиеся, впрочем, с кадетской программой: 1) о возвращении церковного имущества, отнятого у старообрядцев царским правительством; 2) о создании на общегосударственные средства специальных старообрядческих учебных заведений; 3) полного уравнивания в правах старообрядческой с официальной православной церковью [2, 17].

Кроме старообрядцев, конституционные демократы имели тесные связи с польскими и еврейскими национальными организациями. Старые либералы, руководившие Могилевской кадетской группой в дореволюционный период, Г. В. Выковский и И. Ф. Фурович вошли в список Могилевской губернской польской рады. Другой конституционный демократ дофевральского периода Б. Е. Гисен представлял в окружной комиссии еврейский национальный избирательный комитет. Ю. Ю. Бехли и Г. В. Выковский были членами комиссии [28, 3]. Последний являлся даже заместителем ее председателя [29].

Конституционные демократы развернули активную пропаганду за свой список. Например, они старались перетянуть на свою сторону губернский съезд кооперативных организаций. К. В. Банин, участвовавший в его работе, агитировал против социалистических проектов решения аграрного вопроса, защищая собственную концепцию. По его мнению, которое кстати отличалось от точки зрения кадетского ЦК, крестьянам необходимо было передать всю помещичью землю. «Не может быть двух мнений, что земельный вопрос будет разрешен в смысле передачи земли трудовому крестьянству, – что крупное землевладение должно исчезнуть за счет расширения мелкого землевладения, основанного на трудовой норме», – тверждал Банин. Вероятно, это была попытка поднять авторитет КДП среди крестьян накануне выборов. По словам Банина, помещичье хозяйство могло заменить «трудовое крестьянское кооперативное хозяйство» [30]. Кооперативы должны были способствовать расширению использования крестьянами сельскохозяйственных машин, облегчить получение кредитов и выход на рынок. Проводниками кооперации планировалось сделать земства, выступавшие у кадетов в качестве противовеса против Советов крестьянских депутатов.

К выборам в уездные земства, намеченным, как и выборы в Учредительное собрание, на осень 1917 г., Могилевский отдел КДП издал специальную брошюру «Трудовому крестьянству, что нужно знать для участия в выборах уездных собраний». В ней популярно излагался избирательный закон и основные положения программы КДП по аграрному вопросу. Брошюра была отпечатана в количестве 15 тыс. экземпляров и разослана во все уезды губернии [31, 16].

Конституционные демократы полагали: «Крестьянам не нужна ни социализация социалистов-революционеров, ни муниципализация социал-демократов, ни национализация большевиков... Живет ли крестьянин в общине, или на хуторе, или имеет отруб, его трудовая земля должна быть неприкосновенна» [32]. Отнять землю у помещиков предполагалось по «справедливому закону», т. е. через выкуп, ложившийся на крестьянские плечи. Понятно, что поэтому аграрный проект могилевских кадетов среди большинства крестьян сочувствия так и не нашел.

Конституционные демократы пытались привлечь на свою сторону и учителей. 22 октября 1917 г. состоялся уездный учительский съезд в Горках, посвященный выборам в Учредительное собрание. На съезд были приглашены представители политических партий: РСДРП, ПСР и КДП. Кадетов представлял С. Г. Цитович, делавший доклад первым. Для завоевания симпатий учителей, сочувствовавших ПСР, он стремился сблизить программу конституционных демократов и социалистов-революционеров. В частности, Цитович пытался убедить слушателей, что хотя КДП и несоциалистическая, но социализм для идеологов партии является верой и великим идеалом, правда, еще далеким для осуществления в российской действительности. Сравнивая кадетскую партию с эсеровской по аграрному вопросу, он указал на невозможность социализации земли из-за сильных собственнических чувств у крестьян. Невозможность бесплатного отъема земли у помещиков Цитович объяснял тем, что это приведет к краху банков и разорению держателей закладных листов [33]. Эсер Л. А. Хрисаненков обвинил КДП в стремлении к реставрации монархии и защите интересов помещиков, на что Цитович ответил, что кадеты защищают республику, а помещики на выборы в Учредительное собрание идут отдельным избирательным

списком (№ 5 – Всероссийского союза земельных собственников). Эсеры хотели навязать съезду свою платформу, но Цитовичу удалось добиться принятия резолюции о свободном голосовании учителей на выборах в Учредительное собрание [33]. Таким образом, они могли отдать голоса и за КДП.

Во время предвыборной борьбы кадеты резко критиковали белорусские национальные организации за их стремление к автономии Беларуси в составе России. Тот же С. Г. Цитович считал, что белорусское движение – это явление временное, вызванное революционными событиями 1917 г. О белорусских деятелях он, в частности, писал: «Белорусы же они только потому, что теперь это модно» [34]. По его мнению, у большинства населения Беларуси не было желания обособиться от России [33]. Также Цитович отрицал наличие самого белорусского языка и литературы [35]. Конфликт с демократическими белорусскими организациями не прибавил авторитета кадетам на выборах.

В худшую сторону начали изменяться условия деятельности КДП после прихода к власти в Петрограде большевиков. Конституционные демократы осудили события, произошедшие в российской столице 24–25 октября 1917 г. Со своей стороны они попытались оказать большевикам противодействие. Минский губернский комиссар И. И. Метлин распорядился закрыть местную большевистскую газету «Молот», а кадет А. И. Фомин защищал его действия в городской думе от нападок социал-демократов. Помогал ему и представитель польской группы, конституционный демократ с более чем десятилетним стажем В. О. Янчевский [36]. В ответ Военно-Революционный комитет, после взятия власти в городе, в ночь с 7 на 8 ноября 1917 г. с помощью вооруженного отряда остановил печать кадетской газеты «Минская жизнь» [37]. В итоге местные конституционные демократы остались без своего печатного органа.

Против действий большевиков протестовали и витебские либералы. В частности, кадетская фракция в Витебской городской думе резко выступила против намерения советского правительства заключить перемирие с Германией и ее союзниками. Резолюция кадетов гласила: «...партия большевиков, захватившая власть путем насилия, не имеет права заключать от имени народа ни сепаратного перемирия, ни мира с Германией... заключить мир может лишь полномочный хозяин земли русского государства – Учредительное собрание» [38, 20].

Могилевские конституционные демократы также осудили большевистский переворот. 26 октября в Могилеве был создан Комитет общественной безопасности, в который от Конституционно-демократической партии (КДП) вошли юрист-консульт управления военных сообщений при Ставке Верховного главнокомандующего М. С. Попов и земский инженер И. В. Кирикос [35, 1]. Представлявший в Комитете губернскую польскую раду помещик Г. В. Выковский также длительное время был кадетом. Активизировал свою деятельность и Могилевский отдел КДП. 5 ноября в Могилеве состоялся митинг железнодорожных рабочих, на котором выступили присяжные поверенные Ю. Ю. Бехли и К. В. Банин, ознакомившие собравшихся с аграрным и рабочим разделами программы кадетов. В прениях приняли участие представители социалистических партий, в том числе большевики. 10 ноября состоялось общее собрание отдела, посвященное техническим вопросам выборов в Учредительное собрание [39].

12 ноября 1917 г. могилевские кадеты при участии члена ЦК И. А. Кляйнмана организовали в городе многолюдный антибольшевистский митинг. На нем в основном присутствовали представители торгово-промышленного класса. Председательствовал Ю. Ю. Бехли [40]. Митинг открылся продолжительным докладом (длился 3 часа) Кляйнмана. Докладчик отметил выдающиеся заслуги КДП – цвета российской интеллигенции. «Благодаря лишь недостатку политической опытности, крайне левые партии упорно отвергали тактику и программу партии кадетов в послереволюционные дни. Следуя этой именно тактике, освободившаяся от ига царизма Россия вышла бы сильной и обновленной, на благо и счастье всех населяющих ее народностей», – заявил оратор. В заключение Кляйнман указал на ужасы, грозящие стране от большевистского движения, выступил за создание коалиционного кабинета министров кадетов с умеренными социалистами, по образцу свергнутого Временного правительства [40]. После доклада представителя ЦК с речами схожего содержания выступили члены Могилевского губернского комитета КДП.

Для активизации предвыборной деятельности местных отделов кадетской партии комитет командировал своих членов в уездные города губернии: К. В. Банина – в Быхов и Рогачев, М. С. Попова – в Чаусы, Чериков и Мстиславль, председателя военной секции Б. И. Пятницкого – в Оршу и Сенно [39]. Сохранились сведения о поездке Б. И. Пятницкого. 7 ноября последний организовал собрание мещан и крестьян в Орше, на котором агитировал за кадетскую аграрную

программу. Явившиеся на собрание солдаты оршанского гарнизона выступили с возражениями, доказывая преимущества земельной программы партии эсеров. На следующий день Б. И. Пятницкий сделал доклад о текущем политическом моменте в реальном училище города [3]. 10 ноября посланец губернского комитета устроил митинг в Сенно. Докладчик раскрыл отношение КДП к большевистскому перевороту в Петрограде и выборам в Учредительное собрание [4].

20 ноября 1917 г. Могилев был занят большевистским отрядом под командованием Н. В. Крыленко. Кадеты вынуждены были перейти на полулегальное положение.

В конце того же месяца завершилась избирательная кампания в Учредительное собрание. Выборы в Минской губернии и на Западном фронте прошли 22–28 ноября 1917 г. В условиях, когда громадное количество солдат, желавших поскорее вернуться домой, были расположены в пользу большевиков, которые при этом не стеснялись силой подавлять своих «оппонентов», кадеты не имели шансов на успех. Убедительную победу одержали большевики и на фронте.

В Витебской губернии выборы состоялись еще 12–14 ноября 1917 г. Несмотря на то, что кадеты блокировались с союзом земельных собственников и обществом старообрядцев, они потерпели поражение. Из 8 избранных делегатов Учредительного собрания 5 были большевиками, 3 – эсерами. Во многом успех большевиков и сокрушительное поражение конституционных демократов объясняются той ширококомасштабной борьбой, которую развернули первые после прихода к власти по отношению к своим политическим противникам, прежде всего либералам. Значительную роль сыграла позиция солдат Северного фронта, настроенных в основном в пользу РСДРП(б).

Не найдя взаимопонимания с крестьянством, проиграли выборы в Учредительное собрание и могилевские кадеты, получив всего лишь около 1,5% голосов избирателей.

Последующие репрессии советского правительства и оккупация большей части территории Беларуси германскими войсками привели к свертыванию деятельности местных конституционных демократов.

Выводы

В течение 1917 г. на территории Беларуси сформировалась довольно разветвленная сеть организаций Конституционно-демократической партии: имелись губернские, городские и даже сельские комитеты и отделы. Социальную основу КДП составляли, главным образом, городская интеллигенция, чиновники, предприниматели, офицеры, помещики. Деятельность кадетов в основном заключалась в издании газет, брошюр и листовок, организации митингов и собраний. Конституционные демократы принимали активное участие в борьбе за власть, придавая наибольшее значение выборам в Учредительное собрание, пытаясь привлечь к себе крестьянство, сельскую интеллигенцию, представителей кооперативных организаций, солдат. Основными противниками КДП были социалистические партии, особенно ПСР, и белорусские национальные организации. После октябрьского переворота в Петрограде местные кадеты в качестве своего главного врага стали рассматривать большевиков. В условиях острого политического противостояния с советской властью, не сумев заручиться поддержкой крестьянских, рабочих и солдатских масс, конституционные демократы проиграли выборы в Учредительное собрание.

Литература

1. Областной съезд 15–16 июля в Петрограде // Вестник Партии народной свободы. – 1917. – 10 августа. – С. 25–27.
2. Провинциальный отдел. Могилев губернский // Вестник Партии народной свободы. – 1917. – 23 ноября. – С. 16–18.
3. Провинциальный отдел. Орша Могил. губ. // Вестник Партии народной свободы. – 1917. – 14 декабря. – С. 22.
4. Провинциальный отдел. Сенно. Могил. // Вестник Партии народной свободы. – 1917. – 14 декабря. – С. 24.
5. Список местных комитетов Партии народной свободы и их адреса // Вестник Партии народной свободы. – 1917. – 25 мая. – С. 17–20.
6. Список комитетов Партии народной свободы и их адреса // Вестник Партии народной свободы. – 1917. – 31 августа. – С. 42–48.
7. Список местных комитетов и их адреса // Вестник Партии народной свободы. – 1917. – 12 октября. – С. 38–40.
8. Жердева, Ю. А. Русский либерализм в 1917 году (по материалам печати) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Ю. А. Жердева. – Самара, 2005. – С. 285–286.

9. Сяменчык, М. Я. Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцыі (сакавік 1917 г. – сакавік 1918 г.): у 2 ч. / М. Я. Сяменчык. – Мінск, 2001. – Ч. 1. – 200 с.
10. Смольянинов, М. М. Морально-боевое состояние российских войск Западного фронта в 1917 году / М. М. Смольянинов. – Минск: Белорус. наука, 2007. – 259 с.
11. Провинциальный отдел. Минск // Вестник Партии народной свободы. – 1917. – 23 ноября. – С. 16.
12. Провинциальный отдел. Невель // Вестник Партии народной свободы. – 1917. – 7 сентября. – С. 18.
13. Шевцов, А. В. Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX века / А. В. Шевцов. – СПб., 1997. – 316 с.
14. Собрание военной фракции партии Народной Свободы // Минская жизнь. 1917. – 17 октября. – С. 4.
15. Минская жизнь. – 1917. – 21 октября. – С. 2.
16. Перепечин, Н. Две опасности / Н. Перепечин // Минская жизнь. – 1917. – 22 октября. – С. 1–2.
17. Минская жизнь. – 1917. – 24 октября. – С. 2.
18. Лекция П. И. Новгородцева // Минская жизнь. – 1917. – 24 октября. – С. 2.
19. Лекция М. Л. Гольдштейна // Минская жизнь. – 1917. – 24 октября. – С. 2.
20. 1-й фронтовой съезд П. Н. С. // Минская жизнь. – 1917. – 20 октября. – С. 3.
21. Воробьев, А. А. К вопросу о выборах во Всероссийское учредительное собрание на Западном фронте / А. А. Воробьев // Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. – 2003. – № 2–3. – С. 9–22.
22. Офицеры, врачи. Чиновники и солдаты! // Минская жизнь. – 1917. – 17 октября. – С. 3.
23. Минская жизнь. – 1917. – 22 октября. – С. 3.
24. Воробьев, А. А. О некоторых аспектах выборов во Всероссийское Учредительное собрание в Витебской губернии / А. А. Воробьев // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. – 2006. – № 7. – С. 47–50.
25. Цитович, С. Очередная задача / С. Цитович // Горецкий вестник. – 1917. – 20 октября. – С. 2.
26. М.-И. Губернский съезд партии Народной Свободы / М.-И. // Могилевская жизнь. – 1917. – 6 октября. – С. 3.
27. От Могилевской Окружной по делам о выборах в Учредительное Собрание Комиссии // Горецкий вестник. – 1917. – 20 октября. – С. 2.
28. Воробьев, А. А. К вопросу о выборах во Всероссийское Учредительное собрание в Могилевской губернии / А. А. Воробьев // Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. – 2005. – № 1. – С. 3–14.
29. Горецкий вестник. – 1917. – 18 октября. – С. 2.
30. Банин, К. В. Земство и кооперация / К. В. Банин // Горецкий вестник. – 1917. – 7 ноября. – С. 1.
31. Провинциальный отдел. Могилев губ. // Вестник Партии народной свободы. – 1917. – 19 октября. – С. 14–16.
32. От Горецкого Комитета Партии Народной Свободы // Горецкий вестник. – 1917. – 27 октября. – С. 1.
33. Ц. На учительском делегатском съезде 22 октября / Ц. // Горецкий вестник. – 1917. – 24 октября. – С. 2.
34. Цитович, С. Выступление белорусов / С. Цитович // Горецкий вестник. – 1917. – 29 сентября. – С. 1.
35. Могилевская жизнь. – 1917. – 1 ноября. – С. 1–2.
36. Большевики (К заседанию Городской Думы) // Минская жизнь. – 1917. – 26 октября. – С. 3.
37. Провинциальный отдел. Минск // Вестник Партии народной свободы. – 1917. – 30 ноября. – С. 16.
38. Провинциальный отдел. Витебск // Вестник Партии народной свободы. – 1917. – 28 декабря. – С. 20–22.
39. Провинциальный отдел. Могилев на Днепре // Вестник Партии народной свободы. – 1917. – 14 декабря. – С. 21.
40. И. М. Митинг партии Народной Свободы / И. М. // Могилевская жизнь. – 1917. – 16 ноября. – С. 2–3.

Summary

The author examines the structure and the number of the cadet organizations; reveals their social basis, consisted, mainly, of city intelligence, bureaucrats, officers and landowners. In the article the activity of cadets manifested in the edition of newspapers, brochures and leaflets, the organization of meetings and assemblies are studied. Participating in the struggle for power, the constitutional democrats gave greater value to the elections to the Constituent Assembly, tried to attract the broad masses to their side: peasantry, rural intelligence, soldiers and others. In the article the antagonism of local cadets with socialist parties, especially with the S.Rs. and the Bolsheviks is also described. The author explains the defeat of the representatives of the Constitutional-Democratic Party at the elections: the cadets could not find common understanding with the peasants, who formed the majority of voters, soldiers' position, influenced basically by Russian Social-Democratic Working Party (b), and its repressive policy after having appeared in the position of power.

Поступила в редакцию 06.01.08.

УДК 329(450)

*Н. М. Савченко***АДМИНИСТРАТИВНАЯ РЕФОРМА В ИТАЛИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 90-х гг. XX в.**

Статья посвящена проблеме административной реформы в Италии в первой половине 1990-х гг. В статье обозначены предпосылки и цели реформы, исследованы основные этапы ее проведения, рассмотрены возникшие препятствия и проанализированы результаты. Автор отмечает, что с 1992 г. административная реформа стала главной темой политической жизни страны, поскольку в начале 1990-х гг. ситуация в стране изменилась, и вопрос о проведении реформы стал еще более актуальным. Во время работы итальянского парламента XI созыва (1992–1994 гг.) правительства во главе с Дж. Амато и К. А. Чампи занимались решением данной проблемы, вследствие чего были достигнуты положительные результаты.

Введение

Изучение проблемы административной реформы в Италии в первой половине 1990-х гг. является важным и актуальным аспектом в изучении новейшей истории страны. В этот период здесь разразился острый политический кризис, который сопровождался настоятельными требованиями о проведении институциональных реформ, чтобы установить новые политические правила. Именно поэтому цель данной статьи заключается в том, чтобы изучить предпосылки, исследовать ход и проанализировать результаты административной реформы в первой половине 1990-х гг.

Необходимо отметить, что в отечественной исторической науке отсутствуют исследования, посвященные этой проблеме. Статья написана преимущественно на основе источников на итальянском и английском языках. Важную информацию предоставили также материалы сайтов правительственных организаций и исследовательских центров. Все это позволило достаточно полно осветить данный вопрос.

Результаты исследования и их обсуждение

Предпосылки проведения реформы. С 1992 г. административная реформа стала главной темой на итальянской политической повестке дня. Во время работы итальянского парламента XI созыва (1992–1994 гг.) правительства во главе с Дж. Амато и К. А. Чампи решили заняться данной проблемой. В частности последний (находившийся у власти с 29 апреля 1993 г. до 11 мая 1994 г.) не только посвятил значительное внимание введению новой избирательной системы, но и определил главный инструмент административной реформы для восстановления системы государственных финансов. Административная реформа стала центральной в институциональных дебатах. Долгое время за нее выступали те, кто считал ее необходимой частью преобразования государственной системы. Однако политические деятели постоянно ею пренебрегали.

В начале 1990-х гг. требования провести реформу усилились. Государственные институты испытывали серьезные финансовые трудности. Проявил себя и «этический» кризис, ставший результатом непрозрачности законодательной и административной процедур, с одной стороны, и потери доверия политической и административной элитами, с другой. Незаконное финансирование партий и коррупция – только самые видимые его аспекты. Третьим элементом был институциональный «разрыв», определенный нестабильностью правительств и неэффективной работой большинства государственных служб. Еще один важный элемент, вызвавший требования перемен, – результат европейской интеграции рынков и политики. В результате была ограничена государственная помощь частным и государственным предприятиям, утверждены новые правила составления государственных контрактов, проведена частичная либерализация таких важных экономических областей, как телекоммуникация и транспорт. Закон и политика ЕС определили широкий диапазон изменений в функционировании правительственных и административных институтов.

Настоятельного требования о проведении реформы из-за внутренних и внешних давлений не было, однако, встречено было адекватным откликом. Действительно, этот вопрос в политической повестке сохранялся в течение 1980-х и в начале 1990-х гг. на «высоких» государственных уровнях. Однако «тривиальными» административными проблемами в основном пренебрегали. Но это не означает, что реформы вообще не проводились. Так, например, в 1980-е гг. были введены

новые регулирующие инструменты и методы, и, в конечном счете, урегулирована система председательства Совета Министров. Кроме того, в 1990 г. ряд статутах установил новые принципы административных процедур (закон № 241/1990), урегулировал осуществление права на забастовку, преобразовал местные органы власти (закон № 142/1990) и ввел принципы и инструменты, направленные на обеспечение свободной конкуренции [1]. Однако все эти попытки характеризовало отсутствие общего проекта. Многие новшества, вследствие этого, были ограничены или не имели успеха.

Поэтому использовались другие методы стимулирования реформы. Одним из альтернативных решений была судебная активность. В 1992 г. началась операция по борьбе с коррупцией «Чистые руки», которая оказала огромное воздействие на политическую жизнь страны. Помимо изменений в правящих партиях, было ускорено проведение ряда реформ избирательной системы и государственных институтов. Другим стимулом являлось расширенное использование референдумов. Из восьми референдумов, проведенных в 1993 г., семь касались организации государственных институтов, и пять, в частности, имели отношение к государственной администрации. Однако референдумы не могут изменить административную систему, и поэтому необходимость проведения общей реформы стала еще более актуальной.

Цели административной реформы. Программа, получившая парламентское одобрение в начале мая 1993 г., определила четыре главных цели для увеличения эффективности государственных расходов. Первая заключалась в реорганизации всех областей, затронутых референдумами. Второй целью было предотвращение коррупции. Этого нужно было достичь тремя способами: упрощением административных процедур, введением кодексов поведения и модернизацией контроля. В-третьих, административные процедуры рассматривались отдельно, с целью провести в жизнь важный закон, принятый в 1990 г. (№ 241). В-четвертых, изменение роли государственного сектора должно быть выполнено посредством приватизации и введения регулирующих органов и инструментов для государственных служб. Увеличение налогообложения не предусматривалось, напротив, впервые за многие годы предполагалось его немного уменьшить. Причем решено было отойти от практики государственного займа.

После мая 1993 г. были приняты декреты-законы (т. е. декреты с законодательным статусом) относительно министерств сельского хозяйства и туризма, за ликвидацию которых итальянцы высказались на референдуме. Таким образом, был готов полный план реформы. Он состоял из широкого диапазона мер, которые затрагивали почти каждую часть административной системы, за исключением административной элиты.

Главные цели состояли в том, чтобы, во-первых, рационализировать использование государственных финансов и, во-вторых, «поставить на первое место граждан». На политическом уровне эти проблемы считались очень важными в итальянском сценарии, поскольку и без того большой бюджетный дефицит продолжал увеличиваться (правительство Дж. Амато смогло только ограничить его рост). Учитывая потерю доверия народа к государственным институтам, правительство и парламент решили сконцентрировать свои усилия на административной реформе. Это можно также рассматривать как завершение другой важной реформы, осуществляемой в то же самое время – модификация избирательной системы и избирательных округов. Если целью избирательной реформы было связать избирателей и депутатов напрямую, сократив роль партий как посредников, то административная была предназначена для восстановления прав граждан по отношению к администрации.

Обе цели имели также и конституционный характер. С одной стороны, лучшее управление государственными финансами было гарантией уважения принципов, утвержденных Маастрихтским соглашением по отношению к чрезмерному государственному дефициту (главное требование допуска к третьей стадии ЕВС). С другой стороны, усовершенствование эффективности государственного сектора, в более широком смысле, обеспечило бы лучшую защиту прав, определенных Конституцией (и часто уточненных Конституционным Судом), и уставов, определяющих их проведение в жизнь.

Основные этапы проведения административной реформы и ее направления. Политическая программа, представленная правительством в течение года, выдвинула на первый план четыре направления. Во-первых, чтобы изменить государственную администрацию, нужно было затронуть центральные отделы и другие государственные органы. В отношении центральных отделов были предписаны определенные правила, касающиеся министерств, отмененных референдумами: новому отделу была поручена координация региональной деятельности в сельскохозяйственной области, в то время, как функции министерства туризма были переданы высшему руководству Совета Министров.

Кроме того, на более широком уровне Акт № 537/1993 не только объединил два отдела в новый департамент, но и потребовал от правительства реструктурировать все центральные отделы, чтобы должным образом распределить государственные функции и устранить устаревшие или абсолютно бесполезные органы, например, межминистерские комитеты и административные комиссии. В результате 13 межминистерских комитетов, чьи функции были сконцентрированы, в основном, на экономических программах, и 75 коллегиальных органов были ликвидированы. Еще 22 комиссии были заменены служебными конференциями, а в 41 случае членство комиссий было уменьшено [2, 328]. Другие акты делегированного законодательства преобразовали департаменты почты, здравоохранения, коммунальных служб и социального обеспечения. Университеты и школы получили большую автономию [3]. На основе передачи полномочий все центральные органы, включенные в сектор здравоохранения, на которые возложены научные или управленческие задачи, были изменены.

Чтобы больше сориентировать государственные службы на потребителя, предполагалось сделать администрации или частные органы более приятными для потребителя и увеличить их эффективность. Первым шагом было принятие устава государственных служб (*Carta dei servizi pubblici*) [4].

Второе направление было связано с предотвращением коррупции. Для этого использовались все три инструмента, определенные в первоначальной программе. Министром государственных служб был принят кодекс поведения. В нем определялись меры, необходимые для гарантии беспристрастности и независимости государственных служащих, и содержались общие инструкции, которые должны использовать администрации при всех своих контактах с гражданами. В частности, он накладывал ограничения на их отношения с частными сторонами, заинтересованными в осуществлении своей деятельности [5].

Другое важное новшество касалось административного контроля (Акт № 20/1994). С одной стороны, были введены внутренние контролирующие отделы во всех государственных администрациях. С другой, был радикально преобразован контроль, отведенный Суду ревизоров. Он теперь также должен был гарантировать компетентность и эффективность расходов. Кроме того, чтобы предотвратить незаконные действия, некоторые законодательные структуры были кодифицированы.

Третье общее направление реформы – это изменение функционирования государственной администрации. Новые правила для государственных служб, введенные правительством Дж. Амато через делегированное законодательство (№ 29/1993), были дополнены: вводились разделение труда внутри администрации, распределение государственных служащих, принятие коллективных соглашений. Нововведения также касались функций нового Агентства, которому поручили задачу представления правительства в отношениях с профсоюзами, и критериев укомплектования вступительных комиссий, из которых были исключены и политические деятели, и представители профсоюзов [6, 4].

Другие важные изменения касались административных процедур. Во-первых, значительный акцент был сделан на необходимость введения в действие Акта № 241/1990. Были предложены некоторые действенные средства, например, сокращение стадий процедур или введение более короткого срока их истечения. Во-вторых, Акт № 241/1990, содержащий общие принципы административных процедур, был изменен в двух важных моментах. Первый имел отношение к ослаблению госконтроля над частной деятельностью. Дискреционные полномочия, порученные правительству, теперь были значительно ограничены. Второй момент затрагивал защиту окружающей среды и археологические памятники [7].

В-третьих, была существенно изменена структура государственных контрактов. Правило пересмотра цен, уже установленных для некоторых видов контрактов и редко лишаемых законной силы из-за плохого управления или коррупции, было дальнейшим шагом для увеличения прозрачности и уменьшения суммы денег, выплачиваемой администрацией. Часто она была более высокой, чем сумма, заплаченная за те же объекты частными сторонами. Был также введен сложный механизм постоянного контроля качества продукции.

Четвертое направление касалось пересмотра роли государственного сектора в экономике. Необходимо было провести приватизацию государственных предприятий, создать регулирующие органы в области коммунальных служб и защитить граждан как пользователей государственными службами (в широком смысле слова).

После продолжительных дебатов приватизация была всерьез начата правительством Дж. Амато. Финансовый закон 1992 г. отводил приватизации роль ключевого инструмента новой экономической политики. Было решено, что форма приватизации будет определяться применительно к каждому отдельному случаю. Прибыльные банки, страховые компании и промышленные предприятия подлежали немедленной продаже без реструктуризации, убыточные предполагалось сначала реструктурировать [8, 85].

Согласно законодательному декрету № 29/1993 о приватизации государственных предприятий с конца 1993 г. начался ее первый этап [1]. Была ускорена приватизация двух компаний государственного сектора Италии: ИРИ (Институт промышленного развития) и ЭНИ (Государственное нефтепромышленное объединение). По оценкам, они составляли приблизительно 40% ВВП страны и являлись основой мощной национальной системы патронажа. Согласно закону № 359/1992 они были преобразованы в акционерные компании, принадлежащие Казначейству. Было решено распустить ЭФММ вместо того, чтобы приватизировать, из-за его сомнительной финансовой ситуации. Он был должен своим банкирам приблизительно 8 млрд. долларов, включая приблизительно 3 млрд. долларов капитала и процентов иностранным кредиторам. Это действие сократило бы относительный размер государственной промышленности страны до 10–12% ВВП [9, 167]. Среди государственных компаний, работающих в промышленном секторе, те, которые производили пищевые продукты, были полностью распроданы к 1993 г. Кроме того, несколько небольших государственных компаний, работающих в горной промышленности и машиностроении, были проданы в 1993 г., велись переговоры и о продаже главной государственной сталелитейной компании ИЛБВА [10, 277]. Приватизация в Италии должна была уменьшить государственный долг и решить проблему государственного дефицита.

Однако влиятельный итальянский банк «Медиобанка» во главе с Э. Кучча и его союзники создавали помехи крупнейшим приватизационным процессам – продаже акций двух из четырех больших Госбанков: Итальянского коммерческого банка (Comit) и кредитного банка (Credito Italiano). Профессор Р. Проди, председатель ИРИ, который контролировал банки, выступал за программу приватизации в британском стиле, которая позволила бы многим мелким вкладчикам иметь акции банков через прозрачные рыночные операции. Но «Медиобанка» совместно с несколькими компаниями фактически поставили приватизацию банков под вопрос, скупая большое количество акций, которые по отдельности составляли меньше разрешенного максимума, а затем брали все под совместный контроль, в конечном счете, вытесняя руководителей и советы банков и укомплектовывая их близкими друзьями и союзниками. Цель Э. Кучча состояла в том, чтобы сформировать крупный финансовый блок, который мог играть роль в мировых финансах и в новых отраслях промышленности.

Препятствия в ходе проведения административной реформы. При осуществлении такой важной реформы часто появляется ряд проблем и препятствий на ее пути. К тому же, административная реформа сама по себе едва заметна, поскольку не затрагивает конкретные проблемы, например, пенсии, здравоохранение или жилье, поэтому она часто встречает ограниченную народную поддержку. Наконец, реформы требуют инвестиций, которые тяжелее найти в периоды бюджетных ограничений. Все эти проблемы характеризуют в некотором отношении итальянскую программу реформы.

Были и другие, более определенные препятствия. Первая проблема касается объекта реформы. Он определяется размером государственных служб, которые являются важными финансовыми посредническими организациями в стране. Поэтому они жизненно необходимы для экономики менее развитых регионов, однако ложатся тяжелым грузом на государственный бюджет. Это еще раз объясняет, почему административная реформа является необходимым шагом, если нужно восстановить здоровую систему государственных финансов.

Вторая проблема имеет отношение к инструментам реформы, в особенности к законодательству. В Италии существует излишняя законодательная база по сравнению с другими европейскими странами. Здесь действует приблизительно 200 000 уставов, многие из которых устарели, но так и не были аннулированы [2, 333]. Это затрудняет идентификацию правил в конкретных случаях. Поэтому иерархическая структура источников закона обязывает, чтобы уставы были изменены в соответствии с другими уставами или эквивалентными актами.

Третья проблема – политическая нестабильность. Ее можно рассматривать в качестве специфической особенности итальянского управления, поскольку правительства редко существовали больше одного года. Однако ситуация в 1992–1994 гг. отличалась из-за упадка многих традиционных партий и подъема новых. Это объясняет, почему политический выбор становился все более и более трудным.

Выводы

Таким образом, проведенные мероприятия глубоко изменили итальянский законодательный порядок. Были модифицированы многие административные процедуры, начат процесс приватизации и установлены новые правовые рамки, касающиеся государственных служб.

В целом, административная реформа имела несколько положительных результатов. Значительно расширилось информационное поле. Одним только Отделом государственных служб было издано 27 докладов относительно определенных областей политики [11]. В каждом из них содержались исследования текущей ситуации, а также предложения о необходимых изменениях. Иногда они также иллюстрировали инициативы, принятые в других странах: например, Устав государственных служб и кодекс поведения. Было также издано шесть томов общих исследований. Создание базы данных административных процедур – еще один пример усовершенствования информации о государственных администрациях. Благодаря этому не только значительно расширилось понимание пути, по которому административная система фактически работает и развивается, но и сама возможность дальнейшего проведения реформы теперь стала более конкретной. Кроме того, были предложены мощные инструменты и поставлены конкретные задачи ее реализации. Помимо предписывающего эффекта в виде модификации ранее существовавших правил, реформа также определила цели, которые должны быть достигнуты политическим сообществом. Поэтому программу реформы можно рассматривать как частично выполненную задачу и, вместе с тем, как продолжающуюся работу.

Литература

1. Scenario evolutivo della Pubblica Amministrazione dagli anni '90 // Wikipedia [Electronic resource]. – Mode of address : http://it.wikipedia.org/wiki/Pubblica_amministrazione. – Date of access : 13.08.2007.
2. Della Cananea, G. Reforming the state: the policy of administrative reform in Italy under the Ciampi government / G. Della Cananea // West European politics. – L., 1996. – Vol. 19, No. 2. – P. 321–339.
3. Schema generale di riferimento della «Carta dei servizi della scuola» [Electronic resource]. – Mode of address : http://www.arpnet.it/animus/bd/carta_servizi.htm. – Date of access : 25.10.2007.
4. Principi sull'erogazione dei servizi pubblici // Carta dei servizi [Electronic resource]. – Mode of address : http://www.costabilebus.com/carta_dei_s/carta_dei_s.html. – Date of access : 14.09.2008.
5. Dipartimento della Funzione Pubblica della Presidenza del Consiglio dei Ministri, Codice di stile delle comunicazione scritte ad uso delle amministrazioni pubbliche. – Roma : Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato. – 1993.
6. Gundle, S. Introduction: the new Italian Republic / S. Gundle, S. Parker // The new Italian Republic: From the fall of the Berlin Wall to Berlusconi / ed. by S. Gundle. – L., N.Y. : Routledge, 1996. – P. 1–15.
7. La contrattualizzazione del rapporto di pubblico impiego // Commissione parlamentare consultiva in ordine all'attuazione della riforma amministrativa [Electronic resource]. – Mode of address : <http://www.camera.it/bicamerale/rifammin/note.htm>. – Date of access : 20.10.2007.
8. Авилова, А. В. Италия: своеобразие южноевропейского пути развития / А. В. Авилова // МЭМО. – 2001. – № 5. – С. 77–86.
9. Mignone, M. B. Italy today: At the crossroads of the new millennium / M. B. Mignone. – N.Y. : Lang, 1998. – 464 p.
10. Padoa Schioppa Kostoris, F. Excesses and limits of the public sector in the Italian economy / F. Padoa Schioppa Kostoris // The new Italian Republic: From the fall of the Berlin Wall to Berlusconi / ed. by S. Gundle. – L., N.Y. : Routledge. – 1996. – P. 273–296.
- 11: Cheli, E. Direzione politica della Pubblica Amministrazione / E. Cheli // Ricerca & Società [Electronic resource]. – Mode of address : <http://www.area.fi.cnr.it/r&f/n6/cheli1.htm>. – Date of access : 15.09.2007.

Summary

The article deals with the policy of administrative reform in Italy. It focuses, first, on the directions of the reform, second, on their implementation. This article also examines the results of the reform. The author says that in Italy administrative reform has been put on the political agenda since 1992. In the early 1990s the situation in the country changed and the question concerning its implementation became even more actual. During the eleventh legislature of the Italian Parliament (1992–1994) the government led by Giuliano Amato and Carlo Azeglio Ciampi was solving this problem. Positive results had been achieved.

Поступила в редакцию 30.12.08.

УДК 811.111'373

*Е. В. Архипова***РЕЧЕВОЙ АКТ СОГЛАСИЯ/НЕСОГЛАСИЯ
И СРЕДСТВА ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Статья посвящена речевому акту согласия/несогласия, представляющему собой положительную либо отрицательную реакцию на предыдущее высказывание. В работе рассматриваются способы реализации речевого акта согласия/несогласия в английском диалоге. Предпринимается попытка классификации высказываний со значением согласия/несогласия.

Введение

Специфической особенностью современной коммуникативной лингвистики является неослабевающий интерес к функционированию языка в реальных процессах речевого общения. Все большее внимание исследователей сконцентрировано на речевом поведении языковой личности, на проблемах выбора языковых средств для оптимизации общения в различных коммуникативных ситуациях. Важность эффективности коммуникации обуславливает актуальность изучения свойств, функций и языкового воплощения речевого акта согласия/несогласия (РА с/н) в связи с его большой степенью распространенности в диалогическом общении.

Целью данной статьи является описание главных особенностей речевого акта согласия/несогласия и основных языковых средств его реализации в английском языке. Материалом для исследования послужили около 1950 контекстов полученных методом сплошной выборки из художественных произведений современных английских авторов. Систематизация языковых ресурсов, выражающих согласие/несогласие, предпринималась с опорой на существующие классификации О. В. Озаровского [1], Н. И. Поройковой [2], И. В. Галактионовой [3].

Результаты исследования и их обсуждение

В диалогической речи возникновение реакции согласия/несогласия инициируется предшествующим высказыванием адресанта (A_1), который использует различные языковые средства с целью речевого воздействия на адресата (A_2). Коммуникативная цель A_2 состоит в том, чтобы выразить свою точку зрения, сходную либо противоположную, по отношению к предыдущему высказыванию A_1 . Таким образом, **речевой акт согласия/несогласия** представляет собой реагирующий РА, который выражает положительную либо отрицательную реакцию адресата на предшествующий РА, что находит в речи определенное языковое воплощение.

Речевой акт согласия/несогласия может возникать как реакция на репрезентативные речевые акты (РРА). **Репрезентативы** представляют собой речевые акты, в которых говорящий принимает на себя ответственность «за сообщение о некотором положении дел, за истинность выражаемого суждения» [4, 181]. РА с/н на РРА представляет собой констатацию точки зрения A_2 на истинность/ложность представленного A_1 суждения/мнения/точки зрения/предположения, оценку этого мнения как соответствующего/не соответствующего действительности, проявление общности/разобщенности взглядов коммуникантов.

Структура диалога, в котором реакция согласия/несогласия инициируется РРА, может быть представлена следующей схемой: 1. $A_1 - РРА \rightarrow 2. A_2 - РА с/н \rightarrow 3. A_1 - запрос обоснования согласия/несогласия \rightarrow 4. A_2 - обоснование согласия/несогласия$.

В диалогической речи возможна неполная реализация данной схемы. Анализ практического материала показал, что в ситуации согласия наиболее частотным вариантом является диалог, состоящий из шагов 1 и 2. Ситуации несогласия больше свойственна реализация как полной,

так и усеченной модели. Приведем пример, иллюстрирующий неполную схему диалога: 'You're thinking that all I need is the gold earrings,' he said unexpectedly... – 'Well, as a matter of fact,' I said, 'That's just what I was thinking.' [5, 14].

К языковым ресурсам реакции согласия/несогласия на репрезентативные речевые акты относятся следующие *средства*.

1. Средства, с помощью которых эксплицируется позиция A_2 .

1.1. Конструкции с глаголами agree / disagree:

I agree (with you) (there) – I don't agree / I can't agree (with you) (there) / I disagree (with you) (there).

В конструкциях данной подгруппы возможно эксплицитное или имплицитное указание на адресанта (*I agree with you, I don't agree*), а также эксплицитное или имплицитное указание на предмет обсуждения (*it/there*). В случае согласия для маркировки степени совпадения точки зрения адресата с высказыванием адресанта широко распространены актуализаторы [2, 106], такие, как *totally, quite: I totally / quite agree (with you)*. Деинтенсификация несогласия достигается путем использования модальных фраз, предвещающих высказывание с противоположным мнением. К таким фразам относятся *I think, I'm afraid, I fear, I dare say*. Например: *I think / I'm afraid / I fear I can't agree (with you)*. Оттенком извинения обладают реакции несогласия, открывающиеся фразами *I'm afraid, I fear*, что способствует ослаблению негативного эффекта высказывания.

1.2. Конструкции с глаголами речемыслительной деятельности *think, suppose, say*:

I think so (too) – I don't think so, I suppose so / suppose so – I don't suppose so, I wouldn't say that.

В конструкциях подобного рода возможно эксплицитное или имплицитное указание на адресата (*I suppose so, I don't think so / suppose so*), а также эксплицитное или имплицитное указание на предмет обсуждения (*that*).

1.3. Конструкции «лексически достаточно свободные и синтаксически расчлененные, не являющиеся повтором чужого высказывания» [1, 115]: *That was my thinking, I am of the same opinion.*

2. Реплики, с помощью которых эксплицируется отношение A_2 к речевому поведению A_1 :

You are/were absolutely/quite/probably right. – You are/were wrong.

You may/might be right. – You may/might be wrong.

You've got it right. – (Actually) You've got it wrong.

You're mistaken. You couldn't be more wrong.

В перечисленных конструкциях в качестве интенсификаторов значения подтверждения используются наречия *absolutely, quite*, которые способствуют выражению таких оттенков согласия, как категоричное, уверенное. Наречие *probably*, модальные глаголы *may, might* снижают степень категоричности и выступают в качестве маркеров неуверенности адресата. *Actually* вежливо вводит реакцию несогласия A_2 с мнением собеседника, что способствует снижению негативного эффекта высказывания.

3. Средства, с помощью которых эксплицируется оценка адресатом высказывания A_1 с точки зрения истинности/ложности, правильности/неправильности, обоснованности/необоснованности, реальности/нереальности обсуждаемого положения дел. К таким средствам относятся:

3.1. Лексемы *yes/no*. Данные лексемы выражают согласие/несогласие стилистически нейтрально и не конкретизируют то, с чем именно согласен A_2 , поэтому частотным является их употребление с последующим пояснением, продолжением.

3.2. Наречия сильной категоричности *of course, certainly, surely, absolutely, exactly/not exactly, rightly, indeed, really/not really*, которые выступают в качестве самостоятельных реплик. При этом *absolutely, exactly/not exactly, rightly, really/not really* выражают мнение A_2 с точки зрения достоверности/недостоверности факта. Наречия слабой категоричности *probably, maybe, possibly, perhaps, hardly* также могут функционировать как самостоятельные реплики и выражают неуверенное согласие.

3.3. Прилагательные *true, right, correct, ridiculous*, которые могут употребляться как в качестве самостоятельных реплик, так и в конструкциях *that's true/that's not true, that's right/that's not right, that's correct/that's not correct, that's ridiculous*;

3.4. Существительные *nonsense, rubbish, nuts, shit, rot, stuff, trash, bosh*. Такие существительные имеют стилистически сниженный характер и используются для выражения несогласия на реплики A_1 как несоответствующие реальной действительности.

3.5. Выражения *quite so, quite rightly; that may be true, but (on the other hand); that's (just) silly*.

4. **Свободно конструируемые высказывания**, выражающие согласие/несогласие ситуативно [6, 44–45].

Реакция с/н может быть инициирована **директивными РА** (ДРА), представляющими собой акты побуждения, осуществляя которые адресант пытается добиться совершения адресатом некоторого действия (Д). К директивным относятся такие речевые акты, как приказы, команды, распоряжения, требования, просьбы, предложения, советы и т. д. Речевой акт согласия/несогласия с директивами – это РА со значением волеизъявления, т. е. согласие/несогласие A_2 выполнить Д, к совершению которого его побуждает A_1 .

Большую роль в ситуациях с инициальным ДРА играет фактор равнозначности/неравнозначности коммуникативных отношений A_1 и A_2 . Например, для РА команды, приказа, распоряжения характерным является установленная дифференциация социальных ролей коммуникантов, что подразумевает строго регламентированную последовательность действий: команда – выполнение. При равнозначности социальных статусов коммуникантов у A_2 «появляется возможность» иной реакции на ДРА.

Наиболее полная схема диалога, в котором реакция согласия/несогласия инициируется ДРА, может быть представлена следующим образом: 1. A_1 – ДРА → 2. A_2 – уточнение (идентификация причин появления директивного РА, целей, условий и обстоятельств для его реализации) → 3. A_1 – реакция на уточняющий шаг A_2 → 4. A_2 – РА с/н → 5. A_1 – запрос обоснования согласия/несогласия → 6. A_2 – обоснование согласия/несогласия. Данную модель можно проиллюстрировать следующим диалогом: 'So tell me something?' she asked. – 'About myself?' – 'Yes.' – He frowned and his eyes grew wary. 'I'm not going to talk you to a coma about my past relationships.' – 'That's OK. I don't want to discuss mine either.' – 'So what would you like to know?' [7, 69]. Наблюдения над языковым материалом выявили возможность различных вариантов реализации данной схемы. Наибольшую степень распространенности имеют диалоги, состоящие из шагов 1 и 4, а также 1, 4–6.

К языковым ресурсам реакции согласия/несогласия на директивные речевые акты относятся перечисленные ниже **средства**.

1. **Средства, не содержащие названия действия или указания на него.** К ним относятся лексемы *yes/no, okay*; наречия *all right, certainly, of course, sure, surely*, прилагательные *good, ideal, perfect, ridiculous*, выступающие в качестве самостоятельных реплик, а также ритуально-вежливые формулы *If/as you like/want/wish*.

2. **Средства, содержащие эксплицитное/имплицитное название действия или указание на него.**

2.1. Реплики, выражающие согласие/несогласие через экспликацию отношения адресата: *I agree → I disagree, I don't mind, I object (to it), I protest (against it), I'd like/love to – I wouldn't like to*.

2.2. Реплики, характерной особенностью которых является отнесенность к плану будущего: *I will (do) (that) – I will not (do) (that), I'll do my best*.

2.3. Реплики, выражающие согласие/несогласие через экспликацию оценки адресатом действия: *That will/would be nice/wonderful/great/ideal/terrible/awful; That's a good/brilliant/bad idea*.

3. **Свободно конструируемые высказывания**, которые выражают согласие/несогласие ситуативно [6, 46].

Речевой акт согласия/несогласия может быть инициирован комиссивными речевыми актами (КРА). **Комиссивы** – речевые акты, в которых говорящий принимает на себя обязательства совершить некоторое будущее действие либо следовать определенной линии поведения, что представлено в пропозициональном содержании высказывания. Реакция согласия возникает

при наличии у A_2 заинтересованности или потребности в действии A_1 , а также если A_2 считает предполагаемое действие целесообразным/уместным. В противном случае A_2 выражает свое отрицательное отношение на обязательство A_1 совершить либо не совершать указанное Д. Модель диалога, в котором реакция согласия/несогласия инициируется КРА, может быть представлена следующим образом: 1. $A_1 - КРА \rightarrow 2. A_2 - \text{уточнение (идентификация причин появления комиссивного РА, целей и обстоятельств для его реализации)} \rightarrow 3. A_1 - \text{реакция на уточняющий шаг } A_2 \rightarrow 4. A_2 - РА \text{ с/н} \rightarrow 5. A_1 - \text{запрос обоснования согласия/несогласия} \rightarrow A_2 - \text{обоснование согласия/несогласия}$. К наиболее распространенным относятся диалоги, состоящие из шагов 1 и 4, а также 1, 4–6. Например: *'I'll try not to sulk or get angry anyway, Annie. I really will.'* *'Alright.'* [8, 128].

Языковые ресурсы выражения реакции согласия/несогласия на комиссивные речевые акты включают несколько видов *средств*.

1. *Средства, не содержащие названия действия или указания на него.*

К ним относятся лексемы *Yes/No, okay*; наречия *all right, certainly, of course*, выступающие в качестве самостоятельных реплик и зачастую сопровождающиеся частичным повтором инициального высказывания.

2. *Реплики, выражающие согласие/несогласие через оценку планируемого действия:* *That's a good/brilliant/bad/stupid idea; That will/would be lovely; That's ridiculous.*

3. *Реплики, выражающие согласие/несогласие через экспликацию отношения A_2 :* *You have my whole-hearted support, I'm against that.*

4. *Свободно конструируемые высказывания*, которые выражают согласие/несогласие ситуативно. К ним относятся следующие реплики:

- реплики со значением одобрения/возражения, которые могут сопровождаться объяснением причины положительной или негативной реакции;
- реплики, информирующие собеседника только о причинах согласия/несогласия;
- реплики, содержащие предложение альтернативного действия (в случае несогласия);
- реплики, в которых содержится положительная или отрицательная характеристика адресанта или ситуации в целом;
- реплики-подхваты со значением дополнения, которые вводятся союзом *and*;
- реплики-подхваты со значением возражения, которые вводятся союзом *but*.

Речевой акт согласия/несогласия может быть инициирован экспрессивными речевыми актами (ЭРА). **Экспрессивы** – речевые акты, определяющим признаком которых является «выражение говорящим своего психологического состояния, рассматриваемого относительно некоторого положения дел» [9, 193]. К составу класса экспрессивов относятся такие речевые действия, как благодарность, извинение, комплимент, приветствие и прощание, соболезнование, выражение радости или гнева и многие другие, большинство из которых входят в систему ритуальных актов речевого этикета. Это предполагает типовой стиль поведения коммуникантов в определенных условиях. Для нашего исследования наиболее интересны ситуации, в которых функционирование экспрессивных речевых действий и реакций на них отличаются от стандартных моделей ритуального пространства. К причинам отступления от шаблонных образцов поведения можно отнести психологическое и эмоциональное состояние адресата, расхождение позиций коммуникантов относительно ситуации общения, их личностные и социальные характеристики.

Модель диалога, в котором реакция согласия/несогласия инициируется ЭРА, может быть представлена следующим образом: 1. $A_1 - ЭРА \rightarrow 2. A_2 - РА \text{ с/н} \rightarrow 3. A_1 - \text{запрос обоснования согласия/несогласия} \rightarrow 4. A_2 - \text{обоснование согласия/несогласия}$. Наиболее распространенной является модель диалога, состоящего из шагов 1 и 2. Например: *'Great to see you, Mr. Sepetti. You're looking great.'* *Nicky frowned... 'Yeh, I look great,' he says.'* [10, 60].

Языковые ресурсы выражения реакции согласия/несогласия на комиссивные речевые акты включают:

- 1) *формулы речевого этикета;*
- 2) *конструкции с лексемами yes/no/okay/of course/all right/rubbish/, дополненные частичным повтором инициального высказывания;*

- 3) *свободно конструируемые высказывания*, к которым относятся следующие реплики:
- реплики корректирующего характера;
 - реплики, отражающие позицию A_2 , которые могут сопровождаться объяснением положительной либо отрицательной реакции;
 - реплики-оценки, в которых инициальное высказывание оценивается адресатом с точки зрения уместности/неуместности в ситуации общения.

Выводы

Суммируя вышеизложенное, отметим, что речевые акты согласия/несогласия широко представлены в диалогическом общении, им принадлежит значительная роль в организации речевого взаимодействия коммуникантов. Возникновение реакции согласия/несогласия предопределяется и программируется коммуникативным содержанием инициального высказывания. В процессе общения адресант рассчитывает на восприятие своего сообщения и ожидает получить определенную реакцию со стороны адресата. Адресат, получая информацию, выражает свою сформированную позицию относительно предмета обсуждения – согласие или несогласие. Анализ языковых средств, с помощью которых реализуется коммуникативная цель адресата – подтвердить или опровергнуть высказывание адресанта, показал многообразие возможностей передачи значения согласия/несогласия.

Литература

1. Озаровский, О. В. Согласие-несогласие как категория коммуникативного синтаксиса (в грамматике русского языка для иностранцев) / О. В. Озаровский // Проблемы учебника русского языка как иностранного. Синтаксис. – М., 1980. – С. 109–120.
2. Поройкова, Н. И. Функционирование средств выражения согласия-несогласия в диалоге / Н. И. Поройкова // Функциональный анализ грамматических категорий и единиц. – М., 1976. – С. 102–115.
3. Галактионова, И. В. Средства выражения согласия/несогласия в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. В. Галактионова ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 1995. – 24 с.
4. Серль, Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17 : Теория речевых актов. – С. 170–194.
5. Innes, H. *Wreckers Must Breathe* / H. Innes. – London : Fontana/Collins, 1974. – 191 p.
6. Архипова, Е. В. Имплицитные средства выражения речевого акта согласия/несогласия в английском языке / Е. В. Архипова // Весн. Мазыр. дзярж. ун-та імя І. П. Шамякіна. – 2008. – № 4(21). – С. 43–47.
7. Hannay, B. *Her Playboy Challenge* / B. Hannay. – London : Mills and Boon, 2003. – 185 p.
8. Plass, A. *Broken Windows, Broken Hearts* / A. Plass. – London : Hodder and Stoughton, 1987. – 172 p.
9. Семенов, Л. П. Аспекты лингвистической теории монолога / Л. П. Семенов. – М. : Московский государственный лингвистический университет, 1996. – 323 с.
10. Clark, M. H. *While My Pretty One Sleeps* / M. H. Clark. – London : Cresset Editions, 1990. – С. 1–255.

Summary

The article explores agreement/disagreement as a specific speech act which is investigated within a context connected with a previous speaker's remark. The author explores utterances expressing agreement and disagreement

An attempt to classify utterances expressing agreement and disagreement is made.

Поступила в редакцию 12.01.08.

УДК 81'42

Д. В. Зеленуго

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ТЕМПОРАЛЬНЫХ НОМИНАЦИЙ
(на материале прозы В. Распутина)**

В статье рассматривается вопрос изучения времени в рамках современной лингвистики, доминирующим фактором которой является антропологический. Концепт «время» вербализуется в языке посредством темпоральной лексики. Автор приводит несколько способов вербализации концепта «время» на примере выделения временных отрезков и их номинаций в рамках повестей В. Распутина и выявляет их концептуальное содержание. В статье подчеркивается, что в художественном тексте слово является знаком трансцендентного смысла и приобретает статус концепта. Удалось установить, что темпоральные номинации имеют аксиологически маркированную интерпретацию, что составляет концептуальную модель времени в русском языковом сознании, нашедшую отражение в текстах В. Распутина.

Введение

Современный этап развития лингвистического знания характеризуется многочисленными попытками ученых заново осмыслить традиционные языковые понятия и явления с позиций когнитивного подхода. Не является исключением и художественный текст. Особый интерес вызывает концептуализация мира творческим человеком (писателем, поэтом), т. к., с одной стороны, мы имеем дело с созданием чего-то нового, уникального как отражением творческого сознания личности, а с другой стороны – творец не оторван от окружающей среды, социума, он также является носителем определенной культуры, языковой ментальности и концепт как результат мировоззрения автора является «результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [1, 29]. В художественном тексте жизненный материал преобразуется в своего рода «маленькую вселенную» [2, 7], увиденную глазами автора. Художественный текст строится по законам ассоциативно-образного мышления. Таким образом, художественный текст есть результат авторского мировидения, воплощенного в художественной форме, донесенного на определенном языке.

Каждая языковая личность одновременно является и культурной личностью. Поэтому языковые знаки выполняют функцию «языка» культуры, что выражается отображением культурно-национальной ментальности его носителей. Толкование текста представляет собой раскрытие национально-культурной информации, которая эксплицируется в художественном произведении посредством «опорных точек» – слов, в которых зашифрованы наиболее значимые концепты [3, 9]. Важность культурно маркированных лексических единиц обосновывается частотностью их использования в тексте, употреблением в качестве заглавия, а также особым смыслом, которым они наделяются сверх своего лексического значения. Таким особым смыслом обладает категория времени, вербализующаяся посредством темпоральных номинаций.

Феномен времени удивителен и загадочен: время неотделимо от человеческой жизни, присутствие человека во времени кажется очевидным, однако восприятие времени человеком вызывает непреходящий интерес ученых различных областей знания. Зафиксированные в языке наивные представления человека о мире через призму временных ощущений отражают «как общие закономерности человеческого мышления, типичные ассоциации, так и специфику каждого языка, отделяющего его от общего и всеобщего» [4, 13]. Время является одной из центральных категорий концептуальной и языковой картин мира, что позволяет говорить о временном восприятии, об этническом временном менталитете, временных универсалиях и в целом о временной картине мира.

Неоднозначным является вопрос и о темпоральных номинациях, т. к. среди ученых-лингвистов нет единого мнения о том, что же причислять к темпорализмам. Известные исследователи Т. В. Булыгина, А. А. Зализняк А. Д. Шмелев в качестве темпоральной лексики приводят слова типа *прошлый, близкий, следующий* в случае, если они выражают временную ориентацию [5, 13]. Е. С. Яковлева темпорализмами считает «русские показатели длительности» – час, день, минута и др. [6, 47]. В нашей статье мы будем придерживаться второй точки зрения и ставим целью выяснить лингвокультурологический статус времени в прозе В. Распутина, раскрывающийся посредством темпоральных номинаций, обладающих культурной информацией и нашедших отражение в прозе писателя.

Результаты исследования и их обсуждение

Методом сплошной выборки из повестей В. Распутина «Живи и помни», «Прощание с Матерой», «Последний срок», «Деньги для Марии», «Пожар» нами отобраны лексемы с временным значением, обладающие наибольшей частотностью употребления. Выбор произведений В. Распутина не случаен. В. Распутин – глубоко национальный писатель, в языке его произведений органично соединяется народное и индивидуальное, и взаимосвязь этих элементов вызывает неподдельный научный интерес. На примере темпоральной лексики можно проследить взаимосвязь русской временной картины мира, отраженной в языке, и индивидуально-авторского восприятия времени.

Наиболее широко в рамках прозы В. Распутина представлены такие номинации, как собственно *время, день, ночь, годы, утро, вечер, час, минута*.

Лексема *время* в русском языке произошла от слова «веремья», которое родственно словам «вертеть», «веретено». В русской картине мира, таким образом, идея времени связана с идеей круговорота, бесконечности. Авторское представление о времени встраивается в общее цикличное восприятие времени: *Все звуки, все шумы большого поселка, казалось, удалялись, будто осторожно сносило их той же течью властительного времени; остановят Ангару – время не остановится.* («Живи и помни»). В русском языковом сознании время ассоциируется с птицей или животным, в языке это представлено посредством метафорических выражений типа *время пролетело, время бежит* и др. Внешним атрибутом времени предположительно выступают ноги и крылья, у Распутина находим: *Текла солнечном сиянии Ангара ... текло под слабый верховик с легким шурианием. время.* В распутинском тексте время выступает как ценность: *со временем все наладится; подошло время выписки, время, которого с таким нетерпением он ждал и ради которого чуть не лизал раны.* К такому выводу приходим, проанализировав единицы с общим значением нехватки времени: *как же выкроить время, чтобы косить; у меня тоже лишнего времени нет* и др., а также на основе перцептуального восприятия времени человеком (т. е. через призму собственной жизни): *он всякий раз поражался тому, с какой готовностью смыкается вслед за ним время.* («Живи и помни»). Номинации с лексемой *время* встраиваются в систему оппозиции *счастливый – несчастливый*. Здесь наблюдаем двойственный характер времени: обнаруживаем у Распутина идею о лечебном свойстве времени: *они молодые, со временем все наладится; должна поправиться – у тебя время есть,* однако представлены номинации и с пейоративным восприятием: *уж больно неподходящее было время, да ишо по нынешним беспокойным временам.* В повестях представлены номинации и с отрицательным восприятием времени: *такое теперь время, что и нельзя поверить, да приходится.* Русскому языковому сознанию свойственна персонификация времени, что также нашло отражение в прозе Распутина: *сейчас время такое живое; теперь и время наступило непутевое* и др. («Прощание с Матерой»).

Широко в произведениях представлен *год*. Год, как временной отрезок, выступает единицей отсчета жизни, что подтверждается сочетанием данной номинации с числительным: *мы с тобой четыре года прожили – или этого мало?; за три года Гуськов успел повоевать и в лыжном батальоне; летом 44-ого года его ранило. Год* также встраивается в представление о цикличности жизни: *берег, намываясь год от года, лег широко и богато; с годами Семеновна свыклась с Настенной.* Наблюдаем также перцептуальное восприятие лет: *какие мои годы: тридцать лет – полжизни еще не наступило; хотелось, чтобы каждая из встреч вмещала в себя*

годы жизни; больше трех лет война – сколько можно? вот так худо-бедно и жила деревня, встречая и провожая годы, как воду, одна утеха, что годы твои на исходе. Восприятие лет автором раскрывается посредством эпитетов. Так, у Распутина находим выражения *тяжелые годы, оборванные годы, переломные годы* и др. («Живи и помни»).

Концептуальное содержание **дня**, которое нашло отражение в текстах Распутина, шире, чем словарная дефиниция, т. к. за днем закреплена пласт культурной информации. День выступает отсчетом жизни, временным отрезком, заполненным деятельностью: *сообщили, что на несколько дней должны отпустить домой; она была как во сне, не чувствуя усталости за день и др.* День у Распутина предстает как особая ценность: *А я выдюжу, мне этого дня надолго хватит; не ждать со страхом завтрашнего дня; он ...знал, что так будет, и, радуясь этому дню, ждал с холодным удивлением, что он неминуемо придет; настолько горек и настолько радостен был этот последний, поданный из милости день.* («Живи и помни»). День в русской временной картине мира связан, с одной стороны, с возрождением, красотой, счастьем, светом, а с другой – с заботами, поэтому в языке закрепилось как положительное восприятие дня, так и отрицательное, что наблюдаем и у Распутина: *надежда – а рассветет, белый день выйдет – ишо потопчемся; не стоит все время перед глазами это убожество и не пугает завтрашним днем.* («Деньги для Марии»). Положительное восприятие дня раскрывают лексемы со значением цвета. Так, встречаем выражения *белый день, ясный день, светлый день*. Находим также единицы и с негативным восприятием дня – *волчий день*. Смена дней воспринимается через призму человеческой жизни, т. к. для русского языкового сознания свойственно вести отсчет времени именно днями. Подтверждение тому находим и в тексте писателя: *и дальше дни пойдут без запинки мимо, все мимо и мимо; дальше дни пойдут уже без Матери-деревни.* День может выступать как субъект, что осуществляется посредством метафор: *езжай куда надо, покуль день не ушел; чтобы день не пропал впустую, решила: поеду; день, хмурившийся с утра, тоже распрямился – и как объект: терять день не хотелось; не бояться завтрашнего дня и др.* День воспринимается не только как вмещалище событий, но и как нечто неотделимое от человеческой жизни: *дни, ставшие заметно короче, но не потерявшие силы и мощи, казались до предела полными и тугими, вобравшими в себя больше, чем они могут сvezти; так терпеливо и молча пойдут они до последнего, конечного дня.* («Прощание с Матерой»).

Ночь в русской языковой картине мира воспринимается как провал жизни, мрак, интервал между днями, т. е. *небытие*. На такое восприятие повлияла культурная традиция, утверждающая, что ночь – отрезок времени, в который наиболее активны злые, темные силы. Такую культурную традицию обнаруживаем в языковом материале повестей В. Распутина: *ночь была жутковатая – глухая, темная до крайней темноты; прибегу середь ночи – кому это понравится.* Однако у Распутина находим выражения, в которых ночь имеет и положительные коннотации, например: *и мы с тобой всю-то ноченьку одни барствовали.* Как и день, ночь выступает как субъект (на основе метафорических представлений): *ночь подвинулась; по тому, как потускнела ночь, она поняла, что скоро начнет светать.* Ночь также предстает как отсчет жизни, что связано с идеей цикличности времени: *буду я по ночам шастать; по ночам ... он слышал ее шепот, лунные ночи стали его беспокоить.* День и ночь образуют коллекцию, объединяются в более крупный отрезок времени – сутки, также подтверждающий идею круговорота времени. Известна пословица *день да ночь – сутки прочь*, которую автор вводит в свой текст, можно найти и другие примеры неразделимости дня и ночи: *день и ночь думаю: как жить; уйдет под воду Матера – все так же будет сиять и праздновать ясный день и ясную ночь небо.*

Менее культурно маркированы **утро** и **вечер**. Они выступают как названия части суток, вмещающих какое-либо событие: *под утро, еле волоча ноги, он поплелся на другую сторону Ангары; вечером была подписка на заем.* Идея о том, что утро вечера мудренее, нашла отражение у Распутина: *предстояло еще сообщить эту новость Михеичу, но лучшие утром, на сегодня ему хватит.* Концептам *вечер – утро* также свойственно движение: *вечер пал теплый и тихий; утро поднялось уже высоко.* («Живи и помни»)

В языковом материале находим единицы – **названия сезонов**. *Зима, осень, весна, лето* неразрывно связаны с человеческой деятельностью, их наступление, смена воспринимается через призму всей жизни: *чудилось, что до лета еще целая жизнь, до весны еще жить да жить; он прожил последнюю осень, последнюю зиму, пропускает последнюю весну, впереди последнее лето*. Для культурной традиции характерно восприятие сезонов в зависимости от погоды и урожайности. То же наблюдаем и у Распутина: *той осень урожаем был такой, что стыдно было не отъестся; она научилась этому еще в то кусочное лето, когда обходила с Катькой ангарские деревни; зима ... в этих краях простояла сиротской, но крещенские морозы свое взяли, отстучали, как им полагается, за сорок; только что заступил июнь, подряд гуляли ясные солнечные дни, едва прерываемыми короткими сумеречными ночами*.

В текстах В. Распутина концептуализируются номинации с неопределенным значением временной длительности – **пора, срок, момент, миг**, которые имеют большое значение для раскрытия авторского восприятия времени. Они воспринимаются как отсчет жизни, как ценность, как положительный или отрицательный этап жизни: *придет пора, ударит час, чудился некий спасительный испытательный срок: выжил – живи; Семеновна в ненастную пору подливала масла в огонь*. («Живи и помни»). Темпоральную номинацию *срок* автор даже выносит в заглавие одной из своих повестей – «Последний срок», тем самым подчеркивая судьбоносное значение времени в человеческой жизни.

Выводы

На восприятие времени Распутиным повлияла русская культурная традиция. Проанализировав материал, приходим к выводу, что когнитивное содержание временных отрезков в повестях В. Распутина намного шире словарной дефиниции, так как за ними закреплена национально-культурная информация, раскрывающаяся в темпоральных единицах. Временные отрезки имеют судьбоносный для человека характер, например, отсчитывают его жизнь и воспринимаются через призму всей жизни, что позволяет говорить о перцептуальном восприятии времени. В целом же тексты произведений В. Распутина – лингвокультурологический код, в котором время выступает как некая модель мира, сформировавшаяся под влиянием русской временной картины мира и языкового сознания автора.

• Литература

1. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность: антология / под ред. В. П. Нерознака. – М., 1997. – С. 28–37.
2. Валгина, Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. – М. : Мир книги, 1998. – 210 с.
3. Балущ, Т. В. Лингвоконцептуальный анализ художественного текста : моногр. / Т. В. Балущ. – Минск : БГПУ, 2005. – 113 с.
4. Гак, В. Г. Пространство времени / В. Г. Гак // Логический анализ языка: язык и время. – М. : Индрик, 1997. – 128 с.
5. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М. : Наука, 1997. – 576 с.
6. Яковлева, Е. С. Время и пора в оппозиции линейного и циклического времени / Е. С. Яковлева // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М. : Наука, 1991. – С. 45–52.
7. Распутин, В. Г. Повести / В. Г. Распутин. – М. : Молодая гвардия, 1978. – 528 с.

Summary

In the article attention is paid to the question of time examination in the theme of contemporary linguistics, where the dominant factor is anthropological. The concept «time» in language is told by the use of temporal vocabulary. The author gives some ways of «time» concept verbalization by example of temporal pieces selection and by their nomination within the bounds of V. Rasputin's stories and reveals their conceptual content. It is emphasized in the article that the word in the work of art is the sign of transcendent meaning and acquires the status of concept. It was established that temporal nominations have value marked interpretation and they make up conceptual time model in Russian linguistic consciousness which has reflection in V. Rasputin's texts.

Поступила в редакцию 12.01.09.

УДК 81'42 (476)

Ю. А. Подберезская

КОНЦЕПТ БЕЛЫЙ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА О. ИПАТОВОЙ

В статье рассматриваются структурно-семантические и функциональные особенности употребления цветообозначения «белый» в прозе О. Ипатовой. Устанавливается грамматическая пропорция данного колоратива в языке произведений автора. Выявляются лексемы, обозначающие белый цвет и его оттенки. Исследуются сравнительные единицы, связанные с данным цветом. Определяются особенности приема цветового контраста в прозе писателя. Большое внимание в статье уделено символизации белого цвета в художественном пространстве романов О. Ипатовой.

Введение

Цвет – это признак, присущий всем предметам окружающего нас мира. Нередко именно он становится источником эстетического и эмоционального впечатления, основанного на ассоциациях и предпочтениях, поэтому цветообозначения часто используются авторами художественных произведений для выражения своего мировидения и мироощущения, что характерно и для творчества О. Ипатовой.

В лингвистической литературе много внимания уделялось исследованию колоративов в художественном тексте конкретного автора (Ю. М. Бабич, С. Н. Бабулевич, О. А. Гузева, В. И. Ивченков, Ю. А. Карташова, Л. А. Мельникова, С. И. Меньчева, Д. Д. Павловец, Л. Ф. Соловьёва, И. Е. Цегельник, С. В. Шармар, С. В. Шкиль и др.). Это обусловлено тем, что цветопись в творчестве писателя является важнейшим экспрессивным средством, несет глубокую идейно-художественную и эмоциональную нагрузку. Зачастую цвет становится символическим выражением явлений, понятий, чувств.

Объектом исследования в данной статье являются цветообозначения, особенности их употребления и функционирования в текстах романов Ольги Ипатовой.

Результаты исследования и их обсуждение

Ядро цветовой палитры романов Ольги Ипатовой составляют лексико-семантические поля белого (21%), красного (20%) и черного (15%) тонов. Анализ материала показал, что белый цвет в цветовой картине мира автора является доминирующим в количественном плане (около 21% от общего количества употреблений колоративов в прозе).

В творчестве О. Ипатовой он чаще всего становится одним из объектов окружающего мира в следующих случаях:

- 1) при характеристике человека (38% от общего количества лексем цветového поля *белый*): *Я растирал руки Гайны, ее личико, белое и неподвижное* (ВГ); *Но улыбка словно осветила ее – блеснули белые зубы, мылым, беспомощно девичьим повеяло на него* (ЗМХ);
- 2) при описании предметов и объектов окружающей действительности (28%): *Только протянул ей белый ситец, которым вытирал хрустальный патик* (ВГ); *Она отвернулась, уткнулась в белые подушки* (ЧК);
- 3) при описании одежды (17%): *...он замер под своим длинным белым одеянием жреца, а золотой медальон на груди нервно качнулся* (ЗЖА); *Белые вышитые сорочки, портки, венки – все пестрое, цветное, и все движется вокруг чего-то* (ЗМХ);
- 4) при характеристике объектов и явлений природы (11%): *Белыми прозрачными полотнами тумана застлала окрестные ложбины теплая ночь* (ЗМХ); *Алекса вспомнил огромные, зловещие, с бешеными белыми кончиками вверху волны Хвалынского моря* (ЗМХ); *Особенно любил Юван пышные, белые цветы, которые называл хризантемами* (ЗМХ);
- 5) при описании животных и птиц (5%): *Слишком он был могуч – медведь, повелитель лесных недр, всадник на белом коне, бешено рвущийся в бой* (ВГ); *... за ней круто поднимался желтый песчаный берег, и одиноко, неторопливо летала белая чайка* (ВНК);

б) при характеристике абстрактных понятий (0,5%): *И снова хвалил его перед князем Векиа, и жизнь расстилалась перед Алексой белым, радостным полотном* (ЗМХ);

7) при использовании терминологических понятий (0,5%): *... под дубами вырастают бархатисто-желтые шапочки белых грибов* (ЗЖА).

Грамматическая пропорция колоративов кода *белый* О. Ипатовой в основном отражает общезыковые нормы: 89,9% – атрибутивных, 6,1% – процессуальных, 4% – субстантивных. Нами зафиксировано 328 случаев его употребления, в том числе 290 прилагательных, 20 глаголов, 13 существительных, 5 причастий. В прозаических текстах автора нами не найдены адвербиальные цветообозначения данного цветового кода.

В индивидуально-языковой картине мира О. Ипатовой прилагательное *белый* является наиболее распространенным, неоднократно используемым с различными суффиксами: неполноты качества (*беловатый шрам* (УС); *в белесых глазах* (ОП)); уменьшительно-ласкательными (*под белехоньким зимним одеялом* (ВГ); *с беленькими пальчиками* (ЧК)). Встречается в прозе автора и лексема *беляночка* как производная от *белянка* («о светловолосой или белокожей, белолицей женщине, девушке» [1, 1, 515]): *Мать называла дочь Гульнаррой, а Нармурад стал звать ее Анпак – Беляночкой, потому что с самого своего рождения была она белокурой и светлой – такими бывают только потомки древних персов или люди из чужих, туманных и далеких стран, где мало солнца, а много воды* (ЗМХ).

Автор придает большое значение полному воссозданию художественной действительности, передаче всех красок окружающего мира, поэтому цвет в ее прозе представлен многообразно и точно. Отсюда большая частотность реализации оттенков белого цвета через другие лексемы. О. Ипатова использует следующие лексические варианты колоратива: *жемчужный, кремовый, молочный, мраморный, снежный, фарфоровый*.

Жемчужный – «напоминающий жемчуг блеском, формой, цветом» [1, 5, 606]: *Это – фарфоровая чаша из далекого Чина, где на полях растет жемчужное зерно, дающее людям силу* (ЗМХ). Данная лексема образована от существительного *жемчуг* – «драгоценные перламутровые образования круглой, овальной и неправильной формы белого, розового, реже черного цвета, возникающие в раковинах некоторых моллюсков» [1, 5, 605].

Номинация *кремовый* – лексический вариант колоратива-прилагательного *белый*, обозначает «белый с желтоватым оттенком цвет» [1, 8, 607]. Используется автором в описании бытовых деталей, для создания колорита эпохи: *...отдыхал душой и телом среди удобных, привычных вещей, налаженного бытия с белыми кружевными покрывалами на комоды и столе, кремовыми салфетками и воскресными обедами с самоваром и обязательным пирогом* (ДБГ).

В описании внешности своих героинь О. Ипатова активно употребляет прилагательное *мраморный* («белый, гладкий, как мрамор (о коже, цвете лица)» [2, 2, 307]): *... у Бируты была золотая цепь на высокой мраморной шее* (ВГ); *...не было вокруг рта этих маленьких черточек, будто кто-то высек их на беломраморной коже* (ВГ).

К лексико-семантической группе колоратива *белый* относится и прилагательное *снежный*, одним из значений которого является «свойственный снегу, похожий на снег (по цвету, виду)» [2, 4, 164]: *Творог лежал в деревянных мисках снежными грудками* (ВГ).

С расчетом на эмоциональность, экспрессивность использует О. Ипатова лексему *фарфоровый* («матово-белый, напоминающий по виду фарфор» [2, 4, 554]) при создании образа весенних цветов: *...дозревали темно-зеленые стебельки ландышей с упругими бело-фарфоровыми чашечками цветов* (П).

Особого внимания заслуживают сложные прилагательные, которые также акцентируют внимание читателя на различных оттенках белого. Следуя за С. И. Меньчевой [3, 18], мы разделили их на 4 группы, в зависимости от выражения цвета (эксплицитное и имплицитное): 1) сложные прилагательные, корневые морфемы которых относятся к цветовой группе белого, где одна из морфем выражает цвет имплицитно: *...доставая из шкафа снежно-белую скатерть* (ВНК); 2) сложные прилагательные, корневые морфемы которых относятся к разным цветовым группам, где обе корневые морфемы выражают цвет эксплицитно: *...повесила на стену сизо-белый дорогой гобелен* (ЧК); *...веноч бело-розовый, а сама она – как цветы* (ЗМХ); 3) сложные прилагательные, корневые морфемы которых относятся к разным цветовым полям,

где одна корневая морфема выражает цвет имплицитно: ...и лицо ее, освещенное снизу, кажется **розово-молочным** (ВГ); 4) сложные прилагательные, содержащие авторские форманты: ...глядя на несколько **празднично-белых** каменных домов под горой (ВГ). Сложные прилагательные лексико-семантической группы белого, содержащие традиционные форманты (*темно-, светло-* и др.), в прозе О. Ипатовой нами не зафиксированы.

Из данных микроконтекстов видно, что колоратив *белый* в границах композита может сочетаться как с правым, так и с левым компонентом.

С целью экономно, одной словесной единицей расширить характеристику предмета или героя О. Ипатова использует и составные цветообозначения, соединяющие в одну лексико-семантическую единицу имя объекта и цвет, ему присвоенный: ...и тогда она посмотрела на меня внимательнее, опять одарила **белозубой**, застенчивой улыбкой, но теперь я знал — она меня заметила (ВГ); Но **белокожий** человек не отставал (ЗМХ); ...однажды, когда они с Бибо лежали без сна рядом, сказал Алексе **белолицый** алан (ЗМХ).

В произведениях О. Ипатовой с белым цветом связано большинство цветовых сравнительных единиц.

В связи с тем что снег в русском и белорусском языках представляет собой прототип белого цвета, он является самым распространенным образом сравнения среди цветовых сравнений лексико-семантического поля *белый*: ...стала собирать свою уже **белую**, как снег, дорожку дрожащими, непослушными руками (Л). Или: ...ибо бредил он и видел перед собой в огненном багрянце не степи, не события недавнего времени, а Полоцк...первую встречу с Березой в весеннем пушистом лесу, **под белыми как снег, березами** (ЗМХ). В данном микроконтексте подчеркивается не только цветовой признак белизны, но и природного совершенства. Объектом сравнения выступает славянский символ — береза, белый цвет которой соответствует образу Беларуси. Через деталь-сравнение автор показывает чувства героя, судьба которого связана с дорогой ему Родиной.

В соответствии с народным мировоззрением О. Ипатова связывает белый цвет с мукой и молоком, которые являются символами плодородия и жизни, условием благополучия: *Казалось, что и плоды эти, и орехи, и белые, будто кусочки высохшей муки, сладости, и куски мяса возникали здесь по воле волшебника* (ЗМХ); *Однако сзади его взял за плечо высокий русский хлопец с рыжими бровями и белой, вроде молочной, кожей* (ЗЖА). В приведенных примерах актуализируется мифологическое значение белого цвета как жизнетворного начала [4, 19].

Наиболее ярко национальное мировоззрение проявилось в следующем образе сравнения: *У девочки были огромные голубые глаза, а волосы белые, как лен* (ЗМХ); *Но сквозь все то, что виделось сейчас Алексе, властно пробивался молодой девичий облик со светлыми, как отбеленный лен, волосами* (ЗМХ). Здесь отражены особенности растительного мира нашего края, а именно лен, который получил символическое значение, стал специфической принадлежностью картины мира белорусского народа. Если в первом случае колоритом *белый* входит в состав объекта сравнения, то во втором он появляется в образе сравнения.

Белый цвет во всех упомянутых сравнениях является символом красоты, имеет положительное оценочное значение. Исконно белый в первую очередь был цветом света. А свет — это солнце, которое присутствует и в сравнениях О. Ипатовой: ...**белокурый, прозрачно-светлый, словно пронизанный солнцем и радостью** мальчик взглянул на нее ясными серыми глазенками (ЗЖА).

Яркими и интересными сравнениями отличаются некоторые конструкции в языке О. Ипатовой: *Но сейчас, осенью, пышные красноватые соцветия высохли, сменились белыми, как из пены, султанами, и оттого перелесок казался поседевшим и усталым* (ДБГ); ...*а белые, как морские раковины, уши и щеки ее порозовели* (ЗМХ); ...*и мужчина, держа нож, скаля белые, как чеснок, зубы, помахивал лезвием* (ЗМХ); *Глаза у Августы большие, зеленые, а волосы белые, как пепел на пожарище* (ВГ); ...*и горло... оно помнится, было трепетно белое, как у новорожденного ягненка* (ЗЖА). Несомненно, данные индивидуально-авторские образования создают неожиданные и запоминающиеся колористические рисунки.

С белым цветом, выступающим при описании внешности человека и особенно его кожи, у О. Ипатовой иногда связаны отрицательные коннотации: *Белую, как мука, без чувств княгиню вытащили и ...рысцой понесли в терем* (ЗЖА); *...молодой, страшно исхудавший, с лицом белым, как рисовая мука, чужеземец, залитый кровью и запачканный глиной* (ЗМХ); *...не могли скрыть... борода и усы крепких белых, как у волка, зубов* (ЗЖА).

Цветовые сравнительные конструкции кода *белый* в произведениях О. Ипатовой реализуют преимущественно положительную символику. В образах-сравнениях отражается национальное видение мира: через связь цветового символа с культурным опытом нации, через психолого-мифологический подтекст окрашенных этнографических образов.

Известно, что цвета и их комбинации характеризуются как теплые и холодные, успокаивающие и возбуждающие, торжественные и будничные, живые и мертвые и т. д. Эта символика обусловлена глубокими психофизиологическими и социокультурными причинами, что делает ее архетипичной. В большинстве национальных культур белый цвет символизирует добро, чистоту, святость; черный – зло, несчастье, нечистую силу; красный – жизнь, силу, энергию [5, 133]. О. Ипатова пытается осмыслить действительность через понимание и выявление противоположных, антагонистических сил – добра и зла, света и тьмы, жизни и смерти, любви и ненависти, правды и лжи, используя при этом приемы контраста.

Белый цвет в системе цветописи О. Ипатовой часто входит в контрастные отношения. Суть цветового контраста в том, что «используемые автором в границах одного предложения колоронимы, противоположные по значению, вызывают ощущения и чувства, которые не могут возникнуть, если эти лексемы употребляются независимо друг от друга» [6, 44].

Наиболее распространен в произведениях писателя ахроматический цветовой контраст, основанный на противопоставлении ахроматических цветов – черного и белого: 1. *Белые волосы ее, высоко приподнятые надо лбом и покрытые золотистой сеткой, оттеняли черные длинные ресницы и покрашенные помадой – по только что привезенной из Франции моде – губы* (ЧК). 2. *Один из них, приземистый, с черной бородой и разъяренными, почти белыми глазами, остановился около дома, со всей силы дернул за металлическое кольцо у двери, и она сразу открылась* (ЗМХ). Ахроматический цветовой контраст в романах О. Ипатовой чаще всего связан с портретным описанием или иллюстрацией одежды и используется с целью наиболее точно передать характеристику соответствующих реалий. Анализ показывает, что такой вид контраста базируется на использовании антонимических прилагательных. Использование других частей речи в данном случае не зафиксировано.

Обращают на себя внимание случаи хроматическо-ахроматического неполного цветового контраста. Он основывается на двух колоронимах – хроматическом и ахроматическом. Для цветовой палитры О. Ипатовой характерно противопоставление *белый – красный*: 1. *Сильно выли ветры, пытались даже сбросить стакан с вином, но мы полили красной той жидкостью белый покров снега, и кровь, смешанная с вином, утолила и богиню, и ее спутников* (ВГ). 2. *Я украдкой взглянул на мудрых старцев, молча сидевших вокруг стола – красные их рубахи резко контрастировали с седой бород и белизной колпаков на головах* (ВГ). Отмечено и употребление ахроматического цветового метафорического контраста, основанного на использовании противоположных по семантике ахроматических колоронимов-метафор: *Хозяин радостно и немного завистливо шепнул жене: «Повезло черной кости, станет она белою»* (ЗМХ).

В цветописи О. Ипатовой в контрастные отношения с белым чаще всего вступают черный и красный цвета. Это свидетельство приверженности автора к традициям народной культуры, в которой «черный противопоставляется белому и красному по принципу бинарных оппозиций» [7, 553]. Очевидно, что, сопоставляя белое и черное, свет и тьму, автор активизирует мысль читателя, приглашает к поиску скрытых дополнительных смыслов, которые часто заключены между оппозитивными словами.

Помимо поверхностного противопоставления, белый цвет «внутренне противопоставлен себе» [8, 251]. В цветописи О. Ипатовой встречается обозначение одним цветом различных степеней градации чувства, так, что и негативный, и позитивный оттенок слова маркируется одним цветом. Например, белый обозначает умиротворенность, доходящую до бесстрастия (*Тогда, в белой сверкающей кухне, когда он чувствовал одну только признательность и близость*

к матери и любил ее, казалось, еще больше, они уже не были тем, чем были всю жизнь, – друзьями (ВНК)), или чистоту до стерильности (*Что-то сдвинулось в его мире, невидимые, но осязаемые обломки беззвучно падали в какую-то глубину, кухня была по-прежнему белой, сверкающей, как обычно, и только на мгновение показалась ему операционной* (ВНК)).

Белый у О. Ипатовой выполняет различные эмоционально-эстетические функции, порождая то положительные, то отрицательные ассоциации. Так, с одной стороны, в рассказе «Пережат» белый цвет ландышей, которые вместе с весной появляются в серой, унылой больнице, становится символом исцеления, обновления, жизни: *Яростно, с винчиванием задвижек, закрывались окна, но даже в операционной, в стерильном стакане, дозревали темно-зеленые стебельки ландышей с упругими бело-фарфоровыми чашечками цветов, и, изгнанные во время операций, тут же появлялись снова* (П). С другой – этот цвет выступает как знак одиночества, непонимания, несправедливости, которую испытывает маленький Вася в этом мире: *А за окном был тот же непроницаемый белый туман, отчего в палате горела лампочка, и так же ронял капли широкий гибкий куст* (П). И далее: *Была в этом такая же несправедливость, которую остро ощутил Вася по отношению к себе в ту теплую, белую, туманную ночь* (П).

Несомненно, что цвету, как и любому символу, присущи полисемия и амбивалентность, которые связаны с внутренней противоречивостью мира, переходом противоположностей друг в друга. Поэтому один и тот же цвет может символизировать различные, иногда противоположные явления [5, 133].

Белый цвет у О. Ипатовой символичен.

Этот цвет в авторской картине мира становится символом радости, добра, счастливой жизни: *И снова хвалил его перед князем Векша, и жизнь расстилалась перед Алексой белым, радостным полотном* (ЗМХ); *Темные глаза бабы Марыли, в которых светится радость, сразу же застилаются слезами; чистая скатерть, что стремительно взмахивает белыми крылами, вылетая из обитого железом сундука* (УС).

Чаще всего белый цвет является знаком духовности, праведности, очищения, пожертвования: *Долина. Белое поле вокруг... Кориунов не видел. И черного воронья не было. Его душа праведная и чистая* (ВГ).

В соответствии с трактовкой символики белого цвета в народной культуре, где он отождествляется с чистотой, девичеством, святостью [7, 45], в произведениях О. Ипатовой белый цвет выступает и как символ чистого, заключенного по христианским законам брака: *Она улыбалась гостям, и темные глаза ее блестели светом и умом, а белая свадебная вуаль, казалось, сама тащила ее прочь, далеко отсюда* (ВГ).

Белый для О. Ипатовой – цвет мечты, молодости, юношеских надежд, чистоты и честности. Все эти значения совмещает в себе букет белых цветов в рассказе «Девочка с белыми гвоздиками»: *Ему очень хотелось вспомнить ее такой, какой она было тогда, – бегущей к трибуне с букетом белых гвоздик* (ДБГ); *И тогда вдруг он ясно увидел и вспомнил ту девочку, которая бежала к нему через площадь, и словно заново ощутил запах цветов – белых, крупных гвоздик, на которых переливались капли недавнего дождя, спорого и мимолетного, какие бывают летом, перед косовицей* (ДБГ).

Белый становится для О. Ипатовой и цветом родной земли, символом Беларуси: *...подался Алекса домой, где молодой Ярила, праздная начало сева, будет ездить по полям на белом коне и в белой рубашке* (ЗМХ). Это значение наиболее ярко реализуется в таком национальном символе, как белый аист: *И белый аист медленно кружит над рекой, словно высматривает кого или попрощаться хочет* (ЗМХ).

Белый цвет может быть и признаком зрелости, долголетия: *...среди которых стоял белый как лунь немощный старец Данила, родич умершего князя Изяслава* (ЗЖА).

Несмотря на положительные коннотации белого в цветовой картине мира О. Ипатовой, зачастую он становится цветом болезни, печали, скорби, смерти: *Она только сейчас заметила мертвенную бледность на Венином лице, подхватила ее, обняла за плечи, подставила ладонь под вялую струйку воды и смочила Вене лоб* (УС); *...окунув оладью в сметану, осторожно поднес ее к губам матери – белым и неподвижным* (ХЧН); *...она смотрела мимо меня, на раздавленного Домората, чье искривленное, белое, как снег, мертвое лицо отчетливо видно было при свете костра, который пылал посреди поляны и где сидела стража* (ВГ); *Солнце коварное, оно выживает и воду, оставляя соль, земля просаливается, становится белой и жизнь*

покидает ее (ЗМХ). Это позволяет говорить о том, что О. Ипатова не отрывается от корней народной традиции и культуры, где «белый выступает как оппозиция красному, который символизирует жизненное начало, рождение и социальное перерождение» [7, 46], и где «белый цвет можно трактовать как символ печали, горя, смерти, трансформации, перехода в другое положение, в другой план существования, символ дороги из одного мира в другой» [7, 46].

Из сказанного выше понятно, что белый имеет устойчивую ассоциацию со смертью. Иногда он соединяется с темным и вместе с тем несет в себе нейтральность «светлого»: *Ребенок жалобно плакал, и в белой полутьме чужой комнаты этот крохотный сгусток тепла и жизни мгновенно заполнил ее душу* (ОП); *Поэтому тревога, точившая его, ложилась темными тенями на лицо, и он теперь почти так же бледен, как и его жена* (ЗЖА). Та же ассоциация с «затемненным» белым при наложении желтого цвета: *Береза стоит и сейчас на том самом месте, только белая атласная кора ее стала желтой и сморщенной* (Л); *...и с удивлением увидел, как поплыла белизна по желтоватому лицу* (ЗЖА); *Изжелта-бледное лицо, вспотевшие руки и хриплый кашель могли ему говорить о многом* (ЗМХ).

Кроме того, когда белый используется для характеристики глаз героев, он становится знаком эмоциональной неуравновешенности, гнева и даже безумия: *Один из них, приземистый, с черной бородой и разъяренными, почти белыми глазами, остановился около дома* (ЗМХ); *Толкнул – но в тот же миг закричала, забилась в кресле, белыми глазами безумной глядя перед собой, молодая княгиня* (ЧК); *Но люди лезли упрямо, с белыми, безумными глазами, – туда, вверх, к солнцу, к свету* (ЗМХ).

Выводы

В творчестве О. М. Ипатовой лексемы цветового поля *белый* являются важным компонентом системы цветообозначения и выполняют различные функции: изобразительную, аксиологическую, оценочную, экспрессивную, эстетическую, функцию художественной детали и функцию символизации. В тексте этот цвет может получать неожиданную символическую нагрузку, но автор также не отрывается от традиционной этнокультурной символической семантики. В языке писателя это слово обладает широкими сочетательными и изобразительными возможностями.

Литература

1. Большой академический словарь русского языка : в 8 т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований ; редкол.: К. С. Горбачевич (гл. ред.) [и др.]. – М., СПб. : Наука, 2004–2007. – Т. 1. – 2004. – 662 с. ; Т. 5. – 2006. – 694 с. ; Т. 8. – 2007. – 840 с.
2. Словарь современного русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т русского языка ; редкол.: А. П. Евгеньева (гл. ред.) [и др.]. – М. : Русский язык, 1982–1984. – Т. 2. – 1982. – 736 с. ; Т. 4. – 1984. – 792 с.
3. Меньчева, С. И. Цветообозначение в произведениях Е. И. Замятина: семантика, грамматика, функция : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С. И. Меньчева ; Тамбовский гос. ун-т. – Тамбов, 2004. – 24 с.
4. Миронова, Л. Н. Учение о цвете / Л. Н. Миронова. – Минск : Выш. шк., 1993. – 463 с.
5. Слемнева, И. М. Цвет и поэзия / И. М. Слемнева // Вести Института современных знаний. – 2002. – № 3–4. – С. 131–141.
6. Бабіч, Ю. М. Колеравая і светлавая эстэтыка ў мове твораў Якуба Коласа : манагр. / Ю. М. Бабіч. – Віцебск : Выдавецтва УА «ВДУ імя П. М. Машэрава», 2002. – 127 с.
7. Беларуская міфалогія : энцыкл. слоўнік / С. Санько [і інш.] ; склад. І. Клімковіч. – 2-е выд., дап. – Мінск : Беларусь, 2006. – 599 с.
8. Красильникова, Е. В. Еще раз о цвете у И. Анненского / Е. В. Красильникова // Облик слова : сб. ст. [памяти Д. Н. Шмелева] / Рос. акад. наук, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова ; сост. и отв. ред. Л. П. Крысин. – М., 1997. – С. 251–258.

Summary

Structural-semantic and functional peculiarities of usage of color concept «white» in the O. Ipatova's prose are analysed in this article. The author shows the grammatical propotion of this concept in the language in the work of O. Ipatova; exposes parts of word, which mean white colour; investigates comparative units, which are connected with this colour and shows the peculiarities of colour contrast in the prose of the write. Much attention is paid to the symbolization of white colour in Ipatova's novels.

Поступила в редакцию 14.01.09.

УДК 803.0

*Л. В. Пузан***ОСОБЕННОСТИ КОРРЕЛЯЦИИ ГЛАГОЛОВ ИЗЪЯСНИТЕЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ
И ОДНОКОРНЕВЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
(на материале немецкого языка)**

Статья посвящается изучению условий корреляций глаголов изъяснительной семантики и однокорневых абстрактных существительных, при которых они как совпадают, так и не совпадают по значению процессуальности.

Введение

Целью данного исследования является изучение условий корреляции имен и однокорневых глаголов, при которых они как совпадают, так и не совпадают по категориальному значению процессуальности. Объектом исследования послужили глаголы пропозиционального отношения и соотносящиеся с ними словообразовательно имена существительные.

К глаголам пропозиционального отношения относят глаголы речи, чувства, мысли, волеизъявления, требующие пропозитивных дополнений. Некоторые из глаголов допускают конкретные дополнения, которые могут выступать субститутами абстрактных имен, другие безразличны к семантической природе объекта. Абстрактные глаголы противопоставляются глаголам физического (механического) действия, сочетающимся только с предметным дополнением.

По мнению многих лингвистов, между предметным и пропозитивным дополнением существует глубокое различие. Если конкретное дополнение обозначает предмет, который испытывает некоторые изменения в результате осуществленного над ним действия, то пропозитивный объект эксплицирует содержание психического (эмоционального, интеллектуального, волевого) процесса, протекающего в субъекте [1, 128]. Однако традиционно они объединяются в единую синтаксическую категорию. Оправданием служит лишь то, что оба типа дополнений находятся в обязательной смысловой связи с управляющим глаголом: и в том и в другом случае глагол без дополнения семантически не завершен.

Значение дополнения в нормативных грамматиках сформулировано на основе сочетаний глаголов с конкретными именами и перенесено на сочетания с абстрактными, хотя и не может объяснить значение последних, что нельзя признать корректным, так как конкретные и абстрактные имена являются представителями разных субклассов и, следовательно, обладают различными грамматическими характеристиками.

В работах по семантическому синтаксису дополнениям при глаголах пропозиционального отношения приписываются значения цели, причины и изъяснительное [1, 128]. Термин «изъяснительный» (делиберативный) имеет более длительную традицию употребления.

Глаголы пропозиционального отношения реализуют свое значение в изъяснительных конструкциях, эксплицирующих содержание психического процесса. Особенностью семантики этой группы глаголов является то, что при употреблении с придаточным изъяснительным они могут приобретать модальное значение.

И. Балли назвал предложения с изъяснительной придаточной частью «конструкциями эксплицитной модальности», выделив в них модус и диктум [2, 44]. Главная часть предложения (модус) выражает отношение говорящего к сообщаемому в придаточной части (диктуму).

Первичной формой выражения зависимого диктума, по мнению Т. Б. Алисовой, является дополнительное придаточное, существительное в этой функции может появляться как вторичная преобразованная форма придаточного [3, 60, 61].

Н. С. Верниковская считает, что формальным признаком модального подтипа изъяснительных конструкций является отсутствие местоименного коррелята, а семантическим – «большая абстрактность значения глагольной лексемы, имеющей развернутый ряд синонимов» [4, 63].

Т. Б. Алисова утверждает, что если форма существительного или инфинитива в позиции дополнения оказывается первичной или единственно возможной, то модальное значение в глаголе утрачивается. Немодальное употребление глаголов изъяснительной семантики может иметь место и в сложном предложении, если его придаточное синтаксически равноценно именному дополнению и может быть субстантивировано посредством обобщенных предметных местоимений или существительных типа «то, что», «тот факт, что», недопустимых при диктальном придаточном. Поэтому два предложения: «Я знаю, **что** ты думаешь обо мне» и «Я знаю, что ты **думаешь** обо мне» автор относит к разным синтаксическим конструкциям. Первая включает модальный предикат

и диктальное дополнение, вторая – немодальный предикат психического процесса и именное дополнение, уточняющее содержание этого процесса [3, 61, 62].

У Н. С. Верниковской модальному подтипу противостоит объектный, отличающийся от первого тем, что управляемая часть представляет собой или чистую номинализацию (он знает правду), или номинализацию с определением (он знает то, что всем известно). Антецедентом последующего определительного придаточного служит местоимение-коррелят «го» или абстрактное существительное. Семантическая особенность объектного (немодального) подтипа заключается в том, что глагол, который управляет опредмеченным дополнением, приобретает более конкретное значение и, как правило, не имеет синонимов [4, 63].

Если в модальном значении глаголы изъяснительной семантики являются показателем отношения говорящего к содержанию придаточного, то, утрачивая этот компонент, они актуализируют значение того или иного психического процесса. Изменение семантики глагола, то есть утрата им семы модальности, влечет за собой и изменение формы его зависимой части.

Результаты исследования и их обсуждение

Данные теоретические положения применимы и к изъяснительным конструкциям в немецком языке. Наши наблюдения показывают, что далеко не все глаголы со значением речи, мысли, чувства, волеизъявления, общения сочетаются с изъяснительным придаточным или его синтаксическим эквивалентом – номинализацией. Не употребляется в модальном значении большая группа глаголов, управляющая винительным падежом: *kennen, erkennen, schildern, untersuchen, lösen, abhandeln, beschreiben, erörtern, betrachten, beobachten, auffassen*. Значительная часть анализируемых глаголов обладает узкой семантической валентностью и легко номинализируется, образуя сочетания с родительным падежом в объектно-изъяснительном значении. Субстантивные корреляты этой группы глаголов могут совпадать с ними по логико-семантической и семантической валентности данного тематического ряда, сохраняя при этом сему процессуальности: *...die blosse Analyse der Formelemente und die Untersuchung ihrer Verteilung... in der Äusserung gestaltet sich... (W. Sch., 14)*.

Вторую группу образуют глаголы, которые могут употребляться как в модальном, так и в немодальном значениях.

Глаголы в немодальном употреблении управляют предложно – падежной формой имени и относительным придаточным, раскрывающим конкретное содержание соотносительного местоименного слова главной части, т. е. имеют широкую сочетаемость. Формальной особенностью объектно-изъяснительных конструкций с глаголом в немодальном употреблении является наличие в главной ее части коррелятов (*darüber, davon, darauf, daran*): *Studien für die Bücher regten mich immer wieder an, darüber nachzudenken, wie ... (r. s., 518)*.

Часть глаголов анализируемой подгруппы коррелирует с именами, сохраняющими семантико-синтаксические связи и управление однокорневых глаголов (*Information, Orientierung, Interview, Gespräch, Streit, Unterredung, Grübeln, Nachdenken* и др.), например: *Die Information der Bevölkerung durch die Presse über das Gipfeltreffen (Kl.)*, реже с относительным придаточным: *die Offenlegung bester Erfahrungen und das intensive Nachdenken darüber, wie Bestleistungen Dauerleistungen werden können, all das macht ... (ND)*.

Глаголы в модальном употреблении, как правило, не имеют именных коррелятов со значением процесса.

К изъяснительным сочетаниям примыкают сочетания, образуемые глаголами, в семантике которых содержится сема побуждения к действию. Глаголы речевой каузации открывают места для имени лица в значении субъекта, имени лица в значении объекта каузации, а также пропозитивного имени, инфинитива или инфинитивного оборота, реже изъяснительного придаточного, обозначающих каузируемое действие: *ich schlug ihm vor, gleich zu beginnen; er schlug eine Rundfahrt durch die Stadt vor; ich schlage vor, wir gehen zuerst essen, dass wir zuerst essen gehn (Kl.)*.

Имя лица в зависимой позиции независимо от его формы обозначает объект воздействия, поскольку в любой форме имя лица называет субъект каузируемого действия и может быть трансформировано в подлежащее ядерного предложения [5, 64]. Только единичные представители имеют именные корреляты, обладающие тесной семантической связью с глаголом. Однако они утрачивают позицию объекта воздействия, типичную для однокорневых глаголов, а также сочетаемость с инфинитивом, инфинитивной группой и придаточным с изъяснительным значением: *Das Dokument enthalte...einen Artikel über das Verbot neuer Typen von Mittelstreckenwaffen, sagte... (ND); die Genehmigung der Einreise durch die polizei (Kl.)*

Все проанализированные выше существительные характеризуются тесной семантической связью с глаголом, так как сохраняют его валентностные характеристики.

Если синтаксические дериваты глаголов речи, мысли воспроизводят чаще всего объектно-изъяснительные отношения и случаи их употребления в конструкциях изъяснительной модальности чрезвычайно редки, то частотность употребления их семантических дериватов в данном типе конструкций, напротив, велика. Данное наблюдение позволяет предположить, что сема модальности является компонентом их семантической структуры.

Глаголы с модальным компонентом значения управляют дополнительным придаточным с союзом *dass* (часто его бессоюзным вариантом) или их номинализованными трансформами, абстрактными существительными или инфинитивом: *böswillige Zungen behaupten*, er sei ein Vertreter; er **deutete an**, dass er demnächst verreisen werde; die Mutter **glaubte**, das Richtige getroffen zu haben (Kl.).

Дублируя сочетаемость однокорневых глаголов с изъяснительным придаточным, восполняющим недостаточность сказуемого главного предложения, имена сохраняют и их модальный компонент: Selkes Schwarzseherei, seine **Voraussetzung**, dass etwas verdammt Unangenehmes in der Luft liege, erschien mir nicht lächerlich (F.C.W. II, 233).

Мысль, что при номинализации управляющего элемента зависимое от него предложение не превращается в определительное, а сохраняет свой формальный и семантический статус изъяснительного типа (мнение, что..., мысль, что...), находим и у других исследователей [4, 56].

Модальный компонент значения может появляться у существительных, вообще не имеющих глагольных коррелятов, но семантически близких анализируемым именам, например: Ich bin einverstanden mit dem **Wort** des Genossen ..., dass «jedes Jahr ein Jahr des Friedens sein soll» (BZ). Такие вводящие предложения являются эллипсами с опущенным глаголом речи, мысли.

Модальный компонент содержится в семантической структуре исследуемых имен и в том случае, когда они обнаруживают сочетаемость с зависимым именем, обладающим пропозитивным значением, и управляют предлогом *über* или его функциональными синонимами, типичными для делиберативного отношения. Например: Ebenso wurden **Erklärungen** von Regierungspolitikern der BRD über das «Fortbestehen eines deutschen Reiches in den Grenzen von 1937» verurteilt (ND). Ср.: **Erklärungen**, das deutsche Reich solle in den Grenzen von 1937 fortbestehen.

Модальный компонент утрачивается, если анализируемые существительные сочетаются с непропозитивным именем, чистой номинацией, указывающей на тему сообщения: die präzisen **Fragen nach dem Leben der tschechischen Arbeiter**, die kurzen und doch so inhaltvollen **Bemerkungen über die Weltlage** (F.C.W.I, 226).

Сема модальности отсутствует в структуре значения данных имен и в том случае, когда они обнаруживают сочетаемость с относительным придаточным, например: Es war vor allem die Erinnerung, die bei Lissys Worten in ihm wach wurde; **die Erinnerung daran**, wie sie ihn nach der ersten Entlassung immer wieder aufgerüttelt hatte... (F.C.W. III, 202).

Не имеют модального компонента в структуре своего значения и некоторые семантические дериваты процессуальных имен, управляющих родительным падежом типа Meldung, Schilderung, Untersuchung, Beobachtung, Darlegung, Betrachtung, Auffassung, Beobachtung, Erörterung, Abhandlung и др. Вместо родительного падежа при этих существительных появляется предлог *über* или его функциональные синонимы, типичные для делиберативного отношения. Изменение управления маркирует семантический разрыв между процессуальным именем и его семантическим дериватом в первую очередь по семе процессуальности. Ср.: Es steht fest, dass der muttersprachliche Unterricht die **Betrachtung der Form** mit der des Inhalts verbinden muss (W. Schr.) и Weiter gab es auf jenen ersten Tagebuchseiten ein lustiges Maturagedicht und eine Reihe wirrer **Betrachtungen über** Gott und die Welt und Lidka (F.C.W. II, 13).

Изъяснительные сочетания образуют и существительные, коррелирующие с каузативными глаголами речи: Vorschlag, Aufforderung, Aufruf, Appell, Mahnung, Rat, Anweisung, Verordnung, Befehl, Bitte, Einladung, Lehre, Auftrag, Vorschrift, Verpflichtung и др. Эти имена открывают позицию для инфинитива или инфинитивной группы: Unsere Einladung, aus einer Ecke hervorzukommen, lehnte er mit einem kläglichen Gebrüll ab (F.C.W. II, 256), а также позицию для абстрактного существительного с предлогом *zu*. Например: Dazwischen ein paar **Mahnungen zur Besinnung**: «Kameraden, Ruhe» (F.C.W. I, 359); So unterzeichnete der Gouverneur der nordjapanischen Insel Hokkaido... den internationalen **Appell** von Herosima und Nagasaki **zum Verbot** aller Kernwaffen (ND).

Ряд существительных, однокорневые глаголы которых открывают место для абстрактного имени в винительном падеже, управляют по аналогии предлогом *zu* или его синонимом *über*, характерным для выражения делиберативного отношения. Ср.: Unter diesen Umständen wirkte der **Befehl zur** sofortigen Rückfahrt nach Prag geradezu erlösend (F.C.W. II, 137) и Stunden über Stunden klapperten wir dann die Gassen eines ausgedehnten Vorortes ab, um dem **Befehl der Kommandatur über** die allgemeine Trauerbeflaggung den nötigen Nachdruck zu geben (F.C.W. II, 151).

Таким образом, инфинитив, инфинитивные группы и именные группы с предлогами имеют в приведенных выше конструкциях изъяснительное значение, поскольку эти зависимые формы взаимозаменяемы. Ср.: der Befehl zum sofortigen Abmarsch; dass sofort abmarschiert wird; sofort abzumarschieren (S. Schr.).

Кроме этого большая часть существительных данной группы сохраняет также сочетаемость однокорневых глаголов с изъяснительным придаточным: die **Verfügung**, dass die Gehälter erhöht werden; die **Forderung**, die **Betrachtung** der Sprache müsse; Bertolds Brechts **Mahnung** «Du musst...».

При любой форме выражения изъяснительного отношения исследуемые имена сохраняют модальный компонент значения.

Сочетаемость с зависимым именем, имеющим делиберативное отношение, характерна и для имен существительных, не имеющих глагольных коррелятов и называющих продукт речемыслительной деятельности: Wort, Worte, Redensart, These Dogme, Doktrin, Exkurs, Theorie, Traktat, Hymne, Ballade и др.: Diese naiven **Hymnen** auf den Dienst, auf die erste Fahrt ins Etappengebiet – wie fremd lassen sie uns heute (F.C.W. I, 64); «Die **Ballade** vom Traum in der Stadtbahn», mein neuestes poetisches Opus (F.C.W. I, 91).

Наличие позиции делиберативного объекта при существительных, не имеющих глагольных коррелятов, свидетельствует о том, что это отношение не является специфически глагольным.

Выводы

Использованный в работе метод сопоставительного изучения валентности глаголов и их синтаксических дериватов, синтаксических дериватов и их семантических дериватов позволил описать семантику и синтаксис абстрактных существительных, словообразовательно связанных с глаголами изъяснительной семантики, а также определить условия, при которых происходит семантический разрыв имени и глагола по семе процессуальности.

Утрата семы процессуальности семантическими дериватами процессуальных имен сопровождается иногда утратой других категориальных сем (каузативности, изъяснительной модальности и др.).

Проанализированные в данной работе существительные конституируют группу имен со значением результата речи, мысли. Их семантический разрыв с процессуальными коррелятами (глаголом и именем, в случае наличия последнего) маркируются изменением логико-семантической валентности имени, как правило, сопровождающимся разрушением семантического согласования в глагольном сочетании и / или изменением формы управления.

Проведенное исследование имеет определенное значение для лексикографической практики, поскольку словари не всегда разграничивают процессуальное и непроцессуальное значения имен, а в связи с этим в них отсутствует сочетаемость, свойственная именам в этих значениях.

Источники материала и сокращения к ним

Kl. – Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache : Bd. 1–6 / Hrsg. von R. Klappenbach und W. Steinitz. – Berlin; Akademie Verlag, 1970 – 1978. – 6 Bd. – S. 4013–4579.

W. Sch. – Schmidt, W. Grundfragen der deutschen Grammatik / W. Schmidt. – Berlin : Volk und Wissen, 1976. – 323 s.

F. C. W. I – Weiskopf, F. C. W. Inmitten des Stroms / F. C. W. Weiskopf. – Berlin : Dietz Verlag, 1956. – 464 s.

F. C. W. II – Weiskopf, F. C. W. Himmelfahrtskommando / F. C. W. Weiskopf. – Berlin : Ditz Verlag, 1960. – 394 s.

F. C. W. III – Weiskopf, F. C. W. Lissy / F. C. W. Weiskopf. – Berlin : Ditz Verlag, 1961. – 278 s.

R.S. – Seydewitz, R. Alle Menschen haben Träume / R. Seydewitz. – Berlin : Buchverlag Der Morgen. – 550 s.

ND – Neues Deutschland

BZ – Berliner Zeitung

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 383 с.

2. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.

3. Алисова, Т. Б. Дополнительные отношения модуса и диктума / Т. Б. Алисова // Вопр. языкознания. – 1971. – № 1. – С. 54–56.

4. Верниковская, Н. С. Изъяснительные конструкции аспекты их изучения / Н. С. Верниковская // Вест. МГУ. – 1975. – № 5. – С. 55–56.

5. Родичева, Е. Е. Объектное отношение в синтаксисе современного немецкого языка / Е. Е. Родичева. – Минск : МГЛУ, 1994. – 87 с.

Summary

The method of comparative study of valance of the verbs and of abstract nouns morphologically connected with them gave the opportunity to describe semantic and syntactical properties of the nouns morphologically connected with the propositive verbs and to determine the conditions under which the noun would lose the component of process in its meaning.

Поступила в редакцию 08.01.09.

УДК 811.161.3'37

*Н. Л. Соболевская***СЕМАНТИКА РЕЧЕВЫХ АКТОВ ВАСИЛЯ И ГАННЫ
(по роману И. Мележа «Люди на болоте»)**

В статье с точки зрения гендерных оппозиций рассматриваются типы речевых актов в романе И. Мележа «Люди на болоте». Характеризуются наиболее распространенные речевые акты, которые дифференцируются с точки зрения их авторства (принадлежности Василию или Ганне). Все теоретические положения подкрепляются иллюстрациями из романа И. Мележа.

Введение

Гендерный аспект в коммуникации представляет значительный интерес, так как даёт возможность рассмотреть способы языкового конструирования мужского и женского типов речи. Поэтому в изучении гендера актуальны те вербальные средства общения, в которых отражена природная сущность мужчин и женщин. Во многих случаях гендерные оппозиции выявляются в речевом поведении, которое формально реализуется на уровне речевых актов. В лингвистике речевой акт понимается как способ осуществления целенаправленных действий с помощью языковых средств в процессе речепроизводства и как минимальная коммуникативно-прагматическая единица, противостоящая системно-структурным единицам. Так, Дж. Остин пишет: «...производство высказывания является осуществлением действия. Речевой акт заключается в произнесении говорящим высказывания, прежде всего предложения, адресованного слушающему с определенной целью, с той или иной иллокутивной силой в определенной обстановке» [1, 22]. Аксиологическое начало в речевых актах проявляется в их ориентации на воздействие, и поэтому сам выбор средств обозначения можно интерпретировать как речевой поступок, характеризующий того, кто этот поступок совершает (по его личностным, межличностным и социальным аспектам). На основе речевых актов строятся новые классификации, большинство из которых основывается на анализе семантики глагольных предикатов, которые группируются в более или менее обширные классы, соответствующие определенному типу иллокутивной силы [2, 6]. К примеру, П. Ф. Стросон выделяет конституированные и неконституированные речевые акты, степень результативности которых зависит от того, насколько выполнение намерения говорящего определяется общим законоуложением. Это, например, речевые акты объявления, приговора, бракосочетания [3, 131]. В зависимости от строения Т. А. ван Дейк разделяет речевые акты на простые (микроарты), составные и сложные (макроарты) [4, 36]. Простые речевые акты реализуются в одном высказывании, для выражения составных речевых актов требуется помимо основного речевого акта вспомогательный речевой акт. Сложные речевые акты осуществляются на уровне текста.

Основным признаком различного рода речевых актов является их динамичность, экспрессивность, которую называют движущей силой развития языка [2, 41]. В таких актах широко употребляются слова, выражающие различные аспекты широкой коннотативной палитры, как правило, отрицательной (это слова, содержащие в самой смысловой структуре слова отрицательную коннотацию, а также слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами и производными метафорическими значениями). И. В. Арнольд считает, что «с точки зрения экспрессивности следует различать лексику эмоционально-нейтральную, т. е. выражающую только понятие, без указания отношения к нему говорящего, лексику эмоционально окрашенную, выражающую чувства, настроения и отношение говорящего к высказыванию» [5, 92]. Рассматриваемая на абстрактном уровне сема «эмоциональная оценка» представляет собой семантический инвариант, который выступает в двух антонимических вариантах: положительном (мелиоративном) и отрицательном (пейоративном).

Результаты исследования и их обсуждение

Среди большого разнообразия речевых актов у И. Мележа наиболее представлены диалоги, являющиеся основной формой разговорной функционально-стилистической разновидности общенародного языка. Ведь именно в диалогической речи выявляется непрерывное взаимное общение членов определенного коллектива людей. Смысловая палитра таких диалогов может колебаться от восхваления и возвышения до грубости и низости, от благодарности и одобрения до подлости и предательства, от ласкательности до пренебрежения и отвращения. Наиболее рельефно на фоне всех типов речевых актов у И. Мележа выделяются речевые акты негативной реакции, которым принадлежит важная роль в создании коммуникативного взаимодействия. Они выражают отрицательное отношение к каким-либо действиям, высказываниям собеседника или самим собеседникам в виде злобы, агрессии, оскорбления, недовольства, насмешки, сарказма. Чаще всего такие структуры представлены в виде инвективов – гневных, агрессивных выступлений против кого-либо, чего-либо. В речи Ганны инвективность часто усиливается за счет включения в состав высказывания коннотативно сниженных и бранных слов: *Дурань!!!* (Ганна да Васіля); – *Куды ты такую! Дурны, і дурны ж ты!* (Ганна да Хведзькі); – *Любіць, дурная! За што толькі, даўмець не магу?* (Ганна да Яўхіма); *Бражня, кажэ.* (Ганна да мачыхі); – *Не хадзіце вы!.. Я пайду пашукаю! Шчэ, чаго добраго, яны тырчаць дзе-небудзь, хэра етая!* (Ганна да цеткі Алены).

Речь Ганы пестрит коннотативными номинациями, связанными с метафорическими преобразованиями зоонимов. Зооморфизмы, образованные от зоонимов, характеризуется яркой пейоративной направленностью и создают предпосылки различного рода insultаций, содержащих гнев, враждебность, надругательство. Сравн.: – *Хітры, тхор!* – сказала Ганна, адчуваючы, што мачыха, напэўна, не памыляецца ў здагадках пра старога Глушака. (Ганна да мачыхі); – *Ну, то бачыла. Стары сам, як грак, сядзеў з пугай!.. І што – будзе ён бегаць, жарабец той.* (Ганна да Васіля); – *Адудзі, чорт сліявы!..* (Ганна да бандзітаў). В отдельных случаях наблюдается нанизывание зооморфизмов, что способствует созданию метафорического отрицательного образа, в котором внимание акцентируется на разных проявлениях семы враждебности. Причем сами зооморфизмы усиливают свою пейоративную оценку за счет употребления в контекстном окружении прилагательных *паганы, дурны*: *Рукі ледзь не папераломваў, кныр паганы!.. Засляпіў вочы і лезе, жарабец дурны!..* (Ганна да Яўхіма).

В речи Василя, как и других жителей полесской деревни, часто чувствуется раздражение, неудовлетворение вследствие собственной неудачи, а также примесь злости на обстоятельства, которые помешали достижению задуманного: – *Супоня... з-зараза...* (Васіль да дзядзькі Цімоха); – *Не дадуць яны перамераць! Гіды такія!..* (Васіль да Ганны); *Ён скрывіўся крыўдай і, заўважыла яна, з гідлівацю. – Багацейка! Карчыха!..* (Васіль да Ганны). Нередко герой как бы оправдывается перед Ганной и самим собой, выражая распространенную в полесской глуши мысль о силе власти и богатства: – *Канешне. Дурны. Усе бедныя дурныя. Корч – разумны!* (Васіль да Ганны); – *Багацей!* – *Але не вытрываў, сказаў горача, як мару: – Што б мне – у тым ражску, што за цагельняй! Я б паказаў!* (Васіль да Ганны).

Особое место в коммуникативных актах занимает дехортация – предостережение, совет, наставление, просьба не совершать чего-либо. Такие акты во многих случаях носят афористический характер и являются преобразованиями известных пословиц и поговорок. По форме они могут быть как довольно краткими, так и распространенными, сравн.: – *Не радуйся чужой бядзе!..* (Ганна да Яўхіма); – *У чужое просо не ўтыкай носа!..*; (Васіль да Ганны); – *Чаго не ясі, таго ў рот не нясі!* (Ганна да Яўхіма); – *Ты не рэчка, а я не алешына. Помні – хоць і жонка я, не сваёй воляй жыць павінна б, а толькі – штоб па-добраму са мной!* (Ганна да Яўхіма).

В речи главной героини встречаются апофегмы – краткие и меткие изречения нравоучительного характера: – *Садзіся. Нядобра без гарачаго!..* (Да Васіля); – *Глядзіце ж, жыўціце добра, дружненько!..* (Да Валодзькі). В речи Василя также встречаются нравоучительные нотки: – *А таго... Лепей буць ваўкаватым, як авечкаю... Кеб не кусало ўсякае...* (Да Мітрыхфана).

В речи персонажей романа употребляются аффирмационные акты, содержащие категорическое утверждение чего-либо, уверенность в чем-либо. В речи Ганны аффирмации встречаются чаще, чем в речи Василия. Но, несмотря на свою уверенность, Ганна испытывает эмоции, выражающие беспомощность и уязвимость: – *Не хочу тут аставацца! Дадому хочу!* (Да мачыхі); – *Дак яна ж у сто разоў лепей за цябе!* (Да Яўхіма); – *Не буду я тут! Не хочу! – не слухала жаночых угавораў Ганна, – Дадому пайду! Дадому!.. Пусціце! Дадому!.. Дадому!* (Да Яўхіма). – *Не буду! – цвёрда сказала яна.* (Да Яўхіма).

Многие речевые акты наполнены апосиопезой – внезапным обрывом высказывания, остановкой речи, нарушением ее синтаксического построения вследствие переживаний, наплыва каких-либо чувств, воспоминаний. Несмотря на то что женщины более эмоциональны, чем мужчины, апосиопезой насыщена как речь Ганны, так и речь Василия. Ганна, переживая за Василия, находится в состоянии иступления, которое характеризуется как крайняя степень возбуждения с потерей самообладания, обнаруживаемая в этом случае как состояние бессильного гнева: – *Нікуды. На вуліцу, пагляджу...* (Да мачыхі); – *Яны нешто пра дзядзьку Ахрэма пыталіся... Дак Васіля, мабуць, і пагналі, каб паказаў...* (Да цёткі Алены); – *Ну, хай ужэ! Пайду, калі вам так страшно...* (Да мачыхі); – *Мне страшно...* (Да Васіля); – *Я... не знаю, як і што патам было...* (Да Шабеты). В речи Василия апосиопезы свидетельствуют о состоянии печали, душевной горечи персонажа, утрате им непосредственного психологического контакта с дорогим человеком (Ганной): *І – Ты ёй перадай – што кланяюся...* (Да маці); – *А... адпускаюць...* (Да маці); *Хіба скажуць...* (Да маці). *Лепей не лепей. Другія бачылі, казалі...* (Да Ганны).

Апосиопезы чаще всего представляют неполные предложения, обращенные к Ганне: – *Рукі якія ў цябе... – здзіўляецца Васіль;* – *Малыя. А дужыя...;* – *Аге, ухопіш за імі...;* – *Шчэ трохі...;* – *Не буў там... Жывы, мабуць...* При осознании незаслуженного унижения, как, например, в случае оскорбления или обмана человека, неоправданных обвинений и упреков в его адрес, Василь немногословен. Адресатами его речи являются также мужчины. Сами же речевые акты по форме напоминают реплики, содержащие какие-либо ответы, пояснения, уточнения, возражения, возгласы на слова собеседника: – *З Куранёў...* (Да незнаёмага ў турме); – *Ат...* (Да незнаёмага ў турме); – *Я...* (Да Косціка Хвашча); – *Не павераць...* (Да Косціка Хвашча); – *Няма...* (Да Шабеты); – *Асялок...* (Да Шабеты); – *Чаго ж... Знаеце ўжэ...* (Да Шабеты); – *Амаль што...* (Да Шабеты); – *Ат... – паморичыўся Васіль. – Няма нічога...* (Да Грыбка Ахрэма); – *Ат, пустое...* (Да Грыбка Ахрэма).

Одним из часто встречающихся в речи Ганны речевых актов является палимфраз – выражение, в котором много раз повторяется одно и то же слово или словосочетание. Палимфразы позволяют концентрировать внимание на тех или иных действиях, событиях, фактах, актуальных в данной ситуации для героини романа. Произносятся они в состоянии душевного волнения, наплыва эмоций: – *Дзеўка-то дзеўка. Ды і куры, кажучь, не ўсе рабыя. Не адзінакія... Не адзінакія, можа, і дзеўкі?.. Не ўсе ж, мабуць, як... Хадоська?! (Да Яўхіма); – Што? Скажу!.. – Яна цвёрда зірнула яму ў вочы. – Адно – дабрата! Па-добраму кеб. (Да Яўхіма); – Павялі яго з сабою. Мяне прагналі, а яго павялі... (Да цёткі Алены). Ганна вынуждена оправдываться перед Хадоськой и перед мачехой: – *Ну, чаго, чаго ты! Не было ж нічога... Ей-богу, не было...* (Да Хадоські); – *Вы ўсё наперад знаеце! І ўсе вы знаеце!* – сказала Ганна з пагардай. (Да мачыхі).*

Особое место в процессе коммуникации занимают интеррогативы, содержащие вопрос, запрос какой-либо информации. Все они характеризуются предельно короткими структурами, включающими от двух до пяти слов: *Аб чым ёта яна? – не зразумела Ганна.* (Да Хадоські); – *Цётка Алена, то вы?* (Да цёткі Алены); – *Нямачная, можа, картопля?..* (Да Васіля); – *Ты мяне любіш?* (Да Васіля); – *Што там... з Ахрэмам?* (Да Васіля); – *Хто – другія? Хто – бачыў?! (Да Васіля); – Дак, можа, ужэ і не прыйдзе?* (Да Васіля); – *Як там Гуз? Не кульгае?* (Да маці); – *Жыто – немалочанае?* (Да маці); – *Стары – дужы, кеўляе, значыцца?..* (Да маці); – *Валодзька не дурэе?* (Да маці); – *Гадаваць сабе будзе?* (Да маці); – *Як яна, вясёлая?* (Да маці).

В речи Ганны можно наблюдать диатрибу – резкую, обличительную речь, в ряде случаев содержащую придирику и нападки личного характера. Диатрибы, как правило, адресованы Евхиму и Василию: – *Палахлівы ж ты, аказваецца!* (Ганна да Яўхіма); – *Ідзі!.. Не брашы! – пачуў Васіль*

яє адказ. Ганна раптам засмялася. (Ганна да Яўхіма); – Ей-богу... Так з выгляду – галава, не качан... а розуму – як у дзіцяці... (Ганна да Яўхіма); – Я этаго табе не забуду! Прыпомню калі-небудзь! (Ганна да Васіля); – Захацелася, дак пашукай кабылу, а ка мне не лезь!.. (Ганна да Яўхіма); – Дак і ідзі да етых, да лепшых! Чаго ж лезеш? (Ганна да Яўхіма).

Речь Ганны и Василя часто напоминает репрезентативы, в которых описывается определенное положение дел, содержится представление о ком-либо, дается его краткая характеристика. Высказывания Василя направлены на возделывание земли, погодные условия, бытовую неустроенность: – Зямля... Пясок адзін... (Да Грыбка Ахрэма); – Пагода навінна буць!.. (Да Ганны); – У хаце – холодно, цесно. Сцены пагнілі нашчэнт... Не хата, а просто дамавіна... (Да Ганны). Ганну волнуют природные и погодные условия: – Яно і відно: пеўні скоро заспяваюць! (Да Васіля); – Развідняе ўжэ. (Да Васіля); – Іх тут мало. Усяго чалавек пяць... (Да Бацькі); – Вераб'і насядалі на жыто, кеб на іх немач! Пужаць не було каму! (Да Яўхіма); – Капуэта ўраділа! – сказала здзіўлена Ганна. (Да Яўхіма). Частыми являются речевые акты, в которых Ганна (как женщина) успокаивает Василя: – Ты не сердзіся, – Яна пашкадавала. – Як што за язык цягне мяне – кеб цябе зачациць! Але ты не сердзіся! Я – не ад зла на цябе... В ряде случаев она восхищается его внешним обликом, телосложением, красотой глаз: – А што вочы такія ў цябе – дак мне ето, папраўдзе, даспадобы! Такіх ні ў кога няма болей. І сам ты – харошы, толькі што маўклівы, унурысты. Усё адно як грэбуеш дзеўкамі ці баішся! Так как женщины проявляют больший интерес к одежде, чем мужчины, для Ганны актуальна и эта тема: – Чаравікі добрыя, лепшых і не трэба. – Ганна кінула позірк на бацьку. (Да мачыхі).

Выводы

Таким образом, речевые акты с точки зрения их смысловой наполненности распределяются по двум группам: с положительной и отрицательной коннотацией. Все они в идиостиле И. Мележа получают специфическое семантическое и структурное выявление. Большая роль при выявлении коннотативности принадлежит лексическим средствам, включенным в речевой акт (употребление бранных слов, зооморфизмов, метафор, образно-выразительных средств, повторов и др.). Формирование высказывания зависит от характера взаимодействия партнеров по коммуникации: их коммуникативных ролей и интересов, личностных характеристик, межличностных отношений, а также темы, предмета разговора и речевой ситуации в целом.

Літэратура

1. Остин, Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике / под ред. Б. Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 17: Теория речевых актов / пер. с англ. А. А. Медникова. – С. 22–129.
2. Арутюнова, Н. Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике / под ред. Е. В. Падучевой. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – С. 3–43.
3. Стросон, П. Ф. Намерение и конвенция в речевых актах / П. Ф. Стросон // Новое в зарубежной лингвистике / под ред. Б. Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 17: Теория речевых актов / пер. с англ. И. Г. Сабуровой. – С. 131–151.
4. Van Dijk, T. A. Some Aspects of Text Grammars / T. A. van Dijk. – The Hague, Paris: Mouton, 1972. – 311 p.
5. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка / И. В. Арнольд. – М.: Высш. шк., 1973. – 142 с.

Summary

Tyres of linguistic acts from the point of view of gender opposition in I. Melezh's novel «People on a bog» are considered in this article.

Widespread linguistic acts which are differentiated from the point of view of their authorship (characteristic Wasilju or Hannah) are characterized by the author. All theoretical positions are supported with illustrations from I. Melezha's novel.

Поступила в редакцию 18.11.08.

УДК 808.26–313.1(043.3)

В. В. Шур**ОНИМЫ ЯК АЛЮЗИЙНЫ КАМΠΑНАЕНТ МАСТАЦКАГА ТЭКСТУ**

Як мастацкі прыём і стылістычны сродак у творах Я. Коласа, Я. Купалы, М. Лынькова і іншых беларускіх пісьменнікаў у артыкуле даследуюцца анамастычныя алюзіі, выяўляюцца адметнасці іх выкарыстання ў стварэнні мастацкіх вобразаў.

Уводзіны

Алюзія (ад лац. *allusio* – жарт, намёк) як мастацкі прыём нярэдка ўжываецца ў літаратуры. Яна выкарыстоўваецца для стварэння пэўнага культурна-гістарычнага каларыту шляхам суаднесення з’явы, факта рэчаіснасці, якія апісваюцца ў творы, з вядомым чытачу тапонімам, антрапонімам, хранонімам, айконімам, астронімам, гідронімам, заонімам, тэонімам, урбанонімам альбо прэцэдэнтам (знакавай) сітуацыяй. Класіфікуючы анамастычныя алюзіі, даследчыкі выдзяляюць іх наступныя віды: айканімічныя, антрапанімічныя, гідранімічныя, заанімічныя, тэанімічныя, урбананімічныя, хрананімічныя і інш. [1, 55]. Пад прэцэдэнтным тэкстам разумеецца першасны тэкст, тая семіятычная прастора, з якой запазычаны алюзіійны элемент, у нашым выпадку онім. Фактычна любы тэкст успрымае на сабе ўздзеянне (іншых прэцэдэнтных тэкстаў), чым пацвярджаецца вядомы тэзіс М. Бахціна аб так званай «дывалягічнасці», уласцівай любому новаму тэксту, асабліва напісанаму пісьменнікамі, якія працуюць у блізкіх, роднасных жанрах. У новым творы ўжываннем ужо вядомага оніма спрашчаецца знаёмства з задуманым мастаком літаратурным персанажам, аб’ектам, які будзе ў цэнтры ўвагі чытача. Прыём літаратурнай алюзіі, калі ў якасці новых онімаў выкарыстоўваюцца імёны і прозвішчы, тапонімы з раней апублікаваных твораў або онімы вядомых у агульным асоб, – адзін з эфектыўных у сучаснай беларускай літаратуры. У мовазнаўстве алюзію разглядаюць таксама і як стылістычны прыём, які можна кваліфікаваць як семіятычна складаны аб’ект, «як знак, што мае план выражэння і зместу». Алюзіійная адзінка атрымлівае актуалізацыю ў тэксце: па-за тэкстам існуе прэцэдэнтнае імя, якое ўяўляе сабой спасылку, прадмет для складання слоўнікавага артыкула [2, 7]. Такім чынам, алюзіійны онім мае выразна акрэсленую семантычную напоўненасць, якая паўтараецца і актуалізуецца ў новым творы. Пераважна на алюзіях па задуме пісьменнікаў ствараюцца шматлікія мянушкі, надзвычай насычанымі імі з’яўляюцца таксама пародыі, якія звычайна ўяўляюць інтэртэкст (тэкст, які матывуецца іншым, раней створаным тэкстам – *В. III*), дзе пісьменнік шырока ўжывае самыя разнастайныя цытаты і ўкрапленні з прэцэдэнтнага парадыраванага тэксту. А ў якасці алюзіійных элементаў найчасцей выкарыстоўваюцца:

а) онімы літаратурных персанажаў з папярэдніх твораў пісьменніка ці іншых пісьменнікаў, або фальклорных твораў;

б) ключавыя словы, у тым ліку і онімы, калі яны ў новым (вертыкальным – *В. III*) кантэксце выконваюць такую ж тэкстаўтваральную функцыю;

в) цытаты (даслоўныя і трансфармаваныя) з папярэдняга тэксту і інш.;

г) словы-сімвалы.

Алюзіійнасць кантэксту, як вядома, грунтуецца на міжтэкставай кампетэнцыі чытача: у яго памяці захоўваюцца фрагменты з твораў, прачытаных раней, а «эфектыўнасць супастаўлення ўсіх рэлевантных, у тым ліку і экстралінгвістычных значэнняў, залежыць ад агульнай і літаратурна-лінгвістычнай эрудыцыі чытача, ад яго ўмення знайсці патрэбную інфармацыю». Пры адсутнасці пазнавання «другога голасу» алюзіійнасць (намёк, жарт і інш.) можа аказацца незразумелай або зразумелай толькі часткова, павярхоўна [3, 65]. А ідэйная вартасць онімаў-алюзіій для ўсяго твора праяўляецца перш за ўсё ў тым, што іх сэнс, як звярнуў на гэта ўвагу А. Рогалеў, раскрываецца не пры аналізе сюжэтных ліній, учынкаў і рэплік персанажаў, а пры суаднесці канкрэтнага вобраза і яго імя з вобразамі і імёнамі іншых твораў, а таксама з улікам мастацкай канцэпцыі, абумоўленай ідэйна-эстэтычнымі перакананнямі пісьменніка [4, 71].

Алюзіійнае выкарыстанне онімаў у тэкстаўтварэнні, актыўнае ўздзеянне іх на ўяўленне, эмоцыі, падсвядомасць чытача пры дапамозе самых розных анамастычных, тэматычных, вобразных, гукавых асацыяцый уяўляе сабой спецыфічны тып мастацкай семантыкі слова, які ў наш час набывае павышаную ўвагу і паглыбленае вывучэнне.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

Самай тыповай алюзіяй у анамастыцы з'яўляецца перанясенне імёнаў з раней апублікаваных твораў у новыя: вяртанне да аднайменнай, вядомай ужо чытачу анамастычнай намінацыі пры абмалёўцы новых літаратурных тыпаў, характараў спрашчае аўтару задачу ў лаканічнай характарыстыцы новага літаратурнага героя. Арыгінальнасць гэтага прыёма і ў тым, што новы персанаж з ужо вядомым і звыклым для чытача імем як бы становіцца пераемнікам лепшых (горшых) якасцей свайго папярэдніка, асабліва гэта выразна і наглядна праўляецца тады, калі пісьменнік «селиць» новы персанаж у падобныя нечым абставіны. Фактычна літаратурнай алюзіяй можа быць любы онім, які быў выкарыстаны ў мастацкім тэксце і з'яўляецца цытатай з рэальнага анамастыкону. Параўн., напрыклад, імёны, якія народжанаму даваліся ў царкве з улікам датаў царкоўнага календара тыпу *Пятро, Васіль, Іван* і інш., у якіх фактычна ўтрымліваецца намёк на вядомых з царкоўнага календара хрысціянскіх святых, антычных персанажаў: народжаны сын па задуме бацькоў нібыта павінен быць паслядоўнікам, пераемнікам добрых спраў біблейскіх *Пятра, Івана* і г. д.

Так, у даваеннай дзіцячай літаратуры імя *Міколка* з аповесці М. Лынькова «Міколка-паравоз» стала сімвалам рамантычнага гераізму, услаўленнем лепшых якасцей маладога пакалення. *Міколка* і цяпер любімы герой беларускай дзетвары. У апавяданні «*Васількі*», прысвечаным падзеям Вялікай Айчыннай вайны, галоўны персанаж таксама надзелены імем *Міколка* і, як заўважана даследчыкамі творчасці М. Лынькова, па задуме пісьменніка нагадвае свайго слаўнага папярэдніка – *Міколку-паравоза*. Што гэта так, сведчаць наступныя абагульненні: пісьменніка М. Лынькова да глыбіні душы ўразіў рэальны ўчынак – подзвіг хлопчыка *Сашы* са *Жлобіна*, які за здзекі з родных, ахвяруючы сабою, узарваў штабны аўтобус з фашыстамі. Пісьменнік, аб'ядноўваючы гераічнае мінулае і сучаснае, надзяляе новы персанаж вядомым і гераічным імем – *Міколка* – і пераконвае, што вайна з фашызмам больш жорсткая і крывава, чым усе папярэднія; М. Лынькоў дакладнымі штрыхамі – традыцыйнымі словамі (у тым ліку і ўласнымі імёнамі – *В. Ш.*) змог паказаць чытачу глыбіню і высакароднасць дзіцячай душы *Міколкі*, у якую так нечакана ўвайшлі бязмежная любоў да родных і блізкіх і такая ж вялікая па сіле нянавісць да ворагаў [5, 24]. Такім чынам, Міхась Лынькоў, улічваючы значны асацыятыўны патэнцыял у мастацкай літаратуры імя *Мікола*, праз алюзію са свайго папярэдняга твора (аповесці 30-х гадоў «*Міколка-паравоз*»), што быў асабліва прыхільна ўспрыняты чытачом, палічыў мэтазгодным у мастацкіх мэтах змяніць рэальнае імя жлобінскага хлопчыка *Сашы*, які помсціў фашыстам за смерць мамы і сястры, і ў новым творы шляхам выразнага мастацкага намёку ў апавяданні «*Васількі*», назва якога, дарэчы, таксама ўяўляе мастацкі намёк, стварыў трагічна-гераічны вобраз юнага змагаючага з фашызмам, які стаў сімвалам соцень, тысяч беларускіх хлопчыкаў-падлеткаў, што трагічна загінулі ў гады Вялікай Айчыннай вайны.

Магчыма, што М. Лынькоў улічваў і тое, што імёны *Мікола, Міколка* асабліва ўжывальныя на Беларусі, яны часта ў прадстаўнікоў асноўных беларускіх рэлігійных канфесій, як сярод праваслаўных, так і каталікоў. А святы *Мікалай* у хрысціян – апякун, заступнік, абаронца дзяцей. У творах мастацкай літаратуры, напрыклад, у Я. Коласа імя *Мікола* таксама даволі часта: замацавана за 30 літаратурнымі персанажамі [6, 389]. Апрача таго, этымалагічны сэнс гэтага оніма (*Мікола, Мікалай*) узыходзіць да выразу «той, хто перамагае». І сапраўды, *Міколы, Міколкі* ў творах М. Лынькова перамагаюць маральна ці непасрэдна ў тых сітуацыях, у якія па дынаміцы сюжэту іх «пасяляе» пісьменнік. Гэта імя таксама частае ў творах беларускага фальклору, напрыклад, у прыказках, дзе такія онімы становяцца носьбітамі нацыянальна-культурнага кампанента значэння слова, дапамагаючы выявіць нацыянальны характар беларусаў, іх пэўныя этнасіхалагічныя характарыстыкі, што і пацвярджаецца апісаннямі ўчынкаў абодвух *Міколкаў* з твораў М. Лынькова.

Такім чынам, гэты алюзічны антрапонім у мастацкім тэксце з'яўляецца субліміраваным знакам, які, апрача назывной функцыі, валодае імпліцытнай інфармацыяй, асацыятыўна звязанай з папярэднім твораў гэтага пісьменніка (аповесцю «*Міколка-паравоз*»), а таксама з культурна-гістарычным вопытам чытача і аўтара твора. Гэты алюзічны антрапонім уяўляецца таксама інварыянтам культуры, які добра знаёмы не толькі пісьменніку, а і чытачу, які аднолькавым чынам актуалізуецца ў іх уяўленні, свядомасці.

У творах Якуба Коласа самыя разнастайныя алюзіі дасведчаны чытач можа выявіць праз загалюкі асобных твораў, сістэму ўласных імёнаў і прозвішчаў літаратурных персанажаў і адпаведных ім імёнаў прататыпаў, асобныя тапанімічныя назвы, якія аўтар часткова

трансфармаваў дзеля спецыяльных мастацка-эстэтычных задач, праз назвы асобных раздзелаў яго твораў, цытаты з твораў класічнай літаратуры і асобных фальклорных твораў і інш. Складаныя алюзійныя сувязі ў асобных выпадках можна выявіць і на творах іншых пісьменнікаў, якія ўспрынялі ў сваёй творчасці ўздзеянне мастацкага таленту Якуба Коласа.

Алюзійна значымым з’яўляецца заглавак трылогіі «*На ростанях*», які сугучны фразеалагізму *на ростанях* – пра стан сумненняў, хістанняў, нерашучасці перад выбарам чаго-небудзь, якім Якуб Колас назваў свой самы значны празаічны твор. І гэта назва сапраўды цесна звязана з галоўным вобразам трылогіі, з яе тэмай, з адлюстраваннем тых складаных шляхоў, якімі ішла народная інтэлігенцыя ў пошуках праўды і сэнсу жыцця. Пра гэта ж пісаў і сам пісьменнік у артыкуле «Роднаму краю і народу»: «Зараз я прадаўжаю працаваць над аповесцю «*На ростанях*». Гэта працяг маіх аповесцей аб дарэвалюцыйным жыцці сялянства і вясковай інтэлігенцыі Палесся – «*У палескай глушы*» і «*У глыбі Палесся*». Напісана ўжо 7 раздзелаў. Я хочу правесці майго галоўнага героя, настаўніка Лабановіча, праз цяжкія жыццёвыя выпрабаванні і паказаць, як ён стаў актыўным будаўніком новага ладу, сапраўдным савецкім чалавекам» [К-с, XII, С. 38]. Назва-заглавак «*На ростанях*» падабалася Я. Коласу. Ужо ў самы ранні перыяд яго творчасці вядомы вершы паэта «*На раздарожжы*» («*Пры шляху шырокім*»), «*На ростанках*» («*Ты скажы мне, цыма глухая*»), «*На ростані*» («*Апошні разочак з-за хмар вадзяністых*»), пазней – празаічныя творы: аповесць «*На ростанях*» і трылогія з такой жа назвай. У 1902 г. ён распачаў працу над вялікім па задуме празаічным творам на рускай мове «*Адзін з сотні*», фрагменты з якога ў перапрацаваным варыянце былі выкарыстаны ў першай частцы трылогіі, у аповесці «*У палескай глушы*», а першы варыянт аповесці «*На ростанях*» быў надрукаваны пад заглаўкам «*Верхань*» (1949 г.). Аб прыхільнасці Я. Коласа да назвы «*На ростанях*» сведчаць і пісьмы пісьменніка, адрасаванья Т. Замоцінай (695) і С. Гарадзецкаму (698). У перапісцы з імі Якуб Колас паведамляў: «*Сдал в печать свою трилогию «На ростанях». Это название хочу сохранить в русском переводе... Такое слово есть в словаре Ушакова с оговоркой, что «на ростанях» – областное слово. Пусть это название остается и в переводе на русский язык – по крайней мере, буду настаивать на этом*» [К-с, XIV, С. 167]. Такім чынам, па задуме пісьменніка, у заглаўку-алюзіі ў канцэнтраваным выглядзе адлюстраваны пошукі шляхоў жыцця беларускай вясковай інтэлігенцыяй, частка якой, гаворачы словамі Якуба Коласа, «штучна адарваная ад жывых крыніц жыцця асталася вернай казённым прынцыпам, часткаю, не бачачы прасветліны, апускалася на дно і зацягвалася балотам. Болей жа дзейная і жывая частка яе імкнулася зліцца з гэтымі крыніцамі і вобмацкам шукала дарог, каб пазнаць «*корань рэчаў*». Такія заглаўкі твораў Якуба Коласа аказалі ўплыў на іншых пісьменнікаў. Так, Алена Васілевіч у 1947 г. апублікавала невялікую аповесць «*У прасторах жыцця*», у назве якой не толькі даследчыкі заўважылі алюзійную пераклічку з добра вядомай аповесцю класіка, а таленавіты паэт і даследчык літаратуры У. Жылка напісаў верш «*На ростані*», змясціўшы яго ў аднайменным зборніку, большасць твораў якога адлюстравала ваганні і душэўны стан беларускай нацыянальнай эліты пачатку ХХ ст., калі «маладасведчаныя радыкалы, падахвочаныя палітыкамі, спрабавалі схопіцца “*у рожкі са старымі*”» [7, 256]. У другога самага значнага вершаванага твора Якуба Коласа – паэмы-энцыклапедыі «*Новая зямля*» – заглавак таксама мае абагульнена-філасофскі характар і дапаўняе алюзійна ўскладнены змест вобразаў паэмы. Гэтай назвай-сімвалам, як лічыць Ж. Шаладонава, паэт звяртаў увагу на незвычайна новым, поліфанічным змесце і вобразе зямлі, якую ён узводзіў у ранг непераходнага агульначалавечага ідэалу і атаясамліваў з вечнымі сакральнымі каштоўнасцямі жыцця. Яе вобразны свет поліфанічны, міфалагічна ўскладнены і сімвалічна зашыфраваны, як «мнагалучнае, мнагавобразнае і выключнае; поўнае загадка і таямніц быццё, адбіткам якога з’яўляецца “*Новая зямля*”» [8, 5]. А такія даследчыкі, як У. Гніламедаў, У. Конан, Дз. Бугаёў, лічаць, што сімвалічную назву «*Новая зямля*» Я. Колас алюзійна запазычыў з «*Бібліі*» – «з апакаліптычнага прароцтва аб райскай новай зямлі» [9, 13].

Заўсёды алюзійнымі з’яўляюцца онімы, выкарыстаныя пісьменнікамі і вядомыя чытачу з іншых твораў, запазычаныя з біблейскіх сюжэтаў, разнастайных фальклорных твораў. У выбары такіх онімаў-алюзій наглядна працягваецца майстэрства пісьменніка, яго інтэлект, дасведчанасць, грамадзянская пазіцыя, прыхаваны падтэкст, мастакоўскае адчуванне амаль няўлоўных нюансаў у словах. Такімі, напрыклад, канатацыйна ўзбагачанымі ў творах Якуба Коласа з’яўляюцца наступныя онімы-мянушкі:

Чарнамор – мянушка Петруся Ігнатовіча – селяніна-злодзея з апавядання «Стары канакрад»: *Гэта быў мужык гадоў пад пяцьдзесят, нізкага росту, прысадзісты. Што асабліва кідалася ў вочы пры першым з ім знаёмстве – гэта барада і маленькія хітрыя вочы з-пад густых броў. За бараду яго прызвалі ў нас Чарнаморам* [К-с, V, С. 7]. Замацаванне мянушкі за канакрадам адбылося ў выніку метафарычнага пераносу ўласнай назвы *Чарнамор* – персанажа з вершаванага твора А. Пушкіна «Казка пра памёрлую царэўну і сем багатыроў» – на пакаранага турэмным зняволеннем злодзея, які вылучаўся па камеры спецыфічнай барадой. Такім чынам, апісанне партрэта і незвычайная мянушка алюзійна ствараюць лаканічна-выразнае ўяўленне пра экзатычнага канакрада.

Кашичэй – іранічная мянушка панямонскага ўрадніка з аповесці «На ростанях», які разганяў настаўніцкі сход: *... гэтыя весткі пачуў я з ураднікавага дому, таго сівага даўжэразнага Кашичэя, што першы кінуўся на наш пракал у часе налёту прыстава са стражнікамі* [К-с, IX, С. 534]. Пра тое, што онім *Кашичэй* – мянушка, ускосна сведчыць іншы кантэкст, у якім упамінаецца дачка ўрадніка *Аксана*, якая там названа «Кашчэвай», а прыметнік-азначэнне ўзяты ў двукоссе: *У пакоі за сталом сядзелі нейкі чыноўнік робам з Панямоні па прозвішчу Булах, маці Базыля, нізенькая і тоўстая, як кадушка, дзве сястры Смальянскія і «Кашчэва» дачка Аксана* [К-с, IX, С. 600]. Мянушка за ўраднікам замацавалася ў выніку аналогіі – умелай метафары: манера паводзін і знешні выгляд урадніка выяўлялі алюзійнае падабенства з міфалагічным *Кашичэем*. Ва ўсходнеславянскіх народных казках вядомы персанаж *Кашичэй* – кашчавы і злы стары, які валодае тайнай даўгавечнасці і незлічоным багаццем, таму яго называлі *Кашичэем бессмяротным*. У народных гаворках *Кашичэем* называюць таксама вельмі худога чалавека. Персанаж Коласа таксама валодае тайнамі аб правядзенні настаўніцкага сходу, ён сівы, даўжэразны і злы. Такім чынам, адпаведнасць мянушкі вобразу літаратурнага персанажа можна кваліфікаваць як адзін з важнейшых сродкаў у стварэнні ўяўлення пра літаратурны тып, умела праз алюзію выкарыстаны Я. Коласам.

Мамай – мянушка селяніна, здольнага гаспадара з апавядання «Крывавы вір»: *На возеры ў чайцы сядзеў ужо каваль, па мянушцы Мамай* [К-с, V, С. 76]. Я. Колас не тлумачыць паходжанне гэтага оніма, аднак шырокі кантэкст дае падставу меркаваць, што такую мянушку сяляне маглі даць чалавеку жорсткаму, нядобразычліваму: *Хоць і Мамай не вялікае ічасце, але ўсё ж такі лепш, чым кабета* [К-с, V, С. 77]. На нашу думку, мянушка *Мамай* замацавалася за селянінам у выніку пераносу рэальнай уласнай назвы сумна вядомага на Русі татарскага хана *Мамая* на селяніна, які меў характар жорсткі, сквапны, неспагадлівы. Магчыма, і знешнім выглядам каваль нагадваў татарына (у тэксце адказу на гэта няма – В. Ш.). У беларускай мове онім *Мамай* уваходзіць таксама ў склад фразеалагізмаў «Як *Мамай* прайшоў», «*Мамаева* пабоішча». Апошні выраз, напрыклад, мае значэнне «бойка, спрэчка, беспарадак, разгром». Устойлівы выраз узнік у выніку пераасэнсавання састаўной назвы гістарычнай падзеі: у 1380 г. нашымі продкамі на Куліковым полі былі разбіты войскі татарскага хана *Мамая* [10, 82]. Такую ж уласную назву *Мамай*, *Мамай-каваль*, мае яшчэ адзін персанаж апавядання Я. Коласа «Туды, на Нёман!». Магчыма, паміж гэтымі двума антрапонімамі ў апавяданнях «Крывавы вір» і «Туды, на Нёман!» існуе нейкая заканамернасць, пэўная сувязь, бо ў мастацкіх творах гаворка вядзецца пра падзеі на Куршчыне ў гады грамадзянскай вайны. У згаданыя часы Я. Колас сам жыў у тых мясцінах, ведаў многіх жыхароў Куршчыны. Магчыма, што прататыпам двух літаратурных персанажаў быў адзін і той жа чалавек, якому за нейкія якасці, падабенства вяскоўцы далі мянушку *Мамай*, а пісьменнік праз алюзію выкарыстаў яе для ідэнтыфікацыі аж двух літаратурных персанажаў. У гэтай сувязі даследчыкамі заўважана, што ў маўленні нярэдкамі з’яўляюцца выпадкі, калі адбываецца намінацыя розных асоб адной і той жа мянушкай, якая можа ажыццяўляцца на падставе розных асацыяцый, іншы раз няўлоўных і зразумелых толькі тым, хто даў такое імя. Узнікненне падобных мянушак удакладняе С. Бут-Гусаім, якая лічыць, што ў такіх выпадках стварэнне онімаў тлумачыцца не асацыятыўнымі, а хутчэй за ўсё аперцэптыўнымі адносінамі: чалавек з нейкімі заганамі не выклікае *асацыяцый*, а напамінае, нагадвае што-ці каго-небудзь. Памяць – гэта заўсёды зварот у мінулае, сувязь з папярэднім вопытам. Будзе правільным сказаць, што такія мянушкі маюць не асацыятыўны, а рэмінісцэнтны характар [11, 65].

Максім Грэк – іранічная мянушка Максіма Гарошкі, сына вясковага фельчара з аповесці «У палескай глушы». *Максім Грэк* – рэальная асоба, пісьменнік, публіцыст (1480–1556 гг.), нарадзіўся ў Грэцы, быў запрошаны вялікім князем *Васілём III* у Расію з асветніцкімі мэтамі для перакладу царкоўных кніг і інш. Коласаў жа персанаж зусім іншы: *Максім Гарошка* вучыўся

ва ўсіх школах Пінска, але ні аднае не скончыў, а з апошняе, з духоўнага вучылішча, проста ўцёк. Цяпер ён сядзіць на бацькавай шыі. Уцёк жа ён з тае прычыны, што ў гэтых школах не вучаць нічому такому, што адпавядала б яго шырокай натуры, якая знайшла здавальненне ў гарэцы, картаж і іншых забаўках вясковага лабатраса... [К-с, IX, С. 28–29]. Ён (Лабановіч – В. Ш.) схіліў галаву штось думаў. Потым раптоўна павярнуўся да Максіма. – Максім Грэк! Вып’ем, брат! [К-с, IX, С. 137]. Відаць, мянушка *Максім Грэк* за маладым Гарошкам замацавалася ў выніку процілеглай па сутнасці жартоўна-іранічнай аналогіі, якую правёў Андрэй Лабановіч, звязваючы прыгоды вясковага распусніка-лабатраса і пераезд у Расію з асветніцкімі мэтамі вядомага грэчаскага перакладчыка і пісьменніка Максіма Грэка. Сябе *Максім Гарошка* любіў называць *Юзафам Прыгожым* – біблейскім героем. Магчыма, падставай да пераносу гучнага наймення вучонага і багаслова і замацавання яго за маладым палешуком было і падабенства онімаў. Параўн.: *Максім Гарошка і Максім Грэк*. Такім чынам, неадпаведнасць мянушкі паводзінам яе носьбіта – гэта своеасаблівы спосаб актуалізацыі праз выразную алюзію канатацыйнага зместу гэтага оніма, свайго роду аўтарскі прыём, уласцівы мове некаторых пісьменнікаў.

Адрозніваюць у лінгвістыцы тэкстаўтваральныя і фрагментальныя алюзіі. Гэта значыць, што алюзія можа выяўляцца праз вялікі кантэкст, у некаторых творах алюзіійнымі выступаюць толькі асобныя яго фрагменты – загалюкі, эпіграфы, цытаты, онімы, іх разнавіднасці, а ў звязным кантэксце – склады і нават гукі. Сусветная мастацкая літаратура мае працяглую і ўстойлівую традыцыю звароту да фальклорных, біблейскіх, антычных сюжэтаў, пабудаваных з выкарыстаннем алюзіі. Так, даследчыца творчасці Уладзіміра Караткевіча *Ева Лявонава* на падставе аналізу яго рамана «*Хрыстос прыязмліўся ў Гарооні*» на фоне сусветнай літаратурнай традыцыі прасочвае падрабязна алюзіі на вобраз *Хрыста*. Праз найскладанейшую мастацкую палітру гэтага твора, насычаную цытатамі, эпіграфамі, вядомымі ў гісторыі імёнамі, рэмінісцэнцыямі, што адсылаюць чытача да біблейскіх і іншых сюжэтаў розных эпох і народаў, і такім чынам падвышаюць агульны філасофска-этычны і эстэтычны патэнцыял рамана, вымагаючы ад чытача інтэнсіфікацыі яго асацыяцыйных здольнасцей і магчымасцей. Параўнайце, напрыклад, загалюкі раздзелаў рамана: «*Падзенне агнявога змея*», «*Галад, і пошасць, і мор*», «*Суд*», «*Анафема*», «*Сысце ў пекла*», «*Ключы пекла і смерці*», «*Кат*», «*Дно пекла*», «*Галгофа Замкавай гары*» і інш., эпіграфы да кожнага раздзела з біблейскіх і антычных тэкстаў, твораў класічнай літаратуры, хронік, легенд і інш. тыпу «*Маці божая па муках хадзіла, Па цямніцах, па пекле блукала*» («*Песня баркалабаўскіх старцаў*»); «*І вялікі жах апанаваў усю царкву*» («*Дзеянні*», Гл. 5, Ст. 2); «*Не капай другому ямы – сам уваліцца ў ню*» (Ф. Скарына); «*І ўбачыў я новае неба і новую зямлю, бо ранейшае неба і ранейшая зямля зніклі*» («*Апакаліпсіс*», Гл. 21, Ст. 1), імёны і прозвішчы персанажаў беларускіх сялян, шляхціцаў, біблейскіх персанажаў, апосталаў: *Лявон Конаўка, Грынь Балвановіч, Юрась Братчык, Мірон Жарнакрут, Якуб Шалфейчык, Данель Кадушкевіч, Мацей, Іуда, Фама, Саваоф, Лотр, Саламон, Ян, Філіп, Андрэй* і інш.; імёны рэальных гістарычных асоб: *Святаполк Акаянны, Воўчы Хвост, Міхал Агінскі, Дантэ, Пій V, Фармоза I, Стафан VII, Ян Гус, Геранім Пражскі* і інш. Біблейская канстанта ў гэтым творы, як пераконвае даследчыца, з’яўляецца стрыжнявой; алюзіі і рэмінісцэнцыі ў рамане выяўляюцца праз заглавак твора ў цэлым, праз назвы паасобных раздзелаў, эпіграфы, сістэму імёнаў літаратурных персанажаў, большасць з якіх, галоўных і эпізодычных, маюць біблейскіх прататыпаў, праз падзейны сюжэтны ланцуг, у якім амаль кожнае звязно «рыфмуецца» з біблейскім сюжэтам, нават праз стылістыку рамана [12, 126]. Такім чынам, вобразам *Хрыста*, іншымі імёнамі-сімваламі і вобразамі, выкарыстанымі ў рамане і перанесенымі з сусветнай «Кнігі кніг», У. Караткевіч праз біблейскую сімваліку, аналогіі, алюзіі, рэмінісцэнцыі надаў гэтаму твору абагульнена-філасофскі сэнс, а яго героі, улічваючы жанравыя ўмоўнасці і намёкі, «перапісваюць» агульнавядомыя лёсы евангельскіх персанажаў, напаўняюць іх кананізаваныя характарыстыкі зразумелымі і блізкімі простамаму народу чалавечым сэнсам, пакутамі, надзеямі і расчараваннямі [13, 174].

Павялічвае алюзіінасць шырокі кантэкст, насычаны тыповымі для пэўнай мясцовасці онімамі, калі пісьменнік адлюстроўвае рэальныя падзеі, якія адбываліся ў канкрэтным рэгіёне. Так, у рамане «*Вецер у соснах*» І. Навуменка ў адным з эпізодаў вядзе размову пра першыя спробы асушэння палескіх балот, якія праводзіліся пад кіраўніцтвам генерала Жылінскага. Дасведчаны чытач у апісанні паселішча *Гарбылі* пазнае сучасныя *Калінкавічы* (звярніце ўвагу

на апелятывы, ад якіх утвораны пісьменнікам айконімы, аналогію, якую выкарыстаў мастак: *горб* → *Гарбылі*; *калена* → *Каленкавічы* → *Калінкавічы*). Вось канкрэтная падказка з рамана, разлічаная на дасведчанага чытача: *Найбольш пашанцавала Гарбылям, размешчанай сярод саснякоў вёсачцы. З Палескай чыгункай якраз у Гарбылях скрыжавалася другая, якая вяла з пшанічнай Украіны ў багатую лесам Беларусь* (І. Навуменка «Вецер у соснах»).

Алюзійна значымымі і пазнавальнымі з'яўляюцца і іншыя онімы, выкарыстаныя І. Навуменкам у гэтым рамане. Не аднойчы даследчыкі яго творчасці змаглі паказаць, як гэты мастак слова, прадаўжаючы творча развіваць коласаўскія традыцыі, шырока ўводзіў у тэксты, поруч з гістарычнай асновай, і рэгіянальныя анамастычныя кампаненты, створаныя на падставе мастацкіх алюзій. Так, канкрэтным месцы дзеянняў (*Азяркі, Бацькавічы, Вербічы, Грамы, Журавічы, Піляцічы* і інш.), імёны і прозвішчы літаратурных герояў (*Бондар, Драгун, Дрозд, Міця Птах, Іван Любік, Мазурэнка* і інш.) значна памацняюць рэгіянальны каларыт рамана. А названыя онімы як вызначальныя алюзійныя кампаненты, створаныя пісьменнікам на вядомых для Мазырскага Палесся анамастычных мадэлях, у спалучэнні і апісанні з іншымі сюжэтнымі «сінсаламі», пры дапамозе якіх чытач ідэнтыфікуе, пазнае пэўную тэрыторыю, час, соцыум, з'яўляюцца дамінантамі кантэксту: такія тапанімічныя і антрапанімічныя адзінкі ўяўляюцца чытачу арганічнай і натуральнай часткай мясцовай анамастыкі, яны тыповыя для ўсходняга Палесся – радзімы пісьменніка, дзе прайшла яго маладосць, апаленая вайной. У разнастайных фрагментах мастацкіх замалёвак *Журавічаў (Юравічаў), Бацькавічаў (Васілевічаў* – радзімы І. Навуменкі), *Грамоў (ст. Нахаў)* і інш. угадваюцца намёкі на рэальныя тапанімічныя адзінкі, дзе, як сведчаць даследчыкі творчасці пісьменніка, сапраўды адбываліся падзеі, па-мастацку асэнсаваныя і апісаныя ў яго раманах. Элементамі алюзій у такіх тэкстах выступаюць не толькі словаўтваральныя анамастычныя кампаненты прозвішчаў, айконімаў, а і тыповае мастацкае апісанне канкрэтных рэальных аб'ектаў у рэгіёне.

Алюзіяй наадварот у аповесці В. Казько «Выратуй і памілуй нас, чорны бусел» успрымаюцца шматлікія онімы, у тым ліку і ўвесь фантазмагарычны соцыум жыхароў палескага калгаса «*Верны шлях*». Пісьменнік знаёміць чытача з грузінам *Гогам*, які мае мянушку *Сталін*. У аповесці таксама ёсць *Янка Каганец*, які за свае адметнасці – падабенства з прозвішчам вядомага дзяржаўнага кіраўніка сталінскіх часоў – стаў *Лазарам Кагановічам*, а цыган-кааператар за знешняе падабенства – спецыфічную бараду і шавялюру на галаве, фінансавыя маніпуляцыі – атрымаў мянушку *Карл Маркс*, і ў новых перабудовачных умовах ён узначальвае *ЦК* – цыганскі кааператыў. У аповесці адначасна прысутнічаюць таксама алюзійна створаныя пісьменнікам *Лаўрэнцій Берыя* і нават біблейская *Дзева Марыя* – дзябёлая калгасная даярка, якая без шлюбу ўмудрылася нарадзіць аж тасцёра дзяцей. Такім чынам, мастак слова праз онімы канкрэтных гістарычных і біблейскіх асоб, што выкарыстаны ў творы як мянушкі, змог праз намёкі і сарказм іранічна падкрэсліць гратэскава-камічны падтэкст рэалій нашай недалёкай рэчаіснасці, дзе ў выніку ўмоўнасцей мастацкага твора ў «вернашляхаўскім свеце» разам сабраны «дастойныя экспанаты і індывідуумы эпохі сацыяльных міфаў і казак»: людзі жывуць чужым розумам, з чужымі імёнамі... Як прысуд «*Вернаму шляху*» гучыць у творы прытча пра дванаццаць дзікоў, што загінулі ў меліярацыйнай канаве. Лічбавая сімволіка, тут выразная: «дванаццаць апосталаў» загінулі за людскія грахі. Біблейскія і іншыя рэмінісцэнцыі з'явіліся ў аповесці ў выніку пошукаў пісьменнікам адвечных каштоўнасцей, якія выпрацаваў шматвяковы вопыт народнага жыцця [14, 55].

Алюзійна выразным з'яўляецца вобраз *Бандароўны* ў аднайменнай паэме Янкі Купалы. Як лічаць даследчыкі творчасці Янкі Купалы, паэт творча падышоў да глыбокага асэнсавання вобраза народнай гераіні, узбагаціўшы сябе сюжэтамі са шматлікіх песень-балад пра гордую *Бандароўну* – дачку слаўнага *Бандарэнка* з мястэчка *Берасцечка*, што пад *Канёвам* на *Дняпры*. У запісах песень і балад пра *Бандароўну*, зробленых Я. Чачотам, М. Федароўскім, П. Шэйнам, Е. Раманавым і інш., узвышана паведамляецца пра высокія маральныя якасці прыгажуні з народа і кантрастна намаляваны ганебныя ўчынкі разбэшчанага і амаральнага старосты з *Канёва* пана *Патоцкага* або пана *Канёўскага*, «з *Канёва* родам», «што ўчыніў такую крыўду ні пра што дзяўчыне»: гвалтам змусіў яе выйсці за яго замуж, а пасля, нацешыўшыся, забіў ахвяру і двурушна, з вялікімі, але няшчырымі шанаваннямі пахаваў яе. Поспех Янкі Купалы, як адзначыла В. Ляшчынская – даследчыца мовы гэтага класіка, найперш у тым, што ў творы

выявіліся і атрымалі далейшае развіццё не толькі высокія філасофска-эстэтычныя якасці паэзіі песняра, а і яго наватарства, дзе з вялікім майстэрствам у сюжэтных калізіях спалучаюцца як мастацкі сродак алюзійнасць, створаная ўяўленнямі пра рэаліі з народных балад, што былі пашыраны ва Украіне, Беларусі і часткова Польшчы і Літве, а таксама выяўляецца выдатная рыфма-меладыйная арганізацыя паэтычнага тэксту, узбагачаная традыцыямі народнага гуказапісу і вершатворчасці [15, 44].

Часам мастакі слова ў вершаваных творах, ствараючы выразную алюзію, выкарыстоўваюць ампліфікацыю ў спалучэнні з гукавой алітэрацыяй і іншымі мастацкімі сродкамі: *Гінуць Гітлер, Гімлер, Герынг, Гебельс, Гес, Шле за іх літанне папа да нябес* (Я. Колас «На міжнародныя тэмы»). У гэтых радках канатацыйныя прырашчэнні, якія ўзнікаюць у выніку нагнятанна онімаў і паўтораў *Гі, Ге ў іх*, узмацняюць саркастычны намёк на тое, што гукам [Г] пачынаюцца шматлікія словы, у тым ліку і названыя прозвішчы, якія выклікаюць у соцыуме (грамадстве) самыя адмоўныя асацыяцыі: *гад, гора, гніда, гной, ганьба, галеча* і г. д. Такія гукавыя паўторы ў свядомым наборы прозвішчаў, апрача ўсяго, аб'ядноўваюць вершаваныя радкі, падкрэсліваючы іх адзінства і выступаюць не толькі як узмацняльнікі рытму, а і як адзін са сродкаў адмоўнай экспрэсіі. Такім чынам, прадуманы набор онімаў са спецыфічнай «*гукавой абалонкай*» уласных імёнаў у мастацкім тэксце, як трапна заўважыў В. Калінкін, з'яўляецца істотным фактарам, якім павышаецца алюзійнасць, сэнсавы і эмацыйны змест не толькі самога оніма, а і твора ў цэлым [16, 296]. Гукавая анафара ў гэтых радках – актуалізатар алюзіі, выразны атрыбут рытма-інтанацыйнай кампановкі верша, дзе дамінантная роля належыць онімам. У падобных кантэкстах гукі, іх спалучэнні могуць ствараць разнастайныя алюзіі, сэнсавыя ўяўленні, выяўляць сувязь з іншымі словамі, блізкімі па гучанні, семантыцы, марфемнай будове і інш. Інакш кажучы, уяўленні-алюзіі падпарадкоўваюцца вызначальнаму для любога мастацкага тэксту паўтору, прычым паўтарацца могуць, як заўважана лінгвістамі (І. Арнольд, А. Равуцкі), не толькі блізкія ў нейкіх характарыстыках гукі і іх спалучэнні, што дае падставы гаварыць аб стылістычным выкарыстанні фанетычнай паранамазіі. У выніку элементы гукапісу ў спалучэнні з іншымі мастацкімі прыёмамі, напрыклад, з сінтаксічнымі паўторамі, ампліфікацыяй, з рытма-меладыйнай арганізацыяй мастацкага тэксту і інш. уяўляюць не столькі лакальную, колькі агульнатэкставую з'яву, выяўляючы комплекснае «сумеснае дзеянне» розных сродкаў вобразнасці, якое кваліфікуецца як паэтычная канвергенцыя.

Вывады

Онiмы-алюзіі з'яўляюцца неад'емным тэкстаўтваральным або фрагментальным кампанентам мастацкага твора. Такія адзінкі выкарыстоўваюцца для стварэння новага вертыкальнага кантэксту, у якім ужыванне ўжо вядомага оніма спрашчае азнаямленне чытача з задуманым мастаком слова новым літаратурным персанажам або аб'ектам, які будзе ў цэнтры ўвагі пісьменніка і чытача. Функцыя алюзійнага оніма ў вертыкальным кантэксце выяўляецца і залежыць ад таго, да якой разнавіднасці алюзііны антрапонім і айконім адносяцца: тэкстаўтваральнай або фрагментальнай. Онiмы-алюзіі – гэта субліміраваныя тэкставыя кампаненты, якія садзейнічаюць фармаванню ў чытача дадатковых сэнсавых асаблівасцей і канатацый шляхам актуалізацыі ў кантэксце асацыятыўных сувязей з папярэднімі кантэкстамі і дадатковай культурна-гістарычнай і іншай інфармацыяй. Выяўленне алюзіі у тэкстах залежыць ад жыццёвага, культурнага і гістарычнага вопыту чытача, яго міжтэкставай дасведчанасці.

Умоўныя скарачэнні

К-с – Колас, Якуб Збор твораў : у 14 т. / Я. Колас. – Мінск : Маст. літ., 1973–1978.

Літаратура

1. Зелянко, С. В. Інтэртэкстуальнасць як асаблівасць сучаснага публіцыстычнага стылю / С. В. Зелянко // Беларуская мова і літаратура. – 2008. – № 10. – С. 54–57.
2. Соловьёва, М. А. Роль аллюзивного антропонима в создании вертикального контекста (на материале романов А. Мердок и их русских переводов) : автореф. ... дис. канд. филол. наук : 10.02.20 / М. А. Соловьёва. – Екатеринбург, 2004. – 22 с.
3. Карлова, М. А. Литературная пародия как интертекст / М. А. Карлова, В. В. Кузьмич // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. – 2003. – № 8. – С. 64–72.

4. Рогалев, А. Ф. Ономастика художественных произведений : пособие / А. Ф. Рогалев. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2003. – 194 с.
5. Тычына, М. Пясянр рамантычнага парыву: Штрыхі да партрэта Міхася Лынькова / М. Тычына // Роднае слова. – 1999. – № 11. – С. 23–28.
6. Анамастычны слоўнік твораў Якуба Коласа / пад рэд. акад. М. В. Бірылы. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 638 с.
7. Рагуля, А. Адвечны шлях! Калі ж, калі!... / А. Рагуля // Полымя. – 2002. – № 11–12. – С. 238–261.
8. Шаладонава, Ж. С. Фарбы быту і быцця ў паэме Я. Коласа «Новая зямля» / Ж. С. Шаладонава. – Мінск : Бел. навука, 2001. – 104 с.
9. Бугаёў, Дз. Родны кут і вялікі свет / Дз. Бугаёў // Літаратура і мастацтва. – 2002. – 22 лістап. – С. 12.
10. Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Нар. асвета, 1981. – 160 с.
11. Бут-Гусаім, С. Ф. Характарыстычныя назвы чалавека ў беларускай мове / С. Ф. Бут-Гусаім // Весн. Брэст. ун-та. – 2001. – № 5. – С. 58–68.
12. Лявонава, Е. А. Алюзія на вобраз Хрыста ў рамана У. Караткевіча «Хрыстос прыязмліўся ў Гародні» і сусветная літаратурная традыцыя / Е. А. Лявонава // Беларуская мова і літаратура. – 2001. – № 4. – С. 43–49.
13. Нямцу, А. Б. Новый Завет и мировая литература / А. Б. Нямцу. – Черновцы, 1993. – 250 с.
14. Ханеня, С. І. Творчасць В. Казько на ўроках літаратуры ў XI класе / С. І. Ханеня // Беларуская мова і літаратура. – 2003. – № 2. – С. 47–59.
15. Ляшчынская, В. Слова ў паэзіі Янкі Купалы / В. Ляшчынская ; навук. рэд. А. І. Падлужны. – Мінск : Бел. навука, 2004. – 271 с.
16. Калинин, В. М. Поэтика онима / В. М. Калинин. – Донецк, 1999. – 210 с.

Summary

In the works written by Ya. Kolas, Ya. Kupala, M. Lynkov and other Belarusian writers the onomastic allusions are analyzed as an artistic device of components of the texts, the peculiarities of usage of the onyms-allusions are defined in the creation of the artistic images.

Паступіў у рэдакцыю 02.12.08.

ПЕДАГОГІКА І ПСИХОЛОГІЯ

УДК 37.016:811.1

*Ж. Н. Авилкина***К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНОМ ПОДХОДЕ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ**

Статья посвящена одной из наиболее актуальных проблем методики преподавания иностранного языка: путям и способам реализации достижений в области когнитологии, когнитивной психологии и когнитивной лингвистики в лингводидактике и методике. Тщательный анализ различных точек зрения на составляющие коммуниктивно-когнитивного подхода в обучении иностранному языку позволяет более четко определить его коммуникативный и когнитивный аспекты.

Введение

В современных условиях влияние социальных, политических, экономических, психолого-педагогических, культурологических факторов на систему лингвистического образования вызвало объективную необходимость в разработке новейших методических подходов, способствующих максимальной актуализации личностно-интеллектуального потенциала учащихся, что вызывает закономерный научный интерес к положениям когнитологии и к разработке когнитивного подхода в обучении иностранным языкам.

Рассмотрение основных положений когнитивной психологии и когнитивной лингвистики, философии, психологии личности, теории и методики преподавания иностранных языков свидетельствует о том, что проблема когнитивного подхода к обучению иностранным языкам до настоящего времени не получила еще глубокой научно-теоретической и практической завершенности, в связи с чем представляется необходимым проанализировать историю развития когнитивного подхода.

Результаты исследования и их обсуждение

Проблемами познания и понимания человечество интересовалось с древнейших времен. Исследования вопросов о том, где и как хранятся знания человека, его опыт, очертили предметную область современного междисциплинарного подхода к исследованию познания – **когнитивной науки**.

Когнитивная наука направлена на получение знания о знании, в фокусе ее внимания находятся проблемы, связанные с получением, обработкой, хранением, извлечением и оперированием знаниями. Данные проблемы относятся ко всем процедурам, характеризующим использование знания в поведении человека и, главное, в его мышлении и в процессах коммуникации. Когнитивная наука занимается информацией о мире, изучая такие сложнейшие феномены человеческого бытия, как восприятие мира и отражение воспринятого в голове человека, как языки мозга, как память и организация когнитивных способностей человека. Отличительной особенностью непосредственных интересов когнитивной науки является обращение к знанию и познанию. Многие исследователи видят глобальную задачу когнитивной науки в том, чтобы «понять, каким образом человек с его относительно ограниченными возможностями оказывается способным перерабатывать, трансформировать и преобразовывать огромные массивы знаний в крайне ограниченные промежутки времени» [1, 10].

Однако человеческое знание и процессы познания слишком сложны, чтобы обеспечить их описание в рамках какой-либо одной науки, будь это философия, психология, логика и т. д. Поэтому когнитивная наука развивалась как наука междисциплинарная, призванная объединить

усилия специалистов в разных областях знания – психологов и лингвистов, философов, специалистов по искусственному интеллекту, по организации баз знаний в компьютерах и математическому моделированию.

Возникновение когнитивной науки датируется серединой 60-х годов XX века, и с этого же времени происходит постепенное увеличение функциональной нагрузки термина «когнитивный». Несколько позднее с представлением о когнитивной науке начинают связывать и понятие когнитивизма – как направления, противопоставляемого бихевиоризму и использующего специальный набор когнитивных понятий.

В понимании В. З. Демьянкова, **КОГНИТИВИЗМ** – «взгляд, согласно которому человек должен изучаться как система переработки информации, а поведение человека должно описываться и объясняться в терминах внутренних состояний человека» [2, 17]. Данные состояния проявляются физически, они наблюдаемы и интерпретируются как получение, обработка, хранение и мобилизация информации для решения задач. А поскольку решение этих задач непосредственно связано с использованием языка, то язык оказался в центре внимания когнитивистов. Язык, по утверждению Г. Хармана, является главной темой в когнитивной науке, так как именно он отражает познание, выступая как основное средство выражения мысли, и поэтому изучение языка – это косвенное изучение познания.

С самого начала возникновения когнитивной науки особую роль отводили психологии и лингвистике, подчеркивая тем самым особое положение объектов их анализа – психики, сознания, языка – в самой речемыслительной деятельности человека.

Когнитивная психология – это психология познавательных процессов; особое когнитивно-ориентированное направление в психологии, связанное с изучением ментальных состояний и ментальных процессов, характеризующих поведение человека. Это направление появилось в американской науке как альтернатива доминированию бихевиоральных концепций, отрицавших роль сознания и подходивших к интеллекту, в основном, как к способности научиться путем проб и ошибок. Когнитивная психология изучает то, как люди получают информацию о мире, как эта информация представляется человеком, как она хранится в памяти и преобразуется в знания и как эти знания влияют на наше внимание и поведение.

Среди важнейших тем когнитивной психологии – язык, который изучается здесь как интериоризованная система знаний о языке, языковой компетенции, языковых умениях и навыках, нередко интерпретируемая как система врожденных знаний. Одной из задач когнитивной психологии является создание такой когнитивной модели языка и речевой, коммуникативной деятельности, которая объединила бы в интегральной форме сведения о производстве или порождении речи со сведениями о ее восприятии и, наконец, о ее понимании.

Когнитивная лингвистика – одно из направлений лингвистики, исследующее механизмы извлечения, хранения и передачи знаний посредством языка. Возникновение когнитивной лингвистики связывают с именами Дж. Лакоффа и Х. Томпсона. В центре внимания когнитивной лингвистики находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформации информации [3, 53]. Язык рассматривается как основное средство «фиксации, переработки и передачи знания и выступает в качестве своеобразной системы различных упаковок знания» [4, 89].

Когнитивный подход к языку подразумевает анализ лингвистических фактов в их связи с организацией понятийной системы. Языковые структуры рассматриваются при этом сквозь призму общих знаний человека о мире, накопленного им опыта взаимодействия с окружающей средой и в тесной зависимости от психологических, коммуникативных и культурных факторов. Лингвистический анализ, с точки зрения сторонников когнитивной лингвистики, должен учитывать не только языковое поведение как таковое, но и психические процессы, диктующие соответствующее поведение. При этом большое значение уделяется выявлению, описанию и объяснению внутренней когнитивной структуры, базисной для говорящего и слушающего, а также динамике речи. При этом под **когнитивной структурой** здесь и далее мы будем понимать, базируясь на работах Р. Солсо, Е. С. Кубряковой, В. З. Демьянкова, Ю. А. Ситнова и др., форму организации и сохранения в сознании человека образов реальной действительности.

По мнению Р. Гиббса, именно стремление увязывать языковые факты с когнитивными структурами и процессами, наряду с широким использованием эмпирических данных других дисциплин, объясняет и оправдывает название данного направления.

История методики преподавания иностранных языков, появление и развитие новых методов обучения языку всегда тесно связаны с новыми тенденциями в лингвистике, психологии и педагогике. Данные этих наук способны коренным образом изменить подход к обучению, способствовать разработке новых методов, появлению новых систем и моделей обучения, новых дидактических технологий. Не удивительно, что в последнее время широкое развитие получают подходы к обучению иностранным языкам, в основу которых положены знания о когнитивной функции языка. Реализация когнитивной теории обучения языку стала фактически новым этапом развития теории и методики обучения иностранному языку.

Проблема когнитивного подхода к обучению различным видам речевой деятельности и аспектам иностранного языка исследовалась в ряде диссертаций, монографий, научно-методических статей и научных докладов (Н. В. Баграмова, Н. В. Барышников, Г. В. Елизарова, С. Ф. Шатилов, Т. Д. Шевченко, А. В. Щепилова, Ю. А. Ситнов, П. К. Бабинская, И. В. Баценко, М. Г. Гец и др.).

Однако на вопрос о том, как должны реализовываться идеи когнитивизма в методике и лингводидактике, нет однозначного ответа. Большинство исследователей полагают, что реализация принципа когнитивизма в методике обучения иностранным языкам предполагает создание адекватных условий, способствующих формированию индивидуальных когнитивных структур, специальную подготовку учебного материала, обучение учащихся оптимальным стратегиям усвоения учебного материала, создание психологически комфортных условий обучения и т. д.

В частности, по мнению И. В. Карповой, «когнитивный компонент учитывает закономерности познавательного процесса и особенности ментальной деятельности учащегося, а также отвечает за оптимальную организацию познавательных действий учащегося, приближенную к естественному познавательному процессу» [5, 28]. Суть когнитивного компонента заключается в учете механизмов, управляющих языковым развитием при обучении языку.

Применение когнитивного подхода в методике преподавания иностранного языка А. Н. Шамов видит в создании когнитивной модели переработки информации, которая в полной мере соответствует познавательной деятельности учащихся и задачам обучения в области иностранных языков. Автор рассматривает когнитивный подход как «системный дидактический объект, имеющий методологическое значение для методической науки, применение которого обеспечивает активизирующую и развивающую функцию обучения на основе реализации закономерностей познавательной деятельности» [6, 14].

Л. И. Карпова считает, что «когнитивный подход в методике опирается на принцип сознательности в обучении и на теорию социоконструктивизма, согласно которой учащиеся являются активными участниками процесса учения, а не объектом обучающей деятельности преподавателя» [7, 14]. В соответствии с когнитивным подходом изучение того или иного лингвистического явления должно опираться на умственные процессы, лежащие в основе понимания и использования этого явления в речи. Обучение языку не сводится только к восприятию и механическому заучиванию единиц языка или правил. Обучающиеся являются активными участниками процесса обучения, который носит не только личностно, но и социально обусловленный характер.

По мнению П. К. Бабинской, «когнитивность подразумевает использование закономерностей формирования сознания индивида и мыслительных процессов (восприятия, мышления, познания, понимания и объяснения) в процессе коммуникативно-познавательной деятельности» [8, 4], основными из которых, по словам автора, являются:

- единство языка и мыслящего, познающего человека (т. е. связь знаний, заложенных в языке субъектом восприятия, познания, мышления, преломление реального мира в сознании субъекта и фиксирование его в языке в виде понятий, представлений, образов, концептов и моделей);
- эквивалентность каждого языка определенной системе концептов, посредством которой носители языка воспринимают, структурируют, классифицируют и интерпретируют поток информации из окружающего мира;

➤ соотнесение языковых форм с ментальными репрезентациями и с тем опытом, который они в качестве структур знания отражают;

➤ признание репрезентаций, имеющих в данном языковом коллективе статус национально-культурного эталона некоторой ситуации общения, основными объектами когнитивного мышления.

Следует отметить, что в настоящее время имеются работы в области методики преподавания иностранных языков, основанные как на сугубо когнитивном подходе (И. Ю. Мангус, А. Н. Шамов), так и на различных его интерпретациях: когнитивно-компонентный подход (Е. Ю. Северинова), процессуально-когнитивный подход (Т. С. Табаченко), когнитивно-деятельностный (Н. И. Алмазова), коммуникативно-мотивационный (Д. Рунов), коммуникативно-когнитивный (Ю. А. Сигнов, А. В. Щепилова, К. А. Виноградов, И. В. Баценко, М. Г. Гец).

Как известно, подход зависит от цели обучения, в соответствии с которой он формируется и на достижение которой направлен. Поскольку конечной целью обучения иностранным языкам в рамках компетентностного подхода является формирование и развитие иноязычной коммуникативной компетентности, мы полагаем, что наиболее оптимальным подходом к обучению иностранным языкам, и к грамматике в частности, является коммуникативно-когнитивный, так как его реализация предполагает «препарирование грамматических явлений на функциональной основе, отбор фреймов по критерию коммуникативной потребности, тренировку в употреблении грамматических явлений в типовых ситуациях речи адекватными коммуникативными высказываниями в соответствии с когнитивной моделью познания окружающего мира» [9, 9]. Так как данный подход представляет собой перспективное направление в методике преподавания иностранных языков, базирующееся на таких современных отраслях знания, как когнитология и коммуникативистика, то коммуникативно-когнитивный подход к обучению иноязычным грамматическим навыкам органично соединяет в себе черты коммуникативного и когнитивного подходов. Признание единства коммуникативного и когнитивного основывается на единстве двух основных функций человеческого языка: умения строить грамматически и семантически корректные фразы (что отражает результат когнитивного процесса овладения языком) и умения использовать знания и навыки в целях коммуникации. Суть коммуникативно-когнитивного подхода – в признании того, что языковая форма представляет собой отражение когнитивных структур, которые имеют определенные корреляты со структурами языка/речи.

Так как из двух аспектов данного подхода **коммуникативный аспект** изучен более основательно, в данной работе мы ограничимся его важнейшими лингводидактическими принципами:

➤ речевая направленность процесса обучения: в качестве конечной цели выдвигается обучение общению в различных видах речевой деятельности;

➤ ориентация не только на содержательную сторону общения, но и на форму высказывания;

➤ функциональность в отборе и организации материала: языковой и речевой материал должен отбираться в соответствии с функциями, которые он выражает, и теми коммуникативными интенциями, которые сможет передать говорящий, используя предлагаемый языковой материал;

➤ ситуативность в отборе материала и организации тренировки: языковой и речевой материал должен отбираться применительно к определенным ситуациям общения и отрабатываться в ситуациях, типичных для использования тех или иных языковых форм;

➤ использование аутентичных материалов, к которым относятся языковые формы, типичные для выражения определенной коммуникативной интенции, аутентичные тексты и ситуации общения, а также различные вербальные и невербальные средства, характерные для носителей языка;

➤ использование подлинно коммуникативных заданий, способствующих формированию умений общения и режимов работы, адекватных условиям реальной коммуникации (в межличностном взаимодействии);

➤ лично-ориентированное обучение с учетом потребностей, индивидуальных когнитивных стилей и учебных стратегий обучаемых [10, 62–63].

Когнитивный аспект в преподавании иностранного языка имеет свою специфику. В отличие от когнитивной науки, которую в первую очередь интересует процесс познания и обработки информации человеком вообще и безотносительно к конкретному языку, исследователь и преподаватель иностранного языка исходит из признания двойственного характера когнитивной природы человека. С одной стороны, когнитивные способности человека как такового сопоставимы в разных языках. С другой стороны, в когнитивном аспекте все языковые явления рассматриваются как своеобразные пласты опыта человека, передающие различные типы знаний о действительности. Из этого вытекает, что когнитивный опыт носителей разных языков (т. е. опыт освоения реального мира, закрепленный в данном языковом и национальном сообществе) различен, не совпадает. Человек – носитель данного языка, усвоивший и освоивший тот когнитивный опыт, который выработан в его национальном сообществе, начиная изучать иностранный язык, встречается с необходимостью понять и усвоить иную концептуализацию мира, другой когнитивный опыт, закрепленный в другом, иностранном для него, языке. Естественный язык – это механизм, связывающий мысли, т. е. ментальные репрезентации, с формами выражения, поэтому переход в процессе речевой деятельности с одного языка на другой – это не только переход с одной языковой системы передачи мыслей на другую (в смысле внешних различий языков), но и переход с одной системы мышления на другую.

Когнитивный подход к иностранному языку нацеливает на необходимость учитывать различия в характере мышления представителей разных языков, на рассмотрение когнитивных аспектов языковых явлений, т. е. на их объяснение по их связи и сопряженности с процессами познания мира. Данный подход позволяет осознанно подходить к описанию языка с точки зрения национальных особенностей не только языкового выражения, но и осмысления реального мира, позволяет лучше понять и объяснить специфические трудности иностранного языка и более эффективно организовать процесс обучения.

Когнитивный аспект заключается в знании и учете закономерностей овладения языком. Задача «когнитивного» обучения – помочь учащемуся построить эту систему. Для этого необходимо предоставить ему не готовые знания, а адекватные стратегии овладения языком, применение которых оказывает влияние на развитие интеллектуальных способностей обучаемых, активизацию их познавательной деятельности, а также процедур приобретения и использования знаний. Обсуждаемый аспект, таким образом, выступает одним из важнейших средств формирования мировоззрения. Приемы, реализуемые в русле когнитивной направленности обучения, обладают огромным воспитательным потенциалом. Они развивают независимость мышления и действия, желание самим управлять своим обучением и оценивать его, помимо умственного развития способствуют духовному и социальному развитию личности.

Когнитивный аспект проявляется в учете широкого контекста ситуаций общения и в необходимости осознания того, что на порождение высказывания влияют не только экстралингвистические факторы, но и индивидуальный психический образ факторов общения, который формируется в деятельности говорящего-слушающего. Этот «образ» является совокупностью интеллектуальных умений и навыков, которые формируются у обучающихся в результате длительной умственной практики и которые неадекватны комплексу коммуникативных умений и навыков. Эти две группы вступают в сложное взаимодействие, оправдывая тем самым необходимость применения в процессе обучения иностранному языку **коммуникативно-когнитивного подхода**. Когнитивизм дает коммуникативной методике новый импульс, обеспечивает новую ориентацию развития коммуникативным приемам обучения, поскольку показывает, что язык «создается» на основе когнитивной активности в процессе языковой практики.

Выводы

На основании того что сегодня в методике преподавания иностранного языка равнозначно важными воспринимаются как процессы формирования адекватного представления о лингвистическом явлении, так и процессы развития умений использовать это явление в реальной коммуникации, мы считаем применение **коммуникативного** подхода в единстве с **когнитивным** не только верным, но и единственно правильным.

На основе анализа вышеизложенного полагаем, что термин «когнитивный» в данном случае предполагает:

- необходимость понимания учащимися изучаемого материала;
- необходимость учета того, что знания «встраиваются» в когнитивную структуру учащегося и становятся его компонентами;
- необходимость развития мышления обучаемого в процессе самостоятельного открытия им новых знаний в ходе решения познавательных, желательных проблемных задач;
- необходимость использования только содержательных (коммуникативно-значимых) тренировочных упражнений;
- широкое применение упражнений эвристического, креативного характера;
- необходимость использования различных умственных операций (анализ, синтез, сравнение, обобщение, группировка);
- необходимость учета родного языка;
- необходимость выявления когнитивных структур изучаемого языкового явления и организации речевой учебной деятельности на базе этих структур.

Именно коммуникативно-когнитивный подход дает представление о сложности реальности, которую мы называем «процесс овладения иностранным языком».

Литература

1. Петров, В. В. От философии языка к философии сознания. Новые тенденции и их истоки / В. В. Петров // Философия, логика, язык. – М., 1987. – С. 3–17.
2. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.
3. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.]; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М., 1996. – 245 с.
4. Беляевская, Е. Г. Когнитивные основания изучения семантики слова / Е. Г. Беляевская // Структуры представления знаний в языке. – М., 1994. – С. 88–96.
5. Карпова, И. В. Коммуникативно-когнитивный подход к обучению реферированию студентов на продвинутом уровне в неязыковом вузе : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / И. В. Карпова. – М., 2005. – 150 л.
6. Шамов, А. Н. Когнитивный подход к обучению лексике: моделирование и реализация : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.02 / А. Н. Шамов. – Н. Новгород, 2005. – 537 л.
7. Карпова, Л. И. Формирование коммуникативной грамматической компетенции в неязыковом вузе : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Л. И. Карпова. – Волгоград, 2005. – 260 л.
8. Бабинская, П. К. Коммуникативность и когнитивность – основные категории современной методики обучения иностранным языкам / П. К. Бабинская // Непрерывное обучение иностранным языкам: методология, теория, практика : материалы докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 23–24 дек. 2003 г. : в 3 ч. / МГЛУ ; редкол.: Н. П. Баранова [и др.]. – Минск, 2003. – Ч. 1. – С. 3–5.
9. Ситнов, Ю. А. Коммуникативно-когнитивный подход к развитию грамматической компетенции студентов-лингвистов : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.02 / Ю. А. Ситнов ; ПГЛУ. – Пятигорск, 2005. – 36 с.
10. Morrow, K. Principles of Communicative Methodology / K. Morrow, K. Johnson. – New York and London, 1981. – 124 p.

Summary

The article deals with one of the most acute problems in methods of language teaching – ways of realization of achievements in the field of cognitology, cognitive psychology and cognitive linguistics in linguodidactics and language teaching methods. A thorough analysis of different points of view on the components of the communicative-cognitive approach in language teaching helps to define more clearly its communicative and cognitive aspects.

Поступила в редакцию 05.12.08.

УДК 001.2:7:378

В. И. Анисимов**ВЗАИМОДОПОЛНИТЕЛЬНОСТЬ НАУКИ И ИСКУССТВА
В СОДЕРЖАНИИ ВЫСШЕГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Статья посвящена разработке проблемы взаимодополнительности науки и искусства как концептуальной основы интегрированного реформирования содержания высшего педагогического образования.

Введение

Сегодня много говорят об эстетике педагогического процесса, о лекции как форме искусства. Утверждается, что рационально «переохлажденное» обучение способно превратить даже предметы искусства (литературу, музыку, ИЗО и др.) из эстетических предметов в литературоведческие, искусствоведческие.

Результаты исследования и их обсуждение

Дидактический процесс теснейшим образом связан:

- а) с художественным творчеством обучающихся;
- б) с художественными элементами в языке обучения;
- в) с элементами педагогической драматургии (архитектурная выстроенность процесса обучения, моменты напряженности и разрядки учебного занятия, распределение ролей, обучение как спектакль, развитие дидактического сценария, драматургические моменты в проблемном обучении) и, наконец;
- г) с такими музыкальными компонентами обучения, как ритмика лекции, музыкальность звучания голоса педагога и т. д.

В целом деятельность современного учителя все чаще характеризуется как «многостороннее искусство», в котором научность объединяется с педагогической техникой, полетом мысли и творческой фантазией. Работу учителя сравнивают с деятельностью *актера (или музыканта-исполнителя)*. Обоих объединяет универсальность близкородственных способностей. И прежде всего, способность к эффективному общению с разными возрастными группами детей, молодежью и взрослыми; способность оказывать на них эмоционально-волевое воздействие, как словом, так и несловесными приемами. И соответственно – необходимость овладения мастерством, специальной техникой (техникой контактного взаимодействия, техникой речи, владения телом, эмоциональным состоянием и др.). Труд обоих невозможен без импровизации, без внесения своего личностного видения проблематики художественного произведения. При этом в отличие от актера драматического театра или музыканта-исполнителя, чья деятельность ограничена текстом пьесы или нотным станом, деятельность педагога-практика куда более вариативна.

Современная дидактика, оценивая роль искусства в системе педагогического образования с позиций *концепции средового подхода к воспитанию*, внимательно изучает влияние художественной культуры на процесс становления личностной профессиональной культуры учителя; место искусства в учебных планах и свободном времени студентов и преподавателей. Исследуются ценностные ориентации (интересы, запросы, взгляды, установки, вкусы, нормы, идеалы) и художественные *предпочтения* студентов, разрабатываются *технологии формирования* художественно-эстетической культуры студентов (художественное творчество в молодежной субкультуре, студенческая художественная самодеятельность, формы ее организации). Усилия исследователей направляются на то, чтобы выявить эстетическую релевантность (соответствие) основных дидактических категорий (образование, содержание образования, преподавание, метод обучения, организация обучения), найти применение в дидактическом процессе таких категорий эстетики, как искусство, мера, прекрасное, гармония, симметрия, форма, ритмика и др., определить, что превращает обучение в событие, представляющее для обучающихся эстетическую ценность, что должно происходить, чтобы обучение воспринималось как красивое и имело глубокое эмоциональное воздействие [1, 177].

Вместе с тем есть все основания говорить о *большом дефиците эстетики* «в педагогическом и дидактическом мышлении, особенно в теории развития», о «деэстетизированной школе» и приниженом положении учителей художественного цикла [1, 164]. Красноречивые результаты в этом смысле выявляет исследование уровня *эстетической культуры преподавателей общетеоретических и профилирующих дисциплин*. Каждый *третий* из них дал *отрицательный* ответ на вопрос «Считают ли он своей целью повышение эстетической культуры?». Среди недооценивающих значение эстетической культуры оказалось до *половины* преподавателей общественных дисциплин. *Более половины* преподавателей заявили о своем незнании современного искусства, недостаточности знаний в области эстетики, в сфере поведения и быта [2, 101].

Для решения этой важнейшей теоретической и практической задачи необходима разработка проблемы *взаимодополнительности науки и искусства как концептуальной основы интегрированного реформирования содержания высшего педагогического образования*.

Каким же дидактическим потенциалом обладает объединение в содержании и методах высшего педагогического образования возможностей науки и искусства?

Известно, что на заре своего существования человек мыслил целостно и непосредственно. В эпоху слитного, нерасчлененного познания нельзя было различить элементы абстрактного, логического и конкретного, чувственного познания, противопоставить рациональное эмоциональному. Но по мере того как человек в своей практике все дальше и дальше отрывался от природы и происходило разделение труда, человеческое мышление шагнуло от своих непосредственных образных знаний, с одной стороны, к *исследованию*, а с другой – к *воображению*. При этом исследовательское начало с неизбежностью вызвало к жизни такую форму познания, как *понятие*, а воображение – такую форму познания, как *художественный образ*. Со временем сложились две самостоятельно существующие и независимо развивающиеся области интеллектуальной жизни человека: мышление рационально-теоретическое, абстрактно-логическое, отвлеченное, то, что мы называем *наукой*, и мышление эмоционально-художественное, конкретно-чувственное, наглядное, то, что мы называем *искусством*.

Дело, однако, им не закончилось. Из двух моментов взаимосвязи и взаимодействия искусства и науки – их единства и различия – главный акцент стал ставиться на том, что наука и искусство – вещи весьма *разные*. Более того, сложилась традиция разводить на *полярные* позиции науку и искусство, красоту и истину, художественное и понятийное мышление, *противопоставлять* науку и искусство в качестве двух чуть ли не несовместимых по своей природе сфер жизнедеятельности человека. Немало сторонников стали выдвигать тезис о *превосходстве* науки над искусством. Искусство некоторые авторы стали рассматривать чуть ли не как своеобразную «иллюстративную науку». К примеру, Лейбниц определял ценность поэзии по отношению к науке приблизительно как 1:7 [3, 407]. В 60-е гг. XX века ошибочная гиперболизация рациональных форм деятельности, прямая и плоская экстраполяция форм и методов науки на все сферы духовной деятельности достигли крайней остроты в знаменитых спорах физиков и лириков, инициированных апологетами рационализма. Один из них (инженер И. Полетаев) заявлял: «Мы живем творчеством разума, а не чувства», а посему «искусство отходит на второй план», оно должно быть оставлено «для любителей» и «для досуга» [4, 28–29]. Из чего логично следовал вывод, что при обсуждении смежных проблем науки и искусства найти общий язык невозможно.

Как это убедительно показал в своей книге «Две культуры» (1971) Ч. П. Сноу (1905–1980), в мировом образовании в последние два столетия господствовали *технократические и эциентистские* тенденции. Они во многом и предопределили его нынешнее состояние. Узкодисциплинарный подход к конструированию содержания профессионального образования, резкое обособление в нем двух компонент – естественнонаучной и гуманитарной – привели к фрагментарному восприятию действительности выпускниками вузов, и, как следствие, обернулись неспособностью многих из них предвидеть, адекватно и комплексно оценивать глобальные экологические, цивилизационные, образовательные кризисы. Явно принижается значение искусства, систематического эстетического образования в *технократической* концепции человека, культуры и образования (А. Моль, М. Фуко, К. Леви-Стросс, Ж. Лакан, Ж. Дюмезиль), средства же массовой коммуникации рассматриваются в качестве чуть ли не единственного фактора

формирования мышления людей. То же самое наблюдается и в *теоретико-информативной* и *социокоммуникативной* концепции искусства, в которых художественно-информативная природа искусства абсолютизируется в ущерб гносеологическим, аксиологическим, онтологическим, психологическим и другим подходам к искусству.

Между наукой и искусством действительно существуют принципиальные различия. Вопросы, которые стоят перед *учеными*, проще всего формулируются так: что такое объективный мир, существующий вне и независимо от моего сознания; каковы закономерности развития, действующие в природе и обществе независимо от моей воли; какова сущность и взаимосвязь явлений, происходящих в действительности независимо от моих восприятий? Вопросы, которые в тех же общих чертах осознанно или неосознанно побуждают к деятельности *художника*, формулируются иначе: какова она, реальная жизнь, и кто такие мы, люди, в природе и обществе; каково человеческое содержание нашей жизни в окружающем нас объективном мире; каким я его воспринимаю и чего от него хочу? Предмет науки – весь сущий мир, включая людей, но безотносительно к личности самого познающего человека. В самом деле, ученый в интересах истины стремится охватить объект познания как бы со стороны, так, будто сам он тут ни при чем, словно бы игнорируя факт собственного существования. Такая *познавательная позиция вынуждает его к самоустранению и специализации. Он добивается безличного, однозначного результата.* Предмет искусства – тоже весь сущий мир, включая людей, но уже в соотносительности с личностью самого познающего человека, со всем его жизненным опытом. И потому-то художник охватывает действительность во всем многообразии своих навыков и переживаний, восприятий и проявлений. Иначе говоря, не только разносторонне, многозначно, но и эмоционально, чувственно. Ученый стремится обрести объективное содержание вещей и явлений окружающего мира в их взаимосвязях. Художник стремится привести явления окружающего мира в связь с собой и тем самым выявить объективное содержание этого единства. И то, и другое творчество продиктовано внутренней необходимостью, желанием познать, а тем самым переустроить жизнь, сделать ее совершеннее и гармоничнее, упорядочить ее. И то, и другое стремление может быть осуществлено лишь в объективированном виде, в процессе материализованного мышления, которое мы и называем творчеством, созиданием. Для ученого единственная возможность осуществить и завершить этот процесс заключается в создании модели познаваемого предмета. Речь идет не только о предметной модели, которая далеко не всегда обязательна. Моделью можно считать и *систему научных понятий*, выражающих сущность этого предмета, его теорию. Например, любая открытая ученым закономерность, выраженная словесно, или в виде математической зависимости, или в виде химической формулы, может рассматриваться в качестве мысленной модели реальных процессов. Для художника реальная возможность обрести единство с предметом познания – воссоздать его художественно в произведении искусства. Задачи у каждого из них остаются вполне определенными и конкретными. Ученый «стремится к точности понятий и выводов, к однозначности, строгой систематизации и формализации». Творческий поиск художника, напротив, «предполагает большую степень свободы, многозначность образов, ситуаций, выводов в соответствии с многообразием свойств объекта познания – реального человека в реальной системе общественных отношений. Художник пытается не только схватывать явления в их богатстве и взаимообусловленности, подходить к ним с разных сторон, но и конструировать различные ситуации – действительные и воображаемые» [4, 189]. И так, наука и искусство – вещи действительно разные. «Величайшим оскорблением для ученого будет обвинение: “Вы получили невоспроизводимый результат”; эти же слова, обращенные к художнику, являются похвалой» [5, 52].

Вместе с тем растущее разделение труда, предельная специализация все больше вызывали и вызывают обратную тягу – к постижению целостности явлений, к поискам стыков между различными сферами человеческой деятельности. Многие из ученых сами отвергали и отвергают идею «науки для ученых». «Это так же плохо, – говорят они, – как искусство для художников и религия для священников» [6, 160]. Гуманитарно-педагогическая установка научной мысли Галилея, Ньютона, Лейбница и мн. др. выражалась в органическом соединении ученого и литератора в одном лице, в литературном совершенстве их научного стиля, в стремлении вести диалог с максимально широкой аудиторией [6, 17], а то и просто в двойном профессионализме (Леонардо да Винчи, Микеланджело, М. В. Ломоносов).

«Нити зависимости искусства от науки и нити влияния искусства на науку... опутывают историю человеческой культуры...» [7, 127]. Взаимосвязи проявлялись в самых разных формах и на разных этапах развития цивилизации. «Самое ходячее из избитых мнений во все века – представление о сухости, голой рациональности, аэмоциональности, аэстетичности и предмета, и процесса, и результата научного творчества... Наука включает эмоциональный, а также эстетический элементы, хотя роль их иная, чем роль рационального элемента в искусстве. Так, эстетический элемент не необходим самому научному «произведению» органически. Однако не будь его, вероятно, не много нашлось бы людей, предпочитающих науку всему остальному... Само понятие интеграла полно красоты – это удивительное соединение бесконечно многих элементов, каждый из которых бесконечно мал, и такое соединение, которое уместно отлиться в определенную форму конечной величины...» [8, 135].

В истории науки неоднократно предпринимались попытки установить связь между красотой и математикой, численными измерениями. Для Платона красота «в последнем счете есть не что иное, как мера, соразмерность, симметрия, гармония, порядок и вообще все то, что сводится к числу или числовой упорядоченности» [9, 669]. Пифагор вообще проводил отождествление красоты с Числом. Мир для него был гармонией, а гармония – Числом. В «Эстетике пропорций в природе и искусстве» М. Гика утверждалось, что «всякая гармония может быть выражена или символизирована числами», и что «числа и математические обозначения, выражающие соотношения чисел, способны создавать ритмическую гармонию...» [10, 4]. К. А. Тимирязев видел внутреннюю связь между логикой исследователя природы и эстетическим чувством ценителя ее красот, а Г. Флобер, в свою очередь, утверждает, что закон чисел управляет чувствами и образами...

Делались попытки найти точное, в виде математической формулы, выражение эстетической ценности архитектуры: красота сооружения соотносилась с количественной мерой. По У. Хогарту, секрет, благодаря которому грекам удалось добиться непревзойденной красоты в искусстве, назывался «аналогией» и имел определенное математическое значение. О соотношенности математического мышления с элементами художественного немало интересного содержится в книге американского ученого С. Бьюкэна «Математика и поэзия». Некоторые деятели науки сами обращаются к жанру научной фантастики (И. Ефремов, В. Обручев).

Э. Розерфорд в процессе научного открытия находил немало точек соприкосновения с актом художественного творчества, а Ф. Хатчесон, рассуждая «О красоте теории», считал возможным говорить о *красоте познания, красоте мыслей*, от которых он испытывал интеллектуальную радость и удовлетворение. При этом он разделял собственно научное знание (оно было для него «всегда однообразно одинаковым») и его поиски, обретение неочевидной и в то же время всеобщей истины. Именно последние сопровождаются эстетическим переживанием – бурно нарастающим восторгом.

Силу Н. Бора многие видели не только и не столько в математическом анализе, сколько «в удивительной мощи фантазии, видящей физическую реальность конкретно, образно и открывающей в ней новые, никем не предугаданные связи» [11, 173]. Д. И. Менделеев в «Основах химии» говорил о прелести кристаллических образований, математик Анри Пуанкаре спорил с теми, кто исключает из математического творчества эстетические чувства, кто забывает о чувстве математической красоты, К. А. Тимирязев приходил к общему выводу о том, что между логикой исследователя природы и эстетическим чувством ценителя ее красот есть какая-то внутренняя связь. Розерфорд признавался в своем искушении взглянуть на процесс научного открытия как на форму художественного творчества. Леон Бриллюэн в математических образах видел поэтические свойства. Поль Дирак считал, что красота научной теории является самым надежным показателем ее истинности.

А. Эйнштейн писал еще в 1935 г.: «Чем более тонкой и специализированной становится наука, тем сильнее чувствуется необходимость постичь ее существенные черты наглядно и легко, без технического аппарата... Испытываешь радостное и вдохновляющее чувство, видя проблему изложенной кратко и живо во всем ее разнообразии и во всех ее связях» [6, 194]. Эйнштейну особенно близки Кеплер, Галилей, Ньютон, Фарадей, Максвелл, Лоренц, Планк, которые стремились к установлению *единой картины мира*. Научные идеи им оценивались в широком

гуманитарном аспекте. На историю науки он смотрел как на часть истории культуры человечества. За формулами, теориями и гипотезами он не терял объективного содержания явлений, общей картины мира. О науке, ученых он пишет на ясном выразительном языке, находит особые формы диалога с читателем. Сочетает в своем лице не только теоретика-ученого, но не в меньшей степени художника слова. О Ньюtone он пишет: «Его радость созидания и ювелирная точность проявляются в каждом слове, в каждом рисунке» [6, 140]. О работах М. Планка: «То удовольствие, которое испытываешь, когда берешь в руки эти книги, в немалой степени обусловлено простым, поистине художественным стилем, присущим всем работам Планка. При изучении его трудов вообще создается впечатление, что требование художественности является одной из главных пружин его творчества. Ведь недаром рассказывают, что Планк после окончания гимназии сомневался, посвятить ли себя изучению математики и физики или же музыки» [6, 1].

Эйнштейна беспокоит то, что коренное свойство научного текста и научного знания в целом – ценность конечного результата безотносительно к субъективным характеристикам, его «безличность» – превращается в источник обезличения, обезчеловечивания самого процесса научного поиска. Он постоянно ищет «некий всеохватывающий принцип, который позволил бы, оценивая науку «инструментально», утилитарно, этически, политически и т. д., интегрировать все столь многообразные оценки» [12, 259].

В процессе научного познания одинаково важную роль играют как *ассоциативное мышление*, так и *ассоциативное чувство*. В истории науки известны случаи, когда крупнейшие открытия совершались учеными по ассоциациям, возникавшим в связи с таким явлением, которое, на первый взгляд, имело мало общего с самим открытием (упавшее яблоко для Ньютона; кирпич, обтекаемый струей воды, для Жуковского; бумажный змей для Циолковского и др.).

В свою очередь, представители художественной культуры, например писатели, настаивали на *союзе правды и красоты*. «Прекрасное прекрасней во сто крат, увенчанное правдой драгоценной» – главный мотив 54 сонета В. Шекспира. Гете, возражая против несовместимости поэзии и науки, писал: «Забыли, что наука развивалась из поэзии; не принимали в соображение, что в ходе времен обе отлично могут к обоюдной пользе снова дружески встретиться на более высокой ступени» [8, 134]. Идею союза «музы» и «разума», вдохновения поэта и вдохновения геометра разделял А. С. Пушкин в стихотворении «Движение» (1825) и в знаменитом отрывке «О, сколько нам открытий чудных» (1829). А. И. Герцен называл истину не просто прекрасной, а «лучезарной». К взаимообогащению науки и искусства постоянно призывал М. Горький. Существует немало случаев, когда писатели своими предсказаниями намного опережали научные открытия (творчество Жюль Верна, Г. Уэллса, «Гиперболоид инженера Гарина» Толстого, романы А. Беляева и др.). В жанрах научной фантастики мы встречаемся с особенно зримым проявлением способности искусства и науки взаимно обогащать друг друга. «Научная фантастика – уникальный способ познания будущего. В меру своих знаний писатель-фантаст всегда – исследователь» [4, 191].

Художественное освоение и познание мира искусством бывает настолько глубоким, что может породить даже парадоксальные, на первый взгляд, утверждения, самое знаменитое из которых принадлежит Эйнштейну: «Если вы спросите, кто вызывает сейчас во мне наибольший интерес, то я отвечу: Достоевский!.. Достоевский дает мне больше, чем любой научный мыслитель, больше, чем Гаусс!» [13, 162].

Выводы

Таким образом, отношения между наукой и искусством не являются борьбой полярных противоположностей, не носят они и субординационного характера. Это процесс взаимопроникновения, взаимообогащения двух равных и самостоятельных начал. Представления о научном мышлении как сфере исключительно логически-понятийной, а о мышлении художественном как только образном сегодня обнаруживают свою полную несостоятельность. Художник и ученый – две важнейшие фигуры культурно-исторического процесса. Одностороннее мнение о влиянии науки на искусство или, наоборот, искусства на науку должно уступить место изучению взаимодействия и взаимообогащения искусства и науки.

Самое главное, чему может содействовать системное объединение в содержании высшего педагогического образования образных и понятийных начал, это тому, *чтобы наука не противостояла гуманизму и всему человеческому*. Чтобы отход от «гуманитарно-педагогического принципа» культуры, абсолютизация формализованного, естественнонаучного знания не оборачивались, по Т. Манну, безумием (образ Леверкюна), наука и искусство должны быть *правой и левой руками человеческой цивилизации*, а следовательно, и модернизируемой сегодня высшей педагогической школы. Содержание высшего педагогического образования, *объединившее в себе науку и искусство, становится более гибким и всеобъемлющим*. Оно способствует развитию не только абстрагирующей деятельности ума, логического конструктивно-математического мышления, но и развитию интеллекта человека в целом, его способности понимать тончайшие нюансы науки и искусства.

Если «мир может состоять из музыкальных нот, так же, как из математических формул», то и в интегрированном преподавании та же математики может предстать как своего рода «поэзия логики идей» [6, 198, 143, 140]. Не только общение с искусством на специальных факультетах (филологическом, живописно-графическом, музыкально-педагогическом), но и учебные искания истины на других факультетах педвуза должны приносить наслаждение познанным, более совершенным знанием о мире, содержать элемент эстетический.

Более тесная, чем это наблюдается сегодня, взаимосоотнесенность науки и искусства на занятиях по искусствоведческим дисциплинам поможет созданию «образа эпохи», будет способствовать тому, чтобы при формировании научного мышления будущих учителей (любой специализации) присутствовал, говоря словами Эйнштейна, элемент поэзии и другие качества, в какой-то мере родственные художественному творчеству: внутренняя целесообразность, стройность, логически оправданная соразмерность, изящество.

Литература

1. Клигберг, Л. Проблемы теории обучения / Л. Клигберг ; пер. с нем. – М. : Педагогика, 1984. – 256 с.
2. Хазова, Л. В. Преподаватель: ценностные ориентации и мотивы. Подготовка и повышение квалификации преподавателей / Л. В. Хазова // Соц.-полит. журн. – 1997. – № 1. – С. 96–109.
3. Наука и научно-технический прогресс / редкол.: А. А. Долгунов [и др.]. – М. : Искусство, 1973. – 463 с.
4. Взаимодействие науки и искусства и творчество художника / под ред. К. А. Зуева. – Киев : Навук. думка, 1988. – 280 с.
5. Анисимов, В. И. Система принципов моделирования содержания литературного образования / В. И. Анисимов // Веснік Мазырскага дзяржаўнага ін-та імя Н. К. Крупскай. – 1999. – № 1. – С. 10–12.
6. Эйнштейн, А. Собр. науч. тр. : в 4 т. / А. Эйнштейн ; под ред. А. Мошковского. – М. : Наука, 1967. – Т. 4. – 380 с.
7. Данин, Д. Перекресток. Писатель и наука / Д. Данин. – М. : Сов. писатель, 1974. – 302 с.
8. Мейлах, Б. С. На рубеже науки и искусства. Спор о двух сферах познания и творчества / Б. С. Мейлах. – Л. : Наука, 1971. – 248 с.
9. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Софисты, Сократ, Платон / А. Ф. Лосев. – М., 1969.
10. Гика, М. Эстетика пропорций в природе и искусстве / М. Гика. – М., 1936. – 163 с.
11. Инфельд, И. Страницы биографии физика / И. Инфельд // Новый мир. – 1965. – № 9.
12. Искусство и точные науки / под ред. Д. Данина. – М. : Наука, 1979. – 296 с.
13. Мошковский, А. Альберт Эйнштейн. Беседы с Эйнштейном о теории относительности и общей картине мира / А. Мошковский, – М., 1922. – С. 162

Summary

The article is devoted to the development of a problem of synthesis of a science and art as conceptual basis of the integrated reforming of the maintenance of the maximum pedagogical formation.

Поступила в редакцию 18.11.08.

УДК 371.016:78

*Е. Г. Дедковская***АВТОРСКАЯ ПЕСНЯ В МУЗЫКАЛЬНО-ЭСТЕТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ УЧАЩИХСЯ**

В статье доказывается, что авторская песня может стать эффективным средством музыкально-эстетического воспитания учащейся молодежи при педагогически целенаправленной активизации оценки таких сторон песенного творчества, как смысловое содержание текста песни, художественные средства выразительности, идейная позиция автора.

Введение

Проблема воспитательного значения авторской песни в музыкально-эстетическом становлении личности принадлежит к числу наиболее важных для практической педагогики. Увлеченность побуждает учащегося к самостоятельному приобретению новых знаний, под ее влиянием заметно изменяется весь характер деятельности. Она становится активной, творческой, углубленной [1, 16].

Богатством и разнообразием тематического материала авторской песни определяются «вхождение» личности в образный мир музыкального произведения, понимание идейной позиции автора. Простой и доступный текст песни способствует установлению прямых или опосредованных связей содержания произведения с окружающей действительностью и внутренним миром слушателей и исполнителей, что, в конечном счете, позволяет воздействовать на восприимчивую психику личности, оказывает помощь в углублении интереса к музыкальному искусству в целом.

Современная литературная критика свидетельствует, что жанр авторской песни неоднороден по своим эстетическим качествам. При большом количестве любителей-самоучек в нем выступает целый ряд крупных, оригинальных поэтов, в творчестве которых основой является стихотворный текст, а мелодию в большинстве случаев можно рассматривать лишь как его мелодекламационный орнамент. Обогащенная музыкой, органически связанная с мастерством авторского исполнения, поэзия становится серьезным материалом для научного исследования.

Цель исследования – выяснение причин, предпосылок и условий формирования названного явления в урочной и внеклассной деятельности; освещение проблемы взаимодействия с другими видами деятельности: музыцированием, художественно-поэтическим творчеством – с целью определения специфики достижения наилучших результатов. В школьной практике аспект музыкально-эстетического воспитания средствами авторской песни, на наш взгляд, находит лишь частичное воплощение. Между тем в каждой из сторон формирования личности учащегося, будь то воспитание эстетическое или нравственное, физическое или трудовое, есть элементы, которые могут быть развиты наиболее эффективно средствами именно песенного искусства.

Под эстетической оценкой авторской песни мы понимаем способность учащихся анализировать отображенные в ней природные и социальные явления действительности, отношение к ним автора и художественные средства выражения авторского отношения. Главное эстетико-воспитательное значение жанра основано на возможностях авторской песни формировать духовный мир человека, способствовать его нравственному обогащению [2, 8].

Актуальность работы связана, прежде всего, с масштабами распространения, с массовой популярностью, с новаторским характером авторской песни в молодежной среде.

В ходе исследования предстояло решить следующие задачи:

- проанализировать специфику, возможности и закономерности воспитательного воздействия жанра на сознание подростка;
- определить уровни эстетического отношения к авторской песне;
- выявить потенциальные возможности различных форм внеклассной и урочной воспитательной работы для формирования интереса школьников к жанру;
- обосновать и экспериментально проверить содержание, методы и формы музыкальной деятельности, способствующие наиболее эффективному формированию творческой личности школьника.

Результаты исследования и их обсуждение

В настоящей работе исследуются возможности жанра авторской песни как эффективного средства музыкально-эстетического воспитания учащейся молодежи в урочной и внеклассной работе.

Исследуя данную проблему в рамках школьных занятий, мы опирались на систему художественно-творческих заданий, предусматривающих:

1. Целенаправленное духовное развитие учащихся, обеспечивающее, в свою очередь, активизацию творческих навыков, знаний и чувств.

2. Систематичность и последовательность занятий, призванных расширять музыкально-песенный кругозор.

3. Повышение доли самостоятельности учащихся при решении учебных задач как условие активизации внутренней установки детей на творчество в процессе музыкально-эстетической деятельности.

4. Изучение и анализ специфики формирования эстетического отношения школьников к жанру авторской песни в условиях музыкально-творческой деятельности.

Работа проводилась по двум направлениям, которые включали в себя несколько этапов. Первое направление – организация деятельности учащихся в рамках учебных занятий, цель которой – обогащение их знаниями музыкального искусства, формирование у них навыков восприятия и устойчивого интереса к авторской песне, эмоциональной отзывчивости. Задача второго направления (внеклассная работа) состояла в том, чтобы опыт, приобретенный учащимися в кружке, был включен в жизнедеятельность школы, в многообразные межличностные отношения путем музыкально-эстетического просвещения подростков (концертные выступления и творческие встречи).

Эксперимент состоит из четырех этапов. Первый этап (*начальный – накопление впечатлений*) направлен на формирование у учащихся осознанного восприятия жанра авторской песни. *Цель* – формирование у подростков нравственно-эстетической оценки авторской песни. Достижение этой цели является, по нашему мнению, одним из важных звеньев как в процессе формирования у детей эстетического отношения к авторской песне, так и в решении вопросов духовного обогащения учащихся, формирования художественного вкуса средствами самостоятельного песенного творчества на музыкальных занятиях. Для достижения данной цели мы использовали разные методы работы: подготовка бесед о творчестве и жизни авторов, дискуссии, чтение докладов по проблеме особенностей жанра, посещение концертов, праздников песни, общение с природой. Решающая роль отводилась накоплению слушательского опыта, поскольку ученики получают впечатления из разных источников, и не всегда педагогически ценных. Они знакомились с творчеством современных бардов, а также авторов, которые стояли у истоков самостоятельного песенного движения. Важнейшим фактором накопления впечатлений явилось коллективное посещение концертов с последующим их обсуждением, в программе которых звучали произведения популярных авторов С. Никитина, Е. Клячкина, А. Якушевой, Б. Вайханского, В. Егорова, В. Вихорева, В. Берковского, А. Мирзаяна, Ю. Кима и др.

Таким образом, накопление музыкальных впечатлений, расширение художественного кругозора учащихся шло по всем доступным информационным каналам. Эта деятельность имела определенную направленность – знакомство учащихся с лучшими образцами жанра авторской песни.

На пути к намеченной цели были использованы следующие приемы воспитания и обучения: сравнение песен разных жанров, приемы, ориентирующие на избирательное общение с авторской песней, и др. На протяжении первого полугодия музыкальных занятий были поставлены и решались следующие задачи: развитие интереса к авторской песне, выяснение особенностей жанра с точки зрения прекрасного.

Второй этап формирующего эксперимента – *развивающий*. На данном этапе были поставлены и решены следующие задачи: развитие творческих способностей и творческой активности учащихся; выработка навыков игры на гитаре; развитие художественного вкуса. С эстетической точки зрения работа по развитию творческой активности учащихся помогает развить художественный вкус, учит видеть красивое вокруг себя, острее реагировать на прекрасное, воспитывает их критическое отношение к словам, звукам, формам выражения. Педагогическая

направленность таких занятий очевидна: углубляются знания в области речи и в музыке, занятия проходят интереснее, воспитывается внимание, и, что немаловажно, личность учащегося раскрывается, становится свободнее, мысль его работает самокритичнее, благожелательнее. Работа по раскрытию и активизации творческих возможностей на занятиях кружка средствами авторской песни сочетается с пением, слушанием музыки и сочинением стихов и мелодий. Однако научить учащихся сочинять без какой-либо подготовки трудно, а подчас невозможно. Подступы к музыкальному сочинительству лежат в умении приглядеться к окружающему, высказать своими словами то, что видишь, но высказать красиво. А красиво сказать можно только после того, как сумеешь увидеть красивое и в жизни, и вокруг себя. Умение сочинить небольшое стихотворение необходимо не только потому, что оно играет роль стимулятора воображения, воспитывает вкус к красоте, приучает к наблюдательности, но и потому, что от слова к музыке лежит дорога, по которой ученику легче пройти: ведь слово конкретно, оно прямо выражает определенную мысль [3, 21–22].

С чего мы начинали сочинительство? Во-первых, учащиеся должны были свободно выражать свои мысли прозой; во-вторых, сочинять стихи на заданную рифму и произвольно (сочинение стихов на заданную рифму выполнялось труднее, т. к. было «сковано» рамками заранее подготовленных слов, фантазия учащихся работала не так свободно и образно); в-третьих, переходили от сочинения слова к сочинению музыки и к сочинению целой песни. Заключительный этап работы заключался в исполнении песни, сочиненной автором, под собственный аккомпанемент.

В самом начале этапа исследования учащиеся подражали известным мастерам бардовского движения и в стихах, и в музыке. Однако преемственная связь между «своим» и «чужим» словом, неосознанное переименование выступают как первые этапы творческого развития учащихся.

Анализируя стихотворные тексты, можно сделать вывод, что учащиеся в своем развитии всегда черпают темы из окружающего мира и могут применять по-своему и гораздо больше, чем только то, что получают в школе в процессе систематического обучения. Желая создать нечто «свое», учащиеся по-своему «переваривают» полученную информацию независимо от того, где они ее получили. Малоопытный в сочинении ученик, получив задание написать стихотворение, опирается на ранее известные ему стихи, варьируя отдельные строки и образ, сохраняя настроение и обороты. Аналогичное явление происходит и при сочинении мелодий песни: в них слышны интонации Ю. Визбора, С. Никитина, Б. Вайханского и др. авторов.

На начальном этапе художественно-творческого развития использовался один и тот же музыкальный материал для формирования у учащихся элементарных технических и исполнительских представлений, первоначальных навыков игры на гитаре, простейшего аккомпанемента к мелодии песни, несложная мелодия, гармония, простой, запоминающийся текст. Поэтому одни и те же песни мы использовали как своего рода образец для самостоятельного творчества. При проведении данной работы учитывались возрастные особенности школьников. Проведенная работа на данном этапе исследования дала возможность сделать вывод, касающийся имиджа учителя музыки. Чтобы иметь успех у подростков, нужно не только быть свидетелем или организатором интересных событий и экспериментов, но и самому быть интересной личностью. Молодежь ценит в представителях старшего поколения интеллектуальные и моральные качества, внешнюю культуру, современность, яркую индивидуальность.

Третий этап (*нравственно-эстетический*) явился продолжением предыдущего, но основное внимание здесь было обращено на создание положительного эмоционального фона, при котором подростки сознают, что общее дело на радость и пользу другим обогащает их не только эстетически, но и нравственно. Задача данного этапа исследования состоит в воспитании эстетически-моральных качеств у учащихся путем совместной творческой деятельности. Участники экспериментальной группы были разделены на две подгруппы – одни сочиняли мелодии к песням, другие писали стихи. Полученный результат работы – песня – исполнялся и анализировался таким образом: создавалась экспериментальная ситуация, при которой учащиеся ставились в положение личной готовности к эмоциональному отклику, позволяющее

объективно оценить деятельность своего товарища. Были разработаны творческие задания типа рассказать о чувстве, пережитом ранее в связи с прослушанной песней; определить чувство героя, исходя из характера мелодии. Одна из основных целей третьего этапа – формирование у подростков определенных личностных качеств средствами авторской песни.

На четвертом этапе (*созидательном*), благодаря выдвижению новых перспектив, проводилась активная творческая работа. Важнейшим звеном стала организационно-массовая, пропагандистская работа. Традиционно она имеет ряд уровней. Во-первых, мероприятия (праздники, конкурсы, концерты) для учащихся. С одной стороны, при этом развивается чувство коллективизма, с другой – создаются условия и стимулы для максимального развития индивидуальных способностей [1, 17].

Работа на данном этапе включала в себя музыкальные вечера «Давайте восклицать..!», «Когда стихи обретают музыку..!», «Наполним музыкой сердца», «От простого к сложному» и др. Открытые заседания включали в себя дискуссии, диспуты, анализ бардовских сочинений, коллективное исполнение песен под сопровождение гитары. Основу музыкального репертуара литературно-музыкальных композиций составили сочинения с ярко выраженной эстетической направленностью: А. Городницкий «Атланты», Арик Крупн «Осенняя песня», В. Егоров «Друзья уходят», А. Дольский «Вешняя земля», А. Суханов «Моя звезда», «Апрель», Б. Вайханский «Прощальная песня», Н. Матвеева «Девушка из харчевни», В. Долина «Пастораль» и др. В результате такого вида работы создавались благоприятные условия для приобретения навыков восприятия, переживания и оценки данных произведений. Преодолевалось пассивное, потребительское отношение к различным жанрам вокального искусства, активизировался интерес к музыке и поэтическому слову не только у исполнителей, но и у слушателей. В процессе слушания и исполнения авторских произведений фиксировались те нравственно-эстетические понятия, которые близки учащимся, связаны с их жизненным опытом: от понятия «сочувствие» до осознанного чувства добра как жизнеутверждающего принципа человеческих отношений.

Однако организация концертных выступлений, разучивание новых песен, сочинение стихов и мелодий – не единственная и не главная задача эксперимента. Первостепенным здесь выступает создание дружного коллектива, объединенного общими устремлениями и радостями, общей идеей пропаганды авторской песни; коллектива, который воспитывал бы в ребятах чувство дружбы, бескорыстия, взаимной ответственности друг перед другом. Главным помощником в достижении этих целей становится авторская песня.

Таким образом, результатом проведенного исследования, подтвердившего выдвинутую гипотезу и актуальность проблемы, являются следующие положения:

1. Авторская песня, содержащая в себе большие воспитательные возможности, является эффективным средством музыкально-эстетического воспитания подрастающего поколения, обогащая его знаниями законов музыкального искусства, которые необходимы для его понимания, формирует вкус, развивает навыки и умения, которые позволяют учащимся стать активными слушателями, умелыми исполнителями, а в отдельных случаях и создателями стихов и мелодий. Воспитательное значение жанра обусловлено тем, что в нем содержатся две особенности, характеризующие нравственно-эстетическое начало авторской песни: отображение позитивного отношения человека к лучшим качествам личности и негативного отношения к ее отрицательным качествам; отображение отношения человека к явлениям природы и его взаимодействия с природой. Музыкальный и поэтический язык авторской песни прост и понятен по содержанию, однако с его помощью выражаются высокие идеалы человека.

2. Из всего многообразия внеклассных форм музыкально-эстетического воспитания наиболее эффективной является кружок, объединяющий в себе учебно-творческие формы работы: сочинительство, исполнительство, игру на инструменте, пропагандистско-концертную деятельность. Творческая деятельность в кружке авторской песни направлена на перевоплощение действительности в соответствии с личными целями и потребностями человека. Кружок создает большие возможности для проявления склонностей и развития музыкальных, творческих способностей учащихся; расширяя рамки урока, способствует развитию личности средствами вокального искусства.

3. Констатирующее изучение отношения к авторской песне подростков с точки зрения прекрасного, проведенное по завершении формирующего эксперимента, выявило определенные изменения в уровне показателей эстетической оценки авторской песни в экспериментальных группах. Если в начале эксперимента оценка высокого уровня равнялась 15%, то к концу эксперимента она выросла до 80%. Учащихся с низким уровнем отношения не зафиксировано вообще. Необходимо отметить, что в экспериментальных группах учащиеся успешно выполняли поставленные задачи, включающие анализ жанра авторской песни, выявляли главенствующую позицию слова по отношению к мелодии и единство мелодии и слова. Результаты формирующего эксперимента убедительно свидетельствуют о качественно новом, более высоком уровне в духовном развитии школьников.

4. Решающую роль в музыкально-эстетическом воспитании личности играет художественная деятельность, необходимая не только профессионалам, но и всем без исключения людям, ибо она помогает формировать активное, творческое отношение человека к труду и к жизни вообще. В процессе музыкально-эстетического воспитания нельзя ограничиваться лишь пассивным наблюдением. Необходимо творческое проявление себя в искусстве, овладение навыками коллективного и индивидуального исполнительства.

5. Тематический материал произведений авторской песни вызывает высокие, ценные чувства, ведущие к духовному росту личности.

Выводы

Осуществленный анализ доступного для школьного возраста жанра выявил две особенности авторской песни, характеризующие ее нравственно-эстетическое начало: отображение позитивного отношения к лучшим качествам личности и негативного отношения к ее отрицательным качествам.

Воспитательные возможности авторской песни, раскрытые в ходе анализа музыкального материала, дают основание утверждать, что авторская песня является одним из эффективных средств музыкально-эстетического воспитания учащихся, включая в себя доступные для понимания школьников идеалы человека, богатый опыт его отношения к действительности, яркие средства художественной выразительности. Авторская песня оказывает на школьников большое эмоциональное воздействие, при котором процесс музыкально-эстетического воспитания становится наиболее результативным.

Таким образом, проверка разработанной нами методики в условиях кружковой и учебно-музыкальной деятельности подтверждает ее педагогическую целесообразность и практическую значимость.

Реализация вышеизложенных положений на практике в определенной степени может обеспечить успешное претворение в жизнь требований и задач музыкально-эстетического воспитания учащихся, сформулированных в основных направлениях реформы общеобразовательной школы.

Литература

1. Бутник, А. Г. Формирование эстетического отношения подростков к музыкальному искусству во внеурочной деятельности / А. Г. Бутник. – М., 1991. – С. 15–17.
2. Андреев, Ю. А. Наша самодеятельная песня / Ю. А. Андреев. – М., 1983. – 8 с.
3. Некрасов, Е. А. Шесть вечных струн / Е. А. Некрасов // Знание. – № 7 – 1990. – С. 20–22.

Summary

The article serves to prove the fact that the authoring song (singer-poet's song) appears to be an effective means of music and esthetic upbringing of students, incase it is used with pedagogically aimed activation of such factors of creativity as contents of lyrics, artistic means of song expressiveness, the ideological position of the author.

Поступила в редакцию 05.11.08.

УДК 378.1

*М. И. Дронь***КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
И РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ
В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ИНФОРМАЦИОННОМУ ОБЩЕСТВУ**

В статье с позиций информационного и синергетического подходов проанализированы особенности функционирования и развития образовательных систем в условиях движения к информационному обществу. Рассмотрены пути оптимизации процесса их функционирования, изложены конкретные результаты определения целей, методологии, средств и принципов как функционирования, так и развития таких систем в современных условиях.

Введение

Информационный подход к изучению различных сфер деятельности человека находит все более широкое применение в современной науке, позволяя получать весомые результаты и при анализе образовательных систем.

Однако особую научную значимость и новизну приобретает он в сочетании с синергетическим и системным подходами.

Реализация информационного подхода в области педагогических процессов позволила нам подойти к созданию информационной педагогики, с позиций которой раскрываются в статье концептуальные основы функционирования и развития образовательных систем в условиях перехода к информационному обществу.

Результаты исследования и их обсуждение

Общество, государство, образование, как разновидности социальных систем, взаимосвязаны и взаимодействуют между собой в соответствии с принципами их иерархического построения и структурирования. Природой их субъектов они предопределены как синергетические, нелинейные, функционально-инновационные, самоорганизующиеся, саморазвивающиеся, самоуправляемые.

Следует отметить искусственный характер рассматриваемых систем. Все они создаются человеком и для человека. Именно поэтому и именно человек обязан создавать внешние и внутренние условия, т. е. управлять их устойчивым развитием в соответствии с принципами синергии, нелинейности, функциональности, инновационности, самоорганизации, саморазвития и самоуправления.

Современные образовательные системы представляют собой сложную иерархическую структуру, состоящую из подсистем подготовки студента, магистранта, аспиранта, докторанта, слушателя ФПК или ИПК. В более общем случае компонентом такой системы является также подготовка специалистов в профильных классах средних школ и в средних специальных учебных заведениях.

Эффективность функционирования таких систем зависит от взаимосвязи и взаимодействия отдельных компонентов, от того, насколько каждая составная часть успешно решает свои задачи и в какой степени она способствует достижению целей, стоящих перед всей системой.

Существующие на сегодня системы образования еще далеки от совершенства. В состоянии организации, развития, самоорганизации и саморазвития находятся как отдельные компоненты, так и системы в целом.

Кроме того, обеспечение соответствующих степеней свободы для функционирования и жизнедеятельности систем в соответствии с перечисленными выше принципами является необходимым, но недостаточным условием их устойчивого развития. Дело в том, что иерархия построения систем определяется иерархией достигаемых целей. Структурирование и выстраивание подсистем осуществляется в соответствии с их возможностями в достижении целей системами более высокого порядка.

Другими словами, изменение целей функционирования общества и государства, как и любых других социальных систем, требует корректировки целей функционирования и развития образовательных систем. Рассогласование целей по содержанию, форме, направленности или действие систем и подсистем в одном направлении, но не в пересекаемых форматах приводит к сбою и отторжению одних подсистем другими и неэффективному, неустойчивому функционированию общественных и государственных структур по созданию необходимых условий жизнедеятельности и устойчивого развития как общества и государства в целом, так и отдельного человека.

Каковы же пути оптимизации процесса функционирования таких систем? Прежде всего, необходимо учитывать, что системообразующим элементом является цель. Она определяет все особенности системы (ее структуру, содержание компонентов, их взаимосвязь, специфику функционирования и др.). Цель должна учитывать тенденции и перспективы развития общества, отражать реальные его состояния и в высшей степени быть диагностичной. Нечеткость, размытость, аморфность цели ведут к аморфности и низкой эффективности функционирования системы.

Наш опыт многолетней работы по подготовке студентов, бакалавров, магистрантов, аспирантов, опыт организации и проведения защит дипломных работ, магистерских, кандидатских и докторских диссертаций показывает, что проблема целеполагания в том виде, в каком она есть, еще очень далека от своего эффективного разрешения.

Проблема цели ни в каком случае не должна подменяться проблемой идеала, а это делается сплошь и рядом, причем на всех уровнях (от ученического до общегосударственного). К идеалу мы можем только стремиться в априорном плане, приближаться в какой-то степени к нему, но достичь его нельзя. Идеал есть идеал. В апостериорном плане подмена цели идеалом вела, ведет и будет всегда вести к крайне низким результатам функционирования и развития любых образовательно-воспитательных систем, к неудовлетворенности субъектов такой системы (учащихся, студентов, преподавателей, администрации), вызывать бифуркационные процессы и попросту разрушать ее.

Все сказанное полностью относится и к развитию общества, государства и любой другой системы самого высокого порядка, в чем мы имеем возможность убедиться на примере развития земной цивилизации в последние десятилетия.

Еще один концептуальный момент. Цели частных систем не имеют и не должны иметь стратегического приоритета перед целями более общих систем. В противном случае в последних возникнут процессы деструктивного характера, что приведет их к разрушению. Законы жизнедеятельности подсистем не являются более значимыми, чем законы систем более высокого порядка, в рамках которых они функционируют.

С учетом проведенного выше анализа можно сделать вывод, что выбор в качестве системы целей государства и системы образования, проверенных практикой мировых и отечественных стандартов и адаптированных к нашим условиям, имеет определенную логику и реальную возможность их достижения.

Эффективное, теоретически обоснованное, практически взвешенное решение данной проблемы имеет стратегический характер и требует высокого уровня развития методологических подходов и методологии в целом.

Наш опыт позволяет констатировать тот факт, что в последние годы (может быть, за исключением последних четырех-пяти лет) вопросы методологии на всех уровнях (от дипломных работ до диссертаций различного уровня и пр.) решались недостаточно эффективно как на теоретическом, так и на практическом уровне. А ведь это ключевые вопросы, их обойти нельзя. Без их разрешения не будет никакой эффективной подготовки, никакого эффективного функционирования как образовательных систем, так и государства в целом.

Результаты развития нашего общества подтверждают это. Прежде всего, мы должны учитывать, что бывают различные уровни методологии. И чем сложнее система, тем выше должен быть и методологический уровень ее осмысления, проектирования, реализации и т. п.

Следовательно, изложение, к примеру, курса информационной педагогики для учащегося колледжа, студента, магистранта, аспиранта, докторанта, деятеля государственного или межгосударственного масштаба должно осуществляться на разных уровнях методологии. В этом ключ в решении проблемы содержания, форм, методов и технологий образовательного процесса. Уровень методологии, реализуемый в стандартах, учебных планах, программах для студента и аспиранта, должен быть различным как по масштабам, так и по глубине, сложности, разнообразию и т. д. Название учебного предмета, темы, вопросы те же, а методология разная. Такая учебная дисциплина при внешнем подобии будет совершенно по-разному восприниматься студентом, магистрантом и др.

Название тем и формулировки вопросов могут совпадать, а характер изложения, степень обобщения, да и сами выводы будут другими.

На сегодняшний день это исключительно острая и важная проблема многоуровневой подготовки. Работая со студентами, магистрантами, аспирантами, докторантами, слушателями ФПК в течение многих лет, мы сталкивались с ней неоднократно. С позиции многолетней теоретической и практической работы ключ решения проблемы мы видим в предложенном нами подходе.

Сейчас разрабатывается новый пакет стандартов, учебных планов, учебных программ по учебным дисциплинам. Встает вопрос: какими должны быть учебные предметы для разных категорий обучаемых? Предлагается ввести разные темы, формы обучения, технологии.

Да, разнообразие должно быть, разнообразие тем, форм, методов. И чем сложнее система, тем выше степень разнообразия элементов. Но содержание разнообразия может быть разным. Очевидно, что разнообразие системы должно быть не только вширь. В условиях, когда все решают наукоемкие технологии, разнообразие должно быть, прежде всего, вглубь, внутрь. И реализация разных уровней методологии – это концептуальный подход, способствующий этому.

Однако отличие в методологических уровнях – это необходимое, но далеко не достаточное условие эффективного функционирования современных образовательных систем.

Изучение учебных дисциплин на различных ступенях обучения предполагает отличие в степени абстракции, языках описания событий, фактов, процессов, уровнях кодирования информации. Более высокой ступени обучения должна соответствовать и более высокая степень абстракции языка описания событий, явлений, процессов – от феноменологической ступени через аналитико-синтетическую и прогностическую к аксиоматической. Другими словами, от фактов, через качественный и количественный анализ – к широким и глубоким обобщениям на основе высокоабстрактных и формализованных языков.

Такой парадигмальный подход к построению учебных планов и программ, к подготовке учебников и учебных пособий, к проектированию и реализации педагогического процесса обеспечивает, как показывает наш опыт, глубокие отличия в особенностях интеллекта личности специалистов, находящихся на различных ступенях обучения.

С другой стороны, широта опыта будущего специалиста от ступени к ступени должна увеличиваться не только за счет накопления знаний, но и за счет формирования все более гибких и прочных умений и навыков. Единство глубокой теоретической и практической подготовки достигается путем сочетания лекций и семинаров методологического и теоретического характера с тренинговыми занятиями и продуманной самостоятельной работой. Такой подход составляет основу современных высокоэффективных педагогических технологий.

На каждой ступени обучения должны быть обеспечены и различные уровни усвоения опыта – от простейших операций по узнаванию до высокоэффективной творческой деятельности. Причем переход на более высокие уровни познавательной деятельности возможен только при условии достижения конкретных качественных и количественных показателей предыдущего уровня.

Эффективное развитие систем подготовки специалистов невозможно без учета основных направлений и перспектив развития общества, государства и цивилизации в целом. От аграрного через индустриальный и информационный период своего развития к обществу знания – таков эпохальный путь движения человечества. Переход к информационному этапу вносит разнообразие во все многочисленные компоненты любой социальной системы, в том числе и образовательной. Информационная составляющая, знания человека приобретают особый статус. Информационные процессы и ранее являлись центральными, глубинными в педагогических системах, поскольку они пронизывают все компоненты, обеспечивают их успешное функционирование и развитие.

В современных условиях их значение усиливается. Внешние условия по отношению к внутренним начинают действовать по принципу положительной обратной связи, ускоряя процессы по нелинейным законам. При этом образовательная система начинает функционировать как нелинейная, открытая, синергетическая и в высшей степени информационно насыщенная [1]. Значение информации и знаний возрастает. Это еще более усиливает развитие систем переработки информации любого уровня и формирования знаний и метазнаний на этой основе [2].

Знания можно определить как сложную, нелинейную систему, самоорганизация, изменение и развитие которой осуществляется на основе переработки поступающей информации в процессе непрерывного соотношения и уточнения сущности, содержания и особенностей одних систем посредством других систем третьими системами.

В условиях перехода к обществу знания информационные средства и связанные с ними процессы формирования знаний выходят на передний план и все компоненты системы подготовки специалиста, и целевой в особенности, приобретают специфические черты, о которых мы говорили выше. Все это накладывает отпечаток на образовательные системы и предъявляет к ним особые требования. Суть их может быть сведена к следующим положениям:

подготовку специалистов следует рассматривать как сложную нелинейную, информационно-синергетическую систему функционально-инновационного характера; целевой и содержательный компоненты образовательной системы должны быть насыщены информационными составляющими, которые являются основой формирования знания; деятельностная составляющая педагогической системы, представленная в формах, методах и технологиях, должна основываться на информационно-знаниевых процессах как приоритетных; методологическую и информационную культуру преподавателей и студентов необходимо повысить на несколько порядков; педагогическая диагностика, базирующаяся на современных информационных технологиях – обязательное звено педагогического процесса; насыщение информационной техникой и базами знаний педагогических систем следует довести до максимальных уровней; в деятельности специалиста наряду с информацией и знаниями особую значимость приобретают средства коммуникаций.

Средства достижения цели в образовательном процессе играют исключительную роль. Плохими средствами хорошего результата достичь нельзя. Ибо все плохое, что есть в средстве, переходит в результат, и в таком случае не следует удивляться, что уровень образованности и воспитанности граждан далеко не тот, который мы хотели бы видеть.

В условиях ограничения энергетических, материальных, финансовых и иных ресурсов, характерных для современного этапа развития общества, знания наряду с информацией как высокотехнологичные наукоемкие средства выходят на передний план. Это, в свою очередь, повышает значение и роль образовательно-воспитательных систем.

Знание как средство достижения целей, средство деятельности человека в социальных системах связано с формированием общества знания. С другой стороны, знание связано с информацией так же, как и информация со знанием. Общество знания и информационное общество – это две стороны единого процесса развития общества и личности каждого человека, предполагающие все более глубокое проникновение в сущность как понятия информации, так и знания и формирования на этой основе его информационной и гражданской культуры.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

- управление устойчивым развитием образовательных систем должно осуществляться в соответствии с принципами синергии, нелинейности, функциональности, инновационности, самоорганизации, саморазвития и самоуправления;
- рассогласование целей образовательных систем по содержанию, форме, направленности или действие систем и подсистем в одном направлении, но не в пересекаемых форматах приводит к сбою и отторжению одних подсистем другими и к неэффективному, неустойчивому функционированию;
- проблема цели ни в каком случае не должна подменяться проблемой идеала;
- изучение учебных дисциплин на различных ступенях обучения предполагает отличие в степенях абстракции, в языках описания событий, фактов, процессов, уровнях кодирования информации;
- в современных условиях значение информационных процессов усиливается. Внешние условия по отношению к внутренним начинают действовать по принципу положительной обратной связи, ускоряя процессы по нелинейным законам. При этом образовательная система начинает функционировать как нелинейная, открытая, синергетическая и в высшей степени информационно насыщенная.

Литература

1. Дронь, М. І. Канцэптуальныя асновы выхавання чалавека сродкамі інфармацыйнай педагогікі / М. І. Дронь // Адукацыя і выхаванне. – 2006. – № 5. – С. 40–44.
2. Дронь, М. І. Менеджмент і система экалагічнага образования сацыяльна-педагагічных кадраў (інфармацыйна-сінергетычны аспект) / М. І. Дронь // Праблемы экалогіі і экалагічнага образования Полесья в постчэрныбыльскі перыяд: матэрыялы Міжнароднага навучна-практ. канф. / рэдкал.: В. В. Валетов (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь: РИФ «Белый ветер», 2000. – С. 426–429.

Summary

In the article the conceptual bases of functioning developed by the author and development of educational systems in conditions of transition to an information society are presented.

Поступила в редакцию 05.12.08.

УДК 159.922

Л. А. Калач

**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПРИРОДЕ РЕБЕНКА
КАК ЭЛЕМЕНТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТА – БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА**

Каждый обычный человек располагает собственным суждением о природе человека, ребенка, входящим в общую имплицитную теорию личности и составляющим элемент его психологической культуры. Притом, что эти имплицитные теории личности могут быть весьма далеки от выявленных в науке фактов и закономерностей, они оказывают очень большое влияние на реальное поведение человека, стратегию жизненного пути, формирование субъектности и потому важны для понимания природы личности, особенно для педагогов.

Введение

Термин «имплицитная теория личности» предложен Дж. Брунером (J. Bruner) и Р. Тагиури (R. Tagiuri) в 1954 г. и обозначает наличие у каждого человека некоторой неявной, имплицитной теории относительно структурных и содержательных характеристик личности. На основании этих теорий мы делаем выводы о связях определенных черт характера, о наиболее вероятных причинах поведения ребенка, о мере ответственности за совершенное, опираемся на определенную концепцию воспитания и образования. В какой-то части **имплицитные теории имеют** индивидуальный характер и строятся на основе уникального опыта субъекта, а в какой-то отражают накопленный культурно-исторический опыт и закреплены в структуре языка, в дискурсе. Это позволяет реконструировать общие для различных групп испытуемых **имплицитные теории личности**, например теории интеллекта для одаренных детей [1].

Наиболее глубоко структурные и содержательные особенности **имплицитных теорий исследованы** в русле социальной психологии, в работах Дж. Брунера, Ф. Хайдера, Э. Джонса, К. Дейвиса, Г. Келли, Дж. Келли, Д. Бема, М. Лернер, Г. Маркус, Е. Уолстера, К. А. Абульхановой-Славской, Г. М. Андреевой и др. Многие параметры **имплицитной теории личности** разрабатывались в русле психосемантического подхода, в частности в работах В. Ф. Петренко, А. Г. Шмелева и др. В отечественной психологии в настоящее время активно изучаются различные аспекты обыденного представления об умном человеке (В. Дружинин), представление о механизмах эмоциональной неустойчивости личности (Е. А. Чудина), имплицитная теория личности одаренного ученика педагогов начальных классов (Н. В. Былинская).

Содержанием **имплицитных теорий являются не только** другие люди, но и сам человек. Его знание и мнение о самом себе сложны и многообразны. Знание о себе включает знание о множестве реальных и потенциальных Я, каждое из которых влияет на актуальное поведение в зависимости от эмоциональной и когнитивной значимости [2].

Особенность **имплицитной теории личности определяется** тем фактом, что сферой ее применения является и сам носитель теории, личность того, кому она принадлежит, что существенно повышает пристрастность носителя и затрудняет доступ к «объективной» информации, если в данном случае вообще возможна объективность [3].

Относительно той реальности, которая отражается в **имплицитной теории личности**, могут быть две противоположные точки зрения. С одной стороны, **имплицитная теория** создается с опорой на эмпирический опыт субъекта, и, значит, должна хоть в какой-то мере быть близка тому, что «есть на самом деле». С другой – она порождает определенную практику, которая затрагивает сложившееся положение вещей. А значит, эта теория, как и любая другая, неизбежно подвержена сильному влиянию идеологии, искажая реальность в нужном направлении, сохраняя стабильность внешнего и внутреннего мира. При анализе **имплицитной теории личности** со второй точки зрения речь идет не о соответствии реальности, а о том, что определяет конструирование представлений в той области, где опыт слабо влияет на образ мира.

Результаты исследования и их обсуждение

Представление о том, что и в какой степени в человеке зависит от врожденных задатков, обладает для субъекта высокой значимостью и малой очевидностью. Значимость определяется тем, что категория врожденного задает границы Я, границы ответственности субъекта за самого себя. Неочевидность этих границ позволяет проводить их достаточно произвольно. На уровне обыденного сознания существуют прямо противоположные точки зрения на роль врожденного в личности – от утверждения, что «все генетически детерминировано», до уверенности,

что все можно изменить при желании и «наивный субъект» располагает возможностью определять свою точку зрения на эту проблему в достаточно большом диапазоне, руководствуясь субъективным смыслом данной категории, ее личностной значимостью. Многообразный жизненный опыт дает подтверждение и одной, и другой точки зрения, и на уровне обыденного сознания оба мнения могут мирно сосуществовать, дополняя друг друга и давая возможность непротиворечиво, удобно объяснять многообразие конкретных фактов [4].

Одним из компонентов психологической культуры, на наш взгляд, является представление о природе человека. Основные положения о природе человека можно представить в виде следующих полярных понятий:

1. Свобода	Детерминизм
2. Рациональность	Иррациональность
3. Холизм	Элементализм
4. Конституционализм	Инвайронментализм
5. Изменяемость	Неизменность
6. Субъективность	Объективность
7. Проактивность	Реактивность
8. Гомеостаз	Гетеростаз
9. Познаваемость	Непознаваемость

Вышеперечисленные положения представляют собой относительно постоянные биполярные шкалы, и любой педагог может обозначить свою позицию в виде определенной точки между этими крайними полюсами. Другими словами, каждое положение представлено в виде континуума с двумя экстремумами (например, свобода расположена на одном полюсе первого континуума, а детерминизм – на противоположном полюсе этого же континуума). Рассмотрим каждое из основных положений и выявим отношение к нему испытуемых – будущих педагогов [5].

Свобода – детерминизм. Один из самых главных вопросов, имеющих отношение к человеческой природе, касается той степени внутренней свободы, которой люди обладают в выборе направления своих мыслей и поступков, а также в осуществлении контроля над своим поведением. В какой степени субъективно переживаемое чувство свободы участвует в принятии решений конкретными людьми? До каких пределов их поведение детерминировано факторами, которые частично или полностью находятся за пределами осознания? Философы и другие мыслители обсуждали этот вопрос на протяжении столетий. Он никоим образом не безразличен современной психологии и современной системе образования в целом.

Если данный теоретик личности, основываясь на своем личном опыте и множестве факторов, оказавших влияние на его интеллектуальное развитие, допускает, что люди обладают подлинной свободой выбора, это окажет существенное воздействие на его теорию. Вероятнее всего, этот автор сформулирует теорию, в которой люди рассматриваются изначально ответственными за собственные действия и, по крайней мере, в некоторой степени способными преодолевать влияние различных факторов своего окружения. В этой теории будет просматриваться тенденция расценивать свободный выбор как квинтэссенцию всего того, что подразумевается под понятием человек. С другой стороны, если персонолог склоняется к детерминизму, в его теории поведение человека будет описано как контролируемое теми или иными факторами. В этом случае на ученого будет возложена задача точного определения упомянутых факторов, и ее решению будет посвящена значительная часть теории. Детерминистски ориентированные теории личности заметно различаются в объяснении природы факторов, влияющих на поведение.

Рациональность – иррациональность. В основе измерения рациональность – иррациональность лежит вопрос о том, в какой степени сила нашего разума способна оказывать влияние на наше каждодневное поведение. Являются ли люди по своей сути рациональными существами, чье поведение направляется рассуждениями, или ими управляют иррациональные силы? Несмотря на то что ни один теоретик личности не придерживается убеждения о людях как исключительно «рациональных» или исключительно «иррациональных» существах, между ними наблюдаются отчетливые различия по этому исходному положению. Например, Келли в своей теории личности сделал акцент на рациональных процессах в функционировании людей. Он предполагал, что каждая личность – это «ученый», исследователь, и интеллектуальные процессы имеют первостепенное значение для понимания поведения человека. Полную противоположность представляет собой теория Фрейда. Фрейд придерживался убеждения, согласно которому только вследствие нашей завышенной самооценки мы отказываемся признать возможность того, что можем не быть непрекаемыми хозяевами во владениях собственного разума.

Холизм – элементаризм. Сторонники холистического положения утверждают: человеческая природа такова, что поведение можно объяснить только путем изучения индивида как единого целого. Элементаристическая позиция предполагает, что природа человека и поведение как ее результат могут быть объяснены только путем исследования каждого фундаментального аспекта поведения отдельно, независимо от остальных. Ключевым научным вопросом является уровень и единица анализа, применяемого при изучении индивидуумов. Согласно холистическому подходу, личность можно понять только в качестве целостной сущности.

Конституционализм – инвайронментализм. У конституционализма (положение о наследовании черт) длинная история в психологии. Еще Гиппократ и Гален высказывали мнение о том, что темперамент индивидуума обусловлен уникальным соотношением (балансом) четырех соков организма. Их единомышленники – ученые XX века – создали сложнейшие методики для установления влияния наследственности на диспозиции, или темперамент. Кроме того, в разработанных Кеттелом и Айзенком теоретических направлениях подчеркивается значимость генетической предрасположенности и физической конституции в развитии основных черт личности. В некоторых наиболее значительных теориях личности важным фактором считается также биологический субстрат индивидуума. Такова, например, фрейдовская концепция ид, представленного в виде унаследованного базисного компонента личности, закрепленного в конституции индивидуума.

Уотсон делал упор на основных процессах обусловливания, основываясь на той исходной предпосылке, что окружающая среда имеет определяющее значение в формировании поведения человека.

Изменяемость – неизменность. Суть вопроса такова: до каких пределов индивидуум способен фундаментально меняться на протяжении жизни?

Эриксон допускал изменяемость личности в гораздо большей степени, чем Фрейд, подчеркивая, что жизнь – это постоянные изменения. С точки зрения Фрейда, несмотря на поверхностные изменения в поведении человека на протяжении жизни, основная структура его характера остается в значительной степени неизменной. Существенные же изменения личности могут быть достигнуты в лучшем случае с большим трудом, и то только в результате длительного и очень болезненного процесса психоаналитической терапии.

Субъективность – объективность. Теория, созданная персонологом, тяготеющим к субъективности, будет касаться природы субъективного опыта индивидуума. По сути, теоретик такого типа, скорее всего, будет считать наиболее важной частью психологии изучение человеческого опыта. И наоборот, персонолог, тяготеющий к объективности, с наибольшей вероятностью создаст теорию, касающуюся, прежде всего, объективных поведенческих реакций и закономерных взаимосвязей поведения с измеряемыми факторами окружающей среды. Такому теоретику психология представляется истинной наукой о поведении, а субъективным переживаниям индивидуума как таковым в ней будет уделено очень мало внимания.

Проактивность – реактивность. Вопрос проактивности – реактивности имеет непосредственное отношение к локусу причинности в объяснении поведения человека. Иными словами, где следует искать истинные причины поведения человека? Порождают ли его внутренние факторы или оно представляет собой просто серию ответов на внешние стимулы? Суть проактивного взгляда выражена в убеждении, что истоки всех форм поведения находятся внутри самой личности. Люди, скорее, совершают поступки и действуют, чем реагируют. Персонологи, принявшие положение проактивности, твердо верят, что поведение человека обусловлено внутренними факторами. А. Маслоу выразил проактивный взгляд на человека следующим образом: «Будущее человека находится внутри него, и оно в данный конкретный момент динамически активно».

С позиций реактивности поведение интерпретируется в основном как реакция на стимулы из внешнего мира. Действительные причины поведения рассматриваются в этом случае в качестве исключительно внешних по отношению к субъекту. Положение реактивности ясно выразил Скиннер: «Не суть важно, что происходит внутри тела человека; независимо от того, насколько полно мы знаем это, мы сможем объяснить поведение человека».

Гомеостаз – гетеростаз. Положение гомеостаз – гетеростаз в своей основе имеет отношение к мотивации человека. Движет ли индивидуумом прежде всего (или исключительно) необходимость уменьшения напряжения и сохранения состояния внутреннего равновесия (гомеостаз)? Или основная его мотивация направлена на развитие, поиск новых стимулов и самореализацию (гетеростаз)? Персонологи, придерживающиеся разных точек зрения по этому вопросу, высказывают диаметрально противоположные взгляды на мотивационный фундамент поведения. Невозможно одновременно верить в гомеостаз и в осуществление самореализации как в конечную цель.

Познаваемость – непознаваемость. Уильям Джеймс, американский психолог и философ, писал: «Наша наука – это капля, наше неведение – море». В этом суть проблемы познаваемости – непознаваемости в отношении природы человека. Является ли человек в конечном счете полностью познаваемым наукой или в его природе есть нечто, превосходящее потенциал научного познания? [5]

Проблема поиска независимых ни от самого субъекта, ни от внешних факторов врожденных особенностей относительно нова. Она была четко сформулирована Ф. Гальтоном именно в связи с необходимостью сознательного вмешательства человека в общий ход развития человечества. Усложнение культурной среды выдвигает все большие требования к адапционным возможностям человека. «Появление цивилизации есть новое требование, наложенное на человека течением событий... Даже и мы, передовые работники в созидании этой цивилизации, начинаем чувствовать себя неспособными жить в мире с нашим собственным сознанием» [6]. А значит, делал вывод Гальтон, необходимо воздействовать не только на дикую природу и общество, но и на самого человека, изменяя и его природу. «Мы могли бы в известной мере возвысить природу человека до уровня с новыми потребностями, стесняющими его существование; мы могли бы также в известной мере изменить самые потребности так, чтобы они как можно менее стесняли человека. Ясно, что нужно стремиться к тому и другому в одно время с целью поставить природу человека и условия его жизни в самую полную гармонию» [6].

Гипотезу исследования составило предположение о том, что 1) представление студента – будущего педагога о природе человека, ребенка является составляющей его психологической культуры; 2) полученное представление о природе ребенка требует дальнейшего, более углубленного и дифференцированного научного изучения составляющих имплицитной теории личности человека, ребенка, влияет на собственную имплицитную теорию личности студента – будущего педагога.

Задачи исследования заключались в выявлении у студентов – будущих педагогов представления о природе человека, ребенка, что позволило бы сделать выводы о необходимости совершенствования образовательного процесса.

Методика и испытуемые. В качестве методики исследования представления о природе человека, ребенка была использована анкета, построенная на основе имплицитной теории личности.

В эксперименте принимали участие 106 студентов факультета дошкольного и начального образования в возрасте от 20 до 42 лет со стажем работы от 1 года до 20 лет.

Полученные данные нашли следующее отражение.

Свобода – детерминизм. Один из самых главных вопросов, имеющих отношение к человеческой природе, касается той степени внутренней свободы, которой люди обладают в выборе направления своих мыслей и поступков, а также в осуществлении контроля над своим поведением. Отвечая на первый вопрос анкеты «Свободен ли человек в выборе своего жизненного пути?», 67% опрошенных ответили положительно (26% – полностью разделяют эту точку зрения, 33% считают, что скорее всего это так, 8% согласны с этой точкой зрения, но без уверенности), 30% опрошенных верят, что судьба человека predetermined заранее (случай, опыт, гены, физиология и др.), 3% проявили нейтральное отношение.

Рациональность – иррациональность. В основе измерения рациональность – иррациональность лежит вопрос о том, в какой степени сила нашего разума способна оказывать влияние на наше каждодневное поведение. Являются ли люди по своей сути рациональными существами, чье поведение направляется рассуждениями, или ими управляют иррациональные силы? 18% опрошенных считают, что человеком руководят силы, которые он не может полностью осознать. 77% респондентов считают, что интеллект и сознание играют решающую роль, 5% проявили нейтральное отношение.

Холизм – элементаризм. Странники холистического положения утверждают: человеческая природа такова, что поведение можно объяснить только путем изучения индивида как единого целого. Элементаристическая позиция предполагает, что природа человека и поведение как ее результат могут быть объяснены только путем исследования каждого фундаментального аспекта поведения отдельно, независимо от остальных. 66% исследуемых предполагают, что понять человека можно только как единое целое, причем 25% полностью разделяют эту точку зрения, 27% опрошенных не могут отдать предпочтение какой-либо точке зрения, 14% считают, что достаточно знать основные элементы, для того чтобы докопаться до сущности человека. 21% проявили нейтральное отношение и 13% не согласны с этим положением.

Конституционализм – инвайронментализм. Представляет собой положение о наследовании черт. Человек – результат действия генетических факторов; так считают 36%, но в то же время 46% респондентов утверждают, что человек – это продукт окружающей среды и воспитания, 18 проявили нейтральное отношение.

Изменяемость – неизменность характеризует степень изменения индивидуума на протяжении жизни. 73% респондентов согласны с тем, что жизнь – постоянные изменения и только 19% считают, что внешние перемены не затрагивают внутренней структуры личности, 8% проявили нейтральное отношение.

Субъективность – объективность касается природы субъективного опыта индивидуума. Поведение человека определяется его внутренним миром, субъективным опытом – это предполагают 53%, причём 16% проявили нейтральное отношение; с тем, что поведение человека определяется внешним миром, обстоятельствами и окружением, согласен 31% опрошенных.

Проактивность – реактивность характеризует локус причинности в объяснении поведения человека, т. е. человек стремится к удовлетворению потребностей, сохранению внутреннего равновесия, к снижению напряжения, так считает 58% опрошенных, и лишь 21% полагает, что человек стремится к развитию, росту, к поиску новых стимулов, к повышению напряжения; 21% проявил нейтральное отношение.

Гомеостаз – гетеростаз характеризует отношение человека к удовлетворению потребностей, сохранению внутреннего равновесия, к снижению напряжения (49% опрошенных), а также к развитию роста, поиску новых стимулов к повышению напряжения (33% опрошенных). 18% проявили нейтральное отношение.

Познаваемость – непознаваемость затрагивает вопрос о признании полного познания человеческой природы. 59% студентов считают, что человек непознаваем средствами современной науки, а 17% – полностью познаваем, 24% проявили нейтральное отношение.

Выводы

Полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу.

Согласно основной выделенной тенденции, представление о развитии личности связано с движением от врожденного к социальной желательности и успеху, даже если противоположный врожденному полюс связан с отрицательной эмоциональной оценкой. Изменение, преобразование себя соответствует общей тенденции развития культуры. «Человек на протяжении тысячелетий последовательно адаптировал природную среду и вместе с тем свою внутреннюю природу к потребностям развивающейся культуры. Сегодня влияние человеческой деятельности достигло таких масштабов, что пора перенести акцент с представления о человеке как элементе биосферы на представление о биосфере как подсистеме планетарной цивилизации (ноосферы)» [6].

Результаты исследования позволяют говорить о высокой идеологической, смысловой нагруженности выявленных представлений студентов – будущих педагогов – о природе человека. В субъективном опыте нет общего для всех представления о том, что именно является врожденным, но есть достаточно устойчивая оценка врожденного как преодолеваемого в процессе динамики личности на пути к успешности и социальной желательности. Можно сделать предварительный вывод о том, что представление о природе человека является элементом психологической культуры студента – будущего педагога – и входит в состав механизма, который делает субъекта, ребенка производным от идеологии, от дискурса.

Литература

1. Практический интеллект / Р. Дж. Стернберг [и др.]. – СПб. : Питер, 2002. – 272 с.
2. Markus, H. Self-schemata and processing information about the self / H. Markus // Journal of Personality and Social Psychology. – № 35. – 1977. – S. 63–78.
3. Улыбина, Е. В. Психология обыденного сознания / Е. В. Улыбина. – М., 2001. – С. 221–239.
4. Улыбина, Е. В. Обыденное сознание: структура и функции / Е. В. Улыбина. – Ставрополь, 1998.
5. Хьелл, Л. Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – СПб. : Питер, 2001. – 608 с. : ил.
6. Назаретян, А. П. Универсальная эволюция субъектности: от ретроспекции к прогноктике / А. П. Назаретян // Мир психологии. – 2000. – № 1. – С. 230–242.

Summary

Each ordinary person has his own judgement about human nature, the child being included in the implicit theory of a person and forming an element of its psychological culture. There implicit theories of a person can be rather far from the facts revealed in the science of facts and laws but they render very big influence on real behaviour of the person, strategy of a vital way, formation of subjectivity and are important for understanding of the nature of a person, especially for teachers.

Поступила в редакцию 31.12.08.

УДК 37.036:78

*В. П. Рева***НЕЛИНЕЙНЫЙ ДИАЛОГ КАК ПРИНЦИП ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА
С МУЗЫКАЛЬНЫМ ИСКУССТВОМ**

В статье раскрываются ассоциативные механизмы общения человека с музыкой, их роль в установлении нелинейных диалогов с образным миром искусства, перспективы применения в педагогике.

Введение

Взаимодействие человека с музыкой не укладывается в рамки традиционных линейных систем. По своей форме это упорядоченное и одновременно не регламентированное жестко закрепленными правилами общение «Я»-личности с другими «Я», действующими лицами художественного мира музыкального произведения (композитор, лирический герой, повествователь, рассказчик, сюжетный персонаж и др.). Установление диалогов с ними обеспечивается установками на эстетическое восприятие музыки, понимаемое как выявление красоты самовыражения человека в звуках. Этот процесс динамичен, находится в постоянном становлении, обусловлен тезаурусом слушателя, потребностью в духовном самосовершенствовании. Музыкальное восприятие не имеет одномерных значений, постоянно видоизменяется, будучи развивающимся и многослойным явлением.

Эти закономерности необходимо учитывать при исследовании механизмов общения человека с музыкой. Определяющей здесь может быть концепция самовоспитания культуры музыкального восприятия личности, включения в художественный мир искусства, расширения горизонтов мировидения. Такой тип целеполагания требует уточнения принципов взаимодействия человека с музыкой, позволяющих учитывать такие важные факторы, как невозможность однозначного понимания ее содержания, семантики образного языка, влияния ассоциативной памяти, жизненного опыта, оценочных суждений, вкусов, предпочтений, мотивов художественной деятельности человека. Они находятся в состоянии непрерывного обогащения и саморазвития, чем объясняется необходимость изучения взаимодействия произведения искусства и личности как нелинейной системы, включающей рациональные и иррациональные усилия человека, сочетание образного и реального, стабильного и нестабильного, порядка и хаоса (формы и содержания, объективного и субъективного, осознанного и интуитивного). Актуальность исследования этих вопросов определяется возрастающим интересом к музыкальному искусству, отмечаемым в различных слоях общества, стремительным развитием средств массовой коммуникации, значительно расширившими возможности функционирования музыки в социуме. Общение с ней стало открытым для каждого слушателя, особенно с образцами музыки развлекательных жанров. Вместе с тем открытость искусства для потребления не гарантирует еще его доступности, прежде всего академических направлений, фольклорной, народной и джазовой музыки. Тенденции снижения интереса к ним в различных слоях общества, прослеживаемые на протяжении уже не одного десятка лет, не получили пока должного научного осмысления и обнадеживающих педагогических прогнозов по их преодолению.

Восприятие классического музыкального искусства обращено непосредственно к чувствам и через них к интеллекту человека. В отличие от этого, воздействие поп-музыки строится на тактильно-мышечных реакциях слушателя, что необходимо учитывать в педагогическом процессе. Перескакивание через пласты академической музыки в область поп-культуры приводит к подмене полноценного эстетического восприятия психофизиологическими рецепциями отдельных физических свойств синтезированного звука (метроритма, динамики, тембра), требует постоянной смены впечатлений, оказывает косвенное влияние на выбор жизненных стратегий человека. Учитывая это, мы выделяем личностный и проективно-деятельностный аспекты исследования проблемы.

Личностный аспект определяет ближайшую перспективу развития музыкального восприятия у детей и школьников, удовлетворения потребности в общении с разными направлениями музыки, возможности быть причастным к ней в настоящее время. Следует учитывать то обстоятельство, что музыка в преломлении взглядов современной молодежи рассматривается как такое звуковое оформление жизни, такая звучащая среда, без которой они не могут прожить и дня. В стремлении к музыке дети и подростки обращаются, прежде всего, к тем жанрам, которые более всего доступны им для восприятия, имеют престижно означенную ценность в их социальной среде. Такой стиль общения с музыкальным искусством имеет, как правило, неосознаваемый характер.

Проективно-деятельностный аспект предполагает прогнозирование индивидуальных стратегий общения человека с музыкой на будущее, которые будут определять процесс самовоспитания этой способности на протяжении всей жизни. Сокровищница музыкальной культуры неисчерпаема. Ее невозможно освоить за годы учебы. Важно подготовить человека к самостоятельному общению с искусством, выработать умения самоорганизовывать свое музыкальное восприятие, находить в нем красоту. Не усвоение знаний и информации о музыке, а установление с ее помощью связности бытия, познания чувств и мыслей других людей определяют духовность личности. По словам А. Н. Леонтьева, специфика такой особой деятельности общения, как искусство, в том и состоит, чтобы суметь побороть равнодушие значений, прорваться за «значенческий», выражающий стереотипы слой восприятия и поведения, внушить личностные смыслы. «Искусство заставляет человека жить в истине жизни, а не в истине вещей» [1, 239].

Результаты исследования и их обсуждение

Нелинейный характер музыкального восприятия

Общение с музыкальным искусством обычно принято рассматривать с позиций научно-реалистической методологии, по аналогии с когнитивными процессами, накоплением информации, анализом ее как объективного знания, которое можно усвоить, запомнить и воспроизвести. Обратные связи и творческая инициатива, исходящие от слушателей, в таких случаях не учитываются, расцениваются как проявление стихийности, заорганизованности, которые необходимо преодолеть. В отличие от этого, самоценной для методологии открытой, «неклассической рациональности» становится идея саморазвития субъекта, овладения формами и методами самовоспитания, включения в широкий художественно-мировоззренческий контекст, не имеющий границ. Согласно такому пониманию процессов эволюции саморазвивающихся систем, они обусловлены открытостью, нелинейностью, неустойчивостью, обязательным присутствием обратных связей. Наличие этих детерминант – необходимое условие функционирования сложноорганизованных систем любого типа, включая искусство. Применительно к рассматриваемой проблеме это может быть связано со сменой установок на восприятие музыки, ценностных ориентаций, духовных потребностей и художественных идеалов слушателя.

Показателем открытости музыкального восприятия является то, что оно органично включено в круг систем более широкого порядка, и, прежде всего, художественной культуры и жизни в целом. Наиболее рельефно такие связи обнаруживаются в контексте социокультурных форм общения человека с искусством, включающих сотворчество, переживание, сопереживание, возникновение нового чувства, психологического состояния, эстетического наслаждения, катарсиса и пр. Базовой основой их служит коммуникативная природа музыки. Ею обусловлено общение субъекта с музыкальным произведением и реализуемым через него творческим замыслом композитора. Существенное влияние оказывают также факторы художественной критики, а в ситуации школьного урока музыки – слово учителя, взаимодействие его с учащимися и их друг с другом. В полной мере это касается диалогов, устанавливаемых человеком с художественными образами искусства. Их восприятие не укладывается в схемы причинно-следственной зависимости, представляя собой свободный выбор видов и форм общения с ценностями культуры как художественными моделями мира, опосредованными сознанием других людей.

Нелинейность музыкального восприятия определяется вариативностью общений «Я»-слушателя, «Я»-композитора, «Я»-исполнителя и виртуального «Я», запечатленного в образах

искусства. Как сверхсложные системы определяет в данной связи М. С. Каган взаимодействие человека с воссоздающими динамическую структуру личности художественными образами искусства. «Объясняется это уникальностью содержания каждой личности и каждого художественного образа, что повышает на несколько порядков уровень сложности и тип сложности этих систем и делает безграничным многообразие их конкретных модификаций, а значит, и процессов порождения, становления, формирования, развития – короче, *самоорганизации* – каждой личности и каждого художественного образа...» [2, 219]. Перенесение себя в позицию другого человека, переживание музыкальных образов способствуют более глубокому осознанию переданных в них духовных смыслов жизни.

Нелинейность процесса художественного общения с искусством рассматривается нами в мировоззренческом плане как идея многовариантности, открытости, свободы выбора альтернатив, необычных интерпретаций содержания, неожиданных решений, творческих открытий. Она определяется, как минимум, тремя составляющими – педагогом, учащимися и непосредственно произведением искусства. В процессе возникающих между ними диалогов накапливается витальный опыт восприятия музыки, включающий ту часть общего жизненного опыта человека, который может формироваться только под воздействием искусства: тезаурус музыкальных впечатлений, объем оперативной и долговременной художественной информации, образное мышление, эстетическое сознание, установки на общение с искусством (социокультурные, психологические, интонационные, жанровые, стилевые, языковые, формообразующие).

Нелинейность взаимодействия с искусством в постобразовательный период определяется уже умением воспринимающего самостоятельно устанавливать межличностные диалоги с художественными образами музыкальных произведений как представителями «Я» других людей. По мнению В. И. Аршинова, это позволяет рассматривать взаимосвязи «Я-Другой» как «нелинейный кольцевой процесс, который «держит», делает устойчивым и воспроизводимо повторяющимся синергетический параметр порядка, который как целое подчиняет себе поведение всей структурно-сопряженной связки «Я-Другой» так, что ее части «Я» и «Другой» оказываются в состоянии согласия друг с другом [3, 99].

Подготовленный к восприятию музыки слушатель способен устанавливать диалогические связи с продуктами творческой деятельности композитора – лирическими героями музыкальных произведений. Эти связи могут быть названы субъектными, ибо разворачиваются как общение реальных субъектов с искусственно созданными собеседниками – субъектами художественного мира искусства. Возникающие при этом эффекты взаимодействия становятся результатом совместных усилий «Я» воспринимающего субъекта и создаваемого этим же «Я», но уже на материале творческого замысла автора, виртуального «Я» – музыкального образа. Такая диалогичность может быть понята как психологический процесс самообщения человека с музыкой. «Внутренняя консолидация – в осознании своей общей человеческой сущности – осуществляется в искусстве в двух встречных направлениях соотнесения, в двух взаимообусловленных тенденциях: познавать самого себя в другом и осознавать другого через себя», – пишет В. И. Самохвалова [4, 96]. Конструктивная сущность общения может быть интерпретирована как умение достраивать художественные образы, переводить их на язык межличностного интонационного кода. Эти диалоги можно рассматривать как форму инактивированного познания, заключенного во взаимовлиянии субъектов общения. «Дорога не дана идущему и приобретающему знания и мудрость человеку а priori, она прокладывается в ходе продвижения по ней. Не только идущий прокладывает дорогу, но и дорога ведет идущего. Пройдя этот путь, он превращается в другого человека» [5, 384].

Ассоциативные механизмы общения с искусством

Педагогический аспект проблемы заключен в подготовке слушателя к творческому воссозданию художественных образов, достаточному для самовоспитания эстетической культуры личности. Важную роль в этом процессе приобретают ассоциативные представления – неизменный «строительный материал» восприятия искусства. Как наиболее неустойчивые элементы психики, как неполное знание, ассоциации задают направленность

поискам смыслов музыки, создают условия для автопознания, самоощущения музыкальных образов. Отбор ассоциативных представлений не является произвольным, как это может показаться на первый взгляд. Он обусловлен первоначальными представлениями человека об общем (симультанном) эмоциональном образе музыки, ее интонационном тоне, выполняющих функцию «фильтра» ассоциаций, задающих смысловую направленность музыкальному восприятию.

При всей многовекторности ассоциаций они приобретают либо предметно-образную (внехудожественную), либо эмоционально-образную (художественную) ориентацию. Многое здесь зависит от того, какими внутренними установками пользуется слушатель. Степень адекватности ассоциаций содержанию музыки обеспечивается осознанием важнейших смыслообразующих установок музыкального искусства, синергизма задействованных в нем созидующих сил, того, что на протяжении уже многих тысячелетий подпитывает духовность человека. «Соцветия энергий души – энергий веры, надежды, любви, познания, воли, – вливаясь в звуки, и их делают энергичными, способными вдохновлять людей, просветлять, очищать и обновлять сердца», – пишет В. В. Медушевский [6, 9]. Для слушателя, который в силу разных причин не принял, не впитал в себя созидующих установок музыкального искусства, не подготовил себя к встрече с музыкой как сокровищницей эмоционального опыта человека – смыслоразнообразный мир ее остается непроницаемым, а процессы самоощущения эстетической культуры принципиально недостижимыми. Общение с художественным миром произведения невозможно без проникновения в этот мир через звуковую форму. Применительно к музыкальному восприятию ассоциации выполняют функцию субстрата обмена между жизненным опытом композитора, запечатленным в художественном мире произведения, с одной стороны, и личным ассоциативным опытом слушателя, с другой. Именно на этой основе и возможен диалог двух сознаний, строящийся на эффектах притяжения, идентификации позиций или их отрицания, спора, мирной беседы, поединка, диспута, борьбы, препирательства, конфиденциального объяснения, восторженного единения, веселой пикировки и пр. Выстраивание ассоциативных цепей присутствует на всех этапах общения с музыкой, в том числе на уровне осознания ноосферы, эстетосферы, обнаружения психологических, физиологических и других сторон жизненного опыта человека (чувств, мышечной и тактильной памяти, переживаний и пр.). «Если фокус ассоциативной деятельности узок, то каждое понятие как бы активировано само собой, и мы вынуждены целенаправленно и утомительно проигрывать в уме отдельные ассоциации, чтобы прийти к решению поставленной задачи. Если же, напротив, фокус активирования широк, то при определенных обстоятельствах может произойти спонтанное перекрытие областей активирования двух различных понятий. При этом автоматически возникает ассоциация, связанная с обоими понятиями, и без малейшего мыслительного усилия решение “ударяет” в голову» [7, 288].

Диалогичность процесса общения с музыкой может быть понята как способность доощущать художественные образы, переживать и переводить их на личный интонационный код. Диалог с музыкой осуществляется исключительно на эмоциональном уровне и представлен как разговор слушателя со своим вторым «Я». Предпосылки диалогичности общения с музыкой обусловлены самой спецификой музыкального звука, физическая природа которого и движения чувств человека – явления одного порядка. Не случайно на этой особенности ладово-гармонической и ритмической организации музыкальных звуков – инициировать общение с личностью – строилось учение о музыкальном этосе в античной эстетике. Ни одно из искусств не обладает такими возможностями созидательного воздействия на человека. Эти гуманистические идеи должны быть положены в основу современной педагогики музыкального искусства.

Общение с образным миром музыки разворачивается на ассоциативном фоне творческого воображения и фантазии человека. Возникающие при этом ассоциации образуют своеобразный строительный материал в воссоздании субъективных образов слушателя. Многомерность ассоциативного поля искусства позволяет рассматривать ассоциацию в качестве наиболее неустойчивой переменной, задающей параметр порядка музыкальному восприятию. Данная закономерность свойственна восприятию всех без исключения артефактов художественной культуры. Разнообразие ассоциативных

представлений определяет пространство поиска личностных смыслов в музыке, активизирует творческое воображение человека. «Просмотр различных альтернативных ходов развития мыслей, продумывание и варьирование ассоциаций на заданную тему играет позитивную роль в творческом мышлении. В результате вырабатывается некий продуктивный мицелий /пересечения, сложноорганизованная сеть ходов/, который служит полигоном для свободного движения мысли, для её выхода в иные измерения, на новые уровни» [8, 113].

Будучи продуктом рефлексии, ассоциация не равна самому художественному содержанию, не подменяет музыкальный образ, но предопределяет достраивание его в сознании слушателя и в этом смысле может быть выделена в качестве «управляющего параметра» музыкального восприятия. Его структура сочетает в себе признаки как линейных, так и нелинейных систем, обусловлена высокой степенью сложности и неоднозначности содержания музыкального произведения, с одной стороны, и одновременно точности и упорядоченности художественных форм, с другой. В частности, такие свойства восприятия, как ассоциативность, образность, эмоциональность и избирательность характеризуют его переменную составляющую, основанную на взаимодействии мысли и интуитивных догадок слушателя.

Одним из свойств, указывающих на нелинейный характер этого процесса, является необратимость восприятия, обусловленная неисчерпаемостью и неоднозначностью музыкальных образов. При каждом повторном прослушивании из одного и того же произведения извлекаются новые, постоянно уточняемые блоки художественно-образных смыслов. Природа музыкального образа такова, что он не дан человеку как детерминированный объект или как научная истина. Он фиксирует лишь те элементы, которые выполняют функцию опорных интонаций, позволяющих достроить художественное содержание, включить его в контекст личного опыта. Согласно теории самоорганизации, распознавание образа обеспечивается действием специальных механизмов, создающих вокруг него своеобразное «поле блужданий мысли», преднамеренно отвлекающей воспринимающего, «обеспечивающей эффект случайного скольжения по контуру объекта» (Е. Н. Князева), благодаря чему он попадает в зону повышенного внимания, целое начинает узнаваться по частям, по отдельным деталям. «Эта направленность на возникающее целое рассматривается как «аттрактор творческой деятельности». Что же касается творческого мышления, то здесь может иметь место не просто самодостраивание как выход на структуру-аттрактор, как возникновение на среде целостной структуры. Может иметь место более высокий тип самодостраивания – переход от простой структуры к сложной, саморазвитие, усложнение первоначальной структуры» [8, 118]. Такими прорастаниями мышления в художественные смыслы могут быть объяснены механизмы взаимодействия музыкального произведения и человека, резонансного влияния музыки на его духовный мир.

Выводы

Понимание нелинейных процессов музыкального восприятия расширяет возможности педагогики в эстетическом воспитании, формировании художественной культуры личности. Музыка может оказать плодотворное воздействие на человека в тех случаях, когда в ее содержании он способен обнаружить личностные смыслы, переосмыслить значимые для духовной самореализации формы выражения чувств и переживаний других людей. Динамика взаимодействия музыкального искусства и личности понимается нами как самостоятельное восстановление художественно-ассоциативных связей, самодостраивание музыкальных образов. Без этого трудно войти в сложный и увлекательный мир художественной культуры. Воспитательный потенциал музыки может быть реализован только через интонационные закономерности ее как искусства звуков, а не упрощенных представлений как средства иллюстрации жизни. «Мир имеет смысл, и смысл этот ощутим для нас в зеркале музыки» (Г. Гессе). Постигая личностные смыслы в искусстве, человек приближается к познанию самого себя, своего внутреннего мира, не оформившихся вербально мыслей, чувств, интуиций, глубоких жизненных предощущений.

Одним из условий полноценного художественного общения с музыкой является активность самого воспринимающего, способность проникаться образным содержанием.

При этом условия оно может раскрыться перед слушателем всеми гранями тайных смыслов, получить отклик в душе, пробудить благородные мысли, намерения, стремление к которым было для человека актуальным всегда. Общение с искусством учит добру, чуткости, по-своему готовит к жизни, укрепляет конституирующие начала личности, в том числе творческие, позволяющие выходить за пределы собственного жизненного опыта, усваивать художественные артефакты культуры, находить в искусстве личностные смыслы, выражающие отношение к нему как к эстетической ценности. Будучи одной из важнейших системообразующих составляющих духовности, ценностное отношение становится значимым фактором не только с точки зрения осознания собственного внутреннего «Я», но и осмысления своего места в контексте художественной культуры в целом.

С позиций нелинейной методологии сущность взаимодействия человека с музыкой может быть понята как процесс распределения, перекодировки возникающих ассоциативных представлений, саморазвертывания протоинтонационных ощущений в четко схватываемые ряды интонационно-художественных образов бесконечно разнообразной смысловой ориентации (чувственной, эстетической, психологической, философской и пр.). Такими прорастаниями мысли в художественный мир музыкального искусства обусловлено резонансное воздействие музыки на духовный мир человека, включение его в непрерывный процесс самовоспитания эстетической культуры, на пути к чему находится в настоящее время педагогика музыкального искусства.

Понимание нелинейной зависимости механизмов музыкального восприятия системно перестраивает представления о его формировании у слушателей, открывает перспективы исследования взаимодействия личности и музыки не только в педагогике, но и в других личностно-ориентированных науках – в психологии, теории эстетического воспитания, методологии художественного творчества, музыкотерапии.

Литература

1. Леонтьев, А. Н. Избранные психологические произведения : в 2 т. / А. Н. Леонтьев. – М. : Педагогика, 1983. – Т. II. – 320 с.
2. Каган, М. С. Формирование личности как синергетический процесс / М. С. Каган // Синергетическая парадигма: Человек и общество в условиях нестабильности. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – С. 212–227.
3. Аршинов, В. И. Синергетика как коммуникация в пространстве учебного процесса / В. И. Аршинов // Синергетика и учебный процесс. – М. : РАГС, 1999. – С. 94–102.
4. Самохвалова, В. И. Красота против энтропии / В. И. Самохвалова // Введение в область метаэстетики. – М. : Наука, 1990. – 176 с.
5. Князева, Е. Н. Пробуждающее образование / Е. Н. Князева // Синергетическая парадигма. Синергетика образования. – М. : Прогресс-Традиция, 2007. – С. 369–387.
6. Медушевский, В. В. Интонационная форма музыки / В. В. Медушевский // Исследование. – М. : Композитор, 1993. – 262 с.
7. Spitzer, M. Geist im Netz Modelle für Lernen, Denken und Handeln / M. Spitzer. – Berlin : Spektrum Akademischer Verlag, 2000. – 385 s.
8. Князева, Е. Н. Интуиция как самодообраивание / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов // Вопросы философии. – 1994. – № 2. – С. 110–122.

Summary

The article deals with associative interaction mechanisms of a person and music, shows their role in establishing of nonlinear dialogues with the figurative world of art, prospects of their application in pedagogics.

Поступила в редакцию 03.11.08.

УДК 378.14.147(043.3)

*Т. Н. Чечко***СИНТЕЗ ИСКУССТВ В ФОРМИРОВАНИИ КЛЮЧЕВЫХ
АКАДЕМИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТА-ФИЛОЛОГА**

В статье предпринимается попытка оптимизировать содержание специальной подготовки учителей-филологов в рамках модели обучения, основанной на интеграции вербальных и невербальных средств учебного воздействия. В данном случае – на использовании образовательного потенциала связей «Слова о полку Игореве» со смежными видами искусства.

Введение

Содержание и структура специальных литературоведческих дисциплин, включаемых в учебные планы современных педвузов, на сегодняшний день недостаточно согласуются с главной, конечной целью литературного и других видов художественно-эстетического образования в школе. Цель эта напрямую связана с «с формированием целостного человека, развитием человека как человека, углублением всего его духовного строя, с “культивированием души”, а не каких-то частных, специальных способностей ... литературное образование, приобретаемое студентами-филологами, свой законченный смысл получает лишь как часть целого, как элемент более широкой проблемы – подготовки эстетически развитого и просвещенного человека» [1, 48]. Сложившаяся же система отбора и структурирования учебного материала, в частности по курсу «Истории древнерусской литературы» [2], излишне рационализирована, в основном подчинена логике «наукоучения» (В. С. Библер). «В вузе изучается наука, и, следовательно, всякое нарушение ее системы и логики приведет к снижению научного уровня подготовки специалиста» [3, 69]. К тому же единство художественной культуры Древней Руси в существующих учебниках и учебных программах оказывается, как правило, нарушенным, поскольку литература в них зачастую рассматривается вне связей со смежными видами искусства.

Выстраивание содержания учебного предмета по образцу науки, абсолютизация научно-предметного критерия (в ущерб эмоционально-образной и – шире – культурологической составляющей), бесспорно, сказываются на качестве компетенций и компетентности будущего учителя литературы. В частности, на развитии его умений действовать в межпредметных (смежно-литературных) ситуациях, в образовательных целях использовать комплексное взаимодействие слова, звука и изображения. Противоречие между дифференцированным освоением специальных знаний в педвузе и способностями их комплексного применения в школе продолжает оставаться весьма острым.

Анализ сложившейся ситуации приводит теоретиков и практиков образования к выводу, что «решению ... задач кадрового обеспечения инновационного развития страны» традиционная система вузовской подготовки уже в полной мере не способствует. Прежде всего, из-за таких ее недостатков, как:

«культивирование предметно-дисциплинарной модели подготовки специалиста (без должных междисциплинарных связей и синтеза знаний)»,

«обеспечение в основном трансляционного способа передачи знаний (студент не учится, его учат)»,

слабая увязка «с реальным сектором экономики применительно к инновационному развитию в условиях рыночных отношений» [4, 2].

В этом же ряду называются неконкретность, а нередко и недостаточная точность квалификационных требований к будущему специалисту и др.

Необходимость переориентировать экономику, науку и образование на инновационный путь развития является сегодня самым действенным стимулом системного обновления высшей школы посредством формирования у ее выпускников «компетенций, основанных на универсальных знаниях и умениях» [5, 5].

С помощью компетентностного подхода белорусские (О. Л. Жук, А. В. Макаров, В. Т. Федин, Л. В. Хведченя и др.) и российские (И. А. Зимняя, К. В. Кузьмина, Л. А. Петровская, А. К. Маркова, Л. М. Митина, Л. П. Алексеева, Н. С. Шаблыгина, Г. И. Сивкова и др.) педагоги стремятся модернизировать традиционную дисциплинарную (знаниево-предметную) модель высшего образования; перенести акцент с овладения набором определенных ЗУНов на более целостные, интегрированные, востребованные жизненной практикой результаты обучения. Подготовка студентов переориентируется с решения задач узкопрофессиональных на задачи, имеющие обобщенный (межпредметный) профессиональный характер.

Результаты исследования и их обсуждение

Оптимизировать содержание специальной подготовки учителей-филологов можно в рамках своеобразной синтагмы (от греч. *sinagma* – вместе построенное, соединенное) – модели обучения, основанной на интеграции вербальных и невербальных средств учебного воздействия. В данном случае – на использовании образовательного потенциала связей «Слова о полку Игореве» со смежными видами искусства.

Способность учителя литературы использовать на своих занятиях взаимосвязи разных видов искусств расценивается в современной педагогике как «исключительно важная» [6, 3]. Вообще же потребность иметь более высокий уровень культуры (как таковой) занимает в ценностной шкале современного учителя одно из самых высоких мест. (Абсолютное большинство студентов не удовлетворены своим культурным уровнем. Среди обучающихся на технических специализациях такую неудовлетворенность высказывают две трети опрошенных, среди других специализаций – до четырех пятых) [7, 117].

Именно широкой подготовленностью, как в общей, так и в собственно художественной культуре, покоряли своих учеников те, кто преподавал литературу в школе и вузе – от В. П. Острогорского и Ф. И. Буслаева до В. П. Шереметевского и Ц. П. Балталона. Богатый опыт интегрирования смежнолитературных искусств накоплен и лучшими современными педагогами.

«Слово» прекрасно вписывается как в картину художественной культуры Киевской Руси (как об этом уже говорилось выше), так и в контекст искусства нового времени. Оно неотделимо от шедевров храмового зодчества и творений древнерусских иконописцев Киева, Владимира, Боголюбова, Чернигова, Пскова и др. (Софийский собор в Киеве, Дмитровский собор во Владимире, церковь Покрова на Нерли, Боголюбовский дворец близ Владимира, Гергиевский собор Юрьева монастыря, церковь Спаса Нередины в Новгороде). И вместе с тем получает мощную «поддержку» со стороны таких мастеров русского искусства последних столетий, как А. П. Бородин и В. М. Васнецов, И. С. Глазунов и В. А. Фаворский.

О тематической, сюжетной и стилиевой общности различных видов древнерусского искусства, в том числе и домонгольского периода, в литературоведении накоплено уже довольно много свидетельств [8]. Во всем этом, благодаря альбомам, книгам по искусству или выходам на соответствующие сайты Интернета, студенты достаточно легко могут убедиться сами или с помощью преподавателя. Главное же – у них появляется возможность по достоинству оценить высокую художественность самого «Слова». Ведь его немеркнущая эстетическая ценность, как и ценность других памятников средневековой словесности, далеко не всегда становится их личной ценностью. В отличие, скажем, от ценности той же Киевской Софии, поразительное мастерство и талант создателей которой сегодня (вследствие туризма и все той же полиграфии) уже как бы «самоочевидно» и не нуждается в особом «доказательстве». (Хотя еще в XVIII веке даже люди просвещенные относились к подобным творениям достаточно пренебрежительно: «Пусть охотники до старины соглашаются с похвалами приписываемым каким-то Рублевым ... и прочим живописцам, жившим гораздо прежде царствования Петра: я сим похвалам мало доверяю») [9, 13]. Ценность же и красота древнерусской словесности, еще раз подчеркнем это, не столь очевидна. Они не устанавливаются непосредственно переживанием и лицезрением, минуя такое, скажем, явление, как «языковой барьер» (в виде старославянской графики и лексики...).

Проведение параллелей между «Словом» и сопредельными искусствами позволяет отделить и в нем самом, и в художественной картине Русского Средневековья в целом

«значительное от незначительного, характерное от нехарактерного, закономерное от случайного, вскрыть такие закономерности и такие факты, которые оставались бы для нас скрытыми, если бы мы изучали каждое искусство (и в том числе литературу) изолированно друг от друга» [10, 293].

В частности при таком подходе «Слово» может быть рассмотрено как *составная часть стиля монументального историзма* – ведущего стиля эпохи Киевской Руси. По словам Д. С. Лихачева, все виды древнерусского искусства XI–XIII вв. с их церемониальностью и этикетностью тяготели к «крупным формам», стремились «утвердить вечное значение того или иного явления». Древнерусские храмы доминировали над пространством, возвышались среди полей, лесов и водных просторов, подчиняли себе окружающий ландшафт, как маяки стояли на крутых берегах рек (храм Покрова на Нерли) или многочисленных пригорках на равнинной местности, «были кораблями, плывущими во вселенной». В свою очередь, лики святых на иконах и фресках (Орнта в Киевской Софии) отличались церемониальной неподвижностью, были обращены к молящимся.

Большими образовательными возможностями обладает рассмотрение «Слова» во взаимодействии с его *художественными интерпретациями*, т. е. переводами его идей и образов на язык живописи и музыки.

Интерес, который вызывает у студентов восприятие памятника в новом, незнакомом – живописно-графическом или музыкальном – воплощении, связан с установлением соответствия изобразительно-графических или музыкальных интерпретаций содержанию и структуре (эстетике и поэтике, духу и «букве») литературного первоисточника. В чем именно и каким образом достигается это соответствие? Что в тексте видоизменяется, оказывается особо выделенным, а что дано «под сурдинку» или вовсе оставлено без внимания?

Один из наиболее ярких образцов точного «попадания» в проблематику и поэтику «золотого слова» русской литературы – картина В. М. Васнецова «*После побоища Игоря Святославича с половцами*» (1888). Сам художник говорил об огромном влиянии, какое на него оказал шедевр древнерусской словесности. «Читаешь и не начитаешься, слушаешь и не наслушаешься... Ароматами родной страны дышит „Слово“...» [11, 159]. Чувство глубокой тоски вызывает у зрителя образ могучего русского воина, пронзенного вражеской стрелой и навсегда оставшегося лежать «в поле незнакомом среди земли половецкой»... Воссозданные кистью образы широкой степи, поникнувших полевых цветов, хищных, схватившихся в непримиримой схватке птиц заставляют вспомнить многие строки «Слова»: «*Бились день, бились другой, на третий день к полудню пали стяги, Игоревы, Тут разлучились братья на берегу быстрой Каялы; тут кровавого вина не хватило, тут пир окончили храбрые русичи: сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую*». «*Никнет трава от жалости, а дерево от печали к земле преклонилось*». «*Уже гибели его ожидают птицы по дубравам орлы клетком зверей на кости зовут...*». «*Дружину твою, князь, птицы крыльями приодела...*»

Несколько иную, более обобщенную и менее детализированную живописную трактовку «Слова» дает И. С. Глазунов. В его «Князе Игоре» (вобравшем в себя опыт работы над декорациями к одноименной опере Бородина) более очевидно используются и преломляются приемы древнего искусства, традиции русских художественных школ: золотая ажурность московских иконописцев, жизнерадостность красочного искусства Палеха. Воссоздавая поразительную зрительную точность «Слова», повышенное чувство цвета автора, Глазунов зрительно эффектно помещает своего героя, одетого в золотой шлем, на черном фоне. Лик князя подан крупным планом, художник идет не столько по пути отбора тех или иных конкретных эпизодов «Слова», сколько его поэтических символов. Сверхзадача – воспеть твердость и мужество русского народа в годину испытаний, его духовное начало, вызвать в душе зрителя чувства, которые имеют истоки в долгом и трудном пути Руси-России («И вечный бой, покой нам только снится»). Уверенный, мудро-спокойный взгляд закованного в латы воина, пурпурный плащ. И. Глазунов из всего красочного богатства «Слова» особенно выделяет образ «червленых щитов», красные пятна щитов создают торжественно-печальный колорит, который усиливается отблесками «кровавой» зари. Черных туч здесь нет, весь фон картины – черный. «Черные туча с моря идут, хотят прикрыти четыре солнца». «Темно бо бе в третий день: два солнца померкоста...»

Из вопросов, которые предлагались студентам *на интегративном практическом занятии «Слово о полку Игореве» и смежные виды искусства*: насколько художникам удалось найти стилиевой пластический эквивалент слову писателя, добиться стилиевого единства с литературным первоисточником? Чьи живописные образы больше соответствуют вашему представлению о «Слове»? Какая из предложенных репродукций больше соответствует вашему восприятию «Слова»? Какую сторону произведения подчеркивает художник и почему?

Мыслит веками, не мельчит действие, не сводит его к личным судьбам героев, хотя и видит душу каждого, и *А. П. Бородин в своей народно-эпической опере «Князь Игорь» (1869–1887)*. Впечатляющей яркости и четкости образов ему удается добиться посредством образно-звуковых контрастов и вовлечения всех основных персонажей в тесное драматургическое взаимодействие друг с другом. Основной конфликт «Слова» – борьба русских против половцев – решается как столкновение добра и зла, культуры и варварства. Служение Игоря народу и родине противопоставляется желанию держать всех «в страхе под пятой» (Кончак) и «жить в славу» (Владимир Галицкий). Величественная, сурово-мужественная ария Игоря «О, дайте, дайте мне свободу» в то же время исполнена какого-то душевного благородства, величественное страдание в ней сочетается с глубоким лиризмом и нежностью. Общая направленность оперы решается по-бетховенски – «Через страдания к радости». Средствами музыкальной драматургии Бородин измеряет всю глубину скорби, переживаемой русскими после поражения Игоря, и в то же время не лишает зрителя-слушателя надежды. Эпилог наполнен радостными предчувствиями будущих побед русского оружия.

После прослушивания оперы *на тематическом кураторском часе* студентам предлагалось поразмышлять над вопросами: что нового открывает опера в тексте «Слова»? Как соотносятся в ней думы средневекового автора с тревогами современного человека? Когда либреттист отступает от текста «Слова» и зачем он это делает? В каких случаях композитору удается заставить звучать сцены трагедии наиболее сильно?

Помимо того, в рамках УИРС студентам предлагались задания двух видов – художественно-исследовательские (подготовка рефератов, докладов и сообщений, спецвопросов с целью выработки личностного отношения к изучаемому произведению: мое мнение о..., мое отношение к...,) и художественно-конструкторские (изготовление наглядных пособий с использованием всевозможных изобразительных материалов: репродукций картин, иллюстраций, фотографий, слайдов и т. д. с целью установления синхронных соответствий между «Словом» и смежными видами искусства).

Выводы

Итак, привлечение смежно-литературных параллелей, интеграция слова, звука и изображения на аудиторных и внеаудиторных занятиях с будущими учителями литературы обуславливается спецификой их деятельности в школе как деятельности, направленной на формирование общей эстетической культуры учащейся молодежи. У специалиста как образованного человека специальное и общее (узкопредметное и межпредметное) не разделяются между собой какой-то глухой стеной, а взаимодействуют друг с другом, взаимно обогащают друг друга. «Чем выше уровень общего образования, тем благоприятнее предпосылка для овладения специальным образованием, и, наоборот, хорошее специальное образование содействует углублению и развитию общего образования» [12, 93]. Преодоление предметной замкнутости содержания историко-литературного курса, включение его в более широкий культурный контекст позволяет расширить выполняемые им функции в педвузе, сделать их более многомерными, направленными на формирование и развитие у будущих словесников универсальных искусствоведческих компетенций.

Интеграция искусствоведческих знаний отвечает принципам культуросообразности и культуроёмкости образования (высокой насыщенности образовательного процесса разнообразными элементами культуры). А также принципу продуктивности – направленности образования на созидание, творчество, получение реального и практического продукта, имеющего ценность для личности и общества. [13, 75, 77]. В конечном счете все это получает опору в новой модели школьного учителя, на которого общество возлагает ответственность за целостно-

культурное (а не односторонне-умственное!) становление личности школьника, за включенность ее «во все связи с миром» [14]. Поскольку «для учительской деятельности важнее широта кругозора и основательность базисных знаний, нежели углубление в отдельные проблемы» той или иной науки, «как это нужно для научного работника» [15, 68].

«Нужен Учитель Искусства... Такой учитель должен обладать большой широтой знаний, во-первых, в том искусстве, которое преподает, во-вторых, во всех смежных областях культуры» [16, 215, 216].

Такой учитель тем успешнее решает свои «чисто предметные» задачи, чем полнее он ориентируется на общую художественно-эстетическую культуру школьника, включая аудиовизуальную культуру, культуру зрительского (чувство цвета), слушательского (чувство ритма) восприятия, и развивает ее [17, 70], [18, 119].

Литература

1. Анисимов, В. И. Интегративные основы моделирования содержания литературного образования в педагогическом вузе / В. И. Анисимов. – Минск : НИО, 1999. – 240 с.
2. Древнерусская литература, XI–XVII вв. : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / под ред. В. И. Коровина. – М. : Гуманит. изд. центр «ВЛАДОС», 2003. – 448. (И др. учебные издания этого профиля.)
3. Проблемы профессиональной подготовки студентов педвузов и университетов // Труды Ленинградского инж.-эконом. ин-та им. П. Тольятти. – М. : МНИИ ОП, 1976. – Вып. 113. – 109 с.
4. «Государственная программа развития инновационного образования на 2008–2010 годы и на перспективу до 2015 года» (04-01-05/П-826/ от 15.10.2007).
5. Жук, О. Л. Педагогика. Практикум на основе компетентностного подхода : учеб. пособие / О. Л. Жук, С. Н. Сиренко ; под общ. ред. О. Л. Жука. – Минск, 2007. – 192 с.
6. Содружество искусств и уроки литературы // Литература в школе. – 1965. – № 1. – С. 3.
7. Злотников, Р. А. К вопросу о повышении культурного уровня студентов / Р. А. Злотников // Эффективность подготовки специалистов : материалы Межреспубл. симпозиума. – Каунас, 1969. – С. 114–118.
8. Булахов, М. Г. «Слово о полку Игореве» в литературе, искусстве, науке : крат. энцикл. словарь / М. Г. Булахов. – Минск : Университетское, 1989. – 300 с.
9. Лихачев, Д. С. Заметки о русском / Д. С. Лихачев. – М., 1981. – С. 13.
10. Лихачев, Д. С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение и другие работы / Д. С. Лихачев. – СПб. : Алетейя, 2001. – 566 с.
11. Межпредметные связи при изучении литературы в школе / под ред. Е. Н. Колокольцева. – М. : Просвещение, 1990. – 223 с.
12. Леднёв, В. С. Содержание образования : учеб. пособие / В. С. Леднёв. – М. : Высш. шк., 1989. – 360 с.
13. Крылова, Н. Б. Культурология образования / Н. Б. Крылова. – М. : Народное образование, 2000. – 272 с.
14. Батищев, Г. Человек совершенствующийся / Г. Батищев // Учительская газета. – 1988. – 3 марта. – С. 15.
15. Эрдниев, Б. П. О специальности и профессии учителя / Б. П. Эрдниев // Вестник высшей школы. – 1982. – № 5. – С. 68–70.
16. Неменский, Б. М. Мудрость красоты: О проблемах эстетического воспитания : книга для учителя / Б. М. Неменский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Просвещение, 1987. – 255 с.
17. Коровин, В. В. Литература – предмет эстетический / В. В. Коровин // Вопросы литературы. – 1970. – № 3. – С. 70–75.
18. Беленький, Г. И. Приобщение к искусству: Раздумья о преподавании литературы в школе / Г. И. Беленький. – М. : Просвещение, 1990. – 192 с.

Summary

In the article an attempt to optimize the maintenance of special preparation of teachers of philology within the limits of the training model based on integration of verbal and nonverbal means of educational influence is made.

Поступила в редакцию 26.12.08.

УДК 378.14

*В. В. Шорец***ФОРМИРОВАНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕДАГОГОВ
УЧРЕЖДЕНИЙ ОБРАЗОВАНИЯ**

Статья рассматривает проблемы организации исследовательской деятельности педагогов учреждений образования. Подробно представлены результаты педагогического эксперимента по формированию исследовательской культуры педагогов. Изучены затруднения педагогов при организации педагогического исследования. Обоснованы организационно-педагогические и методические условия, раскрыта методика формирования исследовательской культуры педагогов учреждений образования.

Введение

Инновационные процессы, происходящие в последнее десятилетие в социально-экономической жизни общества, создали ситуацию, в которой современный учитель должен обладать способностью к исследованию. Приметой современного учреждения образования является разработка концепции и программы развития, проектирование модели учебного заведения и образовательного процесса в нём. Эта деятельность требует достаточного уровня подготовки педагогов и администрации к исследовательской деятельности.

Учитель сегодня – это не столько предметник и методист, способный транслировать знания и опыт, накопленные человечеством, сколько исследователь, который должен видеть и понимать интересы, особенности и перспективы развития своих воспитанников, анализировать свои возможности и достижения, обобщать и внедрять положительные результаты работы других учителей в свою деятельность, изучать эффективность тех или иных нововведений.

В качестве причин, по которым педагоги обращаются к исследовательской деятельности, ученые называют следующие факторы:

- решение проблем учебно-воспитательной работы школы;
- стремление найти новые, ранее не известные педагогам средства, правила;
- решение новых педагогических задач, еще не освоенных ни в теории, ни в практике [1, 139–140].

Однако, как показывает анализ ситуации в образовании, большинство педагогов обладают низкой исследовательской культурой, многие из них не представляют себе процесс педагогического исследования, не знают его характерных особенностей, что затрудняет осуществление самой педагогической деятельности, так как педагогический труд изначально носит творческий, исследовательский характер [2]. Вступление традиционной системы подготовки в противоречие с изменившимися потребностями общества означает, что необходимы разработка и внедрение инновационных методов подготовки учителей.

Результаты исследования и их обсуждение

Нами на протяжении 2005–2008 гг. проводилось исследование на базе Мозырского филиала учреждения образования «Гомельский областной институт развития образования» с целью научного обоснования организационно-педагогических и методических условий формирования исследовательской культуры педагогов учреждений образования (ИКП). В качестве испытуемых выступали слушатели вышеназванного института – педагоги учреждений образования Полесского региона со стажем педагогической деятельности от года до 20 лет. Объем выборки составил 167 человек.

Констатирующий эксперимент по формированию исследовательской культуры педагогов нами был проведен на базе учреждения образования «Гомельский областной институт развития образования» (в рамках программы целевых курсов для директоров, заместителей директоров школ по учебной и воспитательной работе), учебно-методического кабинета отдела образования Ельского райисполкома. В ходе данного этапа был произведен анализ общего состояния готовности педагогов учреждений образования к исследовательской деятельности (ИД): выявлены трудности, с которыми встречаются в процессе ИД педагоги учреждений образования; изучены представления педагогов о сущности исследовательской деятельности; выявлено отношение и определены доминирующие мотивы педагогов к ИД; установлен уровень владения педагогами учреждений образования исследовательскими умениями и уровень ИКП.

При разработке диагностического инструментария нами использовались представления Т. В. Гуляевой о структуре и содержании ролевой функции педагога-исследователя в современных условиях [3,83]. Предметом исследования были выбраны те аспекты педагогической деятельности, которые предусматривают владение технологией педагогического исследования.

Изучение и анализ данных, полученных в результате проведенного исследования, дали возможность выделить наиболее сложные области, связанные с организацией исследовательской деятельности: создание своей творческой лаборатории, технология педагогического эксперимента и др. (таблица 1).

Таблица 1 – Затруднения педагогов-практиков при организации педагогического исследования

Аспекты педагогической деятельности	Степень затруднений							
	Испытываю сильные затруднения		Испытываю незначительные затруднения		Не испытываю затруднений		Могу поделиться опытом	
	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%
Поиск инновационных путей организации образования и воспитания детей	61	36,53	70	41,92	34	20,36	2	1,19
Изучение и обобщение передового педагогического опыта	31	18,56	78	46,71	55	32,93	3	1,80
Анализ собственного опыта, выделение в нем эффективных способов организации обучения и воспитания детей, создание авторской дидактической и воспитательной системы	50	29,94	85	50,90	28	16,77	4	2,39
Создание своей творческой лаборатории	100	59,88	57	34,13	7	4,19	3	1,80
Знание теории проведения опытно- экспериментальной работы	73	43,72	80	47,90	14	8,38	–	–
Планирование эксперимента, составление его методики	74	44,31	71	42,52	21	12,58	1	0,58
Формулирование цели, задач и гипотезы исследования	61	36,53	85	51,49	20	11,98	–	–
Обработка и оформление результатов исследования	70	41,92	55	32,94	40	23,95	2	1,19

Интерпретация данных позволила выделить причины испытываемых затруднений и разделить их на две группы: субъективные и объективные. К субъективным причинам мы можем отнести:

- отсутствие теоретических знаний о сущности исследовательской деятельности и методике ее проведения;
 - недооценка педагогами роли исследовательской деятельности в решении проблем практики;
 - проведение научно-исследовательской работы без учета реальных возможностей педагогов;
 - отсутствие практических навыков организации и проведения прикладного исследования в условиях учреждения образования;
 - недостаточная подготовка конкретного педагогического исследования.
- В числе объективных причин можно выделить:
- отсутствие специальной исследовательской подготовки в педагогическом вузе;
 - отсутствие организованной системы своевременного информирования педагогов о достижениях науки и практики в области теории и методики прикладного педагогического исследования;
 - недостаточное количество литературы методического характера, раскрывающей проблемы организации опытно-экспериментальной работы в учреждениях образования;
 - слабое материальное обеспечение исследовательской деятельности.

Программа формирующего эксперимента предусматривала апробацию методики формирования исследовательской культуры педагогов в государственном учреждении образования «Дошкольный центр развития ребенка г. Мозыря» и средних общеобразовательных школах г. Ельска [4, 27–42]. При этом выровнять начальные уровни сравниваемых групп было практически невозможно, поэтому для увеличения надежности результата экспериментальной бралась заведомо слабая группа.

В основу эксперимента было положено предположение, что исследовательская культура педагогов учреждений образования будет сформирована при обеспечении следующих организационно-педагогических условий: направленности содержания и форм научно-методической работы педагогов на интеграцию теоретических знаний и исследовательских умений; организации научно-практического взаимодействия и сотрудничества всех субъектов учебно-воспитательного процесса и преобразовательной деятельности: педагогов, администрации, ученых; обеспечении теоретической и практической подготовки педагогов к реализации исследовательской деятельности.

Методика формирования исследовательской культуры педагогов включала три этапа (подготовительный, начальный, базовый), каждый из которых характеризовался наличием цели, специально отобранного содержания учебного материала, четкой системой методов и форм.

В рамках формирующего этапа эксперимента осуществлялось формирование положительного эмоционального отношения педагогов к исследовательской деятельности (мотивационной обеспеченности ИКП), формирование исследовательской грамотности и технологической умелости посредством спецкурса «Формирование исследовательской культуры педагогов учреждений образования, работающих в инновационном режиме»; участие педагогов в исследовательской деятельности, формирование опыта ИД. Приведем примерное тематическое планирование вышеуказанного спецкурса (таблица 2).

Таблица 2 – Тематический план спецкурса «Формирование исследовательской культуры педагогов учреждений образования, работающих в инновационном режиме»

Название темы	Количество часов	
	Лекции	Практич.
1. Педагог-исследователь в современном учреждении образования	2	–
2. Основы методологии и методики педагогического исследования	2	–
3. Этапы и логический аппарат исследования	2	2
4. Разработка программы исследования	–	2
5. Методы научно-педагогического исследования	1	2
6. Изучение, обобщение и оформление передового педагогического опыта	1	2
7. Обработка и оформление результатов педагогического исследования	2	2
Всего:	10	10

Основная цель спецкурса заключалась в формировании исследовательской культуры педагогов, элементами которой являются знания о методологии и технологии педагогического исследования, система исследовательских навыков и умений, опыт исследовательской деятельности, выражающийся в готовности к ней, система нравственной, волевой, эмоциональной воспитанности, представляющая этику педагога-исследователя. Основу экспериментальной методики составляла система активных методов обучения, адаптированная к поставленным задачам и возрасту обучающихся.

Опишем содержание работы на примере темы «Изучение, обобщение и оформление передового педагогического опыта» [5], [6]. В содержании темы нами рассматривались такие вопросы, как: понятие и признаки передового педагогического опыта, классификация ППО, этапы работы по изучению и обобщению передового педагогического опыта, описание ППО. Данная тема, на наш взгляд, помогает ознакомить педагогов с передовым педагогическим опытом как исторически обусловленной категорией, которую нельзя рассматривать в отрыве от социальных процессов, происходящих в обществе. Передовой опыт представляет собой успешное решение специальных задач, стоящих перед учреждением образования на каждом из этапов его развития. Безусловно, социальный заказ должен успешно решаться всей массовой практикой, в то время как передовой педагогический опыт выступает в роли «маяка».

Практическое занятие проводилось в форме деловой игры «Выявление педагогического опыта».

Цель деловой игры заключалась в формировании профессиональных умений по выявлению, краткому описанию и оценке педагогического опыта, представленного слушателями.

– выбор темы игры, формулирование цели и задач;
– определение структуры игры (сценария, ролей и правил, содержания инструктажа, методического обеспечения и др.).

Ход игры:

– сообщение целевого назначения игры, формирование игровых групп (по 6–7 человек) и распределение ролей: ведущий – руководитель, секретарь, новатор, консерватор, критик, конформист, эксперт;

– работа групп в соответствии с полученным заданием (составить описание педагогического опыта);

– работа в группах по передаче и оценке опыта;

– работа групп по анализу и оценке педагогического опыта членов других групп.

Межгрупповая дискуссия;

– представление педагогического опыта группой. Схема разыгрывания игровых ролей: новатор – конформист – консерватор – конформист – критик – конформист – новатор;

– предъявление и защита результатов. Освоение культурной формы межгрупповой коммуникации;

– выступление групп. Работа экспертов, оценка представленных материалов.

Заключительный этап:

– формулирование выводов, рекомендаций;

– подведение итогов игры;

– оценка и самооценка работы ведущего и участников. Анализ и рефлексия.

На контрольном этапе эксперимента производился анализ динамики сформированности ИКП, определялась эффективность методики формирования исследовательской культуры педагогов, определялась совокупность педагогических условий, необходимых для формирования ИКП. Оценку качественного роста уровней сформированности исследовательской культуры педагогов мы производили с помощью методов математической статистики (критерий χ^2 – хи-квадрат). При этом значения критерия χ^2 оказались следующими (таблица 3):

Таблица 3 – Значения критерия χ^2

Группа	Мотивационная обеспеченность		Исследовательская грамотность		Технологическая умелость		Исследовательская культура	
	$\chi^2_{эмп.}$	$\chi^2_{кр.}$	$\chi^2_{эмп.}$	$\chi^2_{кр.}$	$\chi^2_{эмп.}$	$\chi^2_{кр.}$	$\chi^2_{эмп.}$	$\chi^2_{кр.}$
ЭГ	6,4	5,991	8,581	5,991	11,87	5,991	7,83	5,991
КГ	4,938	3,841	4,88	3,841	4,339	3,841	4,938	3,841

Данные, полученные в ходе опытно-экспериментальной работы, являются статистически значимыми. Поскольку $\chi^2_{эмп.} > \chi^2_{кр.} (0,05)$, подтверждается экспериментальная гипотеза.

Выводы

Внедрение показало эффективность предложенной методики, позволило выделить комплекс организационно-педагогических и методических условий процесса формирования исследовательской культуры педагогов. Проведенное исследование позволяет утверждать, что в учреждениях образования возможно успешное формирование исследовательской культуры педагогов.

Литература

1. Борытко, Н. М. Методология и методы психолого-педагогического исследования / Н. М. Борытко, А. В. Моложавенко, И. А. Соловцов; под ред. Н. М. Борытко. – М.: Академия, 2008. – 319 с.
2. Шорец, В. В. Организация педагогического исследования в современной общеобразовательной школе / В. В. Шорец // Беларуская пачатковая школа: праблемы і перспектывы развіцця: матэрыялы VI Міжнар. навук.-практ. канф., 17–18 кастр. 2007 г. / Мазырскі дзярж. пед. ун-т імя І. П. Шамякіна; адк. рэд. Б. А. Крук, А. В. Солахаў. – Мазыр: УА МДПУ імя І. П. Шамякіна, 2007. – С. 112–144.
3. Гуляева, Т. В. Профессиональная адаптация молодого учителя в послевузовский период: дис. ... канд пед. наук: 13.00.08 / Т. В. Гуляева. – Минск, 1998. – 143 с.
4. Психолого-педагогические аспекты формирования профессионализма педагогов дошкольного образовательного учреждения; материалы из опыта работы Центра развития ребенка, ДУ № 32 г. Мозыря / УО «ГТОИПК»; сост. В. В. Минина, Н. А. Мойсенко. – Гомель, 2005. – 43 с.
5. Левитес, Д. Г. Практика обучения: современные образовательные технологии / Д. Г. Левитес. – М.: Изд-во «Ин-т практ. психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1998. – С. 254–258.
6. Чернилевский, Д. В. Дидактические технологии в высшей школе / Д. В. Чернилевский. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – С. 176–189.

Summary

The article considers the organization problems of research activity of the teachers of educational establishments. The results of the pedagogical experiment on formation of teachers' research culture are presented in detail. Difficulties of teachers while organization of pedagogical research are studied. Pedagogical organization and method conditions are proved. The technique of formation of teachers' research culture in educational establishments is revealed.

Поступила в редакцию 25.11.08.

ПАЛІТАЛОГІЯ

УДК 32.001

*В. А. Трезуб***ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ**

В данной статье автор анализирует основные векторы трансформации политической системы Российской Федерации в период 1991–2008 гг. Исходной точкой анализа является переход от авторитарной политической системы к демократическому типу политической системы. Этапы трансформации политической системы России рассматриваются через изменения институциональной подсистемы политической системы и диалог ценностных ориентаций российского общества и правящей элиты.

Введение

Развитие политической системы России и генезис российского социума в последнее десятилетие XX в. является предметом многочисленных дискуссий и споров, как в научных кругах, так и слоях российской общественности. При этом употребляются различные понятия – «модернизация», «трансформация», «переходный период», «демократический транзит», «поставторитарный переход». Список терминов и концептов непрерывно растёт, но весь этот список является вариациями категории, характеризующей динамику политического процесса в России.

Для того, чтобы проследить за современной политической системой России, стоит дать определение «политическая система». С методологической точки зрения мы будем исходить из анализа содержания понятия «**политическая система**» – это совокупность государственных и негосударственных общественных институтов, социальных и правовых норм, посредством которых реализуются политико-властные отношения. Какова же роль политических ценностей в политической системе общества?

Роль политических ценностей, безусловно, велика, вне зависимости от типа самой политической системы. Политические ценности представляют по своей сути определённые нормы, идеалы и принципы, регулирующие политические отношения в обществе. Первое значение политических ценностей обусловлено их направленностью на мотивацию и человека в частности и социума в целом. Анализ политических ценностей конкретного общества на определенном этапе своего развития даёт право не только понять действия участников (акторов) политического процесса, но и оценивать уровень развития конкретного общества на определённом историческом отрезке.

Политические ценности связывают отдельную личность и политическую власть, так как они задают определённые правила отношениям между людьми. Нормы, регулирующие властные отношения, выступают в качестве «универсальных правил политической игры», в отличие от специфических норм, проявляющихся в экономике, религии и в других сферах человеческих взаимоотношений, которые можно показать «автономными универсумами, своего рода игровыми площадками, на каждой из которых игры ведутся по особым правилам, отличным от правил игры в соседнем пространстве» [1, 52]. Стоит помнить, что политические нормы создают саму систему принципов политического порядка и организации общества, а также кодекс правил политической игры. Известный немецкий философ, политолог и социолог М. Вебер писал: «Содержание социальных отношений мы будем называть “порядком” только в тех случаях, когда поведение (в среднем и приближенно) ориентируется на отчётливо определяемые максимы» [2, 36]. Очевидно, что порядок нарушается в условиях невозможности определения ценностных векторов движения. А именно дезориентация сковывает политическое сознание обычного человека в период осуществления изменения политической системы.

Результаты исследования и их обсуждение

1991–1993 гг. в характеристике политической системы России можно отметить как этап дестабилизации и неравновесия. Ещё в июне 1988 г. на XIX Всесоюзной конференции КПСС были приняты резолюции «О демократизации советского общества и реформе политической системы», «О борьбе с бюрократизмом», «О гласности», «О правовой реформе», «О некоторых неотложных мерах по практическому осуществлению реформы политической системы страны» [3, 41], а это означало разрушение институциональной подсистемы политической системы СССР и рождение политической системы России. В условиях реального исключения КПСС из экономической жизни и лишения государственных функций обостряется политический кризис, представленный тремя политическими силами: реформаторская группа руководства КПСС во главе с президентом СССР М. Горбачёвым, консервативная группа руководства КПСС и республиканская политическая элита во главе с президентом РСФСР Б. Н. Ельциным.

Кардинальным поворотом в политической жизни российского общества стали события, развернувшиеся после августовского путча 1991 г., – запрет на деятельность КПСС, официальный отказ от коммунистической идеологии, курс на проведение радикальных политических и экономических реформ, распад СССР на пятнадцать отдельных независимых государств. В России пришли к власти политические силы, объявившие себя демократическими, но на самом деле весьма деконсолидированные, нередко противоречащие друг другу. Лидером этих сил стал Б. Н. Ельцин.

На этапе дестабилизации и неравновесия (1991–1993 гг.) очевидна политическая борьба двух политических групп с альтернативным пониманием политических ценностей «государство», «республика». Политические силы были представлены президентом России Б. Ельциным и Верховным Советом Российской Федерации. Соперники тяготели к монополю-авторитарному управлению и не стремились к нормативному разделению управленческих функций, используя непродуманность механизма взаимодействия исполнительной и законодательной властей. Ситуация осложнялась отсутствием Конституции, чёткого определения полномочий президента и парламента. Парламент тяготел к парламентской республике как форме правления, а президент Б. Н. Ельцин утверждал принципы построения президентской республики. В итоге институты власти не только не могли сотрудничать друг с другом, но даже выполнять свои властные функции.

На этапе дестабилизации и неравновесия политика, проводимая государством, подорвала доверие общества к власти. А поскольку эта политика декларировалась как «демократическая», то постепенно возрастал уровень антидемократических настроений. Так, в июне 1993 года по данным ВЦИОМ (Всероссийский центр изучения общественного мнения) 45% респондентов считали, что западная демократия несовместима с российскими традициями [4, 9]. Однако это не означает, что в России преобладают люди с недемократическим типом мировоззрения, человека подталкивают к таким оценкам действительности условия бытия.

Данный этап развития политической системы России заканчивается 3–4 октября 1993 года вооружённым конфликтом, в котором столкнулись сторонники Б. Н. Ельцина и сторонники Верховного Совета. Бои в Москве стали доказательством незрелости политической системы России и свидетельством антогонизма декларируемых либерально-демократических ценностей и реальных традиционно-авторитарных способов осуществления политической власти.

В декабре 1993 года была принята Конституция – начался новый этап развития российской политической системы – этап институализации и относительной стабильности. Данный этап, на наш взгляд, стал переходным от периода поиска оптимального варианта государственного устройства (1991–1993) к этапу консолидации российского социума вокруг президента России как гаранта стабильности (с 1999 г. по наши дни).

Отличительной чертой этапа институализации и относительной стабильности становится оформление институциональной подсистемы политической системы (президентские выборы и выборы в Федеральное собрание в 1996 году). Стоит отметить, что на данном этапе одну из главных ролей в принятии политических решений стали выполнять представители бизнес-элиты. Олигархи оказывали серьёзное непосредственное влияние и на президента,

и на исполнительную власть. При этом использовались нелегальные каналы политической коммуникации, а коррупционный механизм, разъедающий государственный аппарат. Кланово-олигархическая структура фактически подчинила своим интересам политическое управление. Б. Н. Ельцин потерял не только лидерские качества, но и не мог ничего противопоставить нарастающему отчуждению общества и власти. Средний индивид стал тяготеться воспоминаниями о социальных гарантиях советской политической системы, о былом материальном благосостоянии. Б. Н. Ельцин стал восприниматься как правитель, который отнял у обывателя благополучие. В 1998 года 4/5 опрошенных респондентов испытывали недоверие к президенту России Б. Н. Ельцину и к политической власти [5, 12].

При этом россияне сомневались, что демократические методы позволят вывести страну из кризиса, а 26,5% опрошенных высказались за установление диктатуры [6, 13]. Таким образом, в сознании россиян всё прочнее укреплялся тезис о несовместимости демократии с эффективностью власти. «Демократическая» власть не способна остановить всеислие олигархов, безостановочный рост преступности, победить коррупцию, навести элементарный порядок. А значит, по мнению части российского общества, эффективная и действенная власть – это «твёрдая рука и воля» правителя. Таким правителем во второй половине 90-х гг. XX в. Б. Н. Ельцин себя не смог зарекомендовать.

В этих условиях 31 декабря 1999 г. Б. Н. Ельцин снимает с себя полномочия главы государства. Исполняющим обязанности президента в соответствии с конституцией становится премьер-министр В. В. Путин.

Данное событие дало толчок последующему витку трансформации политической системы России – **этапу консолидации российского общества** вокруг президента. В. В. Путин, в отличие от своего предшественника, заботился о положительном имидже главы государства. В избирательной программе к президентским выборам 2000 г. В. В. Путин удачно объединил традиционные российские политические ценности (порядок, сильная государственность, стабильность) с либеральными – свобода, рынок, права человека. «Наша первая и главная проблема ... потеря государственной воли и настойчивости в доведении начатых дел ... Наша другая большая проблема – отсутствие твёрдых общепризнанных правил» [7, 3]. Объявив таким образом политические ориентиры развития российской государственности, В. В. Путин одержал победу, набрав на президентских выборах 26 марта 2000 г. почти 53% голосов избирателей.

Решительность, самостоятельность и настойчивость в политических действиях выгодно отличали В. В. Путина от Б. Н. Ельцина. В. В. Путин объявил о намерении вести борьбу с наследством ельцинского периода: практика разграбления природных ресурсов и национальных богатств, разрушение практики социальной солидарности, барьер между властью и социумом. Доказательством персонифицированной политической культуры являются данные социологических опросов: с одной стороны, ценностное сознание россиян культурно легитимирует массовый российский либерализм как способность граждан активно действовать в обществе с растущим числом степеней свободы [8, 87], с другой стороны, положительное отношение граждан к президенту связано с надеждой на то, что он сумеет справиться с проблемами России (43% опрошенных), ещё 34% респондентов доверяют В. В. Путину, поскольку больше не на кого положиться [9, 17].

Очевидно, что с приходом к власти президента В. В. Путина в российской политической системе всё больше приобретают демократические начала. Так, для России характерны свободные выборы, многообразие политических партий, движений, объединений, а также плюрализм мнений и идей и т. д. В период президентства В. В. Путина путь к построению демократической политической системе стал более реальным, что в частности проявляется в борьбе с российской олигархией, постепенном искоренении коррупционных чиновников и усилении демократического контроля, соблюдении конституции. Но при этом всё чётче прослеживается основание политической системы российского общества – элитизм, эгалитаризм (авторская позиция). Неразрешённой проблемой российского общества является то, что по своему содержанию позитивные демократические ценности, не апробированные на российской политической практике, приобрели негативный смысл из-за провалов радикально-либеральной политики Е. Гайдара. Демократические институты превратились в пособников государственно-бюрократических, властно-олигархических и преступных структур.

Выводы

Таким образом, в переходной политической системе России неорганично сочетаются признаки классических политических систем. Политической системе России свойственна антиномия: авторитаризм – демократия. С одной стороны, она антидемократична, так как закреплённая в конституции система власти и реальная повседневная практика функционирования этой системы приспособлена к объёмлющим функциям главы государства. С другой стороны, политическая система как бы демократична, поскольку включает основные элементы демократического управления и режима.

На каждом из рассмотренных этапов трансформации политической системы институты политической власти вступали в противоречие не только с формальными правилами политического процесса, но и декларируемыми политическими ценностями. Либеральные ценности, пришедшие в российскую общественную мысль и в политическую элиту на волне перестройки, синтезировались с традиционными политическими ценностями российской государственности и стали носить ярко выраженный персонифицированный характер.

Литература

1. Ильин, М. В. Слова и смыслы: Политика. Республика. Конституция. Отечество / М. В. Ильин / Полис. – 1994. – № 4. – С. 47–56.
2. Арон, Р. Этапы развития социологической мысли / Р. Арон. – М., 1993.
3. Согрин, В. Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачёва до Путина / В. Согрин. – М., 2001.
4. Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 1995. – № 2. – С. 2–11.
5. Левада, Ю. А. Комплексы общественного мнения / Ю. А. Левада // Социология. – 1998. – № 1. – С. 4–16.
6. Современное российское общество: переходный период / под ред. Н. И. Лапина. – М., 1998.
7. Путин, В. Открытое письмо к избирателям / В. Путин // Комсомольская правда. – 25 февр. – 2000. – С. 2–3.
8. Лапин, Н. И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России / Н. И. Лапин // Социс. – 2003. – № 6. – С. 85–91.
9. Левада, Ю. А. Рамки и варианты исторического выбора: несколько соображений о ходе российских трансформаций / Ю. А. Левада // Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации / Ю. А. Левада. – М., 2003.

Summary

The author of this article investigates the transformation in political system of Russia in post soviet period. He analyses the political values of Russian society, and its connection with the dynamics of political system in modern Russia.

Поступила в редакцию 19.01.09.

ТЭХНІЧНЫЯ НАВУКІ

УДК 534.8:535.5

В. С. Савенко

ЭЛЕКТРОПЛАСТИЧНОСТЬ ДВОЙНИКУЮЩИХСЯ МЕТАЛЛОВ

Установлены и проанализированы физические модели новых каналов реализации двойникового. Показано, что возбуждение двойникового в области двойниковых границ приводит к интенсивному размножению двойникоуших дислокаций и коллективному взаимодействию винтовых составляющих двойникоуших дислокаций с препятствием, что открывает новые каналы реализации двойникового.

Введение

Основными видами пластической деформации кристаллических тел являются скольжение и двойникование. Несмотря на то, что двойникование относится к основным видам деформирования кристаллов, в отличие от скольжения, данный вид пластической деформации изучен недостаточно полно, в то же время экспериментальные результаты по изучению двойникового подтверждаются открытием все новых явлений, протекающих при данном виде деформации [1]–[4].

В настоящее время внимание многих исследователей обращено на рассмотрение дислокационных механизмов при модификации физических свойств кристаллов. Это вызвано тем, что у подавляющего большинства материалов пластические свойства реализуются путем эволюции в них совокупностей дислокаций. В то же время имеется ряд материалов, таких, как, например, альфа-железо, кремнистое железо, цинк, бериллий и т. д., пластическая деформация в которых протекает путем реализации процесса двойникового.

Результаты исследования и их обсуждение

Реализация двойникового осуществляется в случае ориентационного запрета для обычного дислокационного скольжения, а также при больших скоростях нагружения и при низких температурах. Источниками генерирования двойникоуших дислокаций являются концентраторы напряжений, а развитие двойников осуществляется с большими скоростями, и последующие деформационные процессы на границах двойников часто приводят к разрушению материала. В связи с этим управление кинетикой контролируемого двойникового, для создания равномерной дислокационной структуры на границах двойников с целью снижения концентрации напряжений, предоставляет реальную возможность использовать двойникование как резерв повышения пластичности материала. С другой стороны, системы тонких двойников при последующей деформации будут создавать естественные препятствия для полных дислокаций, в связи с этим созданием в материале двойниковой структуры возможно эффективное упрочнение материала, что является самостоятельным способом и каналом упрочнения двойникоушихся металлов.

Электропластический эффект (ЭПЭ) обнаружен при действии одиночных импульсов тока плотностью $\sim 10^5$ А/см² и длительностью $\sim 10^{-4}$ сек. на деформацию кристаллов цинка растяжением и сжатием [5]. Он проявлялся в осцилляциях деформирующего усилия скачкообразных удлинений образцов при прохождении по ним каждого импульса тока без какого-либо существенного теплового эффекта и тепловой дилатации образцов.

Эффект не был связан с пондеромоторным пинч-действием импульсного тока, хотя следует отметить, что при определенных режимах плотности тока $j = 10^6$ А/см² и длительностью $\sim 10^{-4}$ сек. в образце генерируются упругие колебания кристаллической решетки по типу ультразвуковых за счет пинч-эффекта.

Электропластический эффект может действовать наряду с джоулевым эффектом в ставших уже традиционными способах обработки металлов давлением с участием электрического тока, таких как ЭКН (электроконтактный нагрев) и индукционный нагрев токами Фуко, где используется джоулевый эффект.

В работах [5]–[7] впервые наблюдались пики электропластического эффекта в виде резкого снижения сопротивления металлических кристаллов деформированию под влиянием тока высокой плотности в импульсном режиме. Эффект проявлялся в виде характерных сбросов деформирующего усилия на диаграммах растяжения или сжатия монокристаллов цинка или скачков деформации (рисунок 1). Обнаруженное явление было первоначально объяснено влиянием электрон-дислокационного взаимодействия на пластическую деформацию металла.

Однако в последующем при постановке ряда уточняющих экспериментов было показано, что изменение механических свойств кристаллов при пропускании по ним импульсов тока происходит с участием пинч-эффекта и, в меньшей мере, под влиянием теплового действия тока.

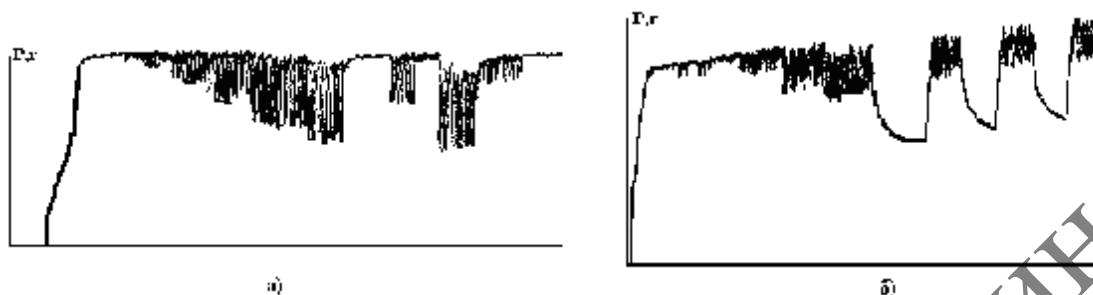
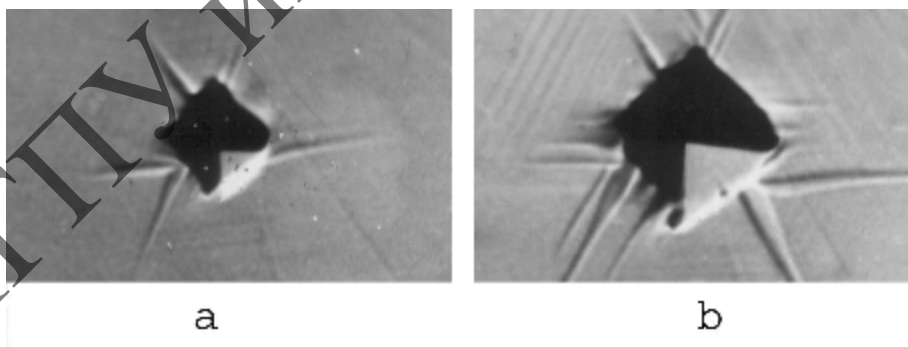

Рисунок 1 – Запись деформации кристаллов цинка с разверткой во времени изменения деформирующего усилия

Авторами [5]–[7] было установлено, что за один импульс тока величиной 1200 А/мм^2 кристаллы длиной в 15–16 мм увеличивались в длину на $3 \div 10 \text{ мкм}$. Максимальная остаточная деформация, возникающая при прохождении одной дислокации через кристалл, равна, как известно, параметру решетки $a = 2,66 \times 10^{-8} \text{ см}$, а деформация на $3 \div 10 \text{ мкм}$ в пересчете на действующий элемент скольжения кристаллов цинка $\langle 11\bar{2}0 \rangle (0001)$ соответствует выходу на поверхность кристаллов $10^4 \div 10^5$ дислокаций. Следовательно, каждый скачок деформирующего усилия был обусловлен выходом на поверхность кристалла десятков и сотен тысяч дислокаций, которые, как показали непосредственные микроскопические наблюдения, формировали свежие полосы скольжения. Таким образом, деформация кристаллов становилась в известной мере управляемой и дискретной.

При пропускании через металлические монокристаллы импульсов электрического тока с плотностью от $50\text{--}1000 \text{ А/мм}^2$ и длительностью 10^{-4} с наблюдается перераспределение деформации двойникованием в окрестностях концентраторов механических напряжений [4], [8]–[10].

Сравнение картин деформации с импульсом тока и без импульса показывает, что при совместном действии электрических и механических напряжений происходит стимулирование пластической деформации двойникованием. Увеличивается длина отдельных двойников, возникают новые двойники (рисунок 2). При сравнении были исключены все побочные факторы, которые могли бы повлиять на условия деформирования.

а – без импульса тока; б – с импульсом тока плотностью 600 А/мм^2 ;
(Нагрузка на индентор 10 г; $\times 530$)

Рисунок 2 – Деформирование кристаллов висмута сосредоточенной нагрузкой в одно и то же место

Одной из особенностей развития двойников, зарождающихся «в точке», является последовательность элементарных актов развития: при кратковременном действии нагрузки возникает тонкий двойник конечной длины, при увеличении времени действия индентора на кристалл наблюдается генерирование двойникоующих дислокаций и их трансляция по границам раздела без увеличения длины двойникового клина. Естественно, что перемещающиеся от устья к вершине двойникоующие дислокации могут встретить препятствие и образовать скопление.

При этом резко возрастает некогерентность двойниковых границ в плоскости (III) и внутренние напряжения могут привести к раскрытию трещин во вторичной плоскости спайности.

При пропускании импульса тока через кристалл во время деформации наблюдается новый вид взаимодействия винтовых двойникующих дислокаций с препятствием. Возбуждение электронной подсистемы образца приводит к интенсивному размножению двойникующих дислокаций на границах раздела и коллективному взаимодействию винтовых составляющих двойникующих дислокаций с препятствием. В результате возникает не наблюдавшееся ранее явление ветвления двойников [11]–[12].

В отсутствие внешних энергетических воздействий «ветвящиеся» двойники чаще зарождаются на двойниковых границах с малой степенью когерентности (рисунок 3). Искривление двойниковых границ вызвано избыточной концентрацией на них двойникующих дислокаций. Повышенная плотность дислокаций на двойниковой границе ведет к локализации на ней внутренних напряжений, источниками которых являются двойникующие дислокации. При этом в местах скопления дислокаций могут возникать напряжения, сравнимые по величине с порогом возникновения клиновидного двойника. Релаксация данных напряжений происходит через зарождение на двойниковой границе нового двойника, который развивается в новом энергетически выгодном направлении (рисунок 3).

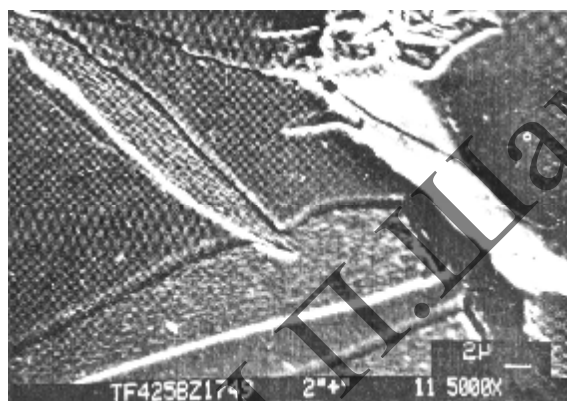

Рисунок 3 – Зарождение двойника на двойниковой границе с малой степенью когерентности

Отметим, что в монокристалле висмута при деформировании плоскости спайности (111) сосредоточенной нагрузкой двойники могут развиваться в трех направлениях $[101]$, $[\bar{1}01]$, $[10\bar{1}]$ (фактор Шмидта 0.48). Поэтому если «материнский» двойник развивался в направлении $[101]$, то «дочерний» двойник может развиваться только в направлении $[\bar{1}01]$ или $[10\bar{1}]$.

Причиной избыточной концентрации частичных двойникующих дислокаций на определенных участках двойниковых границ могут служить стопоры в виде неоднородностей структуры кристаллической решетки либо в виде скопления полных дислокаций (рисунок 4). В последнем случае «дочерний» двойник может возникать в результате расщепления полных дислокаций на частичные двойникующие.

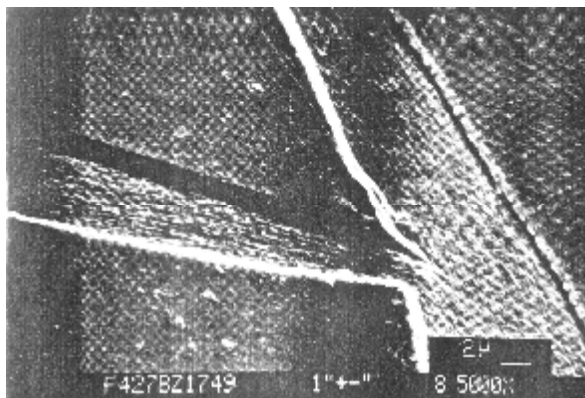

Рисунок 4 – Ветвление двойника у стопора

На рисунке 5 показан случай, когда ветвление двойника произошло в результате наличия препятствия на пути трансляции двойникоующих дислокаций. Об этом свидетельствует закругленная вершина двойника. Для объяснения данного случая воспользуемся картиной полей напряжений у клиновидного двойника (рисунок 6), которая получена в предположении того, что двойниковая граница состоит из полных, а не из частичных дислокаций. Поля напряжений вокруг скопления таких дислокаций, имеющего вид клина, можно рассчитать по формуле

$$\sigma_{xy} = \frac{Gb}{2\pi(1-\nu)} \left\{ \sum_{n=1}^{N_1} \frac{(x+nd)[(x+nd)^2 - (y+nh)^2]}{[(x+nd)^2 + (y+nh)^2]^2} + \sum_{n=1}^{N_2} \frac{(x+nd)[(x+nd)^2 - (y-nh)^2]}{[(x+nd)^2 + (y-nh)^2]^2} \right\},$$

где σ_{xy} – скалывающие напряжения,

b – модуль вектора Бюргерса,

G – модуль сдвига,

ν – коэффициент Пуассона,

n – индекс суммирования,

N_1 и N_2 – число дислокаций на двойниковых границах.

В нашем случае при компьютерном построении кривых, представленных на рисунке 6, было принято $N_1 = N_2 = 10$.

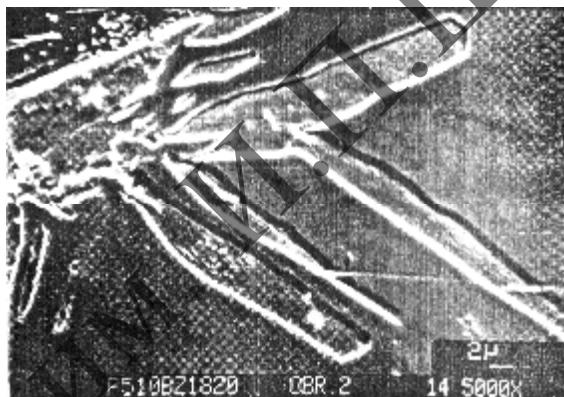

Рисунок 5 – Ветвление двойника в результате наличия препятствия на пути трансляции двойникоующих дислокаций

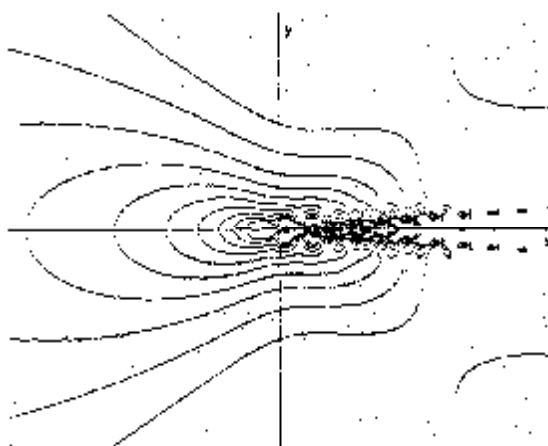

Рисунок 6 – Поля напряжений у клиновидного двойника

На рисунке 6 видно, что напряжения увеличиваются с приближением к двойниковой границе, более того у вершины двойника они имеют такой же порядок, что и у непосредственной близости двойниковой границы, но на расстоянии в два-три раза большем. В результате при наличии стопоров на пути движения клиновидного двойника происходит перераспределение напряжений у его вершины таким образом, что величина их проекций на новое направление двойникового становится сравнимой с пороговым значением возникновения двойника.

Описанные явления свидетельствуют о дополнительной возможности пластификации механически двойниующихся материалов при создании в процессе деформирования условий, благоприятных для размножения двойниующих дислокаций. Такие условия можно создать, пропуская через материал импульсы тока большой плотности во время деформирования. При этом релаксация внутренних напряжений, возникающих у дислокационных скоплений на границах раздела, может происходить не только за счет образования новых двойников, в результате чего увеличивается резерв пластичности и уменьшается вероятность хрупкого разрушения, но и в результате частичного раздвойникового.

Литература

1. Троицкий, О. А. Электропластическая деформация металлов / О. А. Троицкий // Письма в ЖТФ. – 1969. – № 10. – С. 18–22.
2. Okazaki, K. Электромеханический эффект в металлах / K. Okazaki, M. Kagawa, H. Conrad // Ser. Met. – 1978. – № 12. – С. 1063.
3. Okazaki, K. Электромеханический эффект в металлах / K. Okazaki, M. Kagawa, H. Conrad // Ser. Met. – 1978. – № 13. – С. 1063.
4. Савенко, В. С. Новые каналы реализации механического двойникового / В. С. Савенко // Письма в ЖТФ – 1998. – Т. 24. – № 9. – С. 43–49.
5. Савенко, В. С. Двойникование монокристаллов висмута, облученных ионами бора / В. С. Савенко // Письма в ЖТФ. – 1998. – Т. 24. – № 8. – С. 1–9.
6. Savenko, V. Electroplastic effect under the simultaneous superposition of electric and magnetic fields / V. Savenko // Journal of applied physics. – 1999. – № 5. – P. 1–4.
7. Савенко, В. С. Двойникование монокристаллов висмута, облученных ионами углерода / В. С. Савенко, О. М. Остриков // Весці НАН Беларусі. Сер. фізико-математических наук. – 1998. – № 2 (деп. № 35 В98).
8. Савенко, В. С. Распределение примесей у двойниковой границы / В. С. Савенко, О. М. Остриков, В. В. Углов // Весці НАН Беларусі. Сер. фізико-математических наук. – 1998. – № 2 (деп № 33 В98).
9. Savenko, V. Plastification of Bismuth Crystal under Simultaneous Superposition of Electric and Magnetic Fields / V. Savenko // Zeitschrift für METALLKUNDE. – Munchen. – 1998. – № 7. – P. 498–500.
10. Савенко, В. С. К вопросу о двойниковании монокристаллов висмута, облученных ионами циркония / В. С. Савенко, О. М. Остриков, В. В. Углов // Металлы. – 1999. – № 4. – С. 115–118.
11. Савенко, В. С. Эволюция ансамблей клиновидных двойников в монокристаллах висмута, облученных ионами углерода и циркония / В. С. Савенко, О. М. Остриков, В. В. Углов // Кристаллография. – 1999. – Т. 44. – № 6. – С. 1–6.
12. Савенко, В. С. Механическое двойникование металлов в условиях внешних энергетических воздействий / В. С. Савенко. – Минск : «Технопринт», 2000. – 218 с.
13. Савенко, В. С. Электропластичность двойниующихся материалов / В. С. Савенко // Фундаментальные проблемы современного материаловедения. – 2007. – Т. 4. – № 1. – С. 114–118.
14. Савенко, В. С. Упрочнение при электропластической деформации кристалла висмута / В. С. Савенко // Металловедение и термическая обработка металлов. – 2007. – № 3. – С. 54–56.

Summary

Processing of metals by pressure has wide application in the industry and is based on use of characteristic for metals of plasticity property. Plasticity of a material is one of the major characteristics in manufacturing wires from copper, aluminum, tungsten.

Поступила в редакцию 04.02.09.

БІБЛІЯГРАФІЯ

М. А. Дыгун, Е. П. Дыгун, О. С. Муравьева, Л. В. Цалко
*Рабочая тетрадь для практических занятий по общей психологии
 для студентов педагогических специальностей вузов*

Дыгун, М. А.

Рабочая тетрадь для практических занятий по общей психологии для студентов педагогических специальностей вузов / М. А. Дыгун, Е. П. Дыгун, О. С. Муравьева [и др.]; под общ. ред. М. А. Дыгуна. – Минск : Жаскон, 2007. – 148 с.

ISBN 978-985-6797-54-8.

Данное пособие предлагается использовать вместе с «Практикумом по общей психологии для студентов педагогических специальностей вузов». Оно поможет оптимизировать и повысить эффективность работы студентов на практических занятиях по общей психологии. Содержит информацию о целях и задачах каждого занятия, списки рекомендуемой литературы, раздаточный материал, бланковые формы. Адресовано студентам вузов, обучающимся по педагогическим специальностям.

УДК 159.9(076.5)(075.8)

ББК 88.5я73

В. В. Шур

Уласныя імёны ў часе і прасторы

Шур, В. В.

Уласныя імёны ў часе і прасторы / В. В. Шур. – Минск : НІА, 2008. – 100 с.

ISBN 978-985-412-6.

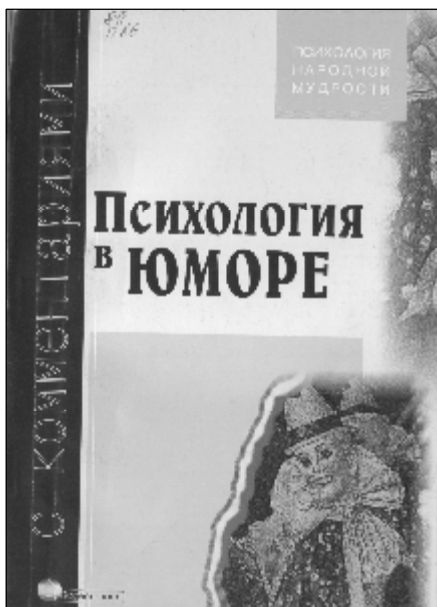
Уласныя імёны складаюць значную частку нашага слоўніка, даволі часта ўжываюцца ў вуснай і пісьмовай мовах. Асабовыя імёны і прозвішчы, мянушкі і псеўданімы, назвы паселішчаў і вуліц, рэк і пушчаў, планет і сузор'яў... Іх колькасць нават не паддаецца ўліку. У прапануемым чытачу выданні на багатым фактычным матэрыяле разглядаюцца функцыянальныя і моўныя своеасаблівасці ўласных імёнаў, іх функцыі ў мастацкіх тэкстах.

Адрасуецца школьнікам і ўсім тым, хто цікавіцца беларускай культурай.

УДК 811.161.3'373.2(075.3)

ББК 81.2 Бей-3я721

Т. Н. Бендега, М. А. Дыгун, С. Н. Жеребцов
Психология в юморе с комментариями

Психология в юморе с комментариями / сост.: Т. Н. Бендега, М. А. Дыгун, С. Н. Жеребцов. – Мозырь : Содействие, 2007. – 124 с. – (Серия «Психология народной мудрости»).

ISBN 978-985-6850-11-3.

В книге представлены афоризмы, карикатуры, забавные истории и другие юмористические произведения, которые связаны с различными проявлениями психологических особенностей людей в общении, в профессиональной деятельности, в отношении к своей судьбе и к самому себе. Для удобства материал сгруппирован в четыре раздела: «Человек и судьба», «Человек и внутренний мир», «Человек среди других», «Человек и дело». Каждый раздел включает тематические блоки с комментариями.

Собранный материал может быть полезен психологам, педагогам, всем тем, кто заинтересован в самопознании и саморазвитии, кто стремится к духовному росту.

УДК 159.9

ББК 88

О. В. Липская, Н. М. Кособуцкая, С. Б. Кураш,
Т. Н. Бендега, М. А. Дыгун
Психология в стихах и прозе с комментариями

Психология в стихах и прозе с комментариями / сост.: О. В. Липская, Н. М. Кособуцкая, С. Б. Кураш [и др.]. – Мозырь : Содействие, 2007. – 136 с. – (Серия «Психология народной мудрости»).

ISBN 978-985-6850-12-0.

В книге собраны стихотворения и небольшие отрывки из ряда художественных произведений, в которых затрагиваются темы, связанные с проблемой познания души человека. Для удобства материал сгруппирован в четыре раздела: «Человек и судьба», «Человек и внутренний мир», «Человек среди других», «Человек и дело». Каждый раздел включает тематические блоки, сопровождаемые комментариями.

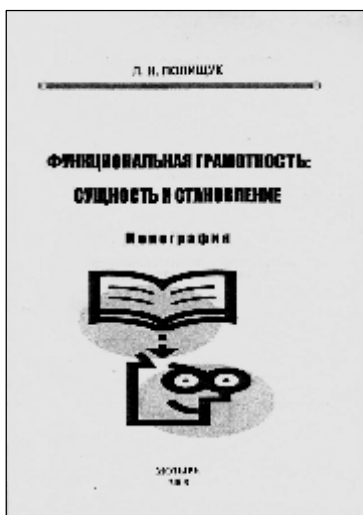
Адресована психологам, педагогам, всем тем, кто заинтересован в самопознании и саморазвитии, кто стремится к духовному росту.

УДД 159.9

ББК88

РЭЦЭНЗІЯ

Рецензия на монографию Л. Н. Полищук
«Функциональная грамотность: сущность и становление». –
Мозырь : УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2008. – 213 с.

Монография Л. Н. Полищук посвящена проблеме формирования функциональной грамотности технологического типа как основы профессионального самоопределения учащихся средних специальных учебных заведений технического профиля. Актуальность данного издания обуславливается необходимостью обоснования стратегии формирования функционально грамотных специалистов для нашей республики. Выпускники профессиональных училищ должны быть подготовлены к профессиональному росту, к возможности занять подобающее место на рынке труда. Успешность в производственной деятельности специалиста немыслима без его сознательного профессионального самоопределения, без сформированной функциональной грамотности. Профессиональное самоопределение учащихся зависит от решения социальных, дидактических, организационных и других проблем. Функциональная грамотность, являясь стартовой основой для развития профессиональных способностей учащихся, положительно влияет на выбор профессии, на мотивацию учения.

Представленная монография содержит введение, две главы, заключение, список использованных источников и приложения.

Во введении автор раскрывает актуальность проблемы формирования функциональной технологической грамотности для повышения эффективности процесса профессионального становления учащихся в процессе овладения будущей профессией (специальностью) на основе модернизации процесса их профессионального самоопределения.

В первой главе монографии представлена серьезная аналитическая работа, систематизированы основные характеристики функциональной грамотности, выделен такой тип функциональной грамотности, как технологический, выявлена взаимосвязь процессов формирования функциональной грамотности и профессионального самоопределения, приведены теоретические и методологические аргументы необходимости разработки дидактической системы формирования функциональной грамотности как основы профессионального самоопределения учащихся.

Весьма важной является вторая глава монографии, где Л. Н. Полищук предьявляет научно обоснованную, методически обеспеченную и экспериментально проверенную разработку дидактической системы формирования функциональной грамотности технологического типа, включающую в себя взаимосвязанные учебный материал и педагогическую технологию (статический и процессуальный компоненты).

Большой интерес представляют приложения, в которых представлены структура учебного модуля «Основы функциональной технологической грамотности», его структурная схема, технологический план-график и блок-конспект вышеобозначенного модуля.

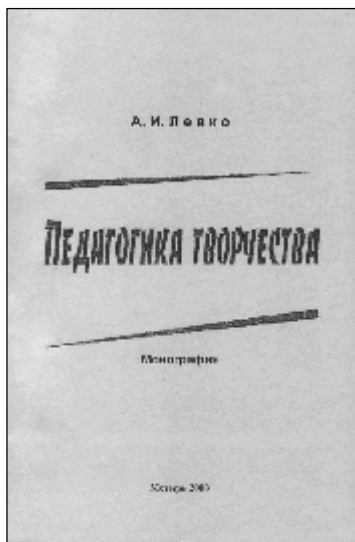
Современный подход автора к проблеме формирования функциональной технологической грамотности направлен на позитивные изменения профессионального самоопределения учащихся. Этому в особой мере способствуют идея и содержание блок-конспекта, реализующиеся через систему текстов, заданий, структурно-логических схем, ячеек, иллюстраций и технологических карт.

Герменевтический анализ текста монографии позволяет констатировать, что предлагаемая автором дидактическая система представляет несомненный интерес для различных сфер образовательной практики: при подготовке учащихся к профессиональному самоопределению в начальный период профессионального обучения; при подготовке работников и специалистов систем ССО и ПТО в процессе повышения квалификации, при планировании и проектировании педагогической деятельности, при отборе и структурировании содержания учебной дисциплины «Введение в специальность», выборе методов и средств обучения и др.

Рецензент:

А. П. Сманцер, доктор педагогических наук,
профессор кафедры педагогики и проблем развития образования БГУ

**Рецензия на монографию А. И. Левко
«Педагогика творчества». –
Мозырь : УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2008. – 247 с.**

В современном периоде общественного развития педагогическая наука занимает особое место среди гуманитарных наук. Наряду с научной педагогикой существуют и в какой-то мере развиваются народная и религиозная педагогики, которые к науке вряд ли можно отнести. Да и относительно применяемых сегодня педагогической наукой принципов и методов нет единого мнения. Достаточно обратиться к дискуссии относительно проблем современной педагогической науки и перспектив ее развития, которая была развернута на страницах журнала «Адукацыя і выхаванне» в 2005–2005 гг., чтобы убедиться, что нерешенных проблем здесь более чем достаточно. И одной из таких выступает проблема педагогического творчества. По ряду причин педагогическое творчество до сих пор остается мало исследованным. Пожалуй, монография А. И. Левко является одной из немногих педагогических работ на советском и постсоветском пространстве (с таким названием), наряду с монографиями В. И. Загвязинского (М. : Педагогика, 1987. – 160 с.) и В. А. Кан-Калик, Н. Д. Никандров (М. : Педагогика, 1990. – 134 с.).

Из отечественных ученых-педагогов и психологов так или иначе данной проблемы касаются Н. Ф. Вишнякова, А. И. Кочетов, Н. В. Кухарев, В. Н. Наумчик, В. П. Пархоменко, В. С. Решетько и ряд других исследователей. Автор рецензируемой рукописи не только не повторяет основные положения уже известных разработок по данной теме, но предлагает совершенно иной парадигмальный подход. Основную проблему педагогической науки он усматривает в некритическом использовании ею принципов и методов естествознания и абстрагировании от социально-культурной проблематики. Поэтому, по его мнению «... из всех отечественных наук педагогика больше всех поражена “вирусом” позитивизма, основанного на абстрактном теоретизировании и эмпиризме. В ней педагогический эксперимент является лишь некой видимостью связи с реальной жизнью, своеобразной ширмой, за которой скрывается богатство педагогической практики, связь с культурой народа, реальной его жизнью».

Характерной особенностью рецензируемой рукописи является, *во-первых* то, что ее автор на протяжении многих лет исследует социально-культурную сущность образования. В своих научных работах он касается всех уровней образования, начиная от дошкольных учреждений и кончая аспирантурой и докторантурой. *Во-вторых*, он является не только теоретиком, но и педагогом-практиком. На протяжении ряда лет работает в качестве профессора различных кафедр ведущих вузов страны: БГУ, БГПУ им. М. Танка, БУК, МГПУ, Академии МВД и других. *В-третьих*, он обладает многосторонними знаниями в различных областях науки. В различных вузах республики читал и читает курс философии, социологии, педагогики, этики, политологии и т. д. Является автором учебных пособий по социальной педагогике, социологии права, этике и другим гуманитарным и общественным наукам. *В-четвертых*, в отличие от большинства других исследователей педагогики творчества, за основу им берется не существующая педагогическая теория, а педагогическая практика, рассматриваемая как разновидность социально-культурной практики действительности.

Все эти личностные и профессионально значимые особенности автора рецензируемой рукописи монографии так или иначе отражаются в ее содержании, которое состоит из трех основных глав.

В первой главе «Проектная и адаптационная сущность педагогической практики: сравнительно-исторический анализ» рассматриваются адаптационная и эмансипационная составляющие педагогической практики, история ее становления и развития. Здесь же анализируется социокультурная парадигма образования как основа эмансипационной педагогики и дается сравнительный анализ адаптационной и эмансипационной педагогики.

Во второй главе «Социокультурные истоки творчества и их осмысление в педагогической теории и практике» раскрываются тайны творчества и основные направления их разгадки; дается теоретико-методологический анализ догматической педагогики и педагогики творчества, рассматриваемых как антиподы. Анализируются проблемы творчества в современной

образовательной школе и основные направления ее реформы. Творчество и педагогическое мастерство рассматриваются в свете цивилизационного и культуросообразного подходов к воспитанию и образованию. При этом творчество напрямую связывается автором с гражданской активностью личности и рассматривается им как идеологический ориентир и показатель качества образования.

В третьей главе «Педагогика творчества как разновидность социально-культурной деятельности» дается анализ социально-культурной деятельности как философской и педагогической категории, и с этой позиции классно-урочная система рассматривается через призму ее социально-культурных составляющих. Анализируется также социально-культурная сущность информационного воздействия средств массовой информации и их педагогические возможности, конфликт инновационной и традиционной деятельности как исходный пункт при разработке педагогических технологий.

Педагогика творчества в монографии рассматривается как критерий эффективности системы образования. Социологизм и педоцентризм – как основные препятствия на пути к педагогике творчества. Разрешение усмотренных автором в процессе исследования проблем видится через разработку идеологии образования, роль которой является определяющей. Однако идеология, по мнению профессора А. И. Левко, выражает не «логос», не теорию, а веру в соответствующие ценности и возможности их достижения. Без педагогического идеала, считает он, педагогики нет и быть не может. «То есть педагогика изначально ориентирована не на отражение того, что уже есть, а на то, что возможно в будущем и как бы заключено в человеке потенциально. Она призвана сделать из ребенка человека, вначале по образу и подобию Божию, а затем в соответствии с ценностями и нормами общества, его идеологией».

Проблема педагогического идеала и ее связь с педагогическим творчеством рассматриваются в рецензируемой монографии в теоретико-историческом плане. Автор считает, что «творчество педагога всегда протекает в определенном социальном пространстве и социальном времени, которые диктуют ему в качестве неотложных задач соответствующую идеологию педагогического поиска». При этом он развивает и углубляет уже имеющиеся разработки педагогического творчества В. А. Кан-Калика, Н. Д. Никандрова, А. И. Кочетова, В. П. Пархоменко и других педагогов, критически переосмысливая их. Особое внимание уделяется социально-культурным основаниям педагогического идеала и духовному детерминизму как важнейшим предпосылкам педагогического творчества.

Несомненным достоинством рецензируемой монографии является то, что основные ее теоретические положения уже апробированы не только на страницах научно-теоретических и научно-методических периодических изданий, но и в ходе выполнения таких научных проектов, как международный проект экспериментального центра начального образования «Фальварак», «Тенденции и эффективность реформационных процессов в национальной системе образования», и других. Проблема педагогического творчества являлась темой многочисленных докладов автора на международных и других научно-теоретических и научно-практических конференциях и симпозиумах.

Образование, по мнению автора, призвано решать двуединую задачу: социализации и индивидуализации или формирования творческой личности. Однако в силу ряда причин акцент сегодня делается лишь на решении первой задачи, что серьезно снижает качество образования. Как учитываются эти требования на уровне педагогической теории и практики? Какова природа этой практики и как она соотносится с практикой социально-культурной? Что позволяет не только включать ребенка в культуру, но и превращать его в творца новых культурных ценностей? Ответом на эти и целый ряд других нерешенных еще вопросов и проблем педагогики и является предлагаемая вниманию читателей монография доктора социологических наук, профессора А. И. Левко.

Работа рассчитана на широкий круг читателей, профессионально занимающихся педагогической деятельностью или подготовкой к ней. Известный интерес она может иметь и для родителей, озадаченных проблемой образования своих детей. Однако в первую очередь она должна заинтересовать тех, кто профессионально занимается педагогической наукой или готовится приобщиться к ней, но в особой мере – управленцев образования и членов Правительства.

Рецензент:

*Б. В. Пальчевский, доктор педагогических наук, профессор,
заведующий отделом проектирования образовательных систем
НМУ «НИО» МО РБ*

ХРОНІКА**Основные результаты научной деятельности за 2008 год**

25 января 2009 года научная общественность Республики Беларусь отметила свой профессиональный праздник – День белорусской науки. В УО МГПУ им. И. П. Шамякина состоялось традиционное торжественное собрание, на котором были подведены научные итоги прошедшего года.

В 2008 году университет являлся исполнителем 8 заданий, которые входят в 5 Государственных научно-исследовательских программ различного уровня: фундаментальных, комплексных и ориентированных фундаментальных. Выполнен 1 проект по целевому финансированию Министерства образования (грант выполнялся магистрантом В. Ю. Бойко).

С 2007 года университет являлся головной организацией по региональной программе научных исследований по проблемам истории, культуры и экологии Мозырско-Припятского Полесья «Полесье-2007». В рамках данной программы успешно выполнены 13 проектов, 5 из которых – сотрудниками университета. Из средств Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований финансировались 5 НИР, из них 1 НИР – в рамках Международного конкурса «НаукаМС», 1 НИР – в рамках конкурса «Наука» и 3 – в рамках конкурса молодых ученых «Наука-М». 2 НИР выполнены в рамках Республиканской программы «Комплексная информатизация системы образования Республики Беларусь на 2007–2010 годы» (головная организация – «Главный информационно-аналитический центр Министерства образования Республики Беларусь»).

Ученые университета активно сотрудничают с предприятиями Республики Беларусь: с ОАО «Мозырский нефтеперерабатывающий завод», с Рогачевским заводом «Диaproектор», с ИЧПУП «УкрБелЛина», с ООО «СКТ Стройлес». Всего выполнялось 5 хозяйственных работ.

В 2008 году сотрудниками университета были защищены 6 кандидатских диссертаций. Учёными университета опубликовано 940 работ, в том числе 6 учебников и 8 монографий.

Студенты университета также принимали активное участие в научно-исследовательской работе. На ежегодный Республиканский конкурс студенческих научных работ были представлены 34 работы. По предварительным результатам 22 работы удостоены категорий: 1 работа – первой категории, 6 – второй, 15 – третьей.

В 2008 году на базе учреждения образования «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина» было проведено 5 международных и 1 республиканская научно-практические конференции.

Осуществляется международное сотрудничество. Так, в 2008 году было заключено 5 договоров о творческом сотрудничестве: с Казахским агротехническим университетом им. С. Сейфуллина (Казахстан), с Ульяновским институтом повышения квалификации и переподготовки работников образования (Россия), с Институтом педагогического образования Николаевского государственного университета имени В. О. Сухомлинского (Украина), с Нежинским государственным университетом имени Николая Гоголя (Украина), с Горловским государственным педагогическим институтом иностранных языков (Украина).

2008 год был успешным не только для расширения научных, но и культурных связей региона со странами ближнего и дальнего зарубежья. На базе кафедры русского языка при содействии посольства РФ в Республике Беларусь открыт центр русистики.

По итогам года преподаватели и сотрудники университета, достигшие высоких результатов в научной деятельности, были награждены грамотами и благодарностями.

АЎТАРЫ НУМАРА

Валетов Валентин Васильевич	доктор биологических наук, профессор, ректор УО МГПУ им. И. П. Шамякина
Третьяков Дмитрий Иванович	кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории флоры и систематики ГУО «Института экспериментальной ботаники им. Н. А. Купревича» НАН Беларуси
Бахарев Виктор Александрович	кандидат биологических наук, доцент кафедры биологии УО МГПУ им. И. П. Шамякина
Лебедев Николай Александрович	кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, декан биологического факультета УО МГПУ им. И. П. Шамякина
Гуменный Виталий Станиславович	заместитель директора Гродненской областной гимназии № 1 им. акад. С. Н. Карского
Луполова Татьяна Анатольевна	кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, доцент кафедры природопользования и охраны природы УО МГПУ им. И. П. Шамякина
Тюлькова Елена Григорьевна	аспирант кафедры экологии УО «ГГУ им. Франциска Скорины», ассистент кафедры товароведения продовольственных товаров УО «БТЭУ ПК». Научный руководитель – кандидат биологических наук, доцент, заведующий кафедрой экологии УО «ГГУ им. Франциска Скорины» А. Н. Кусенков
Барсук Алена Яўгенаўна	кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі і МПГ УА МДПУ імя І. П. Шамякіна
Бирюков Алексей Викторович	старший преподаватель кафедры всеобщей истории УО «МГУ им. А. А. Кулешова»
Калачова Ірына Іванаўна	кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дактарант ДНУ «ІМЭФ імя Кандрата Крапівы НАН Беларусі»
Кажновіч Віктар Адамавіч	аспірант кафедры гісторыі Расіі БДУ. Навуковы кіраўнік – кандыдат гістарычных навук, прафесар, загадчык кафедрай гісторыі Расіі БДУ А. А. Яноўскі
Козленко Алексей Владимирович	старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин УО «Минский институт управления»
Лавринович Дмитрий Сергеевич	кандидат исторических наук, доцент, декан факультета иностранных языков, ученый секретарь Совета УО «МГУ им. А. А. Кулешова»

- Савченко Наталья Михайловна преподаватель кафедры английского, общего и славянского языкознания УО «МГУ им. А. А. Кулешова»
- Трегуб Вениамин Александрович ассистент кафедры социально-гуманитарных наук УО МГПУ им. И. П. Шамякина, аспирант кафедры философии и методологии наук ГУО «РИВШ». Научный руководитель – доктор политических наук, профессор ГУО «РИВШ» С. В. Решетников
- Архипова Елена Владимировна аспирант кафедры лексикологии английского языка УО «МГЛУ». Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лексикологии английского языка УО «МГЛУ» А. П. Клименко
- Зелепуго Дарья Викторовна аспирант кафедры культуры речи и межкультурных коммуникаций УО «БГПУ им. Максима Танка». Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой культуры речи и межкультурных коммуникаций УО «БГПУ им. Максима Танка» И. П. Кудреватых
- Подберезская Юлия Александровна аспирант кафедры культуры речи и межкультурных коммуникаций УО «БГПУ им. Максима Танка». Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой культуры речи и межкультурных коммуникаций УО «БГПУ им. Максима Танка» И. П. Кудреватых
- Пузан Любовь Владимировна кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого языка и МПИЯ УО МГПУ им. И. П. Шамякина
- Соболевская Наталья Леонидовна аспирант кафедры современного русского языка УО «БГПУ им. Максима Танка». Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор, декан факультета русской филологии УО «БГПУ им. Максима Танка» В. Д. Стариченок
- Шур Васіль Васільевіч доктар філалагічных навук, прафесар, загадчык кафедры беларускага мовазнаўства УА МДПУ імя І. П. Шамякіна
- Авилкина Жанна Николаевна аспирант кафедры методики преподавания иностранных языков УО «МГЛУ», преподаватель английского языка УО «РГПК». Научный руководитель – кандидат педагогических наук, декан переводческого факультета УО «МГЛУ» А. П. Пониматко
- Анисимов Валерий Иванович доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы УО МГПУ им. И. П. Шамякина

Дедковская Елена Григорьевна	старший преподаватель, заместитель декана факультета ДиНО УО МГПУ им. И. П. Шамякина по информационно-воспитательной работе
Дронь Михаил Иванович	кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогического мастерства ГУО «РИВШ», главный ученый секретарь Международного общества ученых технического образования
Калач Лариса Александровна	кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры практической психологии и дефектологии УО МГПУ им. И. П. Шамякина
Рева Валентин Павлович	кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой методики музыкального воспитания УО «МГУ им. А. А. Кулешова»
Чечко Татьяна Николаевна	ассистент русской и зарубежной литературы УО МГПУ им. И. П. Шамякина
Шорец Виктория Владимировна	старший преподаватель кафедры практической психологии и дефектологии УО МГПУ им. И. П. Шамякина
Савенко Владимир Семенович	доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой общей физики и методики преподавания физики УО МГПУ им. И.П. Шамякина

МГПУ ИМ. И. П. ШАМЯКИНА

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Статьи объемом не менее 0,35 авторского листа (14 000–20 000 печатных знаков, включая пробелы между словами, знаки препинания, цифры и др.) на русском (белорусском) языке в одном экземпляре направляются простым (заказным) письмом по адресу: 247760 Гомельская обл., г. Мозырь, ул. Студенческая, 28. Текст должен быть набран на компьютерной технике (Word 97, 2000, 2003 for Windows); шрифт Times New Roman, 14 pt; одинарный межстрочный интервал; абзацный отступ 1,27 см; подписи к фотоснимкам, графикам, рисункам, диаграммам набирать шрифтом Times New Roman.

2. В левом верхнем углу размещается индекс УДК.

3. Через 1 интервал в центре страницы помещаются инициалы и фамилия автора (авторов).

4. Далее через 1 интервал заглавными буквами без переносов печатается название статьи, которое должно отражать основную идею выполненного исследования, быть по возможности кратким, содержать ключевые слова, позволяющие индексировать данную статью.

5. Ниже через один интервал печатается аннотация (до 10 строк) на русском (белорусском) языке, которая должна ясно излагать содержание статьи; далее через 1 интервал после абзацного отступа печатается текст статьи, имеющий следующую структуру: *введение*; *результаты исследования и их обсуждение*, включающие графики и другой иллюстративный материал при их наличии; *выводы*, завершаемые четко сформулированными результатами. В статье могут быть включены *цель и методы исследования*.

6. Термины, основные понятия, языковой материал для анализа или в качестве примеров печатаются жирным шрифтом.

7. Поля – левое, правое, нижнее, верхнее – по 25 мм.

8. К статье прилагаются:

а) сведения об авторе (фамилия, имя, отчество полностью; учёная степень и звание, место работы, должность, адрес для переписки, рабочий и домашний номера телефонов, для аспирантов – сведения о научном руководителе);

б) рекомендация кафедры, научной лаборатории или учреждения образования (выписка из протокола заседания);

в) заверенная печатью рецензия специалиста в данной области с ученой степенью;

г) резюме на английском языке;

д) перечень принятых обозначений и сокращений;

е) электронный вариант статьи на дискете 3,5" (CD-RW, DVD и т. д.).

9. Список цитированных источников представляется по правилам оформления библиографического списка диссертаций.

Например:

1. Котаў, А. І. Гісторыя Беларусі і сусветная цывілізацыя / А. І. Котаў. – 2-е выд. – Мінск : Энцыклапедыкс, 2003. – 168 с.

2. Шакун, Н. С. Кірыла-Мяфодзіўская традыцыя на Тураўшчыне (да праблемы лакальных тыпаў старажытна-славянскай мовы) : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.03 / Н. С. Шакун ; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2005. – 16 с.

3. Бандаровіч, В. У. Дзеясловы і іх дэрываты ў старабеларускай музычнай лексіцы / В. У. Бандаровіч // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2004. – № 2. – С. 49–54.

4. Козулько, Г. Беловежская пуца должна стать мировым наследием / Г. Козулько // Беловежская пуца – XXI век [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа : <http://bp21.org.by/ru/art/a041031.html>. – Дата доступа : 02.02.2006.

5. Инвентарное описание Несвижского замка князя Л. Радзивилла // Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 694. – Оп. 1. – Д. 109 : в 2 ч. – Ч. 1. – 12 л.

Список располагается в конце текста под заголовком «Литература».

10. Ссылки нумеруются согласно порядку цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок записываются внутри квадратных скобок (например: [1], [2]). Внутри скобки после порядкового номера ссылки, через запятую, без употребления *с.* или *стр.*, цифрой (или цифрами) указывается страница (или страницы) приведенной цитаты (например: [3, 14], [5, 10–11]).

Подробнее о требованиях к оформлению научной статьи см.: ИНСТРУКЦИЯ по оформлению диссертации, автореферата и публикаций по теме диссертации. УТВ. Постановление президиума государственного Высшего аттестационного комитета Республики Беларусь 24.12.1997 № 178 (в редакции постановления Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 22.02.2006 № 2).

11. Одним из основных условий опубликования работы является *независимая* экспертиза поступающих рукописей, которую проводит редакционная коллегия издания. Основными критериями при оценке являются новизна, актуальность и информативность материала. Если по рекомендации рецензента рукопись возвращается на доработку, то при повторном рассмотрении редколлекцией датой поступления считается день предоставления исправленного варианта.

Редакция также оставляет за собой право отклонить статью и не вести дискуссию по мотивам отклонения, если значительная часть ее содержания не соответствует профилю журнала.

Вне очереди публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, подготовленные ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Редколлегия

E-mail: vesnik_mgpu@mail.ru

Тел.: 8(02351) 2-46-29